С 91(98)
Г 839

А. ГРИЛИ

ТРИ ГОДА В АРКТИКЕ

97191

СЕВМОРПУТИ · 1935 · ЛЕНИНГРАД

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

Колич. предыд. выдач.

Зак. 594

С 91(98)04
Г839

ПОЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА

АДОЛЬФ ГРИЛИ

ТРИ ГОДА В АРКТИКЕ

1881 — 1884

1948

97191.

Перевод с английского
под редакцией В. К. Есипова

Кабинет Севера.

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

АРХАНГЕЛЬСК
Краевая Библиотека
ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР ГОСУДАРСТВЕННОЙ КНИЖНОЙ ПАЛАТЫ
пользоваться бережно!

Издательство Главсевморпути. Ленинград. 1935

1966 г.

5215 к.

2010

91(98)

Three Jears of Arctic Service

1881—84

by

Adolphus W. Greely

New Jork

1886

1975

2052

2010

Нейтрализация
2010 г.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Проблема изучения и освоения Арктики имеет свою многовековую историю. И если вначале интерес к полярным странам был вызван главным образом развитием морских зверовых промыслов, то уже в XVI и XVII столетиях вопрос изучения Арктики переносится в несколько иную плоскость и приобретает совершенно другое значение. «Потребность в постоянно увеличивающемся сбыте продуктов гонит буржуазию по всему земному шару. Всюду должна она внедриться, всюду обосноваться, всюду установить связь» (К. Маркс, Манифест коммунистической партии).

В погоне за выколачиванием прибылей и сверхприбылей из колониальных и полуколониальных стран, в борьбе за власть над малыми и слабыми народами растущий европейский капитализм естественно устремлял свои взоры на отыскание наиболее кратчайших путей на восток — в Индию и Китай. В связи с этим различные государства отправили целый ряд экспедиций в Северное Ледовитое море для отыскания так называемых Северовосточного и Северозападного проходов. Однако, вскоре стало очевидным, что экономическое значение этих путей, в виду постоянного загромождения их льдами, весьма и весьма проблематично. Поэтому главной целью полярных экспедиций

становится уже не отыскание проходов, а открытие новых земель и достижение наиболее северных широт. В результате географические карты обогатились новыми данными, но в то же время обуреваемые жаждой открытий, пытаясь поставить рекорд северной широты, полярные исследователи меньше всего заботились об организации серьезной научно-исследовательской работы в Арктике. Поэтому совершенно не случайно в 1875 г. Карл Вейпрехт, один из руководителей Австро-Венгерской экспедиции, в своем докладе «Основные принципы арктических исследований», прочитанном на съезде немецких естествоиспытателей в Граце, поставил вопрос об изучении Арктики на совершенно новых основаниях. В своем докладе Вейпрехт показал, что те колоссальные суммы, которые в последнее время были затрачены на организацию экспедиций в Арктику, ни в коей степени не оправдали себя, так как научные результаты этих экспедиций оказались весьма незначительными. Вейпрехт выдвинул проект окружения Северной полярной области кольцом станций, на которых в течение одного года проводились бы различные научные работы. В 1877 г. Вейпрехт составил подробную программу международных полярных исследований, но в силу осложнившегося международного положения работы по организации Первого международного полярного года затормозились. Лишь на Третьей полярной международной конференции, состоявшейся в Петербурге в 1881 г., началом международного полярного года был назначен август 1882 г. и концом августа 1883 г. В организации Первого международного полярного года приняли участие двенадцать стран, в том числе и Соединенные Штаты Америки.

США организовали две станции: одну около мыса Барроу, на северном берегу Аляски, другую в заливе Леди Франклин на Земле Гриннеля. Эта станция была самой северной, она находилась на 81°44' северной широты. Организовать ее было поручено лейтенанту американской кавалерии А. Грили. С фортом Конгер (как назвал Грили станцию в заливе Леди Франклин) связана одна из самых мрачных страниц в истории исследования Арктики. Уже то, что в правительственных кругах Соединенных Штатов царило полное равно-

душие к организуемой экспедиции, а военный департамент, в ведении которого она находилась, бюрократически и даже враждебно отнесся к этому делу, с самого начала ставило под сомнение благополучный исход экспедиции. Вся подготовка была возложена на одного старшего офицера экспедиции, вспомогательного комитета экспертов не существовало. Отпущенные средства были настолько незначительны, что после найма судна на все остальные нужды экспедиции оставалось меньше 6000 долларов. О степени казенного равнодушия, которое окружало экспедицию, можно судить хотя бы по таким фактам: предоставленный в распоряжение экспедиции секретарем по морским делам паровой катер оказался негодным для плавания в соленых водах и его пришлось спешно заменить другим; на составление подробных списков необходимых продуктов питания, обмундирования и т. д. было предоставлено всего лишь 72 часа. Не менее характерным является и то, что, несмотря на научно-исследовательские цели, экспедиция состояла не из научных работников, а из военнослужащих, образовательный ценз которых далеко не отвечал стоявшим перед экспедицией задачам.

Такое казенное, формальное отношение к экспедиции Грили не является исключением, наоборот, оно именно характерно для любой капиталистической страны, так как оно подчеркивает, что научные интересы, если они только не сулят определенной скорой наживы, меньше всего занимают капиталистических предпринимателей, оно показывает, «что капитализм дозрел и перезрел», что «он пережил себя и стал реакционнейшей задержкой человеческого развития» (Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 404).

Естественно, что, составленная из совершенно случайных, незнакомых с полярными условиями людей, группа зимовщиков в заливе Леди Франклин ни в коей мере не представляла тесно спаянного коллектива, способного организованно бороться за выполнение поставленной перед ними задачи. Отсутствие одинаковых интересов, военная субординация, упорно насаждавшаяся Грили, благодаря которой ставилась резкая грань между нижними чинами и офицерами, пренебре-

жительное, а подчас и бездушное отношение начальников к подчиненным — все это служило непреодолимым препятствием для успешной совместной работы участников экспедиции в тяжелых полярных условиях. И если в течение первой зимы Грили удавалось поддерживать нужную дисциплину среди зимовщиков, то в дальнейшем, когда все надежды на приход спасательного судна исчезли, поднять дисциплину среди отчаявшихся людей методами военной казармы, как это пытался сделать Грили, конечно не удалось. Строжайшая дисциплина, основанная на доброй воле с сознанием своей ответственности, вот что является залогом успеха всякой полярной экспедиции, та же формальная военщина, которую культивировал лейтенант кавалерии Грили, меньше всего способствовала этому, наоборот — она обостряла и без того уже неприязненные отношения между отдельными участниками экспедиции. О том, насколько велик был в лагере дух казенной военщины, говорят хотя бы такие факты, как арест доктора Пэви, совершение формальной процедуры увольнения в запас, а затем оставления на сверхсрочной службе целого ряда участников экспедиции и т. д. и т. д.

Положение еще более обострилось, когда в августе 1883 г. зимовщики, окончательно изверившись в какую-либо помощь извне, покинули форт Конгер и попытались самостоятельно на шлюпках добраться до населенных мест на западном берегу Гренландии. Вынужденные зазимовать на острове Бедфорда Пима, обессиленные физически и морально, претерпевая цынгу, стужу и голод, люди окончательно дезорганизовались. Однако, несмотря на тяжелые условия, в которых находилась экспедиция, научная работа по настоянию Грили велась систематически изо дня в день. В течение первой и второй зимы организовывались длительные санные экскурсии, в результате которых помощнику Грили, лейтенанту Локвуд, удалось дойти до северной оконечности Гренландии и достигнуть 83°30' северной широты, что являлось рекордом того времени. О том, насколько серьезно заботился Грили о главной цели экспедиции — научных работах, свидетельствует следующая запись в его дневнике: «Во время нашего пе-

рехода в палатку разбился барометр. Это большое несчастье, так как я надеялся, что нам удастся довести наблюдения до того момента, когда умрет последний из нас», — эти строки написаны человеком, буквально умиравшим от голода, потерявшим уже всякую надежду на спасение. И вот это-то чувство ответственности за выполнение порученного им дела, чувство служебного долга, выражавшееся, правда, в чисто казенных формах, дает представление о высоких индивидуальных качествах Грили. Однако то, что именно долг службы, стремление получить повышение или награду, а не научные интересы заставляли участников экспедиции и самого Грили систематически заниматься научной работой, является чрезвычайно показательным фактом и дает лишний раз представление о той атмосфере, которая существовала в отряде Грили. Характерно, что первые слова спасенного, находящегося на краю могилы Грили были: «Сделано, что надо было... дайте мне хорошую аттестацию».

Конец экспедиции трагичен. Большинство участников погибло от цынги и голода, одного, Грили, верный принципам палочной дисциплины, расстрелял за то, что тот, мучимый голодом, украл из последних запасов экспедиции тюленью шкуру. Спасательное судно вместо партии из 23 человек нашло лишь семь жалких, одичавших, находившихся на краю смерти людей.

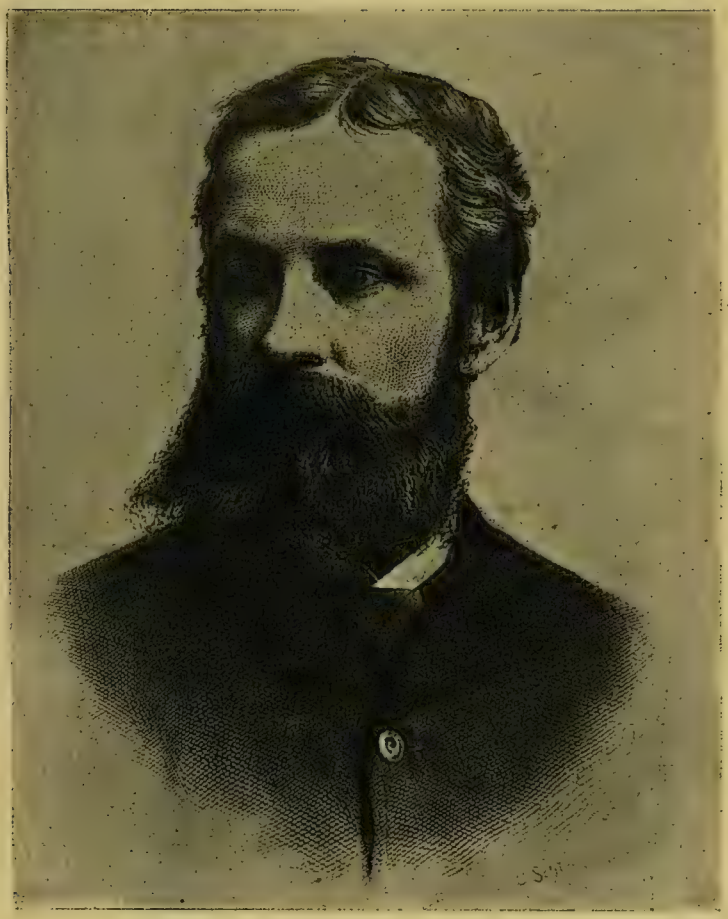
Если советских исследователей Арктики, как бы далеко ни находились они от своей социалистической родины, никогда не покидает чувство уверенности, что за их спиной стоит мощный многомиллионный трудовой коллектив, с любовью и неослабным вниманием следящий за каждым их шагом, если в недалеком прошлом челюскинцы в течение двух месяцев спокойно находились на льдине, твердо уверенные в своем спасении, раз за это дело взялась коммунистическая партия и правительство Советского Союза, то для полярных исследователей капиталистических стран характерно именно чувство обреченности, полной оторванности от внешнего мира.

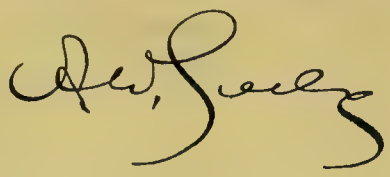
Мысль, что о них забыли на родине, неуверенность, что за ними будет выслано спасательное судно, вот что наряду со всеми остальными причинами способ-

ствовало дезорганизации экспедиции Грили. И, хотя спасательное судно было выслано на помощь Грили, и сам Грили, верный слуга американского капитализма, не был забыт своими хозяевами и получил чин генерала, все же казенное, бездушное отношение американского правительства к той небольшой группе спасшихся полярников было настолько велико, что возмутило даже и его. Заканчивая свою книгу, Грили пишет: «Лейтенант Локвуд и эскимос Кристиансен умерли, но сержант Брэйнард, который вместе с ними подарил нашей стране честь наивысших достижений в краях дальнего Севера, остается в чине сержанта после восьми лет безупречной и совершенно необычной службы. Мужество, смелость и самопожертвование, выказанные в Полярном море и у мыса Сэбайна, доставили бы ему офицерский чин во всякой другой армии. Два человека, надорвавшие здоровье, расстроили также свои имущественные дела, и один, самоотверженный, мужественный, воздержанный и преданный солдат, — в то время, когда пишутся эти строки, — лежит беспомощный в городском госпитале и пользуется частной благотворительностью, так как пенсия его до сих пор не утверждена.

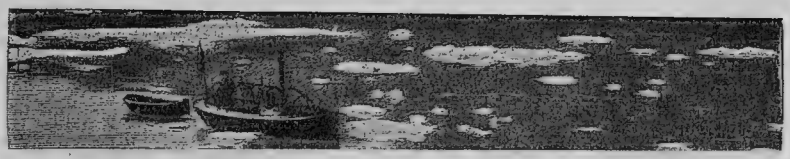
Даже обещанные с самого начала скудные прибавки за службу в Арктике до сих пор еще не выплачены полностью, и вдовы и сироты погибших все еще остаются необеспеченными».

Эти заключительные слова Грили не нуждаются в пояснении, они лишний раз подтверждают то незавидное положение, на которое обречено большинство исследователей капиталистических стран, и, хотя адресованы они непосредственно к американскому правительству, по существу они характеризуют всю капиталистическую систему в целом.





Кас т Севера
Об. отеки
им. А. б ол о за



ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПЕРВЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ ПРОЛИВА СМИТА. — МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОЛЯРНЫЕ СТАНЦИИ. — ОРГАНИЗАЦИЯ И ЭКИПИРОВКА ЭКСПЕДИЦИИ

В прекрасный июльский день 1585 года два крошечных суденышка отплыли из Дартмута на поиски Северозападного прохода. Ими командовал смелый исследователь и искусный моряк Джон Дэвис из Сэндриджа.

Это рискованное путешествие имело результатом открытие Гренландии и впервые указало дорогу к полюсу через пролив Смита.

Дэвис увидел Гренландию 20 июля. Он описывает ее, как «страну весьма возвышенную, заполненную высокими горами, сплошь покрытыми снегом, причем нигде не видно ни леса, ни травы, ни земли, а от берега на две мили в море тянутся льды. Непривлекательный вид берега и надоедливый шум льда были таковы, что внушили нам весьма причудливые догадки».

29 июля Дэвис находился у западного побережья, вблизи Годхоба, «пробравшись сквозь лед и открыв много зеленых и красивых островов, окаймляющих берег».

Пройдя поперек пролива, который теперь носит его имя, Дэвис достиг мыса Дайера и позднее подплыл ко входу в пролив Кэмберлэнд. Он вернулся в Дартмут 30 сентября 1585 г.

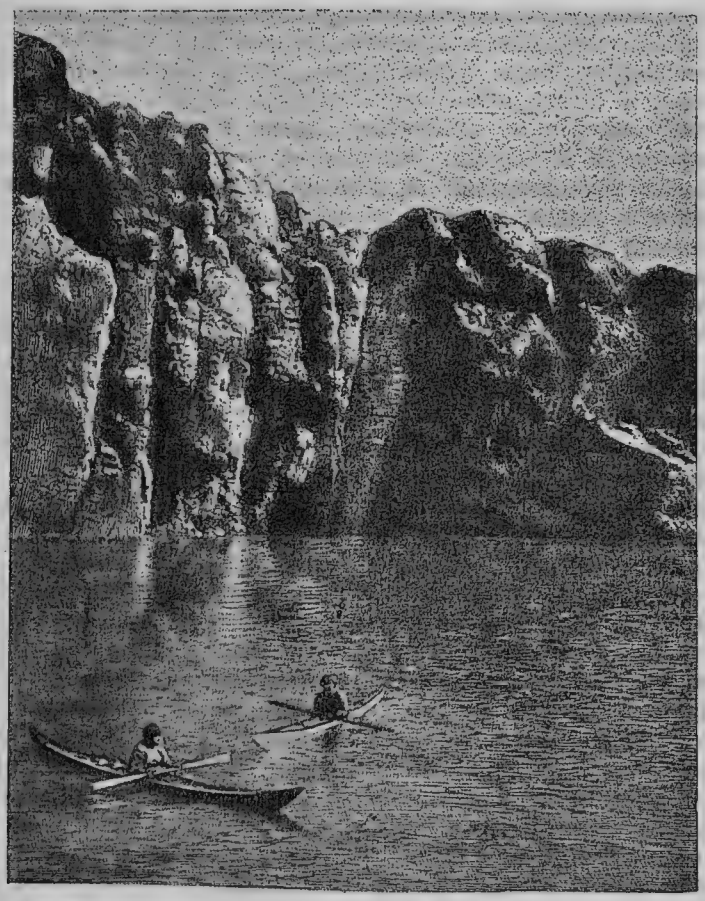
В 1586 г. Дэвис снова посетил пролив, названный его именем, а в 1587 г. достиг у западного побережья Гренландии 72° 41' сев. шир.

За Дэвисом последовал другой великий «открыватель» новых земель Вильям Баффин, который на «Дисковери», суденышке, имевшем всего 25 тонн водоизмещения, отплыл 26 марта 1616 г. из Грэвсенда. Он очутился в виду Гренландии 14 мая и 30 числа того же месяца добрался до отдаленнейшего пункта, достигнутого Дэвисом, а именно Сэндерсон-хоп, под 72°41' сев. шир. 9 июня «Дисковери» был остановлен льдами у Баффиновых островов под 73°54' сев. шир. Пустившись в дальнейший путь 18 июня, он направился по так называемому «Среднему Проходу» через залив Мельвиля и 1 июля достиг открытого моря, — «Северной воды» современных китобоев. Пройдя мимо мысов Иорк, Атолл и Парри, он продолжал продвигаться на север и только 5 июля достиг крайнего пункта своего путешествия, а именно мыса Александры под 77°41' сев. шир.

В течение двух столетий воды, впервые посещенные Баффином, не видели ни одного нового судна, и только 3 мая 1818 г. капитан Джон Росс на «Изабелле» и лейтенант Вильям Парри на «Александре» отплыли из Лервика.

17 июня они были остановлены льдами к северу от острова Диско. Корабли с некоторыми трудностями пересекли залив Мельвиль и в течение недели, затертые прибрежными льдами, оставались вблизи мыса Иорк. В полночь 19 августа «Изабелла» находилась на широте 76°54'. То был крайний пункт на пути к северу, достигнутый этой экспедицией, которая в октябре вернулась в Англию.

5 июля 1852 г. капитан Инглфильд отбыл из устья Темзы на винтовой шхуне «Изабелла», имевшей 145 тонн водоизмещения. 30 июля он находился в виду мыса Фаруэлл и 13 августа достиг Упернивика. 21 августа был оставлен позади мыс Александры, — крайний пункт, виденный Баффином; 27 августа в полдень корабль находился под 78°21' сев. шир., т. е. на 140 миль далее к северу, нежели это удавалось до сих пор кому-либо из предшествовавших мореплавателей.



Берега острова Диско.

Сильный северный ветер и низкая температура заставили Инглфильда повернуть к югу; но он оставался за пределами полярного круга до 12 октября.

Американец Элиша Кент Кэн первый миновал «северные ворота» пролива Смита и вошел в море, которое носит его имя. Корабль Кэна «Эдвенс» покинул Нью-Иорк 30 мая 1853 г. и 17 июля прибыл в Упернивик. Он оставил позади себя мыс Иорк 4 августа и остров Литлтон — 7 августа. Кэн пытался плыть да-

лее к северу вдоль побережья Гренландии, но сильные ветры и огромные пловучие льдины при наличии уже и молодого льда загнали его, как в ближайшее убежище, в бухту Ван-Ренселера под 78°37' сев. шир. и 70°40' зап. долг. В течение зимы почти все его собаки погибли. Среди участников экспедиции началась цынга. Путешествие к северо-востоку, предпринятое Кэном в апреле месяце, осталось незавершенным. Его товарищ Хайс, отправившийся в путь 20 мая, во время двенадцатидневного плавания успел пересечь бассейн Кэна и достиг 79°43' сев. шир. по соседству с мысом Фрезера. Хайс был первым исследователем, ступившим на землю Гриннеля. На Гренландском берегу Мортон, взбираясь по южному склону мыса Конституция, достиг 80°35' сев. шир. С высоты 162 метров он увидел, насколько хватал глаз, открытое море. Иными словами, он застал пролив Кеннеди свободным от льда.

В июле 1854 г., когда лед продолжал держаться в бухте Ван-Ренселера, Кэн понял опасность своего положения и сделал попытку добраться в лодке до островов Бичи. Он надеялся найти там английский корабль и получить помощь, но был вынужден вернуться, не добравшись даже до мыса Парри, 28 августа Хайс с восемью спутниками оставил Кэна и пустился к югу с целью добраться до Упернивика; он предпочел риск такого путешествия вторичной зимовке во льдах. После тяжелых страданий все они в декабре месяце вернулись на корабль, близкие к голодной смерти. Кэн принял их ласково, хотя отъезд Хайса сильно походил на дезертирство. Вторая зима принесла с собой возобновление цынги, которая к весне 1855 г. довела экспедицию до весьма плачевного состояния. Единственным средством спасения было оставить бриг и предпринять путешествие в лодках до Упернивика. Корабль был окончательно покинут 20 мая, и 17 июня Кэн спустил свои лодки в открытое море вблизи мыса Александры. Ценою неутомимых усилий экспедиция, вместе со своими больными, со всеми записями и наиболее важными инструментами перебралась через 80 миль торосистого, труднопроходимого льда. Один из людей, Ольсен, надорвался и умер в пути. Его похоронили на острове Литлтон, в виду мыса, который

носит теперь его имя. Ганс Хендрик, охотник экспедиции, дезертировал и остался у эскимосов племени Эта. Экспедиция обогнула мыс Иорк 21 июля и достигла Упернивика 6 августа.

Д-р И. И. Хайс, бывший врачом на корабле Кэна, предпринял в 1860 г. новое путешествие через пролив Смита с целью пополнить прежние свои наблюдения и достичь «Открытого Полярного моря». 25 августа его шхуна «Соединенные Штаты» была в виду мыса Иорк, и там Хайс вступил в сношения с эскимосами. Ганс Хендрик, который пять лет тому назад бросил Кэна, теперь присоединился к этой новой экспедиции. Встретившись вблизи мыса Александры с яростными северными ветрами, причинившими вред кораблю, Хайс был вынужден зазимовать южнее острова Литлтон под 78°18' сев. шир.

Зимою он лишился своего астронома Зонтага, который погиб во время санной экспедиции, предпринятой совместно с Гансом Хендриком для установления связи с эскимосами Китового пролива. В марте 1861 г. Хайс совершил предварительный поход к северу. Медленность продвижения по торосистому льду вынудила его отказаться от мысли исследовать побережье Гренландии. Вместо этого он решил пересечь бассейн Кэна и итти далее к северу вдоль его западных берегов. Хайс тронулся в путь 3 апреля, имея двое саней, запряженных собаками. 11 мая он достиг мыса Хаукс в 70 милях от корабля. Тридцать восемь дней потребовалось, чтобы покрыть это расстояние, и, однако, он утверждает, что достиг мыса Либер, лежащего в ста семидесяти милях далее Хаукса, всего шесть дней спустя. Ни один искушенный, а равно и не искушенный критик, который сравнит его рассказ с его же астрономическими записями, не сможет согласовать их таким образом, чтобы подкрепить утверждение, будто Хайс вместе с Кнорром достиг мыса Либер в ночь с 18 на 19 мая 1861 г. Топография мыса указана неправильно, широта дана с ошибкой на две с половиной мили, а долгота показана на шесть градусов западнее действительного местонахождения.

Корабль Хайса оставил место зимовки в фиорде Фулькс 10 июля. Так как тяжелый лед мешал продви-

жению к северу, то он пересек пролив Смита и обследовал его западный берег от мыса Сэбайна к югу до Изабеллы.

Следующая экспедиция, проникшая в пролив Смита, состоялась под начальством Чарльза Ф. Галля на корабле «Полярис». Ей была поставлена задача добраться до северного полюса. «Полярис» отплыл из Годхавна 17 августа. Залив Мельвиля был пройден за тридцать шесть часов, и «Полярис» впервые натолкнулся на льды возле острова Хаклюйта. Пролив Смита был свободен, и путешествие к северу задерживалось лишь случайными отклонениями к западу, с целью избежать масс пловучего льда. Через пролив Кеннеди прошли без всяких препятствий, если не считать тумана. Северное Полярное море было достигнуто утром 31 августа 1871 г.; широта равнялась 82°71'.

Повернув к югу, «Полярис» бросил якорь в гавани Благодарения, где зазимовал. Галль с двумя собачьими упряжками достиг в октябре месяце мыса Бревоорта, но умер от апоплексического удара вскоре после возвращения. Смерть его имела роковые последствия для дальнейших успехов экспедиции. Зима прошла без болезней или каких-либо серьезных неприятностей. Пролив Робесона оставался свободным от льда в течение всей зимы. Весною 1872 г. отдельная партия, под начальством д-ра Бессельса и Брайана, обследовала фиорд Петермана и побережье далее к югу вплоть до мыса Брайана. В июне Честер и Тисон предприняли ряд поездок в лодке по направлению к северу, но добрались лишь до мыса Семнер, затем сержант Мейер посетил бухту Риплес под 82°9', что представляло собою в то время наивысшую широту, достигнутую на твердой земле. Капитан Бедингтон решил вернуться домой, но «Полярис», к несчастью, был затерт льдами в устье пролива Кеннеди. Корабль упорно дрейфовал к югу вместе с пловучими льдами, несмотря на все усилия освободить его, и 12 октября находился под 78°28' невдалеке от острова Литлтона; 15 октября в виду острова Нортэмберлэнд, при сильном ветре, «Полярис» едва не погиб.

В то время, как команда выгружала запасы, корабль освободился от ледяных тисков и поплыл да-

лее, оставив на льдине девятнадцать человек. Эта партия, в которой находились капитан Тисон и сержант Мейер, дрейфовала к югу в течение всей зимы и 30 апреля 1872 г. была подобрана «Тигрицей», судном, производившим охоту на тюленей у берегов Лабрадора. В продолжение ста девяносто шести дней, из которых восемьдесят три были без солнца, эти люди прожили на пловучей льдине, подвергаясь величайшим лишениями и опасностям. Они продрейфовали на льдине более 1500 миль, и спасение их граничило с чудом.

Капитан Бедингтон, который остался на «Полярисе», успел привести судно в бухту Спасательной Лодки. Здесь экспедиция перезимовала, построив дом из разбитого корабля. Ее участники провели зиму в полном здравии, и д-р Бессельс, при помощи Брайна, не только производил регулярные научные наблюдения, но и предпринимал разведки в северном направлении.

Под руководством Честера были построены две лодки, и 3 июля 1873 г. экспедиция покинула бухту Спасательной Лодки, чтобы плыть в Упернивик. К счастью, 23 июня она была встречена и спасена китобойным судном «Равенскрэг» возле мыса Иорк.

29 мая 1875 г. корабли «Элерт» и «Дисковери» оставили Портсмут под командою капитана Джорджа Нэрса, которому было дано задание «подняться до наивысшей северной широты и, если возможно, достичь полюса, а во время зимней стоянки обследовать прилегающие берега». 22 июля корабли оставили Упернивик и направились по «Среднему проходу» через залив Мельвиля. Три дня спустя был пройден мыс Иорк. На самом южном из островов Кэри был оставлен склад из 3600 пайков и при нем вельбот. Мыс Сэбайна суда обогнули 4 августа, и десять дней спустя они, после упорной борьбы с тяжелым льдом, достигли залива Доббин. И здесь, севернее мыса Хаукса, был оставлен склад в 3600 пайков.

Дальнейшее плавание было непрерывной борьбой с огромными льдами, но, пользуясь каждым шансом, который предоставляли ветры и течения, один из кораблей достиг бухты Дисковери, куда он вошел под командою капитана Стеффенсона, и зазимовал при-

близительно в двухстах метрах от того места, где впоследствии был построен форт Конгер.

«Элерт», продолжавший подвигаться к северу, причалил невдалеке от мыса Шеридана, у Флобер-бич, под 82°25' сев. шир., 61°30' зап. долг., т. е. на наивысшей широте, какой достигало до тех пор какое-либо судно. Здесь, на открытых берегах Северного Полярного моря «Элерт» провел зиму.

Осенью капитан Нэрс выслал несколько санных партий, поручив им устроить склады продовольствия в северном направлении. Из этих партий восемь человек были так сильно обморожены, что троим пришлось сделать ампутацию. Лейтенант Альдрич 27 сентября достиг широты 82°48' и видел землю, тянущуюся до мыса Колумбия под 83°71' сев. шир. Таким образом, Альдрич превзошел дотоле достигнутую широту, до которой Парри поднялся в 1827 г. к северу от Шпицбергена.

Команды обоих судов провели зиму в полном здравии и благополучии, несмотря на долгую арктическую ночь и самые суровые, длительные холода, какие когда-либо приходилось выносить человеку. Связь между судами «Элерт» и «Дисковери» была установлена весною, — однако ценою жизни Кристиана Петерсена, который умер в пути, несмотря на героические усилия лейтенантов Роусона и Эджертона, сопровождавших его в этом походе. 3 апреля семь саней, сопровождаемые пятьюдесятью тремя матросами и офицерами, покинули корабль «Элерт» для продвижения на север. Одной из партий, под начальством командора Маркхэма, было поручено двинуться от мыса Джозеф-Генри через Замерзшее море, — и второй партии, под начальством лейтенанта Альдрича, — обследовать северное побережье Земли Гриннеля.

Маркхэм, имевший при себе две лодки, был вскоре вынужден бросить одну из них и после неописуемых усилий успел 12 мая 1876 г. добраться до 83°20' сев. шир., что представляло в то время наивысшую из достигнутых кем-либо широт. Море имело в этом месте глубину в 135 метров и обладало илистым дном. В это время из семнадцати спутников Маркхэма пять лежали в санях, обессиленные цынгой. Его возвращение об-

ратно потребовало 276 миль пути, хотя крайний пункт, им достигнутый, находился по прямой линии всего в 73 милях от корабля. На обратном пути людям становилось все хуже и хуже, — и, хотя вторая лодка тоже была брошена, 7 июня сделалось очевидным, что партия погибнет, если не получит помощи. Тогда лейтенант Парри добрался до «Элерта» форсированным маршем, продолжавшимся двадцать четыре часа без перерыва, и вызвал подмогу. Один из участников партии все же умер, а одиннадцать из семнадцати были доставлены на корабль в санях.

Лейтенант Альдрич обследовал двести двадцать миль северного побережья земли Гриннеля. Его партия, тоже пострадавшая от цынги, не вернулась бы на корабль, не будь подмоги, которую привел лейтенант Мэй.

В это время капитан Стеффенсон на «Дисковери» тоже разослал несколько партий для разведок. Лейтенант Арчер, которому поручено было обследовать залив Лэди Франклин, успел установить его пределы и достиг кута фиорда, носящего теперь его имя.

Лейтенант Л. А. Бьюмонт был послан на северное побережье Гренландии. Он оставил «Дисковери» 6 апреля с двумя санями и шестнадцатью людьми и сперва навестил «Элерт», затем пересек пролив Робесона до бухты Риполс. Его вспомогательные сани, под начальством д-ра Коппинджера, вернулись обратно 4 мая.

Бьюмонт достиг мыса Брайанта 11 мая и, продолжая подвигаться вперед, успел 20 мая дойти до восточного берега фиорда Шерарда Осборна. Цынга уже началась в рядах партии, и обратный путь совершался при весьма бедственных обстоятельствах. Они достигли бухты Риполс 10 июня, но к этому времени вся партия уже находилась в отчаянном состоянии; только Бьюмонт и Грей сохранили трудоспособность. Бросив все, что не являлось безусловно необходимым, Бьюмонт должен был решить, возвращаться ли ему через пролив Робесона прямо на «Элерт» или пройти 40 миль до гавани Благодарения. Он вскоре понял, что рыхлый лед и частые полыньи не позволят ему пересечь пролив. Потеряв почти всякую надежду, он повернул к югу. Его партия, боровшаяся уже из последних сил,

была спасена лейтенантом Роусоном и д-ром Коппинджером, которые и помогли ей достичь гавани Благодарения. Два матроса, Пауль и Хэнд, умерли и были похоронены возле капитана Галля. Лейтенант Бьюмонт, дав своей партии отдохнуть, с невероятными трудностями переправился через пролив Робесона в лодке и в санях и 12 августа достиг мыса Бэрда.

Еще в июле месяце капитан Нэрс решил вернуться в Англию, главным образом из-за цынги, тридцать случаев которой уже было обнаружено на одном только «Элерте». Кроме того он был убежден в невозможности успешного плавания по Северному Полярному морю, а отсутствие земли на севере, равным образом, делало весьма сомнительным все попытки добраться до полюса на санях.

Оба корабля обогнули мыс Либер 20 августа и десять дней спустя находились уже в заливе Доббин. Склады, устроенные на острове Джо, у мысов Коллинсона и Сэбайна в заливе Линкольна и в юговосточной части острова Кэри оставлены были не тронутыми. Плавание к югу от пролива Кенеди было трудное, скучное и опасное, но все же 9 сентября оба судна вышли в открытое море и 4 октября пересекли Полярный круг.

В один прекрасный день в Лондоне я прочитал, что Арктическая эскадра достигла Ирландских берегов, и вместе со всей Англией, волнуясь, ждал рассказа путешественников о пережитых ими приключениях. Все это было исполнено тогда для меня глубокого, хотя и свободного от всяких личных мотивов интереса, ибо даже в самых смелых своих фантазиях я не мог вообразить себя участником ближайшей очередной экспедиции, которая должна была двинуться между «Столпами Геркулеса» в неведомые края.

Организация Международных полярных станций состоялась по инициативе Карла Вейпрехта, лейтенанта австрийского флота.

Вторая международная Полярная конференция, открывшаяся в Берне 7 августа 1880 г., окончательно одобрила план, выработанный графом Вильчеком и

Вейпрехтом, но исполнение его было отложено до 1882—1883 г.

Между тем капитан армии Соединенных Штатов Хоугэт еще в 1877 г. был послан в залив Кемберлэнд для закупки собак, меховой одежды и т. д. для проектировавшейся тогда колонии в заливе Лэди Франклин. Потерпев неудачу в деле основания полярной колонии, капитан Хоугэт указал залив Лэди Франклин, как тот пункт, который должен быть занят Сигнальным ведомством Соединенных Штатов для устройства полярной станции.

Колония Готхоб.

Лейтенанты Грили, Доан и Лов были командированы для несения этой службы, а д-р Октав Пэви приглашен в качестве врача. Экспедиция должна была осуществить программу, намеченную Гамбургской полярной конференцией. Отказ Морского департамента использовать для этой работы пароход «Гюльнар», приобретенный капитаном Хоугэтом, заставил Грили отклонить предложенное ему руководство экспедицией, но остальные отправились на остров Диско, откуда «Гюльнар» вернулся обратно, оставив д-ра Пэви в Гренландии.

В сентябре 1880 г. д-р Вильд, председатель Международной полярной комиссии, известил начальника Сигнального ведомства, что не достает еще двух стан-

ций: одной у мыса Барроу и другой «где-нибудь в Североамериканском архипелаге». Биллем от 3 марта 1881 г. было ассигновано 25 000 долларов на оборудование уже разрешенной ранее Конгрессом станции в заливе Лэди Франклин.

Организация и экипировка экспедиции в залив Лэди Франклин совершалась при весьма неблагоприятных условиях, зависевших не только от скудости средств, но и от явной враждебности ко всему этому предприятию со стороны начальника кабинета, в ведении которого оно, по необходимости, состояло. Не существовало вспомогательного комитета экспертов, который имел бы достаточные суммы в своем распоряжении, и вся подготовка была возложена на старшего офицера, начальствовавшего над экспедицией. Подробный список требуемых предметов питания, обмундирования и т. д. был составлен в течение семидесяти двух часов, и при том в полной уверенности, что самый вопрос, состоится экспедиция или нет, в значительной мере зависит от характера и количества испрашиваемых вспомогательных средств. Хотя официальный приказ последовал 11 марта, все дальнейшее течение дела было приостановлено Линкольном, тогдашним статс-секретарем по военным делам, и, несмотря на личные хлопоты сенатора Конгера и неусыпные труды генерала Хазена, вплоть до 1 апреля оставалось невыясненным, придется ли экспедиции вообще отправляться в путь. Формальное согласие со стороны военного департамента последовало 12 апреля, т. е. всего за два месяца до выезда главной партии.

Утвержденный план предусматривал перевозку экспедиции на зафрахтованном судне в залив Лэди Франклин, где надлежало устроить зимовье, а кораблю предписывалось вернуться назад. Особый пароход должен был ежегодно навещать станцию для снабжения ее материальными средствами и рекрутами.

Для этой цели было избрано паровое судно «Протей». Это был пароход сравнительно новый, плававший всего восемь лет. Он был построен из дубового леса со шхунным такелажем, с двумя машинами

в 110 лошадиных сил, с водоизмещением в 467 регистровых тонн. Пароход имел железный нос и был обшит «железным деревом» от ватерлинии вниз до изгиба подводной части. Винт парохода автоматически поднимался, имелся запасной руль и гребной винт. В общем это судно отвечало требованиям, предъявляемым для работы среди тяжелых полярных льдов. Его владелец, Ричард Пайк, считался одним из самых опытных ледовых навигаторов Нью-Фаундлэнда. Команду составляли отборные люди из суровых рыбаков этого острова. Наем судна поглотил более, чем три четверти находившихся в нашем распоряжении финансовых ресурсов, так что на расходы по экспедиции осталось меньше 6000 долларов.

Эта небольшая сумма была с чрезвычайной бережливостью истрачена на покупку угля, научных инструментов, лодок, собак, собачьего корма, шерстяной и меховой одежды, пеммикана, лимонного сока, специальных диэтических продуктов, естественно-научных пособий, запасов для питания и содержания экипажа и т. д. Ничто не приобреталось без самого тщательного обсуждения необходимости данного предмета и его стоимости.

Различные бюро военного департамента доставили превосходное оружие и амуницию, обмундирование, лагерное снаряжение (общеармейского образца), госпитальное оборудование и обычный набор лекарств, полагающихся в походе. Значительный запас пищевых продуктов высшего качества был получен от казны для продажи за наличный расчет офицерам и нижним чинам. Лейтенант Кислингбэри и двое нижних чинов выехали из Нью-Иорка 3 мая, чтобы наблюдать за погрузкой. 14 июня главная партия под командой лейтенанта Джэмса Б. Локвуда отплыла в порт Ст. Джон из Балтиморы на пароходе «Новая Скотия».

Я надеялся покинуть порт Ст. Джон на острове Нью-Фаундлэнде 1 июля. Но положение вещей, которое я застал, прибыв 27 июня в названный пункт, оказалось таково, что пускаться немедленно в путь не было никакой возможности. Некоторые важнейшие предметы оборудования еще не были получены, и за-

пасы, сваленные на палубе «Протея», представляли собою совершенную мешанину. Статс-секретарь по морским делам очень любезно предоставил нам паровой катер, но котел его оказался совсем неприспособленным для соленой воды, так что его пришлось снять и спешно заменить в Ст. Джоне другим. Подобные результаты явились неизбежным следствием спешки, которая вынудила нас в два с половиной месяца закончить снаряжение экспедиции, отправлявшейся более чем на два года.

Что касается участников экспедиции, то вряд ли нужно говорить здесь, что все они имели наилучшие рекомендации, прошли через строжайший медицинский осмотр и были добровольцами. Лейтенант Кислингбэри состоял на службе более пятнадцати лет и имел отличную репутацию, приобретенную в походах. Лейтенант Локвуд служил восемь лет, почти все время на границе и был особенно рекомендован, как опытный офицер и человек с многосторонними знаниями.

Эдвард Израэль и Джорж В. Райс охотно согласились поступить на военную службу, чтобы только иметь возможность сопровождать экспедицию. Первый из них, окончивший с ученой степенью Анн-Арборский университет, был по специальности астроном, тогда как второй, — профессиональный фотограф, надеялся прославиться в своем искусстве на службе у экспедиции. Сержанты Джюэль и Ральстон долго и усердно работали в качестве метеорологов. Продолжительная и рискованная служба на западной границе приучила бо́льшую часть людей к трудам и опасностям и развила в них находчивость, качество столь важное для работы в Арктике.

4 июля все собрались на борту, и «Протей» бросил якорь у Королевской верфи в ожидании последних погрузок. Они были закончены 7 июля, и в полдень, миновав величественные утесы, которые образуют вход в бухту Ст. Джон, мы при отличной погоде, синем небе и попутном ветре взяли курс на Гренландию.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПЛАВАНИЕ ДО УПЕРНИВИКА. — ОТ ЗАЛИВА МЕЛЬВИЛЯ ДО ФОРТА КОНГЕРА. — ВОЗВРАЩЕНИЕ „ПРОТЕЯ"

Бонависта со своими яркими огнями осталась 7 июля позади нас. Было видно между островом Функа и проливом Бель-иль несколько отдельных айсбергов — запоздалые остатки огромных ледяных полей, которые покрывают нью-фаундлэндские воды в течение зимних месяцев. Хотя неблагоприятная погода задерживала нас, но 13 июля мы уже были в проливе Дэвиса, где встретили первые льды. Пак не был сплошным; он состоял из двух ледяных потоков от 10 до 30 миль в ширину, которые ничуть не мешали судну продвигаться вперед. Эти льды были ответвлением великого шпицбергенского ледяного потока, который в своем дрейфе вдоль восточного побережья Гренландии отклоняется к западному берегу. Бо́льшая часть льдин возвышалась на 1—1¼ метра над водой, и почти все без исключения были по краям сильно разъедены, очевидно, вследствие действия волн. Выше и ниже поверхности моря виднелись длинные заостренные зубцы. Наступательное и попятное движение волн между зубцами непрестанно меняло их окраску, оттенки которой, непередаваемые словами, были чрезвычайно красивы. Нежнейшие голубые тона быстро и незаметно

переходили в бледнозеленые, чтобы затем, с отливом воды, превратиться в сиреневые. Некоторые льдины имели от 4 до 5 метров в высоту, и над ними кое-где поднимались торосы.

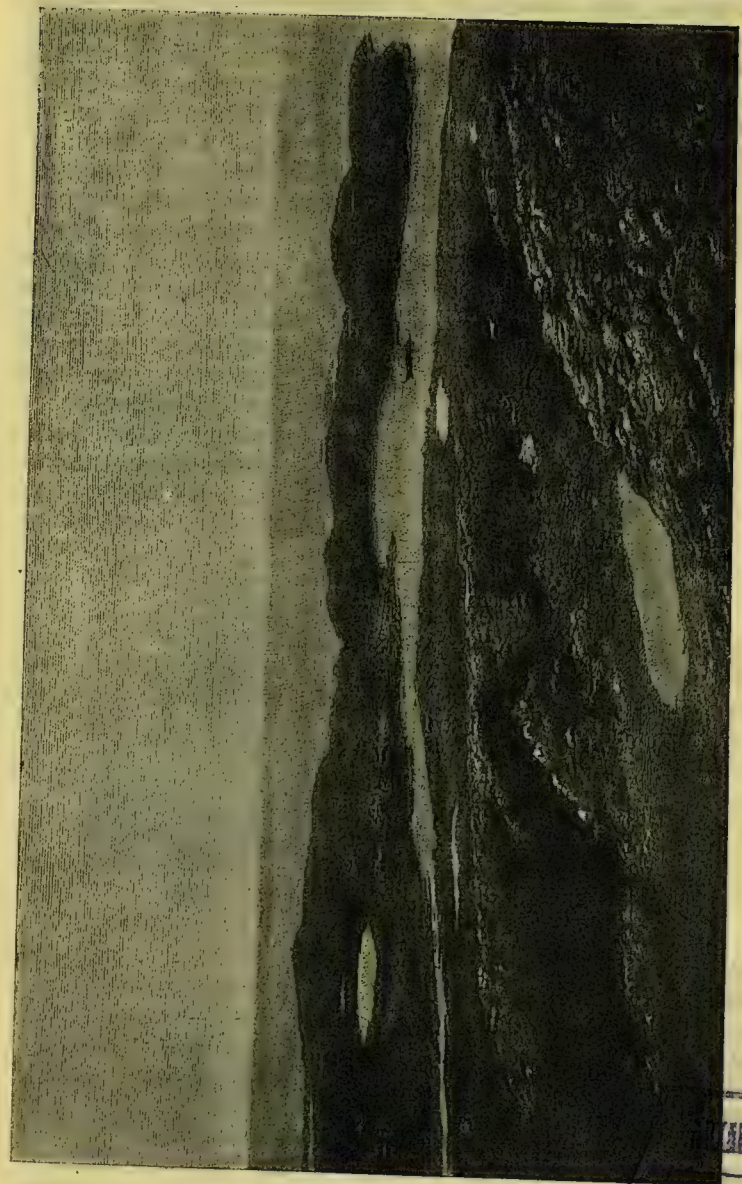
14 июля, вблизи Годхавна, туман рассеялся и позволил нам бросить первый взгляд на Гренландию. Горы поднимались вверх до 1000 метров, давая своей ледяной одеждой как нельзя более подходящее обрамление пустынному берегу, тянувшемуся внизу.

Северный ветер дул с достаточной силой, чтобы позволить выглянуть солнцу, и определение его высоты в полдень — первое за время путешествия — показало, что мы находимся за Полярным кругом. Черные высоты острова Диско были скрыты туманом и обозначились только вечером 16 июля, когда мы находились уже всего в нескольких милях от Годхавна. Южный берег Диско круто поднимается над морем на 770 метров, и на протяжении 70 миль только Годхавн представляет собою безопасную, далеко вдавшуюся в берег гавань. Вход в нее, однако, так мало заметен, что кажется, будто корабль готов налететь на скалы, когда крутой поворот внезапно вводит вас в спокойную маленькую бухту перед самым селением.

Годхавн напоминает ящик, сколоченный из гор: лишь только вы оборачиваетесь спиной к заливу Диско, утесы встают перед вами чуть ли не из самой воды. Их верхняя половина — черный, нависший обрыв — поражает своим величием и безотрадностью. Нижняя часть более или менее покрыта растительностью, и в одном месте трещина в утесе образует покатую долину, вдоль которой мчится сверкающий ручей, бурно прокладывающий себе дорогу по ложу из диких скал. Растительность его берегов показалась бы роскошной даже в более низких широтах. В ботаническом отношении это самое благословенное место во всей Гренландии.

Окрестности Годхавна производят сильное впечатление. Поселок этот расположен на маленьком островке, лишь кое-где покрытом почвой и растительностью. Самые возвышенные пункты острова имеют не более 32 метров над уровнем моря, но в этот июльский день пловучие ледяные горы были так много-

97191.



Готхаш и его окрестности.

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

Архангельск
Краевая Библиотека
ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
КНИЖНОЙ ПАЛАТЫ
Пользоваться бережно!

численны, что даже с этих небольших высот можно было насчитать их за раз более сотни. Эти огромные массы башнеобразного льда нарушали монотонный вид моря, и, по мере того как они проплывали мимо, наши мысли неотступно следовали за ними. По общему правилу эти белокрылые корабли бывают молчаливыми воспитанниками мира, но все же при входе в бухту небольшая зыбь, вызванная нашим судном, лениво и мягко коснулась красивой горы с высокими арками, грациозными башенками и стройными колоннадами, у подножья которых завертелись миниатюрные водовороты. Достаточно

Естественная каменная колонна в окрестностях Годхавна.

было этого легкого толчка, чтобы нарушить равновесие айсберга. В одно мгновение ока он рассыпался на бесчисленные осколки, которые белой пеной покрыли взморье и погнали тяжелые волны по всем направлениям. Громовой раскат заставил вздрогнуть всех нас, и неотразимая сила, сказавшаяся в этом падении, даже наименее впечатлительным внушила чувство невольного страха.

Внешний вид колонии в Годхавне полностью повторяет типические черты, свойственные большинству гренландских торговых станций. Немногочисленные жилые дома датских чиновников представляют собою деревянные постройки из грубо обтесанных бревен, которые отлично защищают обитателей от сырости и холода. Излишне, пожалуй, говорить, что внутреннее убранство вполне соответствует датскому образцу, и в некоторых домах, не будь здесь щеголевато одетой эскимосской прислуги, легко было бы вообразить себя в Дании. Хорошенькая церковь со шпилем и колокольней, неизбежные товарные склады с лавками для розничной торговли и, наконец, салотопенный завод завершают список казенных строений.

Эскимосские дома, по общему правилу, очень бедны: в большинстве своем это хижины из камня и дерна, внутри обшитые деревом и снабженные досчатыми нарами, которые днем служат скамейкой, а ночью кроватью. В самых лучших домах покатая деревянная крыша заменяет плоскую кровлю из грязи и дерна, а в окнах вставлены стекла вместо пузырей, получаемых из внутренностей тюленя.

При высадке на берег прежде всего поражает огромное количество и свирепый нрав местных псов. Собака весьма нужное животное в Северной Гренландии, и, кажется, она как нельзя лучше понимает это. На каждого постороннего она смотрит как на врага. Впрочем, эти псы бывают несносны только на участках своих хозяев. Забавно бывает следить, как воющая и тявкающая стая внезапно обращается в бегство на границе чужих владений. Мало найдется собак, которые решатся в одиночку обежать всю деревню Годхавн. Камень или палка легко успокаивают стаю, но иногда, во время долгих голодовок, псы могут быть опасны для ребенка и даже, хотя и очень редко, для взрослых.

Собачья упряжка, купленная нами в Годхавне, состояла из здоровенных, угрюмых животных, наделенных, повидимому, неисправимым злонравием, которое, однако, впоследствии совершенно исчезло под благотворным влиянием ласкового обращения и хорошего корма.

20 июля доктор Октав Пэви прибыл из Ритенбенка, где он провел весь истекший год, работая в качестве натуралиста. Он был зачислен со званием младшего военного врача для обслуживания экспедиции и в тот же день принес присягу.

Утром 21 июля несколько часов плавания под парами мимо высоких, крутых берегов острова Диско привели нас ко входу в пролив Вайгат. Вдоль всего этого побережья на 50 миль к востоку нет ни одного убежища для кораблей, и в 5 милях от Годхавна самый ловкий горец напрасно будет искать места, чтобы взобраться на отвесные утесы.

Очень приятно было наше путешествие между хмурыми, бесплодными скалами по правую руку от нас и спокойным голубым морем, покрытым бесчисленными и нескончаемо разнообразными ледяными горами, которые красовались и сверкали под арктическим солнцем. Но затем спустился густой полярный туман, так что даже нашему остроглазому рулевому не легко было довести «Протея» до якорной стоянки в узком, глубоком фиорде, который отделяет Ритенбенк от острова Арвепринс.

Здесь приняты были на борт новые собаки с дополнительным запасом корма и других предметов. Пришельцы отнюдь не ласково были встречены уже бывшими на корабле псами, и немедленно начались нескончаемые драки, которые продолжались до того дня, когда нам пришлось пуститься в обратный путь.

Ритенбенк основан в 1755 г. Он расположен на маленьком островке того же имени, лежащем к востоку от более значительного острова Арвепринс. Окрестный вид поистине грандиозен. Обрамлением берегов служат крутые утесы, прорезанные узкими долинами, которые все глубоко изрыты бурными потоками, изливающимися во фиорд в течение короткого лета.

Из Ритенбенка мы медленно пошли под парами к северу через пролив Вайгат, который отделяет остров Диско от материка. Низкие облака во многих местах покрывали горы, которые по обе стороны от нас круто подымались на высоту от 975 до 1300 метров. Часть материка, примыкающего к проливу Вайгат, представляет собою полуостров, свободный от вну-

треннего льда, орошаемый одной из величайших рек Гренландии и одетый богатой растительностью. Недалеко от его оконечности находятся остатки самого северного строения, некогда воздвигнутого в Гренландии не эскимосскими руками. Это весьма примечательные развалины, известные под именем Медвежьего капкана.

Не без удовольствия увидели мы вдали Заячий Остров и вышли в открытый Баффинов залив, потому что как-раз в это время начался сильный ветер и

Упернивик.

дождь. Плавание по проливу Вайгат бывает крайне опасно в туманную и бурную погоду, благодаря тысячам ледяных гор, которые всегда находятся в его водах.

Порою облака раздвигались и открывали красивое зрелище пустынного, отороченного скалами берега, чрезвычайно обрывистого характера. Всего больше интересовал нас Сэндерсон-хоп — высокий мыс, впервые замеченный триста лет назад Джоном Дэвисом. Но каприз полярного лета лишил нас возможности увидеть этот пункт, и мы провели несколько скучных часов перед Упернивиком, пока, наконец, благоприятный ветер не раздвинул завесу тумана и не позволил

нашему рулевому ввести нас безопасным путем в жалкую бухточку, называемую здесь гаванью.

Первым американским солдатом, завербованным в Гренландии, был, без всякого сомнения, рядовой Морис Коннель, принадлежавший к составу нашей экспедиции. Срок его службы истек, и он снова записался в Упернивике.

Не хватало только эскимосов для управления собаками. Два человека, живущие в Провене, были горячо нам рекомендованы, и я решил послать за ними. Так как Провен лежит в 50 милях к югу, пришлось спустить на воду катер «Лэди Грили» (так лейтенант Локвуд окрестил его). Катер вернулся из этой поездки 28 июля и доставил двух эскимосов — Фридерика Кристиансена 35 лет и Иенса Эдварда — 38. Эти люди подписали договор и присоединились к экспедиции в тот же самый день со своими кайяками и охотничьим снаряжением.

За эти дни я имел возможность осмотреть окрестности Упернивика, что на эскимосском языке означает весну, и хотя инспектор Смит сказал мне, что за последние четырнадцать лет здесь никогда не было так много зелени, как в этом году, окружающая местность не имела ничего привлекательного. Остров, хотя и не слишком скалистый, кажется, однако, пустынным и голым, и лишь кое-где он покрыт скудной растительностью. С самого возвышенного пункта открывается вид на Аугпадларсокское ледяное поле, которое ежегодно посылает в море тысячи айсбергов, и этот ледяной строй являет собою зрелище, надолго остающееся в памяти.

В северном направлении далеко протянувшийся безотрадный берег скрывает от глаз путешественника вид на Тасиусак, самое северное поселение эскимосов, унылое место, труднодоступное и редко посещаемое.

Наконец, неукротимые собаки были доставлены на судно, счета с ошеломляющими датскими ценами проверены и оплачены, пронизанные ветрами узкие проливы между скалистыми островками благополучно пройдены, и мы, оставляя позади себя Упернивик и цивилизацию, смело пустились навстречу всем опасностям дальнего Севера.

Мы плыли в северном направлении, пока не очутились в виду островов Берри. Здесь, заметив полное отсутствие льда, если не считать многочисленных айсбергов, выплывавших из Аугпадларсокского фиорда, я приказал держать курс прямо на мыс Иорк, надеясь что «Средний проход» будет вполне доступен в это позднее время года. Здесь уместно будет напомнить,

Арктические красавицы.

что мы давно находились в области непрерывного дневного света.

Мы продолжали наше плавание 30 июля по открытому морю, причем не видно было ни малейших признаков льда до 5 часов утра, когда впервые появились мелкие льдины, которые не могли помешать продвижению парохода; они тянулись едва на 3 мили в длину, а по направлению к западу занимали пространство от одной до полуторы миль.

Когда мы подвигались вдоль северной кромки этих льдов, был замечен на небольшой пловучей льдине бе-

лый медведь. С деловым видом он ел только-что пойманного молодого тюленя и, повидимому, не обращал никакого внимания на корабль, пока не очутился на расстоянии полумили. Тогда он отбежал на несколько метров от своей добычи, но затем вернулся. Странным образом он, повидимому, не хотел уйти в воду: нырнул и вскоре снова взобрался на льдину. С корабля раздалось несколько выстрелов, из которых один, очевидно, достиг цели. «Протей» застопорил машину и спустил лодку, в которую вошли лейтенанты Кислингбэри и Локвуд с двумя-тремя матросами и завладели убитым животным. Это был молодой самец, имевший в длину 2 метра 300 сантиметров и весивший, надо думать, около 270 килограммов. Мясо его было вполне съедобно. Сержант Райс сфотографировал убитого медведя, после чего эскимосы сняли с него шкуру.

Не встречая более льда, мы продолжали путь, и в 4 часа пополудни 31 июля мичман и квартирмейстер разглядели сквозь легкий туман какую-то землю, которая должна была быть высокими утесами мыса Иорк. Но туман становился все гуще, и судно было вынуждено перейти на пониженную скорость вплоть до 8 часов утра следующего дня. Тут туман на несколько мгновений рассеялся, и мы увидели землю в 5 милях к северу. Но она скрылась раньше, чем мы успели опознать ее. Мы были вынуждены оставаться под парами на одном месте и в течение всего остального дня прошли не более 20 миль.

Утром 1 августа туман, наконец, рассеялся; мы определили по солнцу положение корабля и узнали, что находимся в 20 милях к юго-западу от глетчера Петовик. В час пополудни мы уже оставили позади остров Вольстенхольм и взяли курс на архипелаг Кэри.

Пловучие ледяные горы, редкие вблизи мыса Иорк, оказались весьма многочисленными у северной оконечности острова Вольстенхольм. В 3 часа пополудни показался архипелаг Кэри, и два часа спустя «Протей» сделал остановку у северной оконечности самого южного из островов этой группы. Лейтенант Кислингбэри и д-р Пэви осмотрели курган, воздвигнутый по

приказанию сэра Джорджа Нэрса в 1875 г. Наш фотограф-энтузиаст умудрился втащить свой аппарат на самую высокую точку острова и заснять оттуда курган. Остров этот так суров и неприступен, что даже человек, не отягощенный никаким грузом, не без страха будет взбираться по его утесам. Растительность там весьма скудная.

Мы оставили острова Кэри в 8 часов вечера и пять часов спустя поравнялись с островом Хаклюйта, интересным в том отношении, что это самая северная из земель, посещенных Баффином в 1616 году.

Мыс Иорка.

К югу от мыса Александры Полярное море почти всюду бывает видимо с проплывающего мимо корабля, но далее к северу материковые льды отступают вглубь, оставляя побережье свободным. Здесь во многих местах вырисовываются цветущие долины, которые производят особенно сильное впечатление благодаря контрасту с только-что пройденными берегами.

Мы миновали гавань Пандоры в 10 часов утра, и около полудня «Протей» бросил якорь между мысом Ольсена и островом Литлтон.

Лейтенант Кислингбэри с партией, в которую входили также эскимосы, отправился в бухту Спасательной Лодки осмотреть зимовье экипажа «Полярис» и завязать сношения с эскимосами племени Эта, если бы

таковых удалось найти. Оказалось, что домик, построенный командой «Полярис», исчез, но местоположение его было легко установить по кухонной печке, манометру и многим другим предметам, оставшимся после зимовки «Поляриса». Рядовой Генри нашел на южном берегу острова Литлтона, против мыса Ольсена, останки женщины, погребенной в старинном эскимосском доме. Этот домик был нами тщательно осмотрен. Очевидно, он служил когда-то постоянным жилищем. Не только самый домик, но и все окружение, в том числе

Английский каменный курган на о. Кэри.

богатейшая густая растительность, были доказательством этого.

С высот острова Литлтона можно было установить, что на пространстве, по меньшей мере, в 40 миль море совершенно свободно от льда. Зная, однако, как изменчиво бывает движение льдов в этих водах, я решил не высаживаться у мыса Сэбайна для освидетельствования английского склада, а держать курс прямо на мыс Хаукса.

Мыс Сэбайна был пройден нами в 2 часа ночи, и вскоре появились небольшие пловучие льдины. На западе, в проливе Бьюкенена было усмотрено нечто похожее на береговой припай, но на основании наших

последующих наблюдений я полагаю, что то был ряд отдельных низких льдин или, может быть, бухтовый лед, так и оставшийся невзломанным с предшествовавшей зимы.

В 4 часа утра на востоке показался, повидимому, плотный пак, но при дальнейшем продвижении обнаружилось, что это просто ледяное поле небольших размеров. В это время я поднялся на палубу и узнал, что мы находимся недалеко от мыса Кэмпердоун. Кругом открывалось зрелище изумительной красоты, напоминавшее не столько полярную ночь, сколько свежее октябрьское утро в Новой Англии. Наступила минута равновесия между приливом и отливом, и все море было спокойно, как мельничный пруд. В иных местах успела образоваться за ночь тонкая пленка льда, что служило вестником приближения зимы.

Судно остановилось на несколько минут, чтобы сфотографировать остров Бэч и землю, лежащую к западу. Картина, открывшаяся нашим взорам, представляла далеко незаурядный интерес. Солнце светило с исключительной яркостью, небо было совершенно чистое, если не считать немногих перистых облаков, и воздух отличался той особого рода прозрачностью, которая делает очертания далеких предметов необыкновенно резкими и отчетливыми. Все побережье Земли Гриннеля было не только явственно видимо, но его отражение рисовалось даже на гладкой поверхности воды.

Это зрелище глубоко нас взволновало. До сих пор только три корабля достигли столь высоких широт в этих водах, и ни одному из них не удалось это с такой легкостью как нам. Внешний вид этих полярных земель, большей частью свободных от снега и озаренных лучами осеннего солнца, отличался во всех деталях от того, что мы ожидали. Суровое величие и пустынность, составляющие главную особенность полярного пейзажа, правда, имелись здесь налицо, но поэтическая живописность и изысканная красота были преобладающими чертами.

Но всего поразительнее казалось отсутствие льда. В 5 часов утра мы поравнялись с северной оконечностью острова Бэч.

В это время лишь несколько небольших льдин плыли по бассейну Кэна, да еще два айсберга виднелись между мысами Сэбайна и Хаукса.

Этот последний вскоре остался позади, и в 9 часов утра «Протей» бросил якорь против скалистого рифа в заливе Доббина, где в 1875 году англичане устроили склад.

Пока наш фотограф, сержант Райс, усердно занимался своим делом на большой глыбе берегового льда, я посетил склад и ознакомился с его содержимым. Мы взяли оттуда боченок рома, некоторое количество пиккалили,[1] ящик консервированного картофеля на пробу и, наконец, морскую шлюпку-четверку, которая тоже была там спрятана. Недостаточность финансовых средств не позволила нам снабдить нашу экспедицию достаточным количеством лодок, иначе эта шлюпка продолжала бы лежать в неприкосновенности у мыса Хаукса.

Мы дали шлюпке имя «Доблестный» в память корабля, которому она когда-то принадлежала.

Лед в заливе Доббина был крепок и не взломан. Его кромка достигала северной оконечности острова Вашингтона-Ирвинга, так что мы были вынуждены взять курс немного к югу, огибая мыс Хаукса.

В 3 часа пополудни мы достигли мыса Фрезера и здесь впервые встретили пловучие горы, состоявшие из многолетнего льда. Их было всего четыре: две к северу и две к югу от мыса Фрезера. С тех пор мы больше не видели многолетнего льда, пока не добрались до мыса Бэрда.

В 5 часов пополудни мы оставили позади мыс Мак-Клинтока и пересекли восьмидесятую параллель. Залив Скоресби не только был заполнен льдом, очевидно, оставшимся невзломанным в текущем году, но сверх того полоса хрупкого молодого льда тянулась от его кромки на расстояние одной мили и даже более.

Туман и начавшийся немного спустя мелкий дождь заставили судно уменьшить ход. К 10 часам вечера туман настолько сгустился, что пришлось просто стоять под парами на месте.

---

[1] Род маринада из рубленых овощей. *(Примечание переводчика.*

Пловучие ледяные горы.

К утру 4 августа погода достаточно прояснилась, чтобы позволить нам двигаться вперед, и около полудня мы миновали остров Франклина. На юго-востоке был виден сплошной торосистый лед, но он занимал очень небольшое пространство, так что с наблюдательного гнезда на мачте можно было рассмотреть по обе стороны от него совершенно свободное море.

В полдень пролив Кеннеди окончательно очистился от тумана, и стали ясно видны оба берега от мыса Конституции до мыса Полярис на востоке и от мыса Лауренса до мыса Дефосса на западе.

Я решил устроить небольшой склад в заливе Карла Риттера. С этой целью я спустился с несколькими людьми на берег и уложил под каменной насыпью 900 килограммов сушеного мяса и 120 килограммов хлеба. Лейтенант Кислингбэри совершил тем временем прогулку вверх по долине. Он обнаружил следы мускусного быка, зайца и песца.

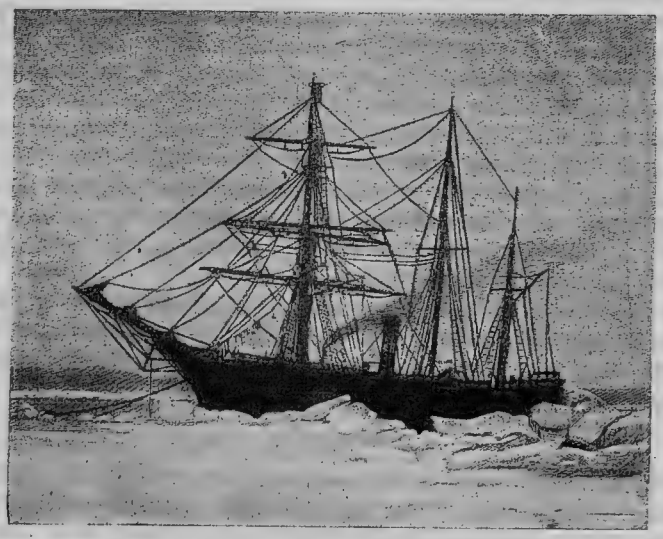
Во время дальнейшего продвижения к северу заливы Ричардсона и Ролингса остались для нас невидимыми: все углубления берега были плотно забиты льдом. В 8 часов вечера в виду мыса Либера появились в большом количестве крупные льдины. Они теснились у берега и вынудили «Протея» сделать значительный отход в сторону в восточном направлении. В 9 часов вечера мы уже находились в крайней юго-восточной части залива Лэди Франклин, примерно в двух милях от мыса Бэрда.

Приближаясь к этому пункту, мы встретили тяжелый лед и в первый раз за все время нашего плавания были задержаны льдами. Мы прошли 8 миль к востоку в надежде, что путь на север откроется нам сам собой. В результате наблюдений выяснилось, что сплоченный полярный лед из многолетних льдин, связанных между собою тонким молодым льдом, тянется полукругом от мыса Бэрда к Гренландскому берегу. Льдины имели от 8 до 16 метров толщины и казались настоящими ледяными островами.

5 августа я с небольшой партией посетил и внимательно исследовал мыс Либера, находившийся от нас на расстоянии 4 миль. Обрывистые утесы поднимаются на высоту 610 метров прямо из моря, и взобраться на

них можно только в одном месте, по крутой каменистой балке, которую весенние потоки вырыли в расселине скалы. Восхождение сопровождалось величайшими трудностями. Вершина оказалась совершенно голой, если не считать миниатюрных глетчеров в двух местах.

Побережье Земли Гриннеля было видно на протяжении многих миль к северу — суровое и гордое пло-



„Протей" во льдах.

скогорье, не имеющее отдельно стоящих пиков.

В этот вечер нам удалось продвинуться на одну милю по направлению к бухте Дисковери, хотя большое количество льдин медленно дрейфовало на юг.

7 августа держался большей частью северовосточный ветер, который гнал массы тяжелого льда вдоль пролива Кеннеди, вынуждая «Протей» часто менять местоположение из боязни быть затертым. Многие льдины, проплывавшие мимо, имели до 5 миль в длину и от 3 до 16 метров толщины.

Положение, в общем, оставалось неизменным и не имело в себе ничего утешительного. Считая с 4 августа,

мы были отнесены обратно к югу на 40 миль и вместо того, чтобы находиться в 8 милях от места назначения, отдалились от него на целые 50 миль. Поэтому с чувством величайшего облегчения мы заметили, что 10 августа около полудня ветер меняется в благоприятном для нас югозападном направлении.[1]

Утром 11 числа небо стало проясняться, и около 7 часов туман отступил к северу. В виду осталось очень немного льда, и весь он скопился у восточного берега. Мы двинулись вперед полным ходом и, обогнув мыс Либера, с восторгом увидели, что залив Лэди Франклин равным образом свободен от льда. Мы шли в это время со скоростью до 36 миль в час. Достигнув входа в бухту Дисковери, мы нашли узкий свободный канал, отделявший сплоченный лед Арчер-фиорда от пака, видневшегося в стороне залива Уотер-Курс. Бухта Дисковери оказалась в том же состоянии, что и другие бухты к югу от нее: она была забита толстым льдом, образовавшимся в прошлом году.

«Протей» медленно прошел под парами к северной оконечности Голландского острова, машины были застопорены, ледовый якорь брошен, и наше плавание благополучно закончилось.

Когда «Протей» приближался ко входу в бухту, темное пятно было замечено на крутых склонах Кэрнхилл; вскоре выяснилось, что это мускусный бык. Лишь только судно коснулось неподвижного льда, пять или шесть рьяных спортсменов бросились преследовать добычу. К великому горю наших охотников, бык пал жертвою корабельного боцмана, который первый успел приблизиться к нему на расстояние ружейного выстрела. Настигнутый первой пулей бык, повидимому, хотел броситься на стрелка, но вторая пуля заставила его сорваться с высоты 60 метров к подножию скалы, на которой он щипал траву.

В то время, как мои товарищи гонялись за быком,

---

[1] Читателю может показаться странным, что для продвижения на север считается благоприятным ветер, дующий к юго-западу. Но дело в том, что только при таком ветре пролив Кеннеди бывает свободен от льда. *(Прим. переводчика.)*

я направился прямо к зимовью экипажа «Дисковери», где осмотрел каменный курган капитана Стеффенсона. Там были обнаружены два медных ящика, содержавшие «Журнал» и «Общие сведения» экспедиции. В силу странного совпадения документ этот носил дату 11 августа 1876 г., т. е. был положен ровно за пять лет до нашего прибытия.

Около 25 бочек с испорченной свининой и говядиной стояли поблизости. Тут же валялись в большом количестве пустые жестянки из-под консервов, которыми всегда бывают усеяны окрестности покинутых зимовок.

На расстоянии трех четвертей мили к северу мирно паслись десять мускусных быков. Берега ручья были покрыты растительностью, состоявшей из пучков камнеломок, грядок куропаточьей травы, осок и лютиков. Выше, на глинистых наносах глетчера, желтыми пятнами украшали ландшафт пышно разросшиеся полярные маки.

Со мною не было ружья, но охотники уже заметили быков. Лейтенант Локвуд и рядовой Риан погнались за ними и на южном склоне холма Картмел убили их всех.

12 августа утром капитан начал пробивать лед. Это была работа, которая длилась семь часов без перерыва, после чего можно было бросить якорь в какой-нибудь сотне метров от Почтового кургана. Пробивание льда оказалось делом весьма хлопотливым, потому что не хватало места, куда можно было бы сбрасывать осколки. Лед в среднем имел 16 дюймов толщины, но во многих местах достигал 2½ и даже 3 метров. Он был в довольно рыхлом состоянии, иначе кораблю никоим образом не удалось бы пробиться сквозь него.

«Протей» отходил на несколько сот метров от кромки льда и затем, устремляясь вперед полным ходом, разбивал толстые льдины своим железным носом. Удары были так сильны, что судно врезывалось в сплошной лед больше, чем на половину своего корпуса, а иногда и все целиком. Нужно было немалое искусство, чтобы управлять машиной при таких условиях, потому что следовало останавливаться и давать задний ход, прежде чем судно окончательно теряло

свободу движений. Несмотря на опытность капитана Пайка, «Протей» был несколько раз зажат льдами, что повлекло за собой потерю времени и добавочный расход топлива.

Немедленно было избрано место для будущего дома. Вся наша команда и научные сотрудники разделились на две партии для разгрузки корабля. От этой работы были освобождены только ученые наблюдатели, плотники и еще два человека, которым было поручено озаботиться сохранностью мяса убитых накануне мускусных быков.

Станция была названа фортом Конгера в честь сенатора Конгера, который принимал такое деятельное участие в снаряжении экспедиции.

В 6 часов пополудни 18 августа я дал приказ «Протею» двигаться в обратный путь.

Лейтенант Кислингбэри провел весь день 25 августа на корабле. На другое утро, недовольный порядками, установленными мною в экспедиции, он потребовал освобождения его от всяких дальнейших обязанностей. Немедленно последовало его увольнение, и он получил приказ явиться к начальнику Сигнального ведомства. К несчастью «Протей» окончательно вышел в море как-раз в то время, когда лейтенант Кислингбэри покидал станцию, и ему поэтому пришлось вернуться в Конгер. Итак, он остался с нами, но не исполнял более никаких обязанностей и ни разу не просил, чтобы его восстановили в правах старшего офицера. Ему было лишь предложено подчиняться правилам внешнего распорядка, установленным для всех вообще участников экспедиции. Отличный стрелок и неутомимый охотник, он не раз пополнял наши запасы свежей дичью и тем принес достаточно пользы.

Он принимал также участие в нескольких небольших санных походах, о чем будет рассказано впоследствии.

«Протей» 19 августа сделал первую попытку выбраться из бухты, но ему удалось достичь лишь Голландского острова, где толстые льдины, скопившиеся в заливе Лэди Франклин, не позволили продолжать путь. Он причалил к ближайшему берегу, и все последующие дни ушли на погрузку балласта.

Мускусный бык, убитый в форте Конгера.

Ежечасные метеорологические наблюдения, начатые нами еще 8 августа, на борту корабля, с 19 августа продолжались на берегу. Два дня спустя был установлен прибор для измерения высоты приливов.

С 18 августа офицеры и нижние чины жили в палатках по-походному, но работа, длившаяся по четырнадцати и шестнадцати часов в сутки, делала чудеса, и 21 августа кухонная печь была уже поставлена в доме. Чрезвычайно низкая температура давала чувствовать всю важность скорейшего устройства зимней стоянки, особенно для сохранения тех предметов, которые могли испортиться от холода. Уже с 18 августа начались ежедневные заморозки, а 29-го ртуть опустилась ниже точки замерзания, чтобы не подниматься более в течение следующих девяти месяцев.

Тем временем лед продолжал громоздиться у восточного выхода из бухты, и «Протей», несмотря на почти ежедневные попытки сдвинуться с места, все еще стоял, затертый льдами у нас на глазах. Наконец, 26 августа, он сделал последнее отчаянное усилие и пробился сквозь узкую полосу густого пака, который отделял его от чистой воды. Арчер-фиорд был забит льдом, и кораблю пришлось направиться к северу. Мы все с живейшим интересом следили за его движением, и в 7 часов пополудни он исчез из виду, — как впоследствии выяснилось, — навсегда.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ФОРТ КОНГЕРА. — ОСЕННИЕ ЭКСКУРСИИ. — СВЕТ И МРАК. — НАУЧНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ. — ГИГИЕНА И РАСПОРЯДОК ДНЯ

Как и следовало ожидать, немало тоскливых взоров устремлялось вслед уходящему кораблю, но, тем не менее, я убежден, что все испытали чувство известного облегчения, когда «Протей», наконец, покинул бухту. Все то время, пока он находился так близко от нас, царили беспокойство и неуверенность, которые мгновенно рассеялись, как только судно окончательно удалилось.

Постройка дома шла с чрезвычайной быстротой, и 25 августа часть команды смогла туда перебраться. Имелся уже кров над головою, хотя пол и окна не были еще закончены.

Первое воскресенье, когда я разрешил общий отдых, пришлось на 28 августа. В этот день были приостановлены все работы, кроме неотложных. В 10 часов утра собрались все участники экспедиции и была намечена программа будущих дней отдыха. Я объявил, что все желающие охотиться или гулять за пределами станции, имеют право заняться этими развлечениями, которые я считаю наиболее полезными в нашем положении. Сказав несколько слов об угнетающем действии, которое оказывает замкнутая и однообразная

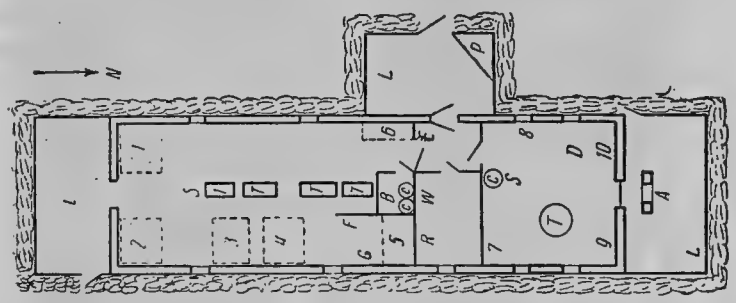
жизнь на людей, несущих труды и тяготы полярной зимовки, я выразил надежду, что все и каждый в отдельности будут стараться примирять возникающие в их присутствии споры, вместо того чтобы раздувать их или подзадоривать спорящих.

Теперь даю краткое описание нашего нового дома и всей прилегающей к нему местности.

Дом этот простирался на 18 метров в длину и 5 метров в ширину. Он имел двойные стены: две деревянные переборки, толщиною в полдюйма каждая, были разделены пустым пространством приблизительно около 12 дюймов. Внутренняя стена состояла из хорошо пригнанных деревянных планок, обструганных и скрепленных нашими плотниками, причем, во избежание сквозняков, доски были обиты просмоленной бумагой. Покрытие из значительно более толстой и тоже просмоленной бумаги было укреплено на наружной поверхности внешних стен. Здесь доски были укреплены в вертикальном, а не в горизонтальном положении, и, так как они стояли только в один ряд, мы позаботились обить рейками просмоленную бумагу и тем предупредить возможность сильных сквозняков. Кровля имела толщину ординарной стенки и также была покрыта просмоленной бумагой, скрепленной рейками. Бумага, использованная для внешнего покрытия, была самого толстого сорта и, — окрашенная в черный цвет, — поглощала весною и летом солнечные лучи в таком изобилии, что немало способствовала согреванию помещения. Зимою внешняя стена, снабженная, вдобавок, покрытием из льда и снега, препятствовала излучению внутреннего тепла.

Внутренность дома была разделена на три комнаты, из коих первая, размерами в 5 на 4½ метров, предназначалась для офицеров и была отделена от большой комнаты, занятой нижними чинами, промежуточным пространством, в котором первая половина, — площадью 2 на 2½ метра, — служила входными сенями, а вторая — 3½ на 2½ метра, составляла исключительное владение повара. На северном и южном концах были устроены чуланы из холста и просмоленной бумаги, служившие для склада припасов и отделявшие отапливаемое помещение от непосредственного сопри-

косновения с зимним воздухом. В следующем году такая же пристройка была добавлена к западной стороне нашего жилища. На прилагаемом плане показано внутреннее устройство дома и размещение в нем участников экспедиции. При этом надо заметить, что ванная комната была поставлена в непосредственном соседстве с печами, так что эта необходимая принадлежность каждого хорошо оборудованного полярного зимовья предоставляла все удобства для пользования. Превосходная круглая ванна никогда не стояла праздно. Тот



План дома в Конгере: 1—6. Нары для нижних чинов. 7. Д-р Пэви. 8. Л-т Кислингбэри. 9. Л-т Локвуд. 10. Л-т Грили. *A*. Маятник. *B*. Ванная. *C*. Кухонные печи. *D*. Письменный столик. *E*. Лестница на чердак. *F*. Хронограф и регистратор анемометра. *G*. Хронометры. *L*. Пристройки из холстины. *P*. Угольный склад. *R*. Кухня. *S*. Печь для отопления. *T*. Столы. *W*. Бак для воды.

параграф устава, который требовал полного омовения по меньшей мере один раз в неделю, существовал только для формы. Все охотно исполняли его по собственному почину.

Единственный относительно ровный участок окружающей местности непосредственно примыкал к дому. Наше жилище было удобно и красиво расположено на расстоянии около тридцати метров от берега между устьями двух ручьев, которые в продолжение нескольких месяцев в году вливаются здесь в море.

Немного ниже на крутом берегу, прямо против Голландского острова, который лежит у самого входа в бухту, возвышается холм, достигающий 150 метров.

Мы назвали его Кэрн-хилл — «Курганный холм», в честь кургана, воздвигнутого здесь англичанами.

К востоку тянется относительно низкая долина, отделяющая Кэрн-хилл от горы Картмел, высотой в 600 метров. Долина эта ведет к пологому перевалу, через который можно добраться до месторождений каменного угля близ Уотер-курс-крик, в 4 милях от стоянки. Эта дорога, хотя и одна из удобнейших, но все же чрезвычайно трудна.

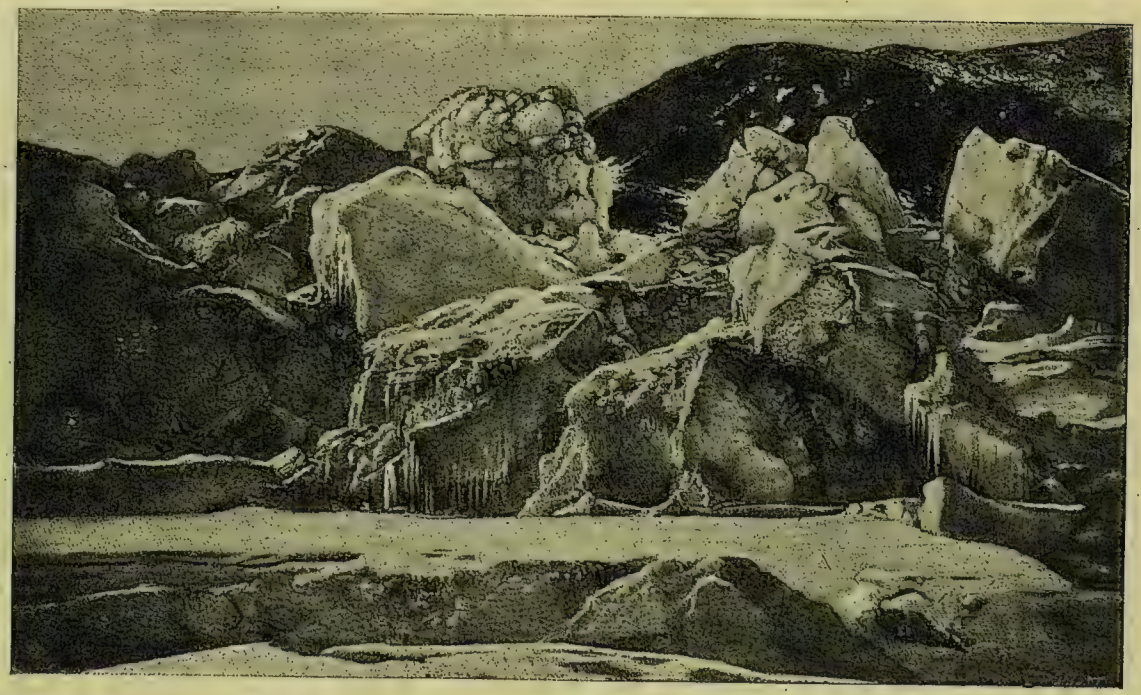
Прямо к северу находится угловатый пролом в высоких утесах, известный под названием Северной долины. Сквозь это отверстие виден на расстоянии 5 миль от моря Свиной хребет (Хогбэк) — высота, имеющая около 900 метров. Она получила свое название от мягко изогнутых контуров вершины — форма, обычная для большинства холмов на Земле Гриннеля. Многие из них будут упоминаться позднее под этим общим для всех родовым именем.

К северо-западу, на расстоянии приблизительно одной мили, вливается в море из Каскадной балки ручей. Балка эта была так названа по причине множества красивых маленьких водопадов, которыми весенние потоки сбегают с высоты 430 метров. Этот ручей берет начало на плоскогорье, возле так называемой «Сахарной Головы», остроконечной возвышенности, достигающей 250 метров.

От Каскадной балки к западу до Французского мыса, на пространстве 10 миль, утесы высотою от 430 до 650 метров поднимаются почти отвесно из бухты и, за исключением, быть может, одного или двух пунктов, недоступны. Приблизительно в 5 милях от станции эти утесы круто поворачивают к северу, образуя так называемый залив Мускусного Быка.

К юго-западу от станции остров Белло отделяет бухту Дисковери от Арчер-фиорда. Остров этот очень красив, суров и высок, и его вершина (гора Кэмпбелля) покрыта вечным снегом.

Из этого описания явствует, что окружавшая нас обстановка имела грандиозные масштабы, но гармония пропорций в ее отдельных частях была так совершенна, что при первом взгляде, как на Ниагаре, ее величие оставалось почти незаметным.



Береговой лед у мыса Мэрчисона.

Огромный залив с его 20 квадратными милями ледяных полей, окруженный со всех сторон отвесными стенами, которые насчитывают от нескольких десятков до нескольких сот метров высоты, кажется в момент высадки на берег небольшой бухтой, окаймленной весьма скромными холмами.

Лишь только была закончена постройка дома, началась походная работа. Трудности и опасности такой работы в осеннее время хорошо известны: отсутствие снега не позволяет передвигаться по твердой земле с санями, а прибрежный лед становится непроходимым. Солнце с каждым днем светит все слабее, ночи — это пугало арктических путников — удлиняются с угрожающей быстротой. Молодой лед, образующийся при низкой температуре, покрывается влажной соленой «плесенью», красивой на вид, но препятствующей движению саней и вредной для обуви. Вдобавок тонкий налет снега часто скрывает полыньи, затянутые хрупким молодым льдом, могущим в любую минуту проломиться.

Несмотря на все эти препятствия лейтенант Локвуд еще в конце августа посетил залив Святого Патрика. В первых числах октября он повторил свою экскурсию и обследовал долину, которая тянется вглубь страны от этого залива. 30 августа д-р Пэви и сержант Райс направились сухим путем к северу. 3 сентября они достигли мыса Унион. На обратном пути они осмотрели устроенный англичанами склад, оказавшийся в довольно плачевном состоянии.

Пролив Робесона очистился от льда, и 31 августа сержант Брэйнард с четырьмя нижними чинами отплыл в вельботе по направлению к северу. 1 октября им удалось добраться до мыса Бичи, где сидящие на мели пловучие льдины помешали дальнейшему продвижению. Спустившись несколько южнее, Брэйнард высадился на берег и вместе с товарищами перенес вельбот на руках к подножию горы Бофор.

Северозападный ветер, гнавший в пролив Робесона льды из Полярного моря, делал весьма сомнительной надежду вернуться домой по воде, поэтому Брэйнард

поставил вельбот в надежном месте на берегу, устроил склад провизии и сухим путем вернулся в Конгер.

7 сентября лед, покрывший бухту, был уже достаточно крепок для продвижения саней. Я воспользовался этим, чтобы посетить «Меха» — долину, расположенную милях в пятнадцати к юго-западу от станции в самом дальнем конце бухты Дисковери. Эта долина получила свое название от сильных и постоянных ветров, дующих в ней. Ее отделяет от соседней долины Черных Скал высокий, причудливо изрезанный утес, называемый мысом Бифуркации. Меня сопровождали лейтенант Кислингбэри, сержанты Брэйнард и Ральстон и эскимос Иенс. Во время этой экскурсии убито девять мускусных быков.

Кроме того в течение сентября и октября было произведено несколько других мелких экспедиций. Кроме обследования ближайших участков побережья, мы успели устроить четыре склада провизии, которые могли нам пригодиться в будущем году при нашем продвижении к северу.

Жизнь на станции в течение всего этого времени не была лишена интереса. Окончательная отделка дома, постройка и оборудование астрономической, метеорологической и магнитной обсерваторий поглощали все наше внимание. До средних чисел сентября буквально некогда было вздохнуть.

Птицы по большей части исчезли еще до ухода «Протея», а вся дичь, водившаяся вблизи станции, была перебита. 26 мускусных быков, 10 уток, 1 заяц, 2 тюленя и 1 белая куропатка стали добычею охотников, что в общей сложности дало 2800 килограммов свежего мяса для участников экспедиции и приблизительно такое же количество требушины для собак.

Лейтенант Кислингбэри продолжал усердно ходить на охоту, но дичи больше не было. Единственными живыми существами оставались пауки, комары, мухи, гусеницы и бабочки на холмах до гольцы[1] в озере Александры. Комаров, которые так многочис-

---

[1] Голец — рыба из семейства лососевых, водящаяся в Гренландии и в других полярных районах, между прочим и у нас на Новой Земле и Колгуеве. *(Прим. ред.)*

ленны и назойливы в гренландских портах, здесь к счастью было немного.

Низкие температуры августа месяца, достигавшие —9°С, покрыли море льдом, высушили проточные ручьи, погнали на юг перелетных птиц и внесли опустошение в растительный мир. Веселые желтые маки исчезли, но более стойкие цветы, как-то пурпуровые лепестки камнеломки и белые маргаритки — еще продолжали красоваться в первых числах сентября.

Первые признаки полярной ночи были замечены нами вечером 9 сентября, когда на небе засияла полная луна и стали видны звезды первой величины. Как ни действует угнетающе арктическая ночь, нескончаемый полярный день тоже имеет свои неудобства. Развивается бессонница, и самые аккуратные люди приобретают беспорядочные привычки, если только им не предписывается некоторая обязательная рутина.

Хотя мы находились далеко за пределами цивилизации, все же некоторые формальности надо было соблюдать здесь так же, как и в более низких широтах. 10 сентября рядовой Юлиус Фредерик за истечением срока был уволен от службы и принят вновь. Немного спустя то же самое пришлось проделать сержанту Брэйнарду.

Сильно взволновало всех нас появление 13 сентября большой стаи волков на льду бухты, невдалеке от дома. Можно было насчитать от тринадцати до восемнадцати голов. Хотя и не проявляя признаков трусливости, они все же держались на почтительном расстоянии, и ни одному из охотников не удалось приблизиться к ним на ружейный выстрел. Подобная осторожность, общая, впрочем, для всех полярных волков, может в данном случае показаться весьма удивительной, если вспомнить, что эти животные никогда не подвергались преследованию со стороны человека и вообще, за исключением медведя, не встречали ни одного живого существа, могущего причинить им вред.

Встревоженный близостью столь многочисленной стаи и опасаясь за наших собак, я решил отравить волков ядом. Это удалось не сразу. Лейтенант Кислингбэри рапортовал, что песцы съели все годное к употреблению в пищу мясо, оставив нетронутыми от-

равленные куски; но впоследствии четыре волка и один песец все же были отравлены, а прочие исчезли и больше не появлялись до конца сезона.

Лампы для общего пользования впервые зажглись 16 сентября, а на следующий день была окончательно оборудована ванная комната.

17 сентября участники экспедиции праздновали в Конгере день рождения одного из своих товарищей: рядовому Уислеру исполнилось двадцать четыре года. По этому случаю был установлен обычай, которого неуклонно придерживались и впоследствии. Виновник торжества освобождался на один день от всех работ и получал право заказать обед по своему вкусу. Кроме того ему выдавалась чарка рома: справедливое распределение Уислером этого количества между всеми товарищами создало с тех пор свято соблюдавшийся обычай.

В течение сентября месяца мы несколько раз имели случай любоваться солнечными миражами, иногда отличавшимися поразительной красотой. 21 сентября это явление длилось в течение пяти часов подряд. Видны были части двух концентрических кругов, расположенных на расстоянии 23° и 46° от солнца. На этих кругах размещено было пять ложных солнц. В тот же вечер мы впервые наблюдали северное сияние — тонкие изогнутые полосы белого света различной интенсивности недолгое время сверкали к югу от зенита, пока не были затемнены надвинувшимися облаками.

Солнечный мираж 24 сентября был красивейшим из всех, какие нам когда-либо приходилось видеть. Он состоял из двух сплошных концентрических полукругов в 23° и 64° от солнца; шесть ложных солнц, — по два справа и слева, и два над настоящим солнцем,— видны были бо́льшую часть дня. Эффекты преломления света были так явственны, как во время радуги. Незадолго до полудня небеса исполнились такого великолепия и богатства красок, что это не поддается никакому описанию.

Средняя температура сентября равнялась—11,71° С, минимальная — 24,4° С. Под действием холодов, которые наступили исключительно рано, толщина нового льда в бухте, имевшая в начале месяца всего четыре и

три восьмых дюйма, увеличилась до пятнадцати дюймов.

Последние светлые дни были посвящены охоте и экскурсиям по ближайшим окрестностям. Наши рыболовы потерпели неудачу на озере Александры, и охотники на суше; однако рыба и дичь, несомненно, во-

Наши эскимосы удят рыбу.

дилась по соседству. 2 октября лейтенант Кислингбэри видел семь куропаток, которые уже сменили черно-коричневое летнее оперенье на безукоризненно белый наряд. Эти птицы, бесспорно, принадлежат к постоянным обитателям Земли Гриннеля, но в период полярных сумерек их можно заметить только случайно, потому что их оперенье почти неотличимо от только-что выпавшего снега.

Сержанты Брэйнард и Райс успели взобраться на вершину горы «Мускусного Быка». Они увидели от-

туда в северозападном направлении ряд покрытых снегом хребтов.

Быстрое наступление темноты характерно для высоких широт. Здесь следует вспомнить, что первую звезду мы увидели в полночь 9 сентября, а 9 октября уже надо было все время держать в помещениях зажженные лампы, кроме разве одного часа около полудня.

Последний день, когда еще можно было ожидать солнца, пришелся на 15 октября. С неприятным и беспокойным чувством все мы посматривали на юг, где скопившиеся облака делали весьма сомнительной надежду полюбоваться последними солнечными лучами. Я взобрался на высокий бугор к северу от станции, так как оттуда было лучше видно. Тотчас же после полудня я записал у себя в дневнике следующее:

«Редкие лучи, пробившись сквозь тучи, позолотили на севере круглую снежную вершину Свиного Хребта, но густые испарения над проливом Кеннеди отрезали их от всего, что лежало ниже. Время от времени ярко освещенные облака проплывали к югу, и так как нежно жемчужные тона уступали при этом место сочножелтым и яркокрасным, то я полагал, что с минуты на минуту завеса может раздвинуться и тогда засияет солнце. И действительно, на несколько мгновений красноватые лучи отраженного света озарили внутренность бухты и далекий залив. Этот волшебный красочный мазок, коснувшись снегового покрова, сообщил новое великолепие полярному пейзажу, придал ему более выразительный и более идеальный характер, заставив порозоветь курчавые столбы пара, поднимавшиеся в плотном, холодном воздухе над прогалинами еще незамерзшей воды».

Но вот красные тона, побледнев, превратились в желтые, а жемчужносерые стали тусклосвинцовыми. Это означало, что солнечный свет погас и что полярный день уступил место долгому царству сумерек и арктической тьмы.

Так как главной целью нашей экспедиции было осуществление программы, намеченной Гамбургской Полярной конференцией, то с особенной заботли-

востью отнеслись мы к организации метеорологических наблюдений. Эти наблюдения начались 1 июля 1881 г. на острове Нью-Фаундлэнде и закончились 21 июня 1884 г. за сорок часов до того, как были спасены последние оставшиеся в живых участники экспедиции.

Наблюдения над атмосферным давлением, температурой и влажностью воздуха, направлением и силой ветра, количеством и движением облаков и состоянием погоды отмечались ежечасно в окрестностях форта Конгера.

Наши термометры помещались в большой деревянной будке, которая была установлена в сорока метрах к северо-востоку от дома. Инструменты были укреплены внутри вращающегося железного барабана, защищенного от внешних влияний второй маленькой будочкой, сделанной из гальванизированного железа. Анемометр и флюгер находились на коньке крыши главного здания.

Магнитная обсерватория была расположена метрах в двухстах от дома. Это было деревянное сооружение, скрепленное за неимением медных гвоздей деревянными же клепками. Толстая обкладка из земли и дерна, к которым зимою добавлялся лед, несколько умеряла ее арктическую температуру. Магнетометр был установлен на крепком треножнике, ноги которого для устойчивости были вморожены в землю. Показания этого инструмента регистрировались по десять раз в час, за исключением 1 и 15 числа каждого месяца, когда одно наблюдение производилось каждые пять минут, а в течение одного часа по два наблюдения каждые двадцать секунд.

Точные наблюдения над высотой приливов чрезвычайно затруднительны в высоких широтах. Чтобы предохранить отверстие во льду от замерзания, требуется постоянная работа двух людей, которым время от времени бывает нужна чужая помощь, когда медленное, но непрерывное продвижение льда от берега заставляет расширять первоначальное отверстие. За одну зиму лед обычно отступает метров на 8. С целью помешать слишком быстрому образованию льда над прорубью, мы построили сверху большую снежную хи-

жину. Несмотря на это прикрытие, лед в проруби достиг за зиму толщины в 2½—3 метра.

Сержант Израэль нес всю астрономическую работу; ему же было поручено руководить магнитными наблюдениями. Лейтенант Локвуд и я исполняли обязанности наблюдателей 1 и 15 числа каждого месяца. Сержанты Гардинер, Джюэль и Ральстон занимались метеорологией и наблюдениями над приливами, причем им иногда помогали сержант Израэль и рядовой Генри. Во второй год нашего пребывания в форте сержант Райс отмечал высоту приливов; время от времени его сменял рядовой Лонг.

Что касается питания участников экспедиции, то я разрешил этот вопрос, исходя из убеждения, что главной причиной цынги бывает недостаточная и дурная пища. Немаловажными причинами являются также сырость, неопрятность, слишком строгая дисциплина, скука, чрезмерный труд, а также регулярное и систематическое потребление спиртных напитков.

Среднее количество различных видов пищи, приходившееся в день на человека за время нашего двухлетнего пребывания в форте Конгера, выражается в следующих цифрах:

Свежего мяса мускусных быков	330,0	граммов
Свежей дичи и зайчатины	24,0	„
Консервированного мяса	48,0	„
Консервированной рыбы	15,0	„
Пеммикана	12,0	„
Свинины, бэкона и соленой говядины	75,0	„
Масла	70,0	„
Сала	18,0	„
Баранины	18,0	„
Молока	48,0	„
Сушеных яиц	12,0	„
Сыра	12,0	„
Всего мяса и животных продуктов	685	граммов
Консервированных овощей	300,0	граммов
Сахара (рафинада)	105,0	„
Сиропа	55,0	„
Всего	460,0	„

Крупчатой муки	165,0	граммов
Овсяной и ржаной муки	70,0	„
Сухарей	96,0	„
Макарон	12,0	„
Крахмала	10,0	„
Риса и маиса	50,0	„
Бобов и гороха	12,0	„
Всего мучнистых веществ	415,0	граммов

Консервированных яблок	36,0	граммов
Других консервированных фруктов	50,0	„
Моченой клюквы и ревеня	60,0	„
Всего свежих фруктов	146,0	граммов

Сухих фруктов	24,0	„
Варенья и фруктового повидла	30,0	„
Пикулей	33,0	„

Общая сумма потребляемых продуктов в 1793 грамма в день, без сомнения, увеличивалась благодаря кофе, чаю, шоколаду и пряностям до 2000 граммов.[1]

Не считая дней моего отсутствия, я всегда лично разрешал все вопросы, связанные с питанием. Никто не знал накануне (за исключением особых случаев), что именно будет подано на обед. Принимались всевозможные меры, дабы тот или иной вид пищи не приедался людям. Повара, по общему правилу, сменялись ежемесячно, что обеспечивало разнообразие в стиле стряпни. Супы подавались ежедневно. На сладкое мы имели попеременно то какое-нибудь блюдо, то консервированные фрукты, но по воскресеньям подавалось и то и другое. Свежевыпеченный хлеб, благодаря искусству Лонга, всегда был вкусен. Кофе и чай давались постоянно, а шоколад один или два раза в неделю.

Кроме раннего завтрака в 7 часов 30 минут утра и обеда в 4 часа пополудни, полагались еще второй завтрак и ужин, состоявшие из хлеба, масла, чая и кофе в неограниченном количестве.

---

[1] Выдачи производились по 64 унции или с кофе и проч. по 70 унций в день. Унция равна 29,78 грамма. *(Прим. ред.)*

Привожу для примера несколько наших меню. Во избежание повторений пропускаю чай, кофе, масло, молоко и т. д., потому что они подавались постоянно.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Завтрак: Крошеное мясо мускусного быка, овсянка, свежий хлеб, шоколад.

Обед: Гороховый суп, жареная мускусная говядина, макароны, запеченные с сыром, рисовый пуддинг, свежие персики.

ПОНЕДЕЛЬНИК

Завтрак: Солонина, овсянка, свежий хлеб.

Обед: Суп из овощей, свинина, запеченная с бобами, поджаренный ржаной хлеб, компот из персиков.

ВТОРНИК

Завтрак: Крошеное мускусное мясо, овсянка, свежий хлеб.

Обед: Суп из бобов, жареное мускусное мясо, томаты, свежие персики.

СРЕДА

Завтрак: Крошеное мускусное мясо, свинина, запеченная с бобами, свежий хлеб.

Обед: Суп из овощей, вареная треска, маисовая каша и пирог.

Стол офицеров состоял из тех же блюд, единственно с той разницей, что порою к нему добавлялись персики, ананасы, мармелад, банка консервированных креветок или какой-нибудь другой деликатес. Я закупил некоторое количество этого рода продуктов специально для офицеров, но впоследствие счел за лучшее предоставить их в общее пользование. Блюда подавал офицерам старший повар, в то время как младший повар, сменявшийся еженедельно, прислуживал за столом нижних чинов.

Принимались все меры, чтобы добиться опрятной и даже щеголеватой подачи пищи. С этой целью приобретены были: полный набор столовой посуды, серебряные ложки и вилки и несколько скатертей. Эти последние переменялись два раза в неделю, и стол всегда имел опрятный, привлекательный вид. Комнат-

ный дневальный помогал повару накрывать на стол, убирать и мыть посуду. Второй завтрак и ужин не подавались, а просто ставились на стол, откуда в течение получаса каждый мог брать то, что ему было по вкусу. Ночной наблюдатель имел право ужинать в полночь.

Опыт всех полярных экспедиций показывает, что строгий распорядок дня имеет величайшее значение для поддержания здоровья. Первоначально я не был склонен настаивать на том, чтобы все ложились спать в определенный час, и на офицеров до самого конца не было возложено никаких обязательств в этом смысле. Что касается нижних чинов, то я вскоре вынужден был распорядиться, чтобы они укладывались не позднее 11 часов по вашингтонскому времени. Завтрак подавали в 7 часов 30 минут утра, и к этому времени все должны были быть налицо за исключением наблюдателей, которые несли ночную службу.

Во вторую зиму стала замечаться усиленная сонливость. Поэтому я издал приказ, воспрещавший нижним чинам занимать койки от 8 часов утра до 3 часов пополудни, за исключением воскресений. Офицеры, случалось, спали в это время от четырнадцати до шестнадцати часов в сутки, и мне самому потребовалось немало усилий, чтобы ограничить свой сон девятью часами.

Обязательное еженедельное купанье не встречало никаких трудностей, многие купались чаще, а один из офицеров в течение многих месяцев принимал ванну ежедневно.

Несмотря на большое количество горячей воды, расходовавшейся в ванной комнате и кухне, мы совсем не страдали от сырости. Ледяной налет образовывался только на окнах да на стенах ванной комнаты на высоте одного или двух футов над полом. Кровати и одеяла проветривались внутри помещения два раза в неделю или даже чаще, если это оказывалось необходимым.

Комнаты подметались ежедневно, а по субботам основательно убирались в ожидании инспекторского осмотра, происходившего по воскресеньям. По забывчивости мы захватили с собою меньше дюжины вени-

ков и потому вскоре были лишены этого простого, но полезного орудия, которое, впрочем, удалось заменить щетками из толстой шерсти мускусных быков.

Физические упражнения поощрялись, но редко бывали обязательными. Сержант Брэйнард, исполнявший должность старшего по команде, получил от меня приказ таким образом распределять работу, чтобы каждый из людей был вынужден ежедневно находиться некоторое время на свежем воздухе. По большей части это ему удавалось. Остальные по собственному почину проводили вне дома от одного до трех часов в сутки. По общему правилу каждый должен был работать восемь часов в день и шестнадцать часов был свободен. Чтобы наблюдатели могли пользоваться еженедельным отдыхом, их заменял по воскресеньям астроном.

Наши зимние развлечения по необходимости имели преимущественно умственный характер. Библиотека у нас была превосходная. Она состояла из семидесяти пяти томов, касавшихся непосредственно Арктики, нескольких энциклопедий и ряда научных сочинений. Кроме того имелось около тысячи романов, журналов и других книг для легкого чтения.

Карты, шахматы, трик-трак были во всеобщем употреблении, но игра разрешалась исключительно на табак. Охотились усердно, пока еще было достаточно светло, на коньках бегали, пока все увеличивавшаяся неровность льда не сделала этого слишком затруднительным.

У одного из участников экспедиции имелась скрипка. Кроме того была заводная музыкальная шкатулка с пятнадцатью метрами музыки, особенно восхищавшая эскимосов, которые никогда не уставали наигрывать один мотив за другим.

Когда эти забавы грозили наскучить, однообразие жизни нарушалось лекциями, серию которых открыл я сам. Я беседовал об акустике, о бурях, о магнетизме, о полюсах (географических и иных), о полярных экспедициях. Один вечер был посвящен воспоминаниям о войне. Лейтенант Локвуд прочел две лекции о санных походах в арктической обстановке, а д-р Пэви об Африке. Во вторую зиму Пэви рассказывал о Напо-

леоне, а сержант Израэль прочел ряд превосходных лекций по астрономии.

Медицинский осмотр всего личного состава экспедиции производился по воскресеньям, и письменный рапорт об этом подавался ежемесячно. Врачу было предложено назначать специальную диэту или добавочное питание в тех случаях, когда замечались признаки начинающейся цынги. Распределение лимонного сока (по 30 граммов) производилось ежедневно, если только он не заменялся сидром и если врач не советовал сделать перерыв, потому что кислота неблагоприятно влияла на пищеварение пациента.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПЕРВЫЕ ТЕМНЫЕ ДНИ. — НОВЫЙ ГОД. — ЗИМНЯЯ ХРОНИКА

Всего больше страшит и смущает людей неизвестность, и потому мы, с испугом глядевшие на уходящее солнце, испытали некоторое облегчение, познакомившись на опыте с первыми темными днями. Одно время казалось, что арктическая ночь, длящаяся пять месяцев без перерыва, в конце концов не так уж тягостна.

Но когда быстро меркнувшие сумерки уступили место полному мраку, когда с каждым днем небо становилось угрюмее, а холод все увеличивался, мы начали догадываться, что не столько холод и тьма сами по себе делают жизнь на дальнем Севере такой тяжелой, сколько их нескончаемое однообразие. Каждый внимательный наблюдатель мог бы заметить, что продолжительная тьма оказывает угнетающее действие на участников экспедиции. Само собой разумеется, никто не хотел признаваться, что ему приходится туго, но в сущности ни один из нас не избежал этого влияния. Наиболее заметными признаками этого были склонность к сонливости, отвращение к физическим усилиям, раздражительность и другие подобные симптомы, несвойственные нашему обычному моральному и физическому состоянию. Что касается меня лично, то, не-

уклонно следуя определенному распорядку жизни, я, однако, лишь с трудом мог ограничить число часов сна некоторой разумной цифрой и заниматься с успехом длительной умственной работой. Хотя и свободный от чувства нравственной угнетенности, сонливости и легкой утомляемости, я по временам испытывал приступы раздражительности, с которой постоянно надо было бороться. Но от этого последнего симптома спасались лишь очень немногие. Наши лица постепенно приобретали бледную желтовато-зеленую окраску, которая стала явственно заметна лишь после возвращения света.

В последний раз можно было видеть солнце 14 октября, вновь появилось оно 28 февраля, т. е. сто тридцать семь дней спустя. О полярном мраке писали много, но когда при этом ссылаются на невозможность читать по печатному в полдень, то это — далеко недостаточное понятие об его интенсивности. В самом деле, в полдень солнце на короткое время приближается к горизонту, и производимый им эффект легко переоценить. В форте Конгера звезды стали видимы в полдень семь дней спустя после того, как ушло солнце, и с тех пор они продолжали сиять при безоблачном небе четыре месяца слишком. В течение всего этого времени южная сторона неба покрывалась в час полудня более или менее ярким румянцем. Даже 21 декабря была видна дуга полусвета, достигавшая нескольких градусов, но практическая полезность подобной дуги является довольно спорной. Полуденная тьма в форте Конгера в продолжение двух средних зимних месяцев была такова, что нельзя было разглядеть который час, держа часы у самых глаз и обратившись лицом к югу. Отсюда ясно, что свет, получаемый от солнца в зимний полдень, гораздо слабее света полной луны в средних широтах.

В течение октября все свободное время было посвящено тщательному ограждению дома извне. Ледяной вал высотою в 2 метра был воздвигнут на расстоянии 1 метра от стен нашего жилища. Затем его обложили мягким снегом, чтобы сделать непроницаемым для ветра. Пространство между валом и стенами дома было позднее заполнено мелким, сухим снегом, кото-

рый, будучи плохим проводником тепла, явился превосходным прикрытием.

15 октября, десять дней спустя после того, как удалилось солнце, один из участников экспедиции ошеломил всех известием, что солнце стало вновь видимо в южной части неба. Выяснилось, что это — красивое ложное солнце, державшееся около часу, и мы глядели с большим интересом на этот отраженный образ нашего исчезнувшего светила. Сверкающий диск, синежелтый и красный, лежал на три градуса выше горизонта, и полосы белого света расходились от него, как от центра кверху и книзу.

Затем пришел черед северных сияний. В моем дневнике записано под 14 ноября:

«На небе видна туманная масса, очень похожая на облако только-что поднявшегося пара, освещенного лучами мощного кальциевого света. В общем бесцветная, она временами приобретает нежнорозовый оттенок». И немного позднее: «Красивая блестящая дуга, шириною до 3°, состоящая из изогнутых полос света, похожих на закрученные ленты, тянется с юго-запада через зенит к юговосточной части горизонта. Иногда явственно заметные лоскутья света отделяются, словно клубы дыма из трубки, и плывут, постепенно тускнея, к северо-западу. Кажется, будто эта дуга непрерывно обновляется на юго-западе, чтобы вскоре потускнеть на противоположном конце».

Собственно говоря, только с этого времени для нас началась по-настоящему однообразная полярная жизнь. Пущены были в ход всевозможные способы, чтобы облегчить ее неудобства и не допустить людей до уныния, но, как и следовало ожидать, ни один из этих способов не мог обещать полного успеха. Учреждена была школа, в которой я и лейтенант Локвуд преподавали арифметику, грамматику, географию и метеорологию. Д-р Пэви обучал двух людей французскому языку. В общем, уровень образования среди нижних чинов был очень высок. Только один не умел писать и научился этому искусству во время нашего пребывания в форте Конгера.

С помощью сержанта Райса и рядового Генри лейтенант Локвуд издавал двухнедельную газету. Ее пер-

вый номер вышел в свет 24 ноября, возбудив всеобщее любопытство. Но она продержалась всего два месяца и, в конце концов, умерла от отсутствия интереса к ней.

Средняя температура ноября месяца —31,41° С является самой низкой из всех, отмеченных в летописях полярных путешествий. Несмотря на это, состояние здоровья участников экспедиции было в общем превосходно. Правда, рядовой Лонг работал на кухне с таким усердием, что расхворался, и в середине октября его пришлось заменить на этой должности, но он вскоре стал силен и крепок попрежнему.

Следующий пациент появился у нас в результате единственного серьезного несчастного случая, имевшего место за все время пребывания экспедиции в форте Конгера. 30 ноября сержант Гардинер сломал ногу, свалившись с тропинки, которая вела к обсерватории, установленной для наблюдения над приливами. Он был вынужден пролежать в постели два месяца, в течение которых кость срасталась правильно, но медленно.

В начале декабря стало очевидно, что время зимнего солнцеворота приближается. Дуга полусвета на юге сделалась чрезвычайно узкой, хотя все же от нее исходило в полдень слабое сияние, позволявшее подниматься на возвышенности острова Белло и на Кэрн-Хилл, чтобы поглядеть на поставленные там метеорологические инструменты. 1 декабря сержанты Брэйнард и Ральстон посетили с этой целью вершину горы Кэмпбелл на острове Белло. Они были очень удивлены, обнаружив, что температура на вершине, на высоте 600 метров, равняется —22,2° С, тогда как в это самое время на станции термометр показывал —33,1°. Минимальная температура на вершине, считая с 31 октября, достигла лишь —38,9° С, тогда как на станции за тот же промежуток времени она опустилась до —40,4° С.

Около 10 декабря наступил критический период нашего пребывания в Конгере, так как выяснилось, что продолжительная темнота уже оказывает свое угнетающее действие на психику большинства из нас. Аппетит понизился, и появились многочисленные при-

знаки уныния, раздражительности и упадка духа. Эскимосы страдали еще сильнее, нежели кто-либо из нас. Симптомы смятения и беспокойства были замечены мною еще 8 числа. Потребовались самые серьезные усилия в порядке личного воздействия, чтобы вернуть этих гренландцев к более веселому настроению духа.

13 декабря Иенс Эдвард исчез, покинув станцию рано утром, не съев своего завтрака и даже не захватив с собой рукавиц из тюленьего меха. Тотчас же сержант Брэйнард был послан к северу и Райс к югу. Обоим приказано было взять фонари, чтобы можно было описать круг с радиусом в полмили около станции и установить совершенно точно, в каком направлении убежал эскимос. Его следы были не без труда обнаружены к югу от Голландского острова в проливе Робесона. Сержанты Брэйнард и Райс и рядовой Уислер погнались за ним. Немного спустя в том же направлении отправился д-р Пэви с санями. Иенса настигли недалеко от мыса Мэрчисона, быстро идущим к северу. Он, впрочем, беспрекословно вернулся на станцию и через короткое время пришел в себя. Несколько дней спустя эскимос Кристиансен также выказал намерение дезертировать, но, к счастью, его удалось отговорить.

Эта история сильно тревожила меня, пока начало весны и весенние работы не отвлекли внимания эскимосов и не сделали их более веселыми и довольными.

16 декабря средняя дневная температура в первый раз пала ниже —40° С. Два дня спустя в моем дневнике записано: «Весьма замечательно, с какой легкостью маленькие щенята наших собак, насчитывающие всего шесть недель от роду, переносят холод. Они выбегают из своего убежища на открытый воздух, чтобы выхватить несколько лишних кусочков из помойного ведра. Вчера двое или трое из них влезли в только-что пролитую воду и буквально примерзли к месту, так что их пришлось вырубать топором. Они, повидимому чувствуют себя ничуть не хуже после этого приключения».

День зимнего солнцестояния, хотя и самый короткий в году, не был, однако самым темным. В течение большей части этого дня воздух был полон падающими частицами инея, которые, впрочем, не мешали

нам видеть звезды. Можно было даже разглядеть очертания мыса Протея, лежащего от нас на расстоянии четырех пятых мили. Самый темный день в году пришелся на 12 декабря, что объяснялось густой мглой и туманом, которые все же не удержали лейтенанта Кислингбэри и некоторых других от обычной прогулки к Голландскому острову.

Ясный месяц вновь появился 27 декабря и осветил ярким светом всю окрестность, которая так долго была скрыта от нас непроглядной тьмой безлунной зимней ночи. Мы радовались, что луна останется на небе до той поры, когда первые отраженные лучи солнца снова начнут посылать нам в полдень свой свет.

В моем дневнике от 30 декабря сказано:

«Я с удовольствием услышал долгий горячий спор об относительных преимуществах пехоты и кавалерии. Это — издавна любимая тема наших людей, но состояние подавленности, вызванное темнотой, некоторое время мешало обсуждать ее. Возобновление этих дебатов возвещает, что команда возвращается к своему прежнему хорошему настроению».

Наступил последний день в году, и так как приказ ложиться не позже 11 часов был по этому случаю отменен, команда решила бодрствовать в ожидании той минуты, когда старый год уступит место новому. Песни не смолкали до полуночи. Затем последовали танцы и концерт, в котором посуда нашей кухни играла немалую роль. Нижние чины пели и забавлялись до 3 часов утра.

В моем дневнике записано: «Новый год начинается хорошо. День был теплый: от — 23,3° С до — 34,4°, но с весьма неприятным ветром. Я разрешил встать на один час позже, чтобы вчерашние гуляки могли как следует отдохнуть. Мне было очень приятно видеть, как весело и от души забавлялись наши люди вчера вечером. Их хорошее настроение и все возрастающий аппетит обеспечивают нас от цынги в текущем сезоне. Наша численность осталась неизменной, здоровье превосходно, мужество и сила нисколько не уменьшились».

Отпраздновав новый год, мы вернулись к обычному распорядку жизни. Первые дни января принесли немножко больше света, зато холод все увеличивался. Средняя температура за два дня упала больше чем на десять градусов с — 35,1° С до — 45,7° С, а на следующий день достигла минимума — 50,1° С.

К этому времени наше жилище было устроено настолько комфортабельно, насколько это вообще являлось возможным при данных условиях. С наружной стороны дом был снабжен основательной обкладкой из земли и снега, и все щели в помещении заклеены толстой бумагой, так что всякая возможность сквозняков исключалась. Нижние чины устроили полки над своими койками и приколотили занавески, что создавало некоторую видимость домашнего уюта. В офицерской комнате такие же полки и занавеси были приспособлены отдельно для каждого постояльца. Наш врач держал свои книги, инструменты и нужные лекарства на полках в своем особом углу.

Мои собственные владения, площадью в 2½ метра на 2½, составляли, в сущности говоря, часть большой комнаты, но толстые занавеси были приспособлены таким образом, что могли передвигаться и делали мой уголок невидимым для чужого глаза. На полках стояли мои личные книги и превосходная полярная библиотека, находившаяся в нашем распоряжении. Для сбережения места койка была прикреплена к крышке амуниционного ящика, где хранилась большая часть моего одеяния. Маленький письменный стол, стул-качалка и несколько ковриков весьма способствовали комфорту, когда я ежедневно усаживался за умственную работу. За ночь чернила замерзали у моего изголовья, а вода, пролитая на ковер или на пол, быстро превращалась в лед. Зато днем, если только позволительно употреблять слово д е н ь при отсутствии солнца, температура достигала + 30° С на уровне моей головы. Несмотря на все эти мелкие неприятности я очень дорожил в то время моим уголком.

День 16 января надолго остался памятным в Конгере. В дневнике у меня записано: «Сегодня у нас была буря, самая страшная из всех, какие мне пришлось испытать, если не считать урагана на вершине горы

Вашингтона. В 7 часов утра при облачной тихой погоде барометр вдруг начал падать с быстротою до 0,5 дюйма в час. Я смотрел на барометр ежечасно; падение продолжалось со все возрастающей быстротой, и к 11 часам достигло 10 дюймов в час, причем подул югозападный ветер со скоростью 18 миль. Тогда наблюдения стали производиться каждые пятнадцать минут. Час спустя барометр упал на второй десяток дюймов, и ветер, изменивший прежнее направление на северовосточное, достиг 50 миль в час. Воздух был до такой степени заполнен летящим снегом, что я приказал произвести наблюдение над температурой двум самым сильным людям одновременно, а для наблюдения над приливом выслал двух других. Только с большими трудностями могли они добраться до инструментов. В час пополудни понадобились усилия шести человек, снабженных веревками, чтобы проделать ту же самую операцию, причем северовосточный ветер дул со скоростью в 52 мили. В 2 часа пополудни барометр все еще продолжал падать так же стремительно, и ветер достиг скорости 62 миль. Выйти из дома было совершенно невозможно. Ветер превратился в ураган, дом шатался и скрипел весьма зловещим образом. Каждую минуту я ожидал, что крыша будет сорвана и все строение опрокинется в бухту. Подобная катастрофа поставила бы нас в отчаянное положение и, вероятно, оказалась бы роковой для некоторых из участников экспедиции. Сила ветра была такова, что в течение часа мы не знали, какая участь нас ожидает.

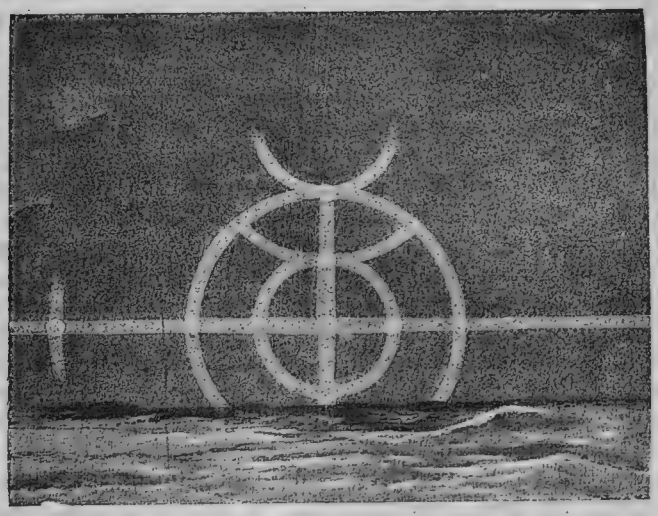
Наивысшая скорость ветра, зарегистрированная в 2 часа 15 минут пополудни, равнялась 65 милям, но около 2 часов 40 минут ветер, дотоле бывший постоянным, сменился неистовыми порывами, скорость которых достигала, быть может, 80 или 90 миль. Шест анемометра был начисто сломан, и чашки улетели за несколько миль в залив. В 3 часа пополудни барометр показывал 29,028, опустившись всего на полдюйма за последние пять часов. Давление оставалось приблизительно неизменным еще часа три подряд, но в 4 часа пополудни ветер упал до 40 миль, после чего мы возобновили наблюдения на открытом воздухе, хотя с некоторыми трудностями и опасностями. Если бы

наш дом не был так основательно обложен землею и снегом, его, без всякого сомнения, разнесло бы на части.

На следующий день в дневнике моем записано: «Двухдневный шторм кончился, и теперь наши глаза замечают явственную перемену. Южная сторона неба в полдень дает нам определенное ручательство того, что солнце должно вернуться. Тонкие ленты перистых облаков на южном горизонте красиво окрашены. Над полосой темноалого цвета желтизна нарциса постепенно переходит в серый жемчуг. Хотя в эту зиму выпало достаточно снега, все же вершины холмов стоят почти голые. Они теперь менее прикрыты, нежели в октябре. Вчерашняя буря обнажила все возвышенности от лежавшего на них снега, сбив его в плотные тугие сугробы, которые заполнили все неровности почвы и трещины на льду бухты. Впервые за все время нашего пребывания можно лепить снеговые глыбы и строить снежную хижину. При здешних низких температурах снег не имеет той мягкости и пластичности, которая свойственна ему в более умеренных широтах. Каждая снежинка твердая и изолированная, как зернышко песка, соединяется со своими соседками только при наличии сильного давления. В течение месяца, предшествовавшего шторму, мы заметили только два слабых северных сияния, зато после бури это явление повторялось четыре раза на протяжении одной недели. Сияние 21 января было красиво выше всякого описания, и я не нахожу слов, чтобы передать все великолепие этой картины. Арки превращались в полосы, полосы в отдельные клочья и ленты, и затем опять сплошные арки покрывали порою все небо. Это продолжалось в течение двадцати двух часов подряд, причем ни на минуту зрелище не переставало быть в высокой степени поразительным. Одно время три законченные арки опоясывали югозападную половину неба от горизонта до горизонта. Всего больше это напоминало пожар далеких лесов, если смотреть на них ночью с открытого пространства, находящегося в самом центре. По общему правилу сияние было бесцветным, хотя порою замечались красные оттенки. Несмотря на исключительную продолжительность явле-

ния, возмущение магнитной стрелки было довольно слабо. В самый разгар сияния появился узкий серп молодого месяца, который, странно сказать, был совершенно кровавого цвета».

Вечером 1 февраля замечательный лунный мираж возник на небе в то время, как луна на высоте 25° стояла над горизонтом. Круги с радиусом в 23° и 46° были явственно видны. Шесть ложных лун, — по две



Лунный мираж.

с каждой стороны от настоящей луны и две сверху, — засияли всеми цветами радуги. Два световых шпица протянулись от луны, достигая наверху внешнего круга, а внизу — линии горизонта. Вдобавок узкая полоса ясного белого света, тоже шедшая от луны, опоясывала кругом все небо в горизонтальном направлении. По временам бледная и лишенная радужной окраски ложная луна появлялась на севере в расстоянии 90° от настоящей, а ниже этой последней, на самой линии горизонта, вырисовывалась еще луна, тоже бледная и бесцветная. Таким образом восемь ложных лун были видимы одновременно. Явление длилось бо-

Арктические облака над островом Белло.

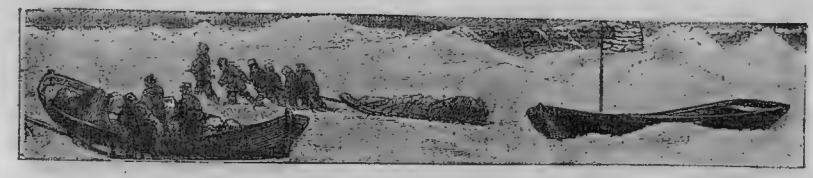
лее часа, причем число лун то увеличивалось, то уменьшалось.

В первых числах февраля сержант Гардинер, к нашему общему удовольствию, вернулся к исполнению своих обязанностей. Сломанная нога срасталась медленно, но все же выздоровление наступило быстрее, чем надеялся врач. Постоянное отсутствие света, невозможность физических упражнений, томительное однообразие жизни, — все объединяется против больного в полярных областях. Однако Гардинер ни разу не падал духом.

6 февраля в моем дневнике записано: «Сегодня в полдень южная часть неба была окрашена в необычайно изящные цвета — темнокрасный и пурпуровый. То был самый холодный день за весь месяц. Средняя температура опустилась до — 47,7° С».

16 февраля на южном горизонте появилась тонкая золотая полоса, лежавшая на холмах Гренландии. Выше их небо имело бледнозеленый цвет, постепенно переходивший к зениту в нежноголубой. В силу контраста южный горизонт, свободный от облаков, казался совершенно черным, хотя в действительности имел густую темносинюю окраску.

В тот же день, около 10 часов вечера, впервые оттаяли ртутные термометры. Во второй половине месяца мы прилежно занимались охотой, но безуспешно. Убили двух зайцев, которых подвесили, казалось бы, достаточно высоко, чтобы уберечь от собак; тем не менее зайцы исчезли. Подозрение естественно пало на двух псов, которые приняли ежедневный корм от поваров с равнодушием, совершенно необычайным для этих животных. Пришел последний день зимы, и возвратилось долгожданное солнце. Лейтенант Кислингбэри и рядовой Уислер вскарабкались на высоты острова Белло и увидели полный диск, но так как термометр показывал — 43,7° С, то остальные участники экспедиции удовольствовались зрелищем верхнего края солнца, видимого и со станции. Легкие облака скрыли как восход, так и заход солнца. Зрелище не имело ничего внушительного, но все же сердца наши забились сильнее при мысли, что наша первая арктическая зима благополучно окончилась.



ГЛАВА ПЯТАЯ

ПОДГОТОВКА К ВЕСЕННИМ САННЫМ ПОХОДАМ. — ГАВАНЬ БЛАГОДАРЕНИЯ И МОГИЛА ГАЛЛЯ. — УСТРОЙСТВО СКЛАДОВ. — К СЕВЕРУ ЧЕРЕЗ ЗАМЕРЗШЕЕ МОРЕ

В средних числах февраля помещение команды превратилось в обширную мастерскую для наших шорников, лудильщиков и плотников. Сани, лодки, кухонные лампы и утварь, спальные мешки, обувь и т. д. чинились, мастерились или изобретались заново.

Первоначально я намеревался бо́льшую часть географических исследований вести при помощи собак. С этой целью были приобретены в Гренландии три полные запряжки. Однако, из двадцати семи псов, купленных в датских портах, только двенадцать дожили до конца 1881 г. Все запряжки были поражены болезнью, занесенной собаками, которых мне продал губернатор Упернивика, и от этого бо́льшая часть их погибла. К счастью, при экспедиции имелись еще три собаки, из которых одна принадлежала д-ру Пэви, а две другие мне лично. Это дало возможность выставить в поле две запряжки по семи собак каждая.

Вопрос о санях был очень важен. Так называемые сани Гудзонова залива были настойчиво рекомендованы д-ром Рэ, и я, в конце концов, решил принять этот образец для обследования побережья Северной

Гренландии, где, согласно данным, сообщенным лейтенантом Бьюмонтом, можно было предполагать наличие мягкого и глубокого снега. Таких саней было нами изготовлено всего четыре пары. Они были снабжены полозьями из ясеня, прикрепленными непосредственно к днищу с каждой стороны. В одном случае ясеневые полозья были обшиты сталью, но так как произведенные опыты доказывали, что стальные полозья невыгодно отзываются на скольжении саней, я, к несчастью, отказался от своей первоначальной мысли и решил, что у прочих саней полозья должны быть просто деревянные.

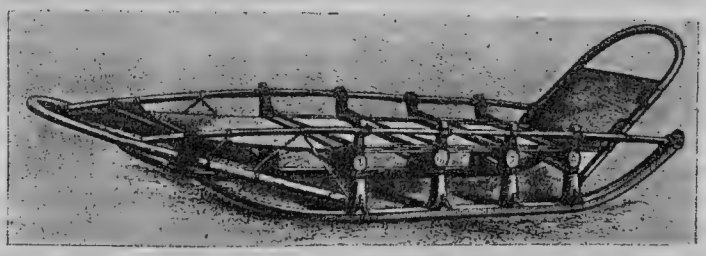
Старинные эскимосские сани.

Сани Гудзонова залива вместе с поперечинами и покрышками весят около 17 килограммов. Они приводятся в движение живой людской силой и при дальних арктических походах имеют вспомогательный характер. Надо было, следовательно, решить, какого рода санями мы будем пользоваться для собачьих запряжек.

Казалось бы, вековой опыт должен был научить гренландских эскимосов, какого типа сани более всего пригодны для названной цели, и потому мы приняли для собачьих запряжек именно этот образец. Лямки гренландских саней изготовляются из тюленьей кожи. Поэтому их можно тянуть изо всех сил, не опасаясь какого-либо повреждения.

Полозья гренландских саней чаще всего трескаются вдоль ряда отверстий, просверленных для прикрепления поперечины. У наших саней полозья были тщательно скреплены полосами кованого железа, что значительно уменьшило опасность такого растрескивания. Сосновые поперечины, обычно употребляемые в Гренландии, были у нас заменены американским ясенем, орехом и дубом. Но даже при самой крайней осторожности поперечины постепенно изнашиваются и, наконец, ломаются, вследствие давления груза и трения об острый, неровный лед. Поэтому необходимо постоянно иметь при себе две или три запасные поперечины.

Вопрос о питании людей во время санных походов также представляет величайшую важность. Правда,



Сани американского образца.

дневной паек должен быть сведен к тому количеству, которое безусловно необходимо для поддержания сил и здоровья. Но здесь гораздо лучше согрешить излишним благоразумием, нежели подвергать серьезной опасности силы людей, исполняющих такую тяжелую работу.

Учитывая опыт предшествующих экспедиций, я решил, что каждый участник санного похода будет получать 1150 граммов твердой пищи и 15 граммов лимонного сока. Пайки, установленные в 1882 г., имели пробный характер, и хотя все высланные в поход партии оставались в вожделенном здравии и отлично работали, все же, снисходя к общим просьбам, я согласился в следующем году увеличить количество пищи и изменить отчасти ее состав, назначив вместо хлеба несколько больше мяса и масла. В 1883 г. дневной паек

состоял из 660 граммов мяса, 60 граммов масла, 120 граммов овощей, 300 граммов хлеба, 60 граммов сахара, 15 граммов молока, 15 граммов чая и шоколада, 7 граммов соли и 1,5 грамма перца. Три четверти мясного пайка состояли из пеммикана, бэкона и мороженого мяса мускусного быка, приблизительно в равных количествах. Дополнением служили консервы и солонина.

Ром не входил в состав санного пайка, зато допускалось весьма щедрое расходование его в качестве лекарственного средства, причем офицеру, начальствовавшему над партией, было позволено в чрезвычайных случаях выдавать ром по собственному усмотрению.

Что касается вопроса о злополучном лимонном соке, то здесь мы не испытывали никаких затруднений. При отправлении партии сок выдавался в виде замороженных кубиков, каждый из которых представлял собою одну дневную порцию.

Наша кухонная утварь была самого простого устройства. Лампа и все кухонное оборудование были изготовлены из сплошной толстой жести без спаек. Внимательнейшим образом проведенные систематические опыты заставили нас предпочесть кухонную лампу с пятью фитилями. Но, вообще говоря, совершенно очевидно, что число фитилей должно зависеть от размеров поверхности, подвергающейся нагреву.

Вопреки общепринятому мнению, меховая одежда, даже во время походов, не слишком высоко ценилась участниками моей экспедиции. Общий опыт всех нас свидетельствовал, что две пары толстого шерстяного белья наивысшего качества, надетые под верхнюю одежду из обычного плотного шерстяного материала, служат совершенно достаточным прикрытием. Весьма важно, однако, чтобы верхняя одежда была совершенно гладкой, дабы избежать прилипания снега к материи. С этой целью армейские рабочие балахоны и дождевики, сшитые из тонкой парусины, носились нами в качестве верхней одежды. Снимая их на ночь, люди ложились в свои спальные мешки совершенно сухими . . .

Темиаки, иначе — джемперы из тюленьей шкуры, оказались пригодными лишь в ветреную погоду, а потому ими пользовались мало. Тюленьи штаны были испробованы почти каждым участником экспедиции, но большинство поспешило отказаться от них, хотя кое-кто успел к ним привыкнуть.

Во время походной службы в Арктике прежде всего надо охранить свое тело от обморожения. Это, однако, вовсе не так трудно, как обычно думают, и при всех случаях обморожения неизменно оказывается, что начальник или подчиненные пренебрегли какими-либо хорошо известными и строжайше предписанными правилами осторожности. Обувь и рукавицы должны быть мягкими, гибкими и достаточно свободными, чтобы никоим образом не препятствовать кровообращению. Для непосредственного укутывания ног ничего нет лучше толстых, плотно вязаных чулок из чистой шерсти. Они удерживают тепло, выделяемое ногой, но не мешают испарению. Только одна пара чулок должна достигать до колен; лучше, если вторая пара оканчивается немного выше лодыжки. В качестве наружной обуви надо рекомендовать мокассины или гренландские сапоги. Многие путешественники предпочитают эти последние, ибо они, будучи промаслены, не портятся при случайных погружениях в воду. Надо, впрочем, брать с собою и сапоги, и мокассины, имея при этом в виду, что одна пара тех и других составляет необходимый минимум для человека на каждый месяц санного похода.

Ввиду того, что нам не удалось выписать мокассины из Канады и приобрести достаточное количество сапог в Гренландии, мы были вынуждены пополнить имеющийся запас посредством домашнего производства. Парусиновые сапоги оказались непригодными, но во вторую зиму наш шорник Фредерик съимпровизировал обувь, которая превосходно отвечала требованиям. Она была выделана из так искусно вывернутой тюленьей кожи, что ни один из швов не причинял трения при ходьбе; голенища были войлочные; стельки из буйволовой, медвежьей или оленьей шкуры, с коротко подстриженным волосом, который, впитывая влагу из чулка, самое стельку оставлял совершенно сухой.

Шерстяные рукавицы (не перчатки), прикрытые снаружи второй парой рукавиц из тюленьей кожи, достаточно защищают руки, но к ним необходимо присоединить шерстяные напульсники, которые, окутывая руку от запястья до локтя, позволяют, в случае нужды, пускать в ход пальцы. Наружные рукавицы из тюленьей кожи должны иметь по два больших пальца и одинаково хорошо приходиться на любую руку. Во время похода их надо прикреплять к одежде при помощи бичевок. Потерять рукавицу бывает иногда очень опасно. Голова лучше всего защищается шапкой китобоя, кожаной и подбитой мехом, с двойным отложным бортом. Не существует лишь сколько-нибудь удовлетворительного прикрытия для лица, но кутать лицо или заранее смазывать его глицерином при очень низких температурах опасно. Во время движения против ветра лицо, до известной степени, защищается козырьком из тюленьей кожи, который на несколько дюймов выдвигается вперед над лбом. Выдающаяся часть козырька поддерживается в горизонтальном положении при помощи кусочков китового уса. Лицо и в особенности нос надо предохранять от обморожения, поднося к ним возможно чаще теплую руку. Эту последнюю просто накладывают на угрожаемое место, но никоим образом не прибегают к усиленному растиранию. Само собой разумеется, что опасно бывает прикладывать снег к отмороженному носу при температуре — 40° С. Если при этом начать растирание, — снег, похожий на мелкий песок, сдерет полоски кожи с лица. Один из участников нашей экспедиции, позабывший об этом обстоятельстве, соскоблил почти всю кожу со своего носа, который сильно распух и причинил ему впоследствии много страданий.

При долгих походах непременно следует носить очки с цветными стеклами. В противном случае никто не застрахован от снежной слепоты, которая причиняет сильную боль самому пострадавшему, создает необходимость добавочной работы для остальных и, порою, может обусловить неуспех всего путешествия. Довольно трудно добиться исполнения этого правила, одинаково обязательного как в пасмурные, так и в ясные дни.

Выступление в санный поход из форта Конгера.

Наши спальные мешки были сшиты из хорошо выдубленных бизоньих шкур. Мы испробовали также бараньи шкуры и нашли, что мешки из них теплее, но не годятся для продолжительных трудных походов. Они не только гораздо тяжелее, но, сверх того, быстро впитывают сырость и тогда обращаются в ледяные массы. Мешок должен постепенно расширяться от нижней части к изголовью, которое заканчивается широким клапаном для прикрытия головы. Каждый мешок предназначается для двух или, самое большее, для трех человек. Люди, спящие в одиночку, страдают от холода гораздо сильнее, нежели в двойных мешках.

В наших походах мы пользовались обыкновенными армейскими палатками, внутри которых ставили прорезиненные шатры, сработанные по специальному заказу для службы в Арктике. Мы употребляли при этом шесты общепринятого образца и железные булавки.

Наша первая весенняя санная экспедиция была предпринята на десять дней раньше возвращения солнца. Лейтенант Локвуд отправился в путь 19 февраля в сопровождении сержанта Брэйнарда и эскимоса Кристиансена, имея при себе сани, которые мы прозвали «Антуанетой». Ему было приказано посетить склад «В» и освидетельствовать лед в проливе Робесона с тем, чтобы наметить наилучшую дорогу для позднейшего похода в гавань Благодарения. Партия успешно выполнила поставленную ей задачу и воротилась в Конгер 22 числа, пройдя в полярных сумерках от 60 до 70 миль при средней температуре — 42,6° С.

28 февраля впервые показалось солнце. На другой день лейтенант Локвуд отбыл в гавань Благодарения с санями «Антуанета». Его партия состояла из сержантов Брэйнарда и Джюэля и эскимоса Кристиансена. Рядовой Лонг и эскимос Иенс со второй собачьей запряжкой, получившие задание доставить новую партию припасов в склад «В», были отданы в распоряжение лейтенанта Локвуда и должны были сопровождать его далее мыса Бичи, если бы в этом представилась надобность.

Хорошая дорога и свежие силы собак позволили сделать переход до склада «В» — около 28 миль —

в течение пяти часов двадцати минут. Переночевали с большими удобствами в снежной хижине. На другое утро лейтенант Локвуд продолжал свое путешествие, причем рядовой Лонг сопровождал его до тех пор, пока не были пройдены ледяные гряды у мыса Бичи. Здесь все запасы были переданы на «Антуанету», и вспомогательная партия вернулась в Конгер, а остальные направились в сторону Гренландии.

При выступлении от мыса Бичи груз «Антуанеты» равнялся, приблизительно, 315 килограммам, что позволило собачьей запряжке довольно легко продвигаться по многолетнему льду. После полуторачасового перехода Локвуд достиг крайнего пункта, посещенного им при предварительной разведке за десять дней перед тем. Не зная наверное, в каком состоянии находятся льды, лежащие впереди, он оставил один из мешков с провизией на высоком торосе и продолжал путь, держа направление на Брешь, — издалека заметную выемку по самой середине крутого высокого берега, который тянется от мыса Лейтона к мысу Семнера. Еще несколько часов странствования по многолетнему льду, чередовавшемуся, порою, с глубоким снегом, привели партию к прибрежным ледяным завалам, а еще час спустя лейтенант Локвуд имел удовольствие ступить на почву Гренландии у подножия Промонтори-пойнт (так называется крутой мыс, расположенный к югу от Бреши). Здесь была раскинута палатка для ночлега.

Еще пять с половиною часов пути, и 3 марта они достигли обсерватории, устроенной в 1871—1872 г. Бессельсом и Брайаном на плоскогорье над гаванью Благодарения. Это была весьма непрочная постройка, но надо признать, что она все-таки оказалась в сравнительно неплохом состоянии: боковые стены и одна из поперечных еще уцелели. Другая поперечная стена и крыша были разбиты на куски. Так как здесь нельзя было найти приюта, лейтенант Локвуд, вместо того, чтобы ночевать в палатке, решил построить снежную хижину. Это потребовало двух часов работы.

День 4 марта прошел в составлении описи предметов, обнаруженных в разрушенном строении, но так как температура стояла — 38,3° С и притом дул све-

жий северовосточный ветер, то труд этот был нелегкий. Два одеяла, оставленные лейтенантом Бьюмонтом, оказались очень кстати во время второго ночлега в снежной хижине, потому что мороз достиг ночью —46,1° С.

Могилы капитана Галля и английских матросов Хэнда и Пауля были найдены в отличном порядке. Надгробная надпись, начертанная командой «Полярис», казалась еще совершенно новой, и непогода успела изгладить лишь некоторые буквы. Красивая медная доска, поставленная английской экспедицией сэра Джорджа Нэрса для увековечения памяти капитана Галля, держалась прямо и крепко на своей подставке, без каких-либо признаков обветшания.

В воскресенье 5 марта занялось погожее ясное утро, при температуре — 45,8° С. Берег Земли Гринеля, скрытый туманом во все предшествующие дни, совершенно отчетливо вырисовывался на западе, когда путники, повернувшись к нему спиной, двинулись в сторону залива Ньюмена. Узкая, крутая балка привела их на обширную равнину, уходившую вдаль насколько хватало глаза. Дул легкий ветерок. Весьма удивительным казалось почти полное отсутствие снега.

После перехода, длившегося шесть часов, лейтенант Локвуд счел более благоразумным расположиться на стоянку, так как температура продолжала быть очень низкой (—45,6° С в конце дня) и барометр стремительно падал.

Отыскали самый глубокий сугроб в маленькой закрытой балке и выкопали яму в снегу, которого было так немного, что на глубине одного метра уже показалась земля. Полотнище шатра, поддерживаемое кольями и засыпанное снегом, образовало кровлю, и партия провела ночь, не страдая от холода, но в чрезвычайной тесноте вследствие крайне малых размеров помещения. Едва успели они войти в свое убежище, как разразился снежный буран со свежим ветром, хотя температура не превышала в это время — 46,1°. Несмотря на буран, теплота тел и испарения кухонной лампы согрели внутренность крохотной хижины до такой степени, что вся партия чуть не задохлась. Утром 6 марта пришлось откапываться из-под снега, потому

что сугробы, наметенные бураном, совершенно занесли устроенный накануне тоннель. Температура, упавшая за ночь до — 46,7° С, поднялась утром до — 38,1° С, но к несчастью свежий ветер дул прямо в лицо путникам.

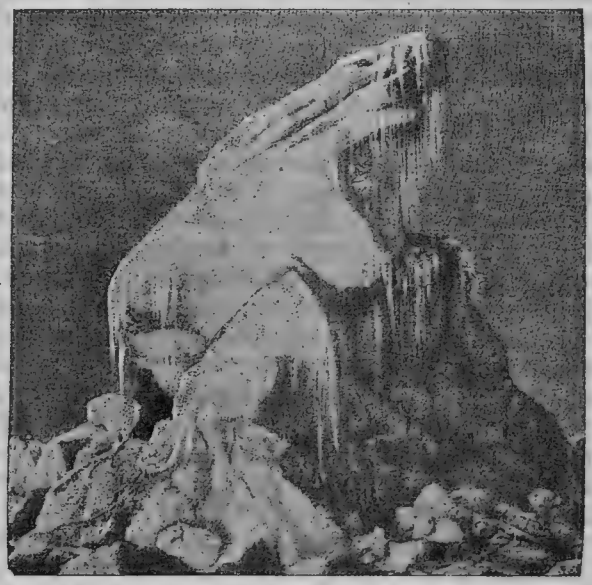
Несмотря на непрекращавшийся ветер и снег, партия двинулась далее и через два часа достигла залива Ньюмена, плоская поверхность которого прерывалась лишь на востоке группой скал. По мнению Локвуда то был остров Хоугет, открытый экспедицией Галля. После четырех часов пути сильный северный ветер вызвал столь частые случаи обмораживания, что решено было устроить стоянку, лишь только найдется подходящий для этой цели сугроб. Вскоре удалось отыскать продолговатую снежную насыпь, обращенную по вертикали против ветра. В этой насыпи выкопали вход фута два в ширину, три — в высоту и четыре в глубину. Расширяя затем помещение изнутри, удалось сорудить достаточно просторное убежище. Вход в тоннель был накрыт полотнищем шатра, и спиртовая лампа вскоре повысила температуру хижины до нуля.

Ночью разразилась буря. Утром 7 марта небо прояснилось настолько, что можно было видеть солнце, но позднее опять пошел снег. После завтрака в 8 часов утра температура воздуха равнялась — 45,3° С при свежем ветре с северо-востока, а среди дня термометр показывал — 46,7° С.

Принимая во внимание упорство ветра, лейтенант Локвуд счел неблагоразумным двигаться далее. Весь день провели в снежной хижине.

8 марта все еще стояла очень плохая погода, хотя температура поднялась до — 37,2° С. Была сделана попытка продолжать путь, но ветер, дувший прямо в лицо, вызвал и на этот раз несколько случаев обморожения, так что партия была вынуждена вернуться в свое снеговое убежище. Здесь имел место инцидент, показывающий, как самая, повидимому, пустяшная забывчивость может подвергнуть опасности жизнь людей, отправляющихся в санную экспедицию. Лейтенант Локвуд и сержант Джюэль израсходовали весь бывший при них запас спичек. Сержант Брэйнард записал в своем походном дневнике: «Сегодня вечером мы сделали тревожное открытие, что во всей партии только

я один имею при себе спички, да и то в весьма ограниченном количестве. При попытке зажечь восковые спички выяснилось, что они не загораются, так как их, очевидно, пропитала сырость, скопившаяся в хижине. Вспомнив, что коробки несыреющих спичек хранятся у меня в кармане куртки, висевшей за дверями хижины, я достал их, уселся на спальный мешок и,



„Лягушка" — ледяная гора в проливе Робесона.

окруженный товарищами, которые не смели дохнуть, начал ряд опытов с новыми спичками. Все было напрасно: они не хотели загораться подобно восковым, и воспламенялась только сера, оставляя дерево даже не обуглившимся. Мы начали сознавать всю серьезность нашего положения. Мы находились далеко в стороне от обычной дороги из гавани Благодарения в залив Ньюмена — при температуре ниже замерзания ртути. По меньшей мере 60 миль отделяли нас от дома, если считать по кратчайшему направлению, и все 70 по той дороге, которой мы только-что проследовали.

Сможем ли мы прожить без воды те три или хотя бы два дня, которые потребуются, чтобы достигнуть склада «В» (мыс Бичи)? Наконец, было решено, что, если завтра погода будет благоприятствовать, мы сможем к вечеру добраться до мыса Семнера, а на следующий день до мыса Бичи, хотя, конечно, нам придется сильно страдать от жажды. Тут предложено было воспользоваться револьвером в качестве зажигалки. Приготовили уже бумагу, когда один из членов партии вздумал еще раз попытать счастье со спичками. Сказано — сделано. Снова вспыхивали спичка за спичкой и тут же гасли. Наконец Джюэль вытащил любовное письмо, которое он заботливо хранил на груди под одеждой, и, поднеся лоскуток бумаги к следующей спичке, поймал-таки слабое пламя. Мы немедленно зажгли спиртовую лампу, один из фитилей которой оставили тлеть до тех пор, пока не покинули снежную хижину». Впоследствии выяснилось, что плохая возгораемость спичек зависела от сырой атмосферы убежища.

Утром 9 марта партия двинулась по направлению к так называемому Лагерю Шлюпки корабля «Полярис». Так как земля была покрыта снегом, то первое время путь шел параллельно заливу, но позднее партия перебралась на лед. Вся поверхность залива Ньюмена была гладкая и ровная. Она, очевидно, состояла из бухтового льда, образовавшегося в текущем сезоне, а снег был плотно утрамбован недавней бурей. Весьма естественно было бы ожидать, что этот плотный и ровный снег станет благоприятствовать продвижению саней, но на деле оказалось иначе. Сухой снег при очень низкой температуре уподобляется сухому песку, и трение бывает просто чудовищным. Снег сильно тормозил движение, но в тех местах, где попадался голый лед, партия шла, говоря относительно, очень быстро. Прибрежного льда у берегов залива Ньюмена не оказалось вовсе.

Восьмичасовой переход привел путников в Лагерь Шлюпки, где довольно легко были разысканы вельбот и переносная шестивесельная лодка, сделанная из парусины. Пробоина в вельботе, упоминаемая в сообщении английской экспедиции, была невелика, и во всех

остальных отношениях это судно оказалось в полном порядке.

Температура постепенно понижалась и достигла —40° С, когда партия в конце девяти-с-половинойчасового пути приблизилась к мысу Семнера. Дорога от Лагеря Шлюпки к Семнеру пролегала через ряд сидевших на мели пловучих льдин и затем по снежным склонам, куда можно было взобраться с тяжело нагруженными санями лишь ценою значительных усилий. Истомленные дневным переходом, путники проворно раскинули палатку, но вся ночь и утро прошли при довольно плачевных обстоятельствах: спальный мешок, пропитавшийся сыростью благодаря высокой температуре, царившей накануне в снеговом убежище, плотно смерзся за день, и потребовался упорный труд четырех человек в продолжение нескольких часов, чтобы развернуть его и забраться внутрь. Надо было расплавлять его лед теплотою собственного тела. Так как температура упала до — 40° С, то эта скучная операция была крайне мучительна для переутомленных, озябших людей, и неудобства, испытываемые ими, ничуть не уменьшались от режущего, неприятного ветра, который задувал в палатку, расположенную на крайней оконечности мыса Семнера.

Утром 10 марта лейтенант Локвуд, на основании предоставленных ему полномочий, решил не посещать на этот раз северного берега залива Ньюмена, ибо это было всегда возможно, так как путь туда не представлял никаких особых трудностей и, сверх того, выяснилось, что вспомогательные склады для будущих операций могут быть устроены либо в Лагере Шлюпки, у мыса Бреворт, либо при входе в долину, называемую Брешью.

Горло залива Ньюмена было забито тяжелым, неровным льдом. Небольшие плоские льдины покрывали в этом месте сушу на расстоянии нескольких миль от берега. Оставив на месте стоянки свою палатку, спальный мешок и другие предметы, которые могли пригодиться в будущем, лейтенант Локвуд двинулся через пролив Робесона при температуре — 40,6° и достиг склада «В» через двенадцать с половиной часов. Местами это путешествие было очень медленным и труд-

ным из-за мелких ледяных глыб и торосов. Неудобства эти весьма увеличивались вследствие ослепляющей снеговой бури, которая порой скрывала от глаз даже совсем близко лежащую землю.

В результате этого похода лейтенант Локвуд пришел к заключению, что наилучшей дорогой к мысу Семнера является его первоначальный путь на восток до Бреши и оттуда вдоль побережья до мыса Семнера.

Возвращение солнца вновь сделало возможным устройство складов. Маленькие склады вблизи горы Парри и большой английский склад в заливе Линкольна казались достаточными для нужд партии, направляющейся к северу через Замерзшее море. Но партия, высланная для обследования Северной Гренландии, к несчастью, не имела иной базы, кроме склада «В», который был отделен от Гренландского побережья проливом в двадцать миль шириной.

Чтобы обеспечить успех названной работы, я решил учредить склад в Лагере Шлюпки возле мыса Семнера. С этой целью д-р Пэви, добровольно предложивший свои услуги для весенних санных походов, был послан с сержантом Линном и эскимосом Иенсом, причем ему было поручено оставить запас провизии на Гренландском берегу, в самом отдаленном пункте, до которого можно будет добраться за один дневной переход от мыса Бичи. Партия вернулась в Конгер 9 марта после четырехдневного отсутствия, исполнив поставленное ей задание, и это путешествие, при таком сильном морозе и ветре, укрепило мою веру в решительность и энергию д-ра Пэви.

13 марта сержанту Брэйнарду с семью людьми было приказано перебросить малый бот «Дисковери» вместе с максимальным количеством припасов, какое только они смогут увезти, куда-нибудь по соседству с мысом Семнера. Предписывалось следовать тем путем, который был рекомендован лейтенантом Локвудом, и, поставив бот в надежном укрытии невдалеке от Бреши, устроить затем склад съестных припасов в том пункте залива Ньюмена, которого удастся достигнуть. Кроме того следовало, если окажется возможным, построить

снежную хижину, но в общем Брэйнард должен был отсутствовать не более шести дней.

Они выступили в ясное тихое утро при температуре —38,5° С. Груз свыше 475 килограммов был очень тяжел, и его продвижение по сухому, мягкому снегу встречало такое же сопротивление, как если бы его пришлось тянуть через песчаные дюны. Желая добраться в тот же день до склада «В», Брэйнард сбросил с саней 100 килограммов пеммикана и достиг довольно быстро склада «А». Здесь партия сделала получасовую остановку, чтобы выпить шоколаду, захваченного со станции в гуттаперчевом мешке с покрышкой из бизоньей шкуры. Температура в то время равнялась — 42,2°. Пройдя затем ценою двенадцатичасовых усилий около 25 миль, партия добралась до склада «В» в состоянии крайнего изнеможения. Сержант Брэйнард сообщает в своем походном дневнике: «Ко времени нашего прибытия термометр показывал — 47,5° С. Все легли спать рано, очень утомленные и разбитые. В течение дня многие жаловались на ужасную жажду, но помочь было нечем, они должны были терпеть. Особенно сильно страдали завзятые любители табачной жвачки».

Партия оставила снежную хижину только 15 марта в 7 часов утра при температуре — 48,8° С, но за несколько часов перед тем мороз достигал —51,7° С. Прекрасная и светлая солнечная погода при совершенно спокойном воздухе делала путешествие почти сносным. Четыре с половиной часа спустя они уже находились вблизи мыса Бичи и завалов из мелких ледяных глыб.

Здесь-то началась действительно трудная работа. Зазубренные мелкие куски льда представляли весьма ненадежную опору для ног, тогда как неровная поверхность делала проталкивание саней вдвойне затруднительным. Ценою необычайного напряжения удалось пробраться через груды осколков на многолетний лед, но здесь надо было поставить на сани бот, который до того волокли отдельно. Хуже всего приходилось не тем, кто тянул и подталкивал сани, согреваясь этой работой при температуре —41,1° С, но тем, кто, будучи в данный момент свободен, танцовал поблизости, делая отчаянные усилия, чтобы не дать своей

„Большая дорога“ в Арктике.

пропитанной сыростью одежде замерзнуть и приобрести твердость металла. Неровная, кочковатая поверхность льдины была покрыта тонким пластом снега, достаточно, впрочем, глубоким, чтобы вымотать из людей последние остатки сил. Порою попадался голый ледяной склон, по размерам своим как-раз достаточный, чтобы вынудить измученных людей на протяжении нескольких метров подвигаться вперед ускоренным шагом, после чего особенно чувствительным казался толчок при новом погружении полозьев в снег. После приблизительно девяти часов такого путешествия сержант Брэйнард решил, что необходимо расположиться на стоянку, ибо дальнейшее продвижение без еды и питья при столь низкой температуре грозило совершенно истощить силы людей. Термометр в это время показывал — 41,9° С, и вообще ртуть ни разу не поднималась выше — 40° С в течение всего этого марша.

Приказ об устройстве стоянки был выполнен с чрезвычайным проворством, не потому, что это особенно приятное занятие, но потому, что любая работа все-таки лучше праздного стояния на морозе. Единственным утешением для арктического пешехода бывает возможность тянуть за собою на лямках не слишком тяжелый груз умеренным шагом по гладкой ледяной поверхности.

Ловкие руки быстро разгружают сани, и в то время, как большинство участников партии собирается внутри шатра, повар, исполняющий эту должность в порядке очереди, отыскивает вблизи ледяную гору с голубой вершиной, где он может добыть лед для чая и стряпни. Палатка прочно установлена на подходящем месте, лучше всего где-нибудь на плоской, покрытой снегом льдине, причем торос, расположенный с наветреной стороны, защищает ее от могущего внезапно налететь вихря. Если палатку по каким-нибудь причинам нельзя раскинуть на снегу, все-таки следует принести снега из другого места и рассыпать внутри. Это дает не только мягкое, но, относительно говоря, и более теплое ложе, ибо лед неизменно оказывается холоднее снега. Прорезиненное полотнище растянуто на кольях, спальные мешки внесены и положены на

землю, но, чтобы раскатать их, необходима работа, требующая сил Геркулеса. Сырость, выделенная телами в течение предыдущей ночи, снежная изморозь, образовавшаяся поутру в палатке, медленно осаждающиеся испарения кухни, капли пролитого чая и т. д., — все это коварно отыскало дорогу среди перепутанной шерсти и, превратившись в лед, крепко связало скатанные бизоньи мешки. Теперь они больше похожи на свернутые в трубки листы тонкого железа, нежели на мягкие, хорошо выдубленные шкуры, какими им полагается быть. Ценою чрезвычайных усилий их удается, наконец, развернуть, и мудрый арктический путешественник, откуда бы ни была почерпнута его мудрость — из опыта или из книг, — спешит улечься возможно раньше. Установка шатра и разворачивание мешков должны в известной доле производиться голыми руками, и прикосновение к вещам, более холодным, чем замороженная ртуть, напоминает прикосновение к раскаленному железу, которое обжигает и ранит пальцы. Относительно легкая работа останавливает испарину, вызванную буксированием саней, и вот, в затвердевшей одежде и с наполовину отмороженными пальцами путники, за исключением повара и каптенармуса, усаживаются кружком. Старательно соскоблив снег с одежды, они развязывают ремни, снимают верхнее платье и обувь и, не теряя времени, придают этим вещам ту форму, при которой их всего удобнее будет надеть завтра, потому что через пять минут они замерзнут и сделаются несокрушимо твердыми. На голые ноги натягивают свежие носки, отогретые на груди, а поверх их пару просторных спальных чулок из бараньей или собачьей шкуры. Постепенно просовывая в мешки свои озябшие члены, путники отогревают замерзшие шкуры в ожидании горячего чая и мяса.

Тем временем повар раздобыл нужный ему лед как для утренней, так и для вечерней трапезы и получил от сержанта заботливо отмеренную порцию спирта, которую принимает, с сомнением покачивая головой: как при помощи такого ничтожного количества исполнить этакую уйму работы? Его лед разбит на слишком большие куски или перемешан со снегом, фитили в лампе заправлены на целый дюйм выше или ниже,

чем следует. В результате мясо подается со льдом или чай кипит, но не заваривается.

Пайки, отмеренные еще на станции, распределяются с аптекарской точностью. Несколько лишних граммов сегодня означают обязательное уменьшение выдачи на завтра. Кухонный прибор ставится на землю в дальнем конце шатра, и повар караулит его с пугливой заботливостью, ибо теснота такова, что любое резкое движение может опрокинуть котелок, и тогда драгоценная жидкость будет полностью или хотя бы частично потеряна. Целый час — таково приблизительно время, нужное для того, чтобы приготовить чай,[1] и замерзший, несчастный повар остро чувствует глубокую правду пословицы, гласящей: горшок, за которым следят, никогда не закипает. Если у повара имеются неопытные товарищи, они толпятся вокруг и иногда помогают ему, одни — потому что им совестно сидеть сложа руки, другие — потому что считают неприличным для солдата получать еду в постели. Они не понимают, пока их не научит горький опыт, что гораздо лучше, если все эти труды и мученья выпадут на долю одного повара, и таким образом сберегутся силы всей партии.

Наконец котелок закипает, и его содержимое немедленно подается истомленным людям. Некоторые из них, подкошенные непосильными трудами истекшего дня, уже спят глубоким сном, и неизвестно, будут ли они благодарны тому, кто вернет их к ощущениям холода и усталости.

Разливается по чашкам кипящий чай, и раздается мясо; облака пара превращаются в снег; усталые люди, подкрепившись пищей, прячутся в мешки. Повар следует их примеру, лишь только успеет привести в порядок свою лампу и котел.

Ночь, или вернее часы, предназначенные для сна, текут очень медленно. Схоронившись по двое и по трое в один мешок, люди вынуждены просыпаться каждый раз, когда случайная судорога или холод заста-

---

[1] Здесь надо принять во внимание, что американцы и англичане не заваривают чай по нашему способу, но кипятят его словно суп. *(Прим. переводчика.)*

вляют соседа переменить положение. Онемение членов, мигрени, ревматические боли, холод и судороги бывают общим уделом.

Поутру обычным порядком происходит одевание, которое иногда разнообразится тем, что какой-нибудь непокорный сапог, получивший благодаря морозу твердость металла, не желает лезть на ногу, пока его в буквальном смысле слова не прижмут к сердцу и не отогреют собственным телом. Медленность, с которой партия покидает стоянку, приводит всех в дурное настроение. Нужен марш в течение часа или около того, чтобы походное снаряжение, а за одно с ним и человеческая натура могли надлежащим образом оттаять.

Утром 16 марта температура поднялась до — 40°, но свежий северовосточный ветер все еще делал путешествие довольно опасным. Однако в 9 часов ветер немного стих, и сержант Брэйнард решил тронуться с места. В его дневнике записано: «Прошлой ночью Шнейдер чувствовал себя очень худо и жаловался на ревматические боли и невозможность заснуть. От него было очень мало проку в течение дня. Сегодня утром он горько сетовал на состояние своих ног и едва мог передвигаться по палатке. Так как его состояние все ухудшалось, я счел более благоразумным отослать его обратно к складу «В» в сопровождении Бидербика, который считается у нас отличной сестрой милосердия».

В виду уменьшения живой силы, 100 килограммов груза были оставлены в лагере, считая в том числе и пайки для обратного путешествия. Снег, сбитый в небольшие сугробы, заставил партию расположиться на ночлег приблизительно в пяти милях от Гренландского берега. Брэйнард говорит: «К счастью, мы шли весь день по тому же самому многолетнему льду, что и вчера. Наша палатка стоит теперь в достаточно укрытом месте, что защищает нас от приносимого ветром снега, но, к несчастью, не может защитить от главного врага — низкой температуры, которая снова упала с —35° С до —39,4° С».

Утро 17 марта выдалось ясное и тихое, а мороз достиг —41,7° С. Брэйнард сообщает: «Видя невозможность достичь залива Ньюмена в течение указанного мне времени и считаясь с ослаблением партии, я

решил оставить на месте нашу палатку, а бот и запасы продовольствия перенести в склад «Е», устроенный д-ром Пэви несколько дней тому назад вблизи Бреши. Сделав это, мы вернемся в Конгер».

Четыре часа с небольшим хода привели к складу. Брэйнард продолжает: «Мы поставили лодку позади высокого утеса, обложив ее ящиками, камнями и т. д., а под ней поместили хлеб, сумку с медикаментами и другие предметы, чтобы их не могло унести ветром, и уже начали строить снежную хижину, но усилившийся ветер вынудил нас прервать работу и позаботиться о собственной безопасности. Это было как нельзя более своевременно, потому что снежная буря по временам совершенно сбивала нас с пути и не позволяла ничего видеть на расстоянии нескольких метров. К счастью, ветер дул нам в спину, но многие отморозили себе носы и щеки, прежде чем мы, совсем истомленные, успели после восьмичасового отсутствия добраться до палатки. В 5 часов 30 минут пополудни мы сидели, забившись в спальные мешки, и пили горячий шоколад, подаваемый нам поваром. Мы поздравляли себя с тем, что нам удалось добраться до палатки, прежде чем ветер перешел в шторм и воздух до такой степени наполнился летящим снегом, что ничего нельзя было различить на расстоянии сотни метров».

18 марта термометр показывал —40,6° С. После шестичасового марша партия расположилась на стоянку. Снег набился во все скважины походного снаряжения. «Наши бизоньи мешки до такой степени смерзлись, что люди вынуждены были или отогреть их теплотой собственных тел или лишиться сна. Они предпочли первое из этих двух зол и провели очень скверную ночь. На другой день они добрались до склада «В», где нашли Шнейдера и Бидербика в хорошем состоянии». 20 марта партия вернулась в Конгер, ужасно измученная, но отнюдь не упавшая духом.

Несколько дней спустя д-р Пэви был послан на север с поручением добраться, если возможно, до земли, лежащей севернее мыса Джозефа Генри. На основании

опыта, вынесенного из походов по Земле Гриннеля минувшей осенью, Пэви был убежден, что ему удастся продвинуться на далекое расстояние по Северному Полярному морю, и верил, что сможет открыть неизвестную землю в этом направлении. Хотя я сомневался, чтобы земля могла находиться где-либо к югу от 85-й параллели, но все же считал весьма желательным не

Д-р Пэви, Райс и Иенс выступают на дальний Север.

упустить ни одной возможности важных географических открытий и потому передал в распоряжение д-ра Пэви одну из собачьих запряжек. Его должны были сопровождать сержант Райс — наш фотограф — и эскимос Иенс Эдвард. Оба они были одарены замечательной физической силой и большой находчивостью, которая делала их особенно пригодными для этой работы.

Партия тронулась в путь 19 марта при температуре —31,7° С и без труда достигла склада «В». От мыса

Бичи до северного берега залива Врангеля ледяное поле было покрыто торосами, что делало продвижение вперед скучным и очень медленным. Эта часть пути потребовала трех дней, а не двух, как было первоначально намечено.

Д-р Пэви прошел мимо склада в заливе Врангеля и вместо того направился к складу, имевшемуся вблизи горы Парри.

Здесь ему прежде всего бросились в глаза следы медведя. Очевидно, медведь остановился, чтобы позавтракать, но обнаружил при этом большую разборчивость. Мешки с хлебом были разорваны, но самый хлеб остался нетронутым. Зато съедены были приблизительно две трети хранившегося там запаса пеммикана (всего около 30 килограммов).

День 23 марта ушел на постройку удобной снежной хижины, которая должна была служить главной квартирой, пока весь запас продовольствия, предназначенный для похода на дальний Север, не будет переброшен за мыс Блэка.

На этой стоянке Старый Сплетник, один из упряжных псов, выказал незаурядные способности по части отлыниванья от работы. До сих пор он исполнял свой долг, так как хорошо знал, что зоркий глаз Иенса следит за ним и что каждое замедление хода вызовет удар бичом, сильный и меткий, от которого густая шерсть полетит клочьями. Во время раздачи корма Сплетник был, как водится, под рукой, но нагруженные сани с запряжкой, уже облеченной в сбрую, вынуждены были ждать его одного. Все поиски были напрасны. Наконец, опасаясь, как бы не пострадали от собачьих зубов вещи, оставленные в снежной хижине, Иенс заглянул туда и вдруг увидел прогульщика, спокойно поджидавшего удаления своих хозяев.

24 марта, закончив все приготовления, д-р Пэви отправился в дорогу, но юговосточный ветер при температуре —38,1° С заставил партию остановиться лагерем вблизи мыса Унион, где буря удерживала их в течение двадцати двух часов.

25 марта около полудня мороз смягчился до —38,8° С и позволил возобновить путешествие, но лед был весь изрыт трещинами и чрезвычайно неровен,

так что в одном месте на протяжении сотни метров сани и груз пришлось нести на руках.

Дни с 26 до 28 марта были потрачены на перевозку второй партии груза из залива Линкольна к мысу Блэка. Температура колебалась от —24,2° С до —42,2° С. 29 марта д-р Пэви и его спутники еще раз вернулись к заливу Линкольна. Ледяной налет на снегу, образующийся вследствие нагревания солнцем, был впервые замечен 28-го, а 29-го путники сбросили свои джемперы, как слишком теплые при ходьбе. 30 марта температура, достигавшая ночью —46,7° С, поднялась днем до —22,5°. Жестокая буря с поземкой не прекращалась. Партия очень удобно провела этот день в убежище, просушивая и приводя в порядок свои сапоги и одежду.

Вечером 31 марта путешественники двинулись к северу с последней партией груза. Когда они уже находились невдалеке от мыса Унион, полозья саней треснули с правой стороны вдоль линии отверстий, просверленных для укрепления поперечины. Сержант Райс предложил вернуться в Конгер за новыми полозьями и тотчас пустился в дорогу, сопровождаемый эскимосом Иенсом. Они захватили с собой лишь маленькую спиртовую лампу для растапливания льда да немного консервированного мяса и шоколада. Переход от залива Линкольна до склада «В» потребовал девятнадцать часов непрерывного марша, во время которого пройдено было миль 40 или даже более, принимая во внимание чрезвычайную извилистость пути. Партия достигла Конгера 3 апреля в 7 часов утра и, получив новые полозья, выступила обратно 4 апреля.

Во время отсутствия Райса и Иенса д-р Пэви совершил короткую экскурсию внутрь страны, перевалив через высокие холмы, которые тянутся к западу от залива Линкольна. Он надеялся отыскать дорогу, которая в любое время года позволила бы по твердой земле добраться от залива Врангеля до Флоберг-бич.

Д-р Пэви говорит: «Когда я достиг самого возвышенного пункта, лежащего, по-моему, на высоте 600 метров, передо мною открылся чудный вид. От головы залива Линкольна тянулось несколько долин, которые, следуя одна за другой, вели, повидимому,

к заливу Врангеля. В другом направлении, а именно на северо-востоке, я мог ясно различить ряд открытых холмов, прорезанных балками и долинами. Я думаю, что можно достигнуть берега, следуя по одному из многочисленных ущелий, заканчивающихся у Флоберг-бича».

Партия окончательно покинула залив Линкольна вечером 6 апреля. Решено было путешествовать по ночам. Жестокие ветры удерживали путников в лагере 7 и 8 апреля.

«Ветер, — рассказывает д-р Пэви, — дул с такой силой, что в иных местах гнал сани по гладкому льду быстрее, нежели могли бежать собаки; температура в эти дни поднялась до — 15,2° С».

Сильные ветры вновь остановили партию 10 апреля. На следующий день неровный и трудный лед вынудил участников экспедиции нести на руках сани и груз на протяжении 1000 метров. Было так тепло, что Райс и Иенс предпочли спать под открытым небом, и только д-р Пэви остался в снеговой хижине.

11 апреля удалось добраться до зимовки корабля «Элерт».

Д-р Пэви рассказывает: «Тяжелое свинцовое небо представляло резкий контраст с белизною свеженаметенного снега и сообщало всему окрестному пейзажу угрюмый характер. Мы издали могли видеть большой курган на вершине холма, служившего для «Элерта» дозорным пунктом; а ниже, на выступе меньшего холма, заметен был какой-то темный предмет, который мы сперва приняли за склад, но который при ближайшем рассмотрении оказался могилой Петерсена».

С вершины дозорного холма, насколько хватал глаз, был виден пак, состоявший из нагроможденных масс неровного, покрытого торосами льда, очень похожего на тот, который описан офицерами «Элерта». Д-р Пэви высказывает мнение, что лед здесь был взломан и прибрежные воды открылись для плавания минувшей осенью, хотя и при условии большого риска.

Термометр в это время показывал —17,8° С, и спутникам д-ра Пэви было так тепло, что, скинув во время марша верхнюю одежду до рубашки, они тем не менее сильно вспотели.

Рассказывая про курган, воздвигнутый вблизи зимовки «Элерта», д-р Пэви говорит: «На высоте приблизительно 1½ метра над уровнем почвы находится большой железный цилиндр, запаянный, вероятно, корабельными механиками и содержащий английские документы. Он так основательно обложен огромными камнями, что надо разобрать половину всего сооружения, чтобы добраться до его содержимого. Мы удовольствовались тем, что положили водонепроницаемую гуттаперчевую спичечную коробку с нашим сообщением рядом с английскими документами».

Многолетний пак тянулся от мыса Шеридана через Харлей-пойнт вплоть до Вью-пойнт, так что, следуя по прямому направлению, они в общем остались довольны дорогой, хотя местами глубокий снег, разрыхленный солнцем, задерживал продвижение. К Вью-пойнт пришли утром 15 апреля. В течение двух дней партия наслаждалась тихой прекрасной погодой и высокой температурой. На склонах Конического холма заметны были многочисленные свежие следы мускусного быка, леммингов, куропаток, зайца и песцов.

С вершины холма на полуострове Фейльден видно было, что лед залива Джемса Росса находится в хорошем состоянии. Однако, на том основании, что кое-где попадался обнаженный лед, а в других местах рыхлый снег, Пэви решил следовать вдоль берега до мыса Джозефа Генри. Это решение, казавшееся в свое время столь благоразумным, впоследствии явилось роковым для успеха всего путешествия. Если бы партия покинула твердую землю по соседству с мысом Гекла, в шести милях севернее мыса Генри, — д-р Пэви и его спутники избежали бы, вероятно, полярного дрейфа, который повлек за собою потерю большей части всех запасов и заставил отказаться от конечной цели экспедиции.

Гладкий молодой лед образовал превосходную дорогу от Вью-пойнт до мыса Джозефа Генри. Многолетний лед между Харлей-пойнт и Коническим холмом состоял из круглых, почти гладких льдин небольших размеров, из которых самые крупные, быть может, имели полторы мили в длину; края их были окаймле-

ны горами и тросами. Между ними находились впадины шириною от 5 до 15 метром, которые когда-то были, очевидно, покрыты молодым льдом. Эти пустоты, первоначально имевшие от 1 до 2 метров глубины, были теперь очень мелки и местами почти до краев заполнены смесью из только-что образовавшегося льда и мерзлого снега. Эти льдины хранили на себе следы мощного действия полярного солнца в течение нескольких летних сезонов, и в тех местах, где ветром сдуло недавно выпавший снег, лед был пресный и пригодный для варки пищи.

13 и 19 апреля свирепствовала сильная буря, вынудившая путников оставаться в палатке при температуре от —29,8° С до —24,4°.

20 и 21 апреля партия успела перенести свои запасы на полярный пак к пункту, расположенному милях в пяти севернее мыса Джозефа Генри, но была вынуждена прекратить эту работу вследствие начавшейся 21 апреля жестокой бури. С того пункта, где она теперь находилась, открывался широкий вид на полярный пак, вид которого не имел ничего обнадеживающего.

«К востоку от цепи массивных утесов Северное Полярное море отличалось такой неровностью, что даже легко нагруженные сани не смогли бы продвигаться по его беспорядочно изборожденной поверхности. То была сплошная, перепутанная масса высоких гор и огромных торосов, вроде той, по которой странствовал командор Маркхэм. Прямо к северу от мыса Генри, на расстоянии приблизительно в 3 или 4 мили, наблюдалось такое же нагромождение льда, обескураживающее своею плотностью. К северо-востоку открывалась та же картина, но к северо-западу, и к северу от мыса Геклы она имела менее безотрадный характер».

В самом деле, условия казались столь благоприятными, что решено было избрать именно это направление.

Во время продвижения к северу 23 апреля эскимос Иенс вдруг крикнул: «Вода!» Д-р Пэви решил, что это ложная тревога, но полчаса спустя с вершины тороса

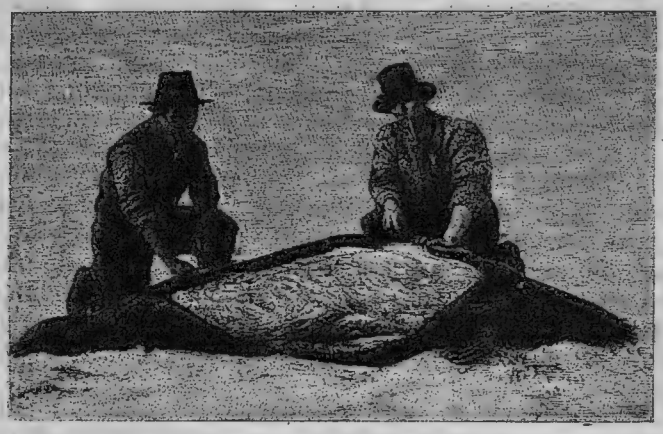
они увидели позади себя открытый канал, шириной в одну милю, по которому плыли мелкие и редкие куски льда. Несмотря на критическое положение эскимос был в эту минуту радостно взволнован неожиданным зрелищем: показалась нерпа (Phoca hispida), без сомнения самый северный представитель породы тюленей, когда-либо им виденный.

Так как д-р Пэви оставил компас в палатке, то он не мог определить, в каком направлении движется льдина, на которой они находились. Но во всяком случае ясно было, что пак в общем перемещается к северу, к открытой части Северного Полярного моря, потому что на западе постепенно вырисовывались новые участки берега, в том числе три мыса, из которых самый дальний, надо думать, был мысом Колумбия. На востоке и на северо-востоке, согласно утверждению Иенса, замечались несомненные признаки открытой воды. Подобное состояние льда указывало на распадения пака, и в случае, если бы задул сильный южный ветер, а на севере встретились обширные водные пространства, положение стало бы безусловно трагическим.

Заключительный пункт инструкции, данной мною д-ру Пэви, воспрещал двигаться к северу через распавшийся пак. Поэтому он тотчас же решил вернуться к мысу Джозефа Генри. Захватив только самые необходимые вещи и провизию в количестве, достаточном, чтобы партия могла кормиться в течение нескольких дней, Пэви и Иенс поспешно направились к мысу, но, очутившись против него, увидели, что полоса воды шириною в три четверти мили тянется между ними и твердой землей. Вернувшись в свой старый лагерь с целью пополнения запасов, они обнаружили, что водное пространство у мыса Геглы расширилось до 3 миль.

Скрежещущий и ревущий звук возвестил, что пак надвигается на низменное побережье. Поэтому сани были поспешно нагружены самыми необходимыми вещами и провизией в количестве, могущем дать партии возможность достигнуть Харлей-спит. Бросив палатку, запасы и часть научных инструментов, д-р Пэви успел добраться до мыса Генри, где пак терся о высокий и

отвесный прибрежный лед. Одно время пак остановился неподвижно, и это дало возможность вскарабкаться по высоким, неровным льдинам, которые делали берег почти недоступным. У подножья прибрежного льда пришлось разгружать сани и на руках втаскивать собак и отдельные предметы на совершенно отвесные края.



Д-р Пэви и Иенс обдирают тюленей.

Д-р Пэви решил, что было бы неблагоразумно возвращаться за оставленными вещами, ибо пак легко мог двинуться снова на север. Он торопливо пустился в обратный путь, подгоняемый мыслью, что пролив Робесона вскрылся и что поэтому необходима величайшая поспешность.

24 апреля партия стала лагерем у Вью-пойнт, где положили письменное сообщение в старый английский курган. В 7 часов утра она уже находилась в снежной хижине у мыса Блэка, а 1 мая добралась до склада «В», и на следующий день все вернулись в Конгер, совершенно здоровые, как и во все время их шестинедельного путешествия.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЧЕНДЛЕР-ФИОРД И ОЗЕРО ХАЗЕН

Уже давно я считал возможным проникнуть во внутреннюю часть Земли Гриннеля; мне казалось, что земля эта должна иметь довольно ограниченные размеры и что ее легко будет пересечь поперек. Твердо помня, как важно постоянное присутствие начальника полярной экспедиции на станции или на корабле, я, тем не менее, решил отлучиться недели на две. Сержанту Израэлю были даны подробные инструкции, как действовать, если окажется необходимым оказать какую-либо помощь санным партиям, высланным к северу.

Была изготовлена палатка того образца, который со времени нашей гражданской войны [1] известен под названием «собачьей палатки». Она была рассчитана на четырех человек и весила всего 5 килограммов.

Рядовые Бендер, Коннель и Уислер были назначены сопровождать меня. С целью поберечь силы партии в начале путешествия, сержант Кросс и рядовой Лонг

---

[1] Гражданская война в Соединенных Штатах происходила в 1861—1865 гг. Это была экономическая и политическая борьба между северными и южными штатами. Северные штаты, во главе которых стоял президент Линкольн, одержали полную победу над югом, и это расчистило путь особенно быстрому капиталистическому развитию Сев.-Ам. Соед. Штатов. *(Прим. ред.)*

должны были следовать с нами на один переход далее склада, устроенного в Солнечном заливе.

26 апреля в 12 часов 30 минут ночи партия покинула Конгер при температуре —21,7° С и в 6 часов 18 минут утра достигла берегов залива Бэзиль Норриса, что, считая по изогнутой линии берегового льда, составило расстояние в шестнадцать миль. Единственной трудностью, испытанной нами на этом участке пути, была необходимость переходить иногда с наружного прибрежного льда на материковый, что было очень тяжело и повлекло за собою повреждение вспомогательных саней.

В тот же вечер, в 9 часов, мы снова тронулись в путь к Солнечному заливу. Мы шли бодрым шагом и вскоре обогнули мыс Каменистый. Лед, образовавшийся под действием приливов, представлял собою отличную дорогу на протяжении 9 миль; далее прибрежный лед был местами разбит и создавал большие трудности для движения. Наши сани то-и-дело перевертывались, и время от времени один из людей должен был поддерживать их с правого бока.

Рядовой Уислер и я тянули первые сани, которые, будучи улучшенного образца, превосходно скользили. Зато вторые сани — «Старый ветеран», влекомые тремя людьми, были несравненно худшего образца и давали огромное трение, так что требовались значительные усилия, чтобы продвигать их вперед.

В 2 часа ночи мы остановились вскипятить чай по просьбе людей, жаловавшихся на необычайную жажду. Кухонная лампа действовала плохо, и только через час с четвертью нам удалось снова двинуться в путь.

Во время привала температура опустилась до —25,6° С, и это был самый сильный мороз, испытанный нами за все время этого путешествия.

Поверхность залива Коннибир была засыпана глубоким снегом, который, что всего неприятнее для пешехода, был покрыт ледяным настом, недостаточно твердым, чтобы выдержать тяжесть человека, но вместе с тем позволявшим итти не иначе, как вытаскивая с каждым шагом ногу целиком из-под снега. Изведав в течение короткого времени трудности такого рода

путешествия, мы решили покинуть покрытое снегом ледяное поле и следовать вдоль прибрежного льда, что значительно удлиняло путь, но зато позволяло подвигаться вперед с гораздо меньшей затратой сил и времени.

Прибрежный лед был попеременно то хороший, то плохой. Наконец мы нашли подходящее место и расположились на стоянку против западной оконечности острова Миллера. Весьма удобный лагерь был устроен между берегом и рядом крутых торосов, которые отгораживали гладкую снеговую поверхность залива от высоких утесов, поднимавшихся у нас над головой на высоту до 600 метров. За этот переход мы сделали 15 миль.

На следующее утро Кросс и Лонг вернулись обратно к складу в Солнечном заливе. Мы оставили на этой стоянке однодневный запас провизии для обратного пути.

В 9 часов вечера мы двинулись к западу, следуя вдоль берегового льда и делая каждый час трехминутную передышку. В час ночи температура упала до —22,2° С при ясном небе и тихой погоде. В 3 часа пополуночи мы достигли того пункта, где берег полукругом отклоняется к северу, более чем вдвое увеличивая длину пути. Чтобы не пускаться в обход по берегу, я решил итти прямо через залив к ближайшему вдающемуся в море пункту.

Путешествие по ледяному полю было чрезвычайно утомительно по причине глубокого снега, покрытого толстым настом. Несмотря на частую мену местами у лямок и многочисленные короткие привалы, партия добралась до берега с совершенно истощенными силами. Объяснялось это отчасти необходимостью все время пробиваться через наст и отчасти необычайно сильным трением полозьев «Старого ветерана».

Мы достигли берега в 4 часа 10 минут утра и тотчас же расположились лагерем. Мы прошли за этот марш около 16 миль. Освидетельствовав наши сани, я решил бросить «Старого ветерана», потому что он грозил сильно замедлить наше продвижение. При перегрузке всего имущества на одни сани выяснилась необходимость оставить на месте пару лыж и заступ.

Кроме того мы спрятали однодневный запас провизии для обратного пути.

Мы двинулись к западу в 9 часов 30 минут вечера при температуре —22,2° С, ясном небе и легком восточном ветре.

Интерес, с которым мы с самого начала относились к нашему путешествию, теперь возрос в чрезвычайной степени. Никогда еще нога цивилизованного человека не попирала почвы, по которой мы теперь ступали. Когда мы приближались к какой-нибудь возвышенности, желание поскорее увидеть то, что находилось за нею, было так сильно, что казалось почти мучительным. Каждый достигнутый пункт, каждый новый ландшафт оставляли нас не вполне удовлетворенными, ибо всегда впереди оставалось что-нибудь, закрывающее часть горизонта.

Некоторое время мы шли у подножья высоких обрывистых утесов, состоявших очевидно из слоистого сланца. Они поднимались отвесными стенами в высоту более 600 метров над уровнем залива, сплошные скалы без малейших признаков растительности. В одном месте узкая щель, шириною не больше 30 метров и свыше 300 метров в глубину, прорезывала толщу утесов.

Было бы очень опасно расположиться лагерем у подошвы этих обрывов, потому что прибрежный лед был усеян многочисленными обломками. В одном месте скала, весившая, должно быть, несколько тонн, лежала на большой многолетней льдине в полумиле от берега.

После трех часов ходьбы вдоль прибрежного льда, мы попробовали спуститься на покрытое снегом ледяное поле. Видя, что наст может нас выдержать, мы отдалились от берега и взяли направление на юго-запад, где находился конец фиорда.

В это время прямо против нас виден был обрывистый скалистый мыс, далеко вдававшийся в залив и имевший в высоту около 1000 метров. Между этим горделивым утесом и скалами, вдоль которых мы шли, открывалась долина, тянувшаяся, повидимому, в северном направлении. Далее к юго-западу видна была вторая гора с ущельем к северу от нее, из чего явствовало, что если весь фиорд не заворачивается в эту сто-

рону, то там должен, во всяком случае, существовать залив, быть может, простирающийся к северо-западу. Оказавшись, таким образом, у перепутья и желая сберечь время, я бросил лямки саней и велел партии итти к ближайшей точке берега. Там один из людей должен был приготовить чай, а другой пройти к северу на расстояние получаса ходьбы, чтобы установить, какие перспективы в смысле дальнейшего продвижения открываются в эту сторону.

Отделившись от партии в 12 часов 30 минут ночи, сам я направился рысцой к юго-западу, надеясь достигнуть твердой почвы и установить границы залива в этом направлении. Минуту спустя я заметил ущелье на севере, открывающее доступ в узкий залив или фиорд, тянущийся на далекое расстояние. В дальнем конце его, в 10 или 12 милях, была явственно видна широкая лента блестящего льда, которую я принял за большой глетчер. За глетчером по обе стороны поднимались невысокие холмы, в то время, как на заднем плане белели снежными шапками высокие горы, имевшие характер «свиных хребтов». Итак, залив, открытый лейтенантом Арчером, постепенно расширяясь, вырос в обширный и значительный фиорд. Впоследствии я дал ему имя Чендлер-фиорда, желая этим слабым знаком внимания показать, как высоко ценю я мужественную энергию, проявленную м-ром Чендлером при снаряжении спасательной экспедиции 1884 г.

Оба берега северного рукава этого фиорда были обрамлены высокими обрывистыми утесами. Казалось совершенно очевидным, что дальнейшее наше путешествие должно будет продолжаться именно в этом направлении, но мне не терпелось установить размеры южного рукава, не задерживая товарищей. Моя обычная зимняя гимнастика, заключавшаяся в неторопливом беге, оказалась теперь как нельзя более кстати. Подвигаясь вперед попеременно то бегом, то шагом, я покрыл расстояние по меньшей мере в 5 или 6 миль. Когда я остановился, то увидел себя в центре круглого залива, который назвал впоследствии заливом Иды. Залив этот имел форму эллипса, причем длинная ось его, направленная с юго-запада на северо восток, равнялась в длину пяти милям, а короткая —

приблизительно трем. Гордый мыс при разветвлении фиорда состоял из больших обрывистых скал, а затем понижался, образуя уютную долину между своим западным склоном и высокими горами, видными в дальнем конце залива. Упомянутый мыс имел около 800 метров высоты, но благодаря грандиозности всей окружающей обстановки казался менее внушительным вблизи, нежели на некотором расстоянии.

Тянувшиеся к западу балки, хотя и очень узкие, выглядели все же достаточно отлогими, и по ним, по-видимому, можно было продвигаться, хотя и с некоторыми трудностями. Простиравшаяся на юге низменность открывала удобную дорогу для путешествия по твердой земле.

Я сделал приблизительный набросок окружающей местности, что потребовало нескольких минут. За это время я продрог до костей, потому что на мне смерзлась вся одежда, пропитавшаяся испариной в результате быстрой ходьбы. Термометр показывал —22,5° С. Пустившись в обратный путь, я снова согрелся. В одной миле от саней я встретил рядового Коннеля. Он вышел мне навстречу, потому что люди были несколько встревожены моим долгим отсутствием. Я задержал сани еще на несколько минут, чтобы напиться горячего чая, и затем мы направились к северу.

Мы шли прямо по рукаву фиорда, потому что прибрежный лед был узок и неровен, тогда как лед на поверхности воды образовал собою превосходную дорогу.

Судя по характеру льда, было очевидно, что мы приближаемся к устью реки или к распадающемуся глетчеру: вместо непрозрачного белесоватого льда поверхность фиорда была покрыта пресноводными ледяными пластами, отличавшимися большой прозрачностью и замечательной красотой. Их нежно голубая окраска представляла резкий контраст с лежащими ниже слоями морского льда. Местами верхний пресноводный лед имел до 2 метров в толщину и состоял из нескольких ясно различимых напластований.

По мере того, как мы продвигались вдоль фиорда, обступавшие его утесы становились постепенно все ниже; наконец, холмистая равнина открылась перед

нами, а далекие снежные пики гор Соединенных Штатов выступили отчетливее.

День был прекрасный, безветренный, при чистом голубом небе и очень постоянной температуре, колебавшейся в пределах между —18,9° С и —22,2° С. Легкий ветер подул с северо-запада, и мы решили, что это от глетчера тянет холодным воздухом.

Предполагаемый глетчер должен был находиться не далее как в одной миле от нас, и нам не терпелось продолжать путь, но я счел более благоразумным воздержаться от чрезмерного напряжения сил.

Было очевидно, что мы находимся у головы Чендлер-фиорда и что продвигаться далее надо будет по глетчеру или по какой-нибудь близлежащей долине.

Стоял превосходный вечер для арктического путешествия — тихий, ясный, с температурой —20° С. Спрятав однодневный запас продовольствия вблизи лагеря № 4, мы после часового путешествия по отличному льду достигли того, что приняли издали за фронт глетчера. Оказалось, что это ледяная дамба, поднимавшаяся метров на 8 над уровнем моря. По ледяному отвесу струились маленькие потоки пресной воды, которые впервые за все время путешествия позволили нам вдоволь утолить жажду.

Недолгое обследование льда показало, что мы находимся в том месте, где воды прилива встречаются с пресной водой речки, текущей из внутренней части острова. Поток бежит по долине шириной приблизительно в одну милю, обрамленной высокими утесами, и летом вливается прямо в море, но первые сильные морозы, формируя толстый лед на поверхности фиорда, создают дамбу, через которую постепенно переливается находящаяся позади река. К концу зимы дамба достигает одной мили в ширину и 8 метров в высоту.

Речной лед был ровен и гладок. Тянуть сани было совсем нетрудно. Поэтому я в этот день бросил лямку.

Река была очень извилиста. На ее замерзшей поверхности кое-где попадались лужи пресной воды. Лед был бледноголубого цвета, очень чистый и такой про-

зрачный, что местами можно было разглядеть на глубине одного или полутора метров последовательно лежавшие искривленные слои.

После двухчасового путешествия мы достигли маленького скалистого островка, лежащего в самой середине реки. Он возвышался над водой метров на 6; поверхность его была плоская и гладкая. На нем имелась обильная растительность, как-то: камнеломки, куропаточья трава и др., а также кое-где полярная ива. Путь все улучшался по мере того, как мы продвигались вверх по реке. В моем походном дневнике сказано: «Сани скользят очень легко, ничуть не затрудняя людей, и хотя я иду быстрым шагом, мне не удалось обогнать их больше, чем на 200 метров в течение целого часа. Река заполняет всю долину целиком и имеет неодинаковую ширину от полутора до четырех миль. Холмы по обеим сторонам делаются заметно ниже, в то время как горы на заднем плане быстро вырастают. Несмотря на все извивы, общее направление реки ведет приблизительно к северо-западу».

Мы расположились на стоянку в 3 часа пополуночи, пройдя 18 миль по наилучшей дороге, какую я когда-либо встречал в пределах Полярного круга. Мы видели свежие следы мускусных быков на берегах реки, а кое-где и на льду.

30 апреля мы выступили в 3 часа пополудни. Температура была сравнительно высокая —15,6° С. Легкий северный ветер гнал по небу тонкую полупрозрачную мглу, — первые облака, виденные нами после того, как мы оставили Конгер.

Русло реки продолжало оставаться весьма извилистым. В течение одного только часа мы шли сперва к северу, затем к северо-западу, к западу и, наконец, опять к северу. В одном месте река протекала по тесному ущелью, имевшему всего около 25 метров в ширину и огражденному высокими обрывистыми утесами. В этом ущелье мы могли явственно слышать, как вода шумела подо льдом. На берегах виднелись свежие следы мускусного быка, песца, зайца и лемминга.

В 7 часов пополудни мы, к нашему крайнему удивлению, достигли места, где совсем не было льда. Я почти готов был не верить собственным глазам.

Вскрывшаяся река, шириной около 50 метров, быстро струила по склону свои прозрачные воды и в среднем имела глубину до 2 футов. Этот поток был с обеих сторон обрамлен прозрачным льдом толщиной до 3 метров.

Мы шли вверх по течению потока, придерживаясь окаймляющих его ледяных краев, которые становились все тоньше и тоньше и, наконец, совсем исчезли в том месте, где, без всякого сомнения, река не замерзала круглый год. Здесь мы поднялись на склон холма, где глубокий снег и острые скалы сделали наше продвижение весьма медленным. Метрах в 200 далее после крутого поворота открылся вид, которого мы не забудем, пока живы. Перед нами расстилалось обширное, скованное льдом озеро. Его снеговой покров искрился алмазной пылью на полуденном солнце, а у нас под ногами лежала широкая синяя полынья, питавшая реку. На северном берегу озера (Хазен) в 8 или 9 милях тянулась вереница высоких холмов, частично покрытых снегом, а за ними в суровом, неизменном величии подымались снежные вершины гор Соединенных Штатов. Справа и слева от полого берега виднелись низкие холмы, свободные от снегового покрова и, повидимому, соединявшиеся с горной цепью на севере. Вся эта картина, вместе взятая, отличалась торжественной красотой и производила глубокое впечатление.

Хотя наш переход в этот день не превышал 10 миль, я все же решил расположиться на стоянку с целью определить, в каком направлении будет всего выгоднее двинуться завтра.

Итак мы устроили наш бивак в том месте, где река соединяется с озером Хазен. Ночь была ясная, чудесная, с чуть заметным ветерком и с температурой —19,4° С. Я и Коннель легли спать в палатке, а Уислер и Бендер на открытом воздухе.

1 мая я вышел рано утром и, поднявшись на холм, лежащий милях в четырех к востоку от лагеря, начал рассматривать окружающую местность.

«Повидимому, на северной стороне озера расположено несколько глетчеров. Но освещение столь неблагоприятно, что на этот счет нельзя сказать ничего достоверного. Полярной ивы и травы здесь множество.

Кое-где замечаются купы старых ив, и я не сомневаюсь, что, в случае нужды, здесь найдется достаточно топлива для кухни. На холмах, окаймляющих южный берег, снега очень немного, но само озеро окутано плотным и гладким снежным покровом. Заструги указывают, что здесь преобладают северовосточные ветры».

Мы забились в спальные мешки в 4 часа 30 минут утра и встали в 11 часов, чтобы произвести полуденное наблюдение, которое оказалось очень неудачным по причине облачности.

1 мая, в 2 часа пополудни, мы выступили к западу вдоль южного берега озера Хазен. На северной стороне его виднелось что-то, издали похожее на глетчер, но после внимательного просмотра в подзорную трубу, мы решили, что это просто снег.

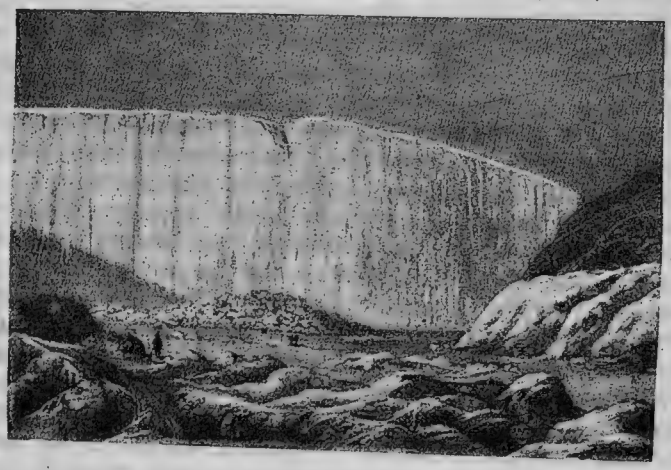
Люди все время продвигались по самому берегу озера, тогда как я то-и-дело оставлял их с целью ближе ознакомиться с окружающей местностью. Повсюду она состояла из небольших холмов, причем ни с одной вершины не открывалось широкого кругозора. Было много травы, много ивы и другой растительности. К моему удивлению, земля на три четверти была свободна от снега. Несколько часов такой прогулки тяжело отозвались на моей больной ноге, которую только мокассин защищал от камней, и я поспешил вернуться к озеру.

После семичасового перехода мы расположились на стоянку, сделав, вероятно, 16 или 17 миль. Прямо против нашего бивака, на северной стороне озера, мы видели большой глетчер, позади которого тянулись невысокие горы.

Мы отлично отдохнули на стоянке № 7, где провели часов двенадцать по причине неисправности кухонной лампы. Ночью температура упала до —17,8° С, что в соединении с легким ветром создало впечатление весьма неприятного холода, но утром ветер стих, и путешествие вновь сделалось превосходным.

2 мая, пока люди нагружали сани, я быстро прошел по берегу до ближайшего мыса с целью осмотреть местность и решить, в каком направлении следовать далее: на запад, к конечной границе озера, — или на север, к глетчеру, который мы видели накануне.

Так как до западной границы озера оставалось, по-видимому, не менее 12 миль, и было сомнительно, успеем ли мы пройти это расстояние за один день, я задумал пересечь озеро поперек и установить размеры и характер лежавшего против нас глетчера. Итак, мы свернули на замерзшую поверхность озера Хазен. Дорога оказалась прескверная: наст был слишком хрупок и не выдерживал тяжести человека. Люди надели лыжи, которых имелось три пары, тогда как я в своих мокассинах шел за санями. После шестичасового путешествия, во время которого было пройдено до 12 миль, мы остановились на стоянке № 8. Здесь было установлено, что мы находились в 3 милях к востоку от глетчера, который я наименовал в честь моей жены глетчером Генриэтты Несмит.



Глетчер Генриэтты Несмит.

Коннель и Бендер разбили палатку и начали готовить ужин. Уислер отправился за водой, я же, хотя и утомленный трудной дорогой, решил немедленно осмотреть фронт глетчера, опасаясь, что какое-нибудь непредвиденное обстоятельство помешает мне сделать это завтра утром.

По дороге я обнаружил обширное пастбище, где мускусные быки пробили наст и разгребли снег

с целью добраться до растительности, которой было много в этом месте.

В течение дня по мере того, как мы подвигались вперед, глетчер постепенно вырастал, превращаясь из узкой полоски льда в резко очерченный вал, который из лагеря на расстоянии двух или трех миль казался имеющим в высоту метров 8, но при дальнейшем приближении пропорции его чудовищно увеличились. Передняя часть, изогнутая наподобие полумесяца, растянулась в длину на протяжении не менее 5 миль. То была сплошная масса отвесного плотного льда, подымавшегося в высоту в среднем на 55—57 метров, хотя местами она ниспадала до двух десятков, а затем опять вырастала до 65 метров.

В моем походном дневнике значится: «Вершина была чистого белого цвета, совсем непрозрачная и весьма похожая на поверхность сахарной головы или на расколотый и неполированный белый мрамор. Ниже лед несколько темнел и приобретал голубоватую окраску, близко напоминающую пловучие ледяные горы. Отдельные глыбы, лежавшие у подножья глетчера, по общему правилу, были нежноголубого цвета, незаметно переходившего в белый, но в некоторых местах виднелись бледножелтые слои. Слои были неправильно расположены и в общем составляли весьма незначительную часть всего видимого фронта. Окраска их на самом глетчере производила впечатление нежнорозовых теней, которые, как я уже сказал, оказывались бледножелтыми при ближайшем рассмотрении. Три глубокие оврага или канала были видны на поверхности глетчера, — один в самом центре и два другие ближе к краям, откуда следовало, что летом и осенью потоки воды должны стекать с вершины. Боковые овраги казались незначительными по сравнению с центральным; самая низкая часть короны глетчера находилась в пункте, где воды центрального потока глубоко изрыли лед, низведя его уровень до высоты не более 30 метров.

Я заметил несколько морен на югозападной стороне глетчера, но был слишком измучен ходьбой по глубокому снегу, чтобы осмотреть их более внимательно. На другое утро это сделал вместо меня Коннель. Морен было всего три, и они тянулись почти

параллельно одна другой. Они состояли из черного песка, перемешанного с крупной галькой и с редкими валунами небольших размеров. Значительных каменных глыб вовсе не было видно.

4 мая мы соорудили каменный курган на высоком холме милях в четырех восточнее глетчера и положили туда письменное сообщение о нашем посещении этого холма. Затем мы двинулись прямо через озеро к устью Рэгглс-ривер, куда и прибыли после восьмичасового непрерывного пути.

На другое утро, спрятав 14 банок консервированной говядины, мы тронулись с места в 7 часов утра и с чрезвычайной быстротой продвигались вперед до полудня, когда я остановился для определения широты и решил устроить здесь стоянку № 9. Наш путь шел по течению вскрывшейся реки, которая в этом месте имеет 75 метров в ширину и ¾ метра в глубину. Дно у нее каменистое.

Двенадцатичасовой отдых восстановил наши силы для дальнейшего марша, который и начался в полночь с 4 на 5 мая. Несколько снежных хлопьев, упавших с неба, и чрезвычайно высокая температура (—6° С), повидимому, сулили худую погоду, первую за время путешествия. Днем мы миновали маленький остров близ восточного берега реки, оставшийся незамеченным, когда мы проходили здесь впервые. Второй остров был открыт близ западного берега, несколько ниже по течению. Он состоял почти исключительно из гравия, покрытого лишь скудной растительностью. Число полыней во льду возросло со времени нашего первого появления здесь. То-и-дело надо было пускаться в обход, чтобы огибать их.

Мы миновали ледяную дамбу, близ ее восточной оконечности, где высились многочисленные барьеры из толстого льда. Отсюда Бендер был послан с плечевым мешком к складу, устроенному в лагере № 4, тогда как мы продолжали путь и после семичасового марша расположились в лагере № 10 на льду Чендлер-фиорда

Погода стояла такая теплая, что я спал, приподняв полог палатки.

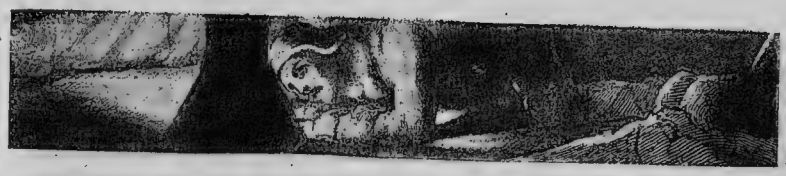
«6 мая мы покинули лагерь № 10 утром в 8 часов 30 минут. Расположились на стоянку в 7 часов вечера

между лагерями № 1 и № 2. Уислер поражен снежной слепотой, у него сильно болят глаза, и он почти ничего не видит.

«7 мая мы выступили в 5 часов 30 минут утра и после пяти часов ходьбы достигли палатки в заливе Бэзилл Норриса, где остановились на несколько минут, чтобы растопить лед. Здесь мы оставили весь запас провизии за исключением того количества, которое нужно на один обед, и незадолго до полудня, совсем измученные, достигли Французского мыса.

Два часа ушло на приготовление пищи, после чего погода приняла столь угрожающий характер, что мы решили попытаться немедленно достигнуть станции.

После двухчасового путешествия Коннель стал жаловаться на сильные судороги в ногах и несколько минут спустя бросил лямку. Я хотел усадить его в сани, но он просил не делать этого, говоря, что может собственными силами добраться до станции. Мы несколько раз останавливались, чтобы не потерять его из виду. Наконец, в полумиле от станции нас встретили Шнейдер и Генри и, немного спустя, д-р Пэви с собачьей запряжкой. В 7 часов 20 минут пополудни мы добрались до Конгера.



ГЛАВА СЕДЬМАЯ

НА ДАЛЬНИЙ СЕВЕР. — ИЗ КОНГЕРА К МЫСУ БРАЙАНТА. — ОТ МЫСА БРАЙАНТА ДО МЫСА ВАШИНГТОНА. — ОСТРОВ ЛОКВУДА И ВОЗВРАЩЕНИЕ

Одновременно с путешествием, описанным в предыдущей главе, под энергичным руководством лейтенанта Джемса Б. Локвуда производилось обследование северного побережья Гренландии. Передовые сани были запряжены собаками, причем эскимос Кристиансен работал в качестве погонщика. Кроме того, лейтенанту Локвуду предоставлено было выбрать в спутники себе на дальний Север самого сильного и энергичного из чинов вспомогательной партии. Пока этот выбор еще не определился, сержанту Джюэлю было поручено состоять при собачьей запряжке. Вспомогательные сани — их было четверо, все образца Гудзонова залива — тянули сержанты Брэйнард, Линн, Ральстон, Элисон, капрал Сэлор, рядовые Бидербик, Коннель, Генри и Уислер.

Сержант Брэйнард с санями «Хэйс», «Кэн», «Галль» и «Бьюмонт» покинул станцию 3 апреля при температуре —34° С. Лейтенант Локвуд остался в Конгере, чтобы закончить некоторые приготовления, и выступил на следующий день. Запряжка его номинально состояла из восьми собак. Но одна из них никогда не тянула даже того корма, который съедала.

Вспомогательная партия расположилась лагерем у склада «А», вблизи мыса Мэрчисона, где лейтенант Кислингбэри заранее раскинул палатку для их приема. Температура упала до —40,6° С, почему первая ночь была довольно тягостна. Здесь груз, приходившийся на каждого человека, был увеличен до 40 килограммов.

Они достигли склада «В» 4 апреля после шестичасового пути и заночевали в снежной хижине, где к ним присоединился лейтенант Локвуд, который в тот самый вечер покинул Конгер с собачьей запряжкой.

Вечером 5 апреля вся партия оставила склад «В», увеличив груз за счет имевшихся там запасов до 58 килограммов на человека и до 45 килограммов на каждую собаку. Они достигли мыса Бичи после четырех с половиной часов пути и продолжали итти вперед еще около двух с половиной часов. Здесь Уислер начал жаловаться на недомогание, и партия расположилась для ночлега.

Брэйнард говорит об этой стоянке: «Стряпает Ральстон; температура около —40° С; Ральстону очень трудно исполнять свои обязанности, так как он отморозил пальцы, приготовляя пищу сегодня утром. Спальные мешки тверды, как железо, и о сне не может быть и речи; наши зубы лязгают от холода. Коннель отморозил палец на ноге; палец этот очень болит и сильно распух, но Коннель все же хочет сохранить свое место у лямок; Генри жалуется на ревматизм и говорит, что не может итти далее; ему велено вернуться на станцию. Такова польза от силачей при службе в Арктике».

Они выступили из этого лагеря вечером 6 апреля. Коннель с трудом ковылял в продолжение часа, но затем совершенно выдохся. Лейтенант Локвуд говорит: «Он бросил лямки и вообще едва был способен передвигать ноги. Он упрямо отказывался вернуться назад. Предоставив партии итти далее, я снял груз с саней и отвез Коннеля к мысу Бичи, откуда он может вернуться домой один». В течение этого дня партия несколько раз встречала завалы мелких глыб молодого льда, на которых сани Гудзонова залива то-и-дело опрокидывались. Неровный, острый лед портил полозья, почему путешествие было медленным и труд-

ным. Ввиду отсутствия лейтенанта Локвуда Брэйнард расположился лагерем после семи с половиной часов пути.

Здесь Брэйнарду пришлось быть поваром при температуре —32,8° С. В походном дневнике его записано: «Сегодня утром обязанности повара были особенно неприятны, так как сильный ветер грозил опрокинуть палатку, и вдобавок мне пришлось сносить сердитые взгляды товарищей, которые угрюмо ели завтрак, состоявший из маленьких хлебцев. Причиной столь дурного настроения было отсутствие мяса, которое пришлось заменить черствым хлебом. Ритенбенк, собачий король, которому ловко помогала королева Джипси, пробрался в палатку, в то время как мы спали, и стащил мясо, уже приготовленное для вечерней трапезы. Так как порции, предназначенной для ворующих собак, не значится в нашем провизионном листе, мы вынуждены поститься до следующего обеда».

Из этого лагеря лейтенант Локвуд отправился вперед с собачьей запряжкой, снова поручив сержанту Брэйнарду начальство над вспомогательной партией. Вскоре после выступления порывистый ветер перешел в сильный шторм и вынудил Брэйнарда расположиться лагерем после марша, продолжавшегося менее трех часов.

Шторм разросся в ужасную бурю; скорость ветра достигла, повидимому, 60 миль в час; к счастью, путники были несколько защищены высокими ледяными горами, иначе палатка не простояла бы на месте и одной минуты. Партия находилась в чрезвычайно жалком положении, так как летящий снег, который проник в тесно набитую палатку, заставил людей еще более скорчиться и сделал почти невозможным приготовление пищи.

Наконец, вечером 9 апреля шторм стих. Брэйнард пишет: «Нам не терпелось какой угодно ценой покинуть это злополучное место. Мы провели в спальных мешках около сорока пяти часов, страдая от неописуемых неудобств, которые могут быть вполне понятны только людям, лично перенесшим подобные испытания».

Лейтенант Локвуд был застигнут тем же штормом невдалеке от мыса Семнера. Он говорит:

«Здесь вместо прикрытия, которое я надеялся найти у подножья утесов, мы были встречены крутящимися снежными вихрями, чрезвычайно неприятными и делавшими весьма трудной задачу предохранять сани от падения в снежные ямы, образовавшиеся около каждой ледяной глыбы».

Наконец они добрались до большого сугроба; лейтенант Локвуд продолжает: «Мы выкопали маленькое отверстие в снежной насыпи и забились туда. Я не знаю в точности, как долго мы здесь оставались. Я был бы рад выбраться наружу даже раньше, нежели шторм прекратится. Свет проникал к нам только через трещины, которые то открывались, то закрывались по какой-то неведомой причине, иногда образовывались новые трещины. Это движение сопровождалось шумом, имевшим довольно тревожный характер. Когда шторм прекратился и мы вскарабкались наверх, то едва могли найти наших собак, так их замело снегом».

Вблизи мыса Семнера вспомогательная партия встретила лейтенанта Локвуда, возвращавшегося к ней на помощь. В эту ночь путешествие было не так плохо, и люди радовались, глядя на солнце, которое стояло над горизонтом в самую полночь. Но когда они миновали мыс Семнера, то встретили такое множество мелких ледяных глыб, что сани «Бьюмонт» пришли в состояние полной негодности. Партия расположилась для отдыха в так называемом Лагере Шлюпки «Полярис». Здесь жестокие вихри сломали шесты и опрокинули палатку, вынудив путников скрыться в снежном убежище. Ветер был так силен, что люди во время работы часто валились с ног, и один раз неистовый воздушный порыв поднял над землей собачьи сани вместе с грузом. Сани ударили Ральстона по лбу, заставив его отлететь на несколько метров и причинив ему серьезные ушибы. Попытка сварить ужин привела только к потере горючего, и партия закусила черствым хлебом и замороженным мясом. Брэйнард, человек выносливый и не привыкший жаловаться, говорит: «Мы полагаем, что ни одна другая экспедиция в арктические области не испытывала неудобств, подобных

тем, которые выпали нам на долю за последние несколько дней».

Партия провела в этом лагере часов сорок, прежде чем удалось приготовить пищу. Отдушины в снежном убежище постоянно заносились снегом, и спиртовая лампа отказывалась гореть в испорченной атмосфере.

Так как Уислер жаловался на сильные боли в легких и начал харкать кровью, а Бидербик захворал воспалением мочевого пузыря, Локвуд решил отослать их обоих обратно. Бидербик, несмотря на свое болезненное состояние, заверил Локвуда, что берет на себя ответственность за благополучное возвращение Уислера в Конгер, куда они, действительно, прибыли 12 апреля.

Непрекращающийся ветер мешал заняться какой-либо работой. Палатки постоянно опрокидывались, походная утварь разлеталась, спальные мешки смерзались до такой степени, что нужна была сила четырех человек, чтобы развернуть их. Хуже всего было то, что не представлялось почти никакой возможности готовить пищу.

Во время пребывания в Лагере Шлюпки сильные штормы не позволяли внимательно следить за собаками, которым удалось поэтому украсть около 20 килограммов бэкона и говядины. К счастью, большое количество запасов, сосредоточенное у названного пункта, сделало не особенно чувствительной эту потерю, которая иначе имела бы весьма серьезные последствия.

В 10 часов пополудни 16 апреля партия выступила из Лагеря Шлюпки к северу, захватив с собою 300 дневных пайков. Лейтенант Локвуд шел впереди, продвигая около 360 килограммов груза при помощи восьми собак. Далее следовали большие сани «Нэрс», в которые впряглись Брэйнард, Ральстон и Сэлор; здесь было 100 килограммов. На третьем месте шли сани «Галль» с грузом в 70 килограммов; их тянули Джюэль и Фредерик. Наконец — сани «Хайс», тянувшиеся Линном и Элисоном. На их долю пришлось также 70 килограммов.

Восьмичасовое путешествие привело партию к пункту, который сочтен был за вход в долину Брешь, но

который в действительности оказался балкой, расположенной значительно далее к востоку. Здесь стали лагерем.

После напряженных усилий, объяснявшихся необходимостью продвигаться по суше, партия, после пятидневного похода, достигла морского берега немного восточнее бухты Риполс утром 22 апреля. Это путешествие значительно затянулось и оказалось гораздо труднее вследствие ошибки, допущенной при попытке войти в Брешь. Не попав в эту долину, они направились через Гордж-Крик и каньоны Затерянной реки, т. е. через целый ряд извилистых балок, которые значительно удлинили дорогу и вынудили партию с большими трудностями перебираться через высокие перевалы. 20 апреля темепература в этих балках спустилась до —40° С, холод небывалый для данного времени года.

Партия начала свой десятый переход 24 апреля и в конце дня расположилась лагерем немного восточнее Блэк-хорн-клифса. Утром 25 апреля партия была задержана на несколько часов болезнью эскимоса Фредерика, который жаловался на рези в желудке. Лейтенант Локвуд, наконец, умудрился довести его до Рест-горджа, приблизительно в 2½ милях восточнее Блэк-хорн-клифса, где уложил его в спальный мешок и дал выпить виски. Здесь же они стали лагерем. Сержант Брэйнард пишет: «Мы не знали толком, что у него болит, так как он выражал свои желания только знаками. Не имея более подходящего лекарства, мы дали ему огромную порцию горячей водки и вскоре имели удовольствие слышать, как он храпит так громко, что это почти заставляет трястись прибрежный лед. Это подает надежду на скорое выздоровление... Карта здешнего побережья, составленная лейтенантом Бьюмонтом, образец точности и правильности, поскольку мы можем судить. Сани «Хэйс» и «Галль» почти совершенно износились, и их очень трудно тянуть».

После полудня Ральстон и Джюэль успели отыскать английский склад у Стэнтон-горджа. Лейтенант Локвуд пишет (26 апреля): «Прежде чем двинуться далее, мы воздвигли здесь каменный курган, в котором спрятали однодневный запас продовольствия для всей

партии, считая в том числе и собак, а также всю одежду, обувь и т. д., без чего могли временно обойтись.

У Стэнтон-горджа сержант Ральстон показал мне склад Бьюмонта, расположенный на отроге горы. Склад этот состоял из 25 килограммов сладкого пеммикана, 5 килограммов бэкона, металлического ящика, содержащего черствый хлеб, картофель и т. д., а также и банки рома. Я восстановил курган, положив туда письменное сообщение о моем путешествии вплоть до сегодняшнего числа, и велел перенести провизию на прибрежный лед, так как она может нам понадобиться на возвратном пути».

В этот вечер партия остановилась лагерем вблизи залива Франкфильда. Лейтенант Локвуд сообщает: «Дорога из старого лагеря вплоть до мыса Стэнтона тянулась вдоль линии ледяных гор по снежному склону, местами очень крутому, но в общем обладавшему твердой поверхностью и удобному для продвижения. Дорога через залив Хэнд тоже была хороша».

В 7 часов утра 27 апреля партия оставила лагерь, расположенный против горы Лов, и двинулась к мысу Брайанта. Лейтенант Локвуд говорит: «Путешествие вдоль покрытого снегом берегового льда было довольно трудное. В 9 часов 25 минут утра мы достигли восточного берега залива Франкфильда. Здесь снег по общему правилу был тверд и хорош. Я видел четырех куропаток и трех убил из дробовика. Незадолго перед тем Фредерик убил двух из пистолета.

«Путь от залива Франкфильда тянулся вдоль низменного побережья, не считая двух или трех излучин берега, где мы спускались на ледяное поле. Дорога была иногда хороша, иногда плоха, но не слишком».

Главная партия достигла мыса Брайанта 27 апреля в 8 часов пополудни при температуре — 25,6° С, после одиннадцатидневной упорной работы у лямок. Люди не только были изнурены напряженными усилиями и холодом, но сверх того Брэйнард и Ральстон страдали от снежной слепоты, а Фредерик повредил себе колено. Поэтому партия весь день 28 апреля провела у мыса Брайанта, собираясь с силами для новой работы. . . . .

Лейтенант Локвуд решил отослать обратно вспомогательную партию и двигаться далее вперед с собачьей запряжкой и с двумя людьми. Он пишет: «Я лично осмотрел сани Гудзонова залива и должен был согласиться с заявлением нижних чинов, утверждавших, что эти сани совершенно негодны для дальнейшего пользования. Одни из них я разрубил на поперечины для саней с собачьей запряжкой; другие были починены настолько, что на них можно было тянуть груз, принадлежащий партии сержанта Линна, вплоть до Лагеря Шлюпки.

«После этого я соорудил каменный курган на склоне холма, приблизительно в одной миле от побережья, и положил там 40 английских пайков, а также все наши излишки провизии, ружье и т. д. — словом, все без чего считал возможным обойтись. Я оставил также письменное сообщение. Сержант Брэйнард сильно страдал сегодня от снежной слепоты и должен был оставаться в палатке.

«Мыс Британия виден был очень смутно, но в конце дня стал вырисовываться совершенно отчетливо. Его внешний вид так хорошо изображен в дневнике лейтенанта Бьюмонта, что я не пытаюсь описывать его».

---

29 апреля сержант Линн двинулся обратно к Лагерю Шлюпки во главе вспомогательной партии, а лейтенант Локвуд с Брэйнардом и Фредериком Кристиансеном направились к северу через Замерзшее море.

«Я избрал сержанта Брэйнарда в спутники Фредерику и мне, — говорит лейтенант Локвуд, — и составил следующую опись 75 пайков, которых должно хватить на двадцатипятидневный поход к северу от мыса Брайанта:

Пеммикана	18 кг	Шоколада	3 кг
Мяса мускусного быка	15 „	Сахара	5 „
Колбасы и английской говядины	8 „	Лимонного сока (замороженного)	$2^1/_3$ „
Бобов	9 „	Черствого хлеба	27 „
Сушеного картофеля	$2^1/_2$ „	Молока	$1^1/_2$ „
Брусничного повидла (3 банки)	$4^1/_2$ „	Спирта	9 „
Чая	2 „		
		Всего	107 кг

Repulse Hr Depot June 13th 1876

3 of us have returned from the Camp ½ mile south to fetch the remainder of the provisions – Dobing has failed altogether this morning. Jones is much worse and cant last more than two or 3 days Craig is nearly helpless. Therefore we cannot hope to reach Polaris Bay without assistance. 2 men cannot do it – So we will go as far as we can & live as long as we can. God help us

L A Beaumont

Записка лейтенанта Л. А. Бьюмонта.

«Постоянный груз состоит из палатки, шестов и булавок, 2 спальных мешков (1 из бизоньей и 1 из собачьей шкуры), 1 кухонной лампы, 1 гуттаперчевой покрышки, 1 топора, 1 заступа, 1 сечки, 1 пистолета, 1 секстана, 1 запасных полозьев, 1 маленькой палатки, 1 малой запасной кухонной лампы, 2 пар лыж и 1 мешка с амуницией, чашками, тарелками, ложками, лотом для измерения глубины, щеткой, ящичком для записей, мензуркой и т. д.; кроме того сани, весящие 36 килограммов. Общий вес постоянного груза 115 килограммов.

«Пеммикан для собак (три мешка) 135 килограммов; всего восьми собакам придется тянуть 355 килограммов, что дает средний вес груза на каждую собаку при выступлении около 45 килограммов.

«Я выступил в 4 часа 47 минут пополудни, взяв направление на мыс Мэй. Погода попрежнему была превосходная. Ледяное поле было твердо и плоско, и лишь кое-где на нем возвышались низкие отдельно стоящие торосы, через которые мы перебирались довольно легко, благодаря наметенному снегу. Когда, однако, мы очутились против Дрэгон-пойнт, наст потерял свою прочность, и сани часто проваливались до самых поперечин, так что нужна была соединенная сила всех нас, чтобы вытаскивать их».

«30 апреля. В час ночи я расположился лагерем против Дрэгон-пойнт, так как собаки были совсем изнурены слишком тяжелым грузом. Самый ясный день, какой я когда-либо видел; никакого ветра. Температура ниже, чем обычно. 4 часа пополуночи: кончили ужин. 4 часа 20 минут пополуночи. Термометр —16,7° С; барометр 29,35. Останавливались во время марша для перепряжки в общей сложности на 30 минут.

«5 час. 22 мин. пополудни. Снова двинулись в путь и вскоре заметили, что продвижение очень трудно и утомительно. Снег местами глубок по колено, сани то-и-дело увязают. В подобных случаях собаки с величайшей готовностью садятся на задние лапы и спокойно следят за операцией вытаскивания саней, которая приходится на нашу долю. После того как сбросили половину груза, продвижение несколько улучшилось,

потому, быть может, что мы чуть-чуть изменили направление и находимся теперь на одной линии с мысом Британия. Брэйнард совсем оправился от снежной слепоты. Лимонный пеммикан кажется нам очень невкусным, и мы едим его с величайшим отвращением. Мыс Британия виден особенно четко, что объясняется, надо думать, чрезвычайно сильной преломляемостью лучей в атмосфере. Остров Бьюмонта производит впечатление двух островов, из которых один поставлен на вершину другого».

1 мая в 4 часа 25 минут пополудни партия тронулась с места с полной нагрузкой, но лейтенант Локвуд вскоре сбросил половину, оставив ее на попечении Брэйнарда, а сам продолжал продвигаться вперед. «Я остановился, — пишет он, — на многолетней льдине и, сняв поклажу, отправил сани обратно за второй половиной. Характер льда улучшился; поэтому я решил еще раз попробовать тянуть все за один раз. Льдина, простирающаяся перед нами, очень обширна. Она пересечена рядами низких торосов, между которыми находятся широкие интервалы; небольшие возвышения разбросаны здесь и там. Все покрыто снегом. Местами льдина имеет волнистый характер; термометр —18,3° С».

Во время этого перехода лейтенант Локвуд оставил всякую мысль о посещении мыса Мэй и направился прямо на север к мысу Британия. «Мы расположились лагерем приблизительно в 5 милях от мыса Мэй. Уже упомянутая большая льдина простирается к северу так далеко, как только я могу видеть. Сегодня наш ужин состоял из чая, лимонного пеммикана, черствого хлеба и бобов с сухарными крошками. Порции спирта, полагающейся на день, хватило только на то, чтобы растопить лед и согреть воду; бобы пришлось есть холодными. Брэйнард и я спали мало. Эскимос неизменно начинает храпеть через две минуты после того, как укладывается на отдых».

Партия тронулась к северу в 8 часов пополудни 2 мая, но после того, как в течение двадцати минут сани двадцать раз останавливались, путники были вынуждены бросить половину груза. Немного времени спустя лейтенант Локвуд попытался сделать набросок

острова Стефенсона, который, судя по всем признакам, действительно является островом. «Я заметил торосы, тянущиеся от острова Бьюмонта по направлению к мысу Мэй. Мы разделили груз на две части как нельзя более во-время, потому что, начиная с этого места, путь шел по мягкому, глубокому снегу, иногда по колено. В 10 часов 45 минут мы приблизились к трещине во льду, которая, повидимому, тянется вдоль линии упомянутых выше торосов. Эта трещина в том месте, где мы подошли к ней, имела ширину, равнявшуюся длине шеста нашей палатки, и была заполнена водою и илом фута на 2 ниже ледяных краев. Продвинувшись к югу на несколько сот метров, мы обнаружили две трещины, имевшие, однако, не более 2 футов в ширину каждая, так что переправиться через них было нетрудно. Это место находилось приблизительно в точке пересечения линий, проведенных от мыса Британия к мысу Брайанта и от мыса Мэй к острову Бьюмонта. Решив воспользоваться благоприятным случаем для измерения глубины моря, я послал Фредерика обратно за сержантом Брэйнардом и за лотом, которого при мне не было».

«3 мая. 1 час 7 минут пополудни. Собачья запряжка вернулась обратно. Собаки всегда бегут гораздо проворнее по уже проложенной тропе. Отыскав подходящее место, я вручил линь Брэйнарду, который опустил его в море на всю длину, но дна не достал. Тогда я последовательно привязал к линю четыре ремня из тюленьей кожи, длинный конец веревки и кнут Фредерика; результат все тот же — дна нет. Ничего более не имея в своем распоряжении, кроме собачьих постромок, мы начали вытягивать линь обратно, вытащили уже кнут и часть веревки, но последняя вдруг оборвалась; таким образом, все остальное было потеряно. Приблизительная длина линя, опущенного нами в море, была следующая: веревка и кнут 45 метров; четыре ремня 75 метров и самый линь 133 метра; всего 253 метра. Свинцовая гиря весила 6 фунтов. Этот случай лишает нас возможности производить дальнейшие промеры глубины.

«В 2 часа пополуночи мы продолжали путь с половинным грузом. В течение четверти часа шли вдоль

узкой линии торосов, повидимому тянущихся параллельно трещине, образовавшейся в результате приливов. Далее открывалась обширная плоская льдина, далеко простиравшаяся направо и налево. Трудно было заметить малейшую расщелину или неровность на широкой поверхности. В 3 часа пополудни мы нашли небольшой бугор снегового льда и там расположились лагерем.

«Выступили в 6 часов пополудни 3 мая и в 8 часов 25 минут остановились для отдыха у линии низких торосов. Льдина, которую мы видели теперь перед собою, представляла непрерывную поверхность плоского снега и, казалось, занимала все пространство между островами Бьюмонта и Стефенсона и мысом Британия; она напоминала мне равнины далекого запада; совершенно твердый и крепкий наст позволяет тянуть все за один раз. В 9 часов 35 минут пополудни наша дорога пересекла воображаемую линию, соединяющую острова Бьюмонта и Стефенсона».

После путешествия, продолжавшегося четырнадцать часов, в течение которых пройдено было 30 миль, партия расположилась лагерем вблизи мыса Британия.

Сержант Брэйнард пишет: «Мыс Британия, можно сказать, теперь у нас в руках... Мы забились в наши сырые безрадостные спальные мешки с более легким сердцем, нежели когда-либо за последние недели. Даже угрюмый гренландец отчасти заразился нашим настроением. Сидя в своем мешке из собачьей шкуры, он с радостным хихиканием наблюдает за всем, что делается вокруг него. Остров Стефенсона представляет собою высокую скалистую массу продолговатой формы, с почти вертикальными утесами, изрытыми кое-где глубокими балками; в двух из них заметны небольшие глетчеры. Остальное побережье вплоть до мыса Британия имеет изрезанный, гористый характер с двумя или тремя другими глетчерами.

«Пока мы спали, собаки добрались до пеммикана, как всегда лежавшего под санями, и съели всю порцию, которую им предстояло получить в ближайшие два с половиной дня».

4 мая полуторачасовое путешествие привело партию к земле, по которой еще никогда не ступала нога

человека. Отныне все, что видели, исследователи, казалось вдвойне интересным. Лейтенант Локвуд пишет:

«В 7 часов 53 минуты пополудни достигли мыса Британия. Демаркационная линия между ледяным полем и береговым льдом едва отмечена чуть видными трещинами. Разбив палатку на береговом льду, мы начали строить курган высотою в 2 метра на склоне маленькой балки под самым утесом. Я положил туда письменное сообщение о моем путешествии, пятидневный паек, трехдневный запас собачьего корма, запасные полозья, маленькую лампу и лыжи. Эти последние я захватил на тот случай, если снег к востоку от мыса Брайанта окажется слишком глубоким для собачьей запряжки. Теперь я рассудил, что мы можем обойтись без них».

«5 мая, 1 час пополуночи; термометр — 16,7° С; барометр 29,52 — тихо. Сержант Брэйнард и я начали подниматься на вершину мыса. Мы следовали по руслу водяного потока; подъем был очень крут и перемежался несколькими гребнями, из которых каждый можно было снизу принять за вершину. Наконец, в 2 часа 35 минут мы взобрались на самый верх. Термометр —9,7° С, барометр 23,32; ветрено. Мы очевидно находимся на острове; его северная оконечность представляет собой высокий мыс в полдюжине миль расстояния от нас. На юге возвышается масса снежных вершин. На севере и на западе взгляд не встречает ничего кроме пака, на горизонте заметен остров Бьюмонта».

Двадцатый по счету переход, проделанный 5 мая, позволил партии обогнуть мыс Фредерика и расположиться лагерем против бухты Норденшельда. Путь шел сперва по превосходному прибрежному льду, но вскоре огромные льдины, громоздившиеся у подножья высоких обрывистых утесов, заставили свернуть на ледяное поле. Во время этого марша низкий скрежещущий звук указывал на непрекращающееся движение льдины. За мысом Фредерика они встретили прошлогодний лед; он простирался на некоторое расстояние и заканчивался на севере в нескольких стах метров от берега. Трещина во льду, вызванная приливами, тяну-

лась от мыса Фредерика к мысу Эмори. Произведя наблюдения, лейтенант Локвуд определил наше географическое положение — 82°51' сев. шир.

Двадцать первый переход привел партию к мысу Бене, у западной оконечности бухты Маскарта, куда пришли в 11 часов 33 минуты пополудни 6 мая, после десятичасового путешествия, измучившего людей и собак. Во время этого перехода часто видели приливную трещину, ширина которой колебалась от 1 до 100 метров; она была покрыта новым льдом, на котором кое-где виднелись полыньи или разводья. Остров Маркхэма был, видимо, отделен от материка на северо-востоке узким и глубоким фиордом. Брэйнард заметил на побережье три небольших глетчера.

Двадцать второй переход привел их 7 мая к Лоу-пойнт под 83°9', что равнялось самой высокой широте, когда-либо достигнутой на суше. Мягкий, глубокий снег, достигавший порою до бедер, сделал эту часть пути наиболее трудной на всем протяжении от острова Бреворта. Партия миновала мыс Дистант «огромную массу черных скал, образующих высокий утес», и вдалеке показался мыс Рамзая, который исследователи сперва приняли за остров, но густой снег, падавший в течение всего этого перехода, не позволил рассмотреть его как следует. Единственным живым существом была птица-подорожник, которую впервые увидели здесь, хотя крик ее слышали раньше. Лейтенант Локвуд говорит: «Брэйнард и я очень устали; за последнее время мы оба часто испытываем чувство утомления и слабости».

Отличный переход, в течение которого собаки по временам бежали рысью, привел группу к заливу Покета, восточнее мыса Мона, 83° 10' сев. шир. Хорошая дорога ободрила путников несмотря на сильный ветер и поземку. Берег, тянувшийся до сих пор к востоку, теперь явственно сворачивал к северу, т. е. в наиболее желательном направлении.

10 мая исследователи пересекли фиорд Де Лонга, соорудив мимоходом два небольших кургана в его северной и южной крайних точках. Им помогал итти ветер, дувший прямо в спину, в то время как все побережье было скрыто снежной бурей.

После девяти-с-половинойчасового марша при сильном холодном ветре и поземке, пройдя 22 мили, партия расположилась лагерем на острове Мэри Мюррей, 83° 19' сев. шир.

Этот остров, имеющий форму башмака, казался узким скалистым барьером, поднимающим на сотни метров над уровнем льда свою вершину, недоступную повсюду, за исключением, быть может, немногих мест. Отсюда видны были три мыса, из которых самый дальний, вероятно, мыс Вашингтона.

Сильный ветер удерживал исследователей в этом лагере в течение шестидесяти трех часов. Трудно сказать, от чего больше страдала партия, — от душевного беспокойства и разочарования в возможности дальнейшего пути или от физических мучений, вызванных холодом. Этот ветер при весьма низкой средней температуре (—13,3° С) привел ноги путников, по выражению Брэйнарда, «в состояние, напоминающее ледяные сосульки. Мы часто сменяли обувь и изо всех сил растирали ноги теплыми руками, но это было бесполезно».

Двадцать пятый по счету и последний переход партии следующим образом описан лейтенантом Локвудом:

«13 мая, 12 часов 30 минут. Термометр —17,7° С; барометр 29,30. Северозападный ветер и снег, но все-таки можно рассмотреть лежащий впереди мыс, и мы предпочитаем все, что угодно, чувству холода в ногах, который терпим вот уже 62 часа.

«Выступили в 1 час 45 минут, соорудив небольшой каменный курган. Северный мыс фиорда Вильда исчез из виду вскоре после выступления, но тем не менее продвижение совершалось очень хорошо вдоль линии побережья, и в 3 часа 45 минут мы добрались до мыса. Здесь у гряды утесов, которым он заканчивается, обширные массы ледяных гор и торосов заставили нас свернуть на ледяное поле. Извилистая дорога привела нас на вершину ледяного вала, с которого сани пришлось спустить на постромках, с высоты 5 метров или даже более. На некотором расстоянии мы медленно прокладывали себе путь сквозь массу мелких ледяных осколков, постоянно пользуясь топором и переправившись через две или три небольших полыньи. Затем

на протяжении нескольких сот метров путь шел по чистой прошлогодней льдине, пока наконец в 5 часов 30 минут утра мы не наткнулись на новую прогалину. Так как можно было рассмотреть солнце сквозь облака, я начал производить наблюдения над его высотой и в то же время послал Фредерика поискать переправу. Она была найдена, и мы продолжали продвигаться быстрым шагом по льдине вдоль гряды утесов. Теперь погода вдруг прояснилась, и обширная бухта (фиорд Вейпрехта) с утесами и горами на ее дальней стороне открылась перед нами, создавая самую замечательную панораму, какую я когда-либо видел. Справа, наискось от нас, гряда утесов заканчивалась мысом, вблизи которого берег круто направлялся к югу и затем изгибался на юго-восток, образуя западную сторону бухты. Прямо против нас находился пирамидальной формы остров (остров Локвуда), который, видимо, соприкасался с грядой утесов, тянувшихся к северу и к югу от него. Немного правее от упомянутого острова лежал другой (остров Брэйнарда), повидимому, конической формы. Позади их суша поднималась на огромную высоту и образовывала гору не меньше, чем в 430 метров, совершенно подавляя острова и скалы, расположенные внизу. Трещина, образованная приливами, длинной изогнутой линией соединяла два мыса, замыкавшие вход в бухту, и была отмечена стеною торосов. За нею находилась плоская снежная поверхность ледяного поля, тянувшаяся от берега до берега, а перед нею, в перемежку, массы осколков или гладкая поверхность прошлогоднего льда».

Десятичасовая работа дала группе возможность пройти только 16 миль, и наконец, совершенно измученные продвижением по глубокому снегу, путники устроили свой последний лагерь у северной оконечности острова Локвуда под 83° 43,8' сев. шир., что представляло собою наивысшую широту, когда-либо достигнутую до тех пор человеком.

В течение трех столетий Англия держала в своих руках знамя дальнего севера, теперь Локвуд, использовав труды и опыт наших «заморских родичей», опередил их усилия на суше и на океане. С чувством справедливой гордости путники глядели в этот день на пу-

стынный мыс, который сохранит в грядущих веках великое имя Вашингтона.

Лейтенант Локвуд пишет: «Так как запасы продовольствия почти пришли к концу, я решил сделать этот мыс самым дальним пунктом моего продвижения и посвятить то небольшое количество времени, которое у меня еще оставалось, более точному определению широты, ибо на этот счет у меня были кое-какие сомнения... Мы соорудили большой, издалека заметный курган, имевший около 2 метров в высоту. Он находится приблизительно в 10 метрах над уровнем прибрежного льда, вблизи живописной массы скал, которыми увенчан утес. В курган я положил письменное сообщение о моем путешествии вплоть до сегодняшнего дня, а также минимальный термометр. Убрав палатку, сержант Брэйнард и я вернулись к кургану и собрали по соседству образцы горных пород и местной растительности.

«Мы поднялись без особых трудностей по выступу скалы, которая, казалось, вела от подножия прямо к вершине, но в действительности достигала лишь некоего подобия террасы, выше которой была расположена главная масса горы. Подъем, сначала довольно отлогий, становился все круче, но все же мы не встречали никаких трудностей, так как вся поверхность вершины покрыта небольшими камнями, которые своим однообразным объемом, расположением и т. д. напоминали дорогу, вымощенную макадамом.[1] Мы достигли верха в 3 часа 45 минут пополудни и развернули американский флаг—подарок мистрисс Грили—на широте 83°24' сев. шир. (согласно последнему наблюдению).

«Вершина представляет собою маленькое узкое плато, вытянутое на юг к зазубренным, покрытым снегом высотам. С него открывается широкий кругозор во все стороны. На северо-востоке встает скалистый мыс (мыс Кэна), у подножия которого я мог различить низкий берег, вдающийся в море несколько далее мыса Вашингтона. Фиорд, находящийся на востоке, тотчас

---

[1] Вымощенная ровными булыжниками дорога, впервые устроенная Мак Адамом в Шотландии в начале XIX века; отсюда выражение «вымощенная макадамом». *(Прим. ред.)*

Лейтенант Локвуд, Брэйнард и Кристиансен возвращаются с дальнего Севера.

же за бухтой Конгера, уходит на юг и исчезает из виду, когда его закрывают горы; но, судя по всем признакам, он должен где-то соединяться с фиордом, который мы недавно пересекли (фиорд Вейпрехта). Со стороны твердой земли весь горизонт покрыт бесчисленными снежными горами, профили которых заслоняют друг друга и так перемешаны, что невозможно установить точную топографию страны. К северу расстилается сплошная ледяная поверхность, ограниченная только горизонтом. Мне не удалось различить земли нигде на всем протяжении между двумя крайними мысами Вашингтона и Александра Рамзая, хотя я смотрел долго и внимательно. Мы провели на вершине двадцать минут и оставили там письменное сообщение в жестяном ящичке, покрытом несколькими маленькими камнями, так как больших камней там нет».

Вечером 16 мая лейтенант Локвуд со своей партией выступил обратно в Конгер и за девять дневных переходов достиг мыса Брайанта. Здесь он устроил склад провизии «для работы в будущем году».

Расстояние между мысом Брайанта и Лагерем Шлюпки было пройдено за шесть переходов. Сержанты Линн, Ральстон и Элисон, поджидавшие передовую партию, оказались в добром здравии. Фредерик, Джюэль и Сэлор уже вернулись в Конгер. За время своего пребывания у мыса Брайнта вспомогательная партия страдала от сильных ветров, делавших жизнь там очень неприятной. Единственным волнующим событием был визит двух медведей, которые явились со стороны залива Ньюмэна и проследовали южнее мыса Семнера в то время, когда партия покоилась мирным сном. Лейтенант Локвуд оставил в этом лагере 185 килограммов провизии и некоторые другие предметы для работы будущего года. Затем, одним переходом в 14 часов, он прошел поперек пролива Робесона к мысу Бичи, все время борясь с яростной бурей. Весьма замечательно, что в этот день, когда совсем не было солнца, партия сильно страдала от снежной слепоты, потому что люди не сочли нужным надеть очки. 1 июня путешественники вернулись в Конгер после шестидесятидневного отсутствия. Не считая снежной слепоты, все были сильны, здоровы и бодры.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ИССЛЕДОВАНИЕ ЗЕМЛИ ГРИННЕЛЯ

В конце июня санные походы по ледяному полю стали невозможны, и однообразие летней рутины воцарилось на станции. Тогда я решил лично произвести обследование центральной части Земли Гриннеля, пользуясь вместо саней тележкой. 24 июня я выступил из Конгера с Линном, Фредериком, Сэлором и Уислером. Наше походное снаряжение было сведено к самым ограниченным размерам: мы взяли с собой хлеба, пеммикана, солонины, чая, шоколада, сахара, молока, соли, перца, а также спальные мешки. Два человека должны были тянуть маленькую четырехколесную тележку с большей частью груза. Двое других несли плечевые мешки, весившие около 10 килограммов каждый. Через известные промежутки времени они должны были сменять тех, кто тянул тележку. Сам я нес научные инструменты, — подзорную трубу, компас, секстан и т. д. Своей непосредственной задачей я считал возможно более полное изучение страны, по которой мы шли.

После трехчасового перехода мы приблизились к Лезвию Ножа, — весьма замечательному геологическому образованию на западном склоне долины Черных скал. Ближе к восточному склону высокий круглый утес, известный под именем мыса Бифуркация, от-

деляет Меха от долины Черных скал. Река имела около 40 метров ширины и 1½ метра глубины при входе в вышеназванную долину. Начиная с этого пункта, пролегали девственные места, не обследованные нашими английскими предшественниками.

После тринадцатичасового марша мы расположились лагерем на северовосточном берегу озера Генцельмана. Мускусный бык был замечен вблизи этого пункта, но на слишком большом расстоянии, чтобы его можно было преследовать.

Отдохнув часов двенадцать, мы двинулись далее, и ровно в полдень, остановившись на несколько мгновений, я определил широту в самом центре долины. В это время теплый ветер задул из внутренней части страны, и температура поднялась выше + 5° С.

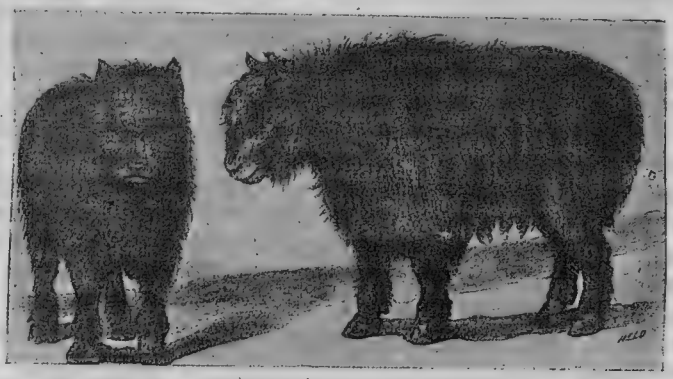
Так как наша тележка обнаруживала некоторые признаки расхлябанности, а западный берег реки был менее труден для продвижения, мы попытались тотчас же за озером Генцельмана переправиться через реку, но нашли, что вода слишком глубока. Гуси, мускусные быки и один волк попались нам на глаза во время этого перехода.

Семичасовое путешествие по очень неровному грунту вывело из строя одно из колес, и, пока шла починка, мы позавтракали. За это время я опять видел мускусных быков, — пятнадцать голов в одном стаде и три в другом. Дорогою нам попадалась в достаточном количестве сухая ива, так что мы могли развести костер, чтобы вскипятить чай.

В 5 часов 30 минут пополудни мы вновь расположились лагерем, пройдя около 16 миль. Здесь долина имела достаточно плоский грунт по обоим берегам реки. Ниже ее верхнего уровня местами выдавались плато, высившиеся метров на 12 или 15 над водами реки; но, если не считать их, долина окаймлена высокими крутыми утесами, высота которых колеблется от 500 до 600 метров. На всем своем протяжении долина была совершенно свободна от снега и во многих местах покрыта роскошной, относительно говоря, растительностью. Эта последняя состояла, главным образом, из ив, камнеломок и куропаточьей травы, хотя кое-где замечалась и осока высотою от 10 до 20 дюймов.

Снег можно было заметить только в виде сугробов на вершинах утесов. В иных местах под этими сугробами начинались небольшие ручейки, которые, работая из года в год, вырыли узкие ложа в тощей почве окрестных скал. Взобраться на утесы можно было лишь в тех пунктах, где водные потоки проложили себе дорогу.

Двенадцатичасовой привал в лагере № 2 дал нам возможность вволю отдохнуть. Мы спрятали однодневный паек на обратный путь и двинулись далее, причем видели несколько больших чаек и волка. Немного спу-



Мускусные телята.

стя, по причине очень неровной местности, мы были вынуждены переправиться через реку, что удалось с некоторым трудом, так как глубина достигала двух футов и дно было вязкое. Вскоре после этого мы увидели мускусных быков на берегу, только-что нами покинутом.

Так как продвижение вперед совершалось очень медленно, то я, предоставив партии итти прямо по долине, взобрался на холм, возвышавшийся метров на 300 над уровнем реки, чтобы осмотреть местность, расположенную к западу. К сожалению, другие холмы закрывали часть кругозора. Однако, мне удалось увидеть несколько хребтов, которые я назвал горами Соединенных Штатов.

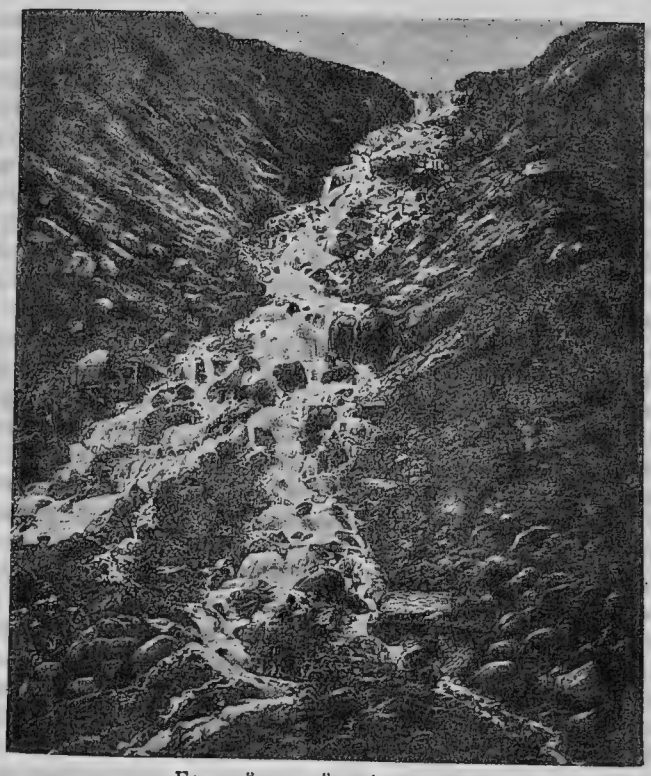
Перейдя поперек долины, я вновь поднялся на холм у ее западного склона и обнаружил, что здесь пролегает водораздел, причем потоки, стекающие в западном направлении, изливаются в озеро Хазена. Высота водораздела равняется приблизительно 430 метрам. Отсюда открывается красивый вид в западном направлении, причем можно различить четыре озера, расположенные ближе к восточной оконечности озера Хазена. Глетчер на северном берегу этого озера также был явственно виден простым глазом. Я поймал здесь бабочку и насчитал трех чаек, двух шмелей и большое количество мух (трех разных видов). Когда я спустился по западному склону водораздела, показались другие озера. После одиннадцатичасового путешествия по склону холма, примыкающего к озеру Эппльби, мы устроили вечером 27 июня лагерь № 3.

В этом лагере мы спали очень мало, так как огромные рои мух сильно докучали нам. Бидербик и я расположились в «собачьей палатке», но сильная жара и назойливые мухи мешали отдыху. Встав в 2 часа пополудни, мы увидели, что термометр показывает +8,9°С,— палящий зной на Земле Гриннеля. В ближайшем соседстве лагеря нашлось множество сухой ивы, и мы имели возможность сберечь небольшой запас нашего спирта.

28 июня в 3 часа 30 минут пополуночи мы снова двинулись к западу при температуре + 11,7° С. Между озерами Кильбурн и Крэг мы переправились через поток, имеющий в длину 250, а в ширину 10 метров, который соединяет оба эти озера.

Заметив, что, следуя по берегам озер, мы сильно увеличиваем длину пути, я решил двинуться напрямик. Семь часов спустя мы достигли устья реки, посредством которой вся система озер соединяется с озером Хазена. Не доходя полумили до этого озера, я подобрал большой олений рог.

Переправиться через реку удалось с большими трудностями, так как она была очень широка. Бо́льшую часть вещей пришлось переносить на собственной спине, что можно было сделать только промокнув до костей. Температура воды была чуть-чуть выше нуля, а потому купание не имело ничего приятного. Перепра-



Горный ручей в Арктике.

вляясь через реку, мы видели стайку уток и двенадцать мускусных быков. Теперь наша дорога пролегала по южному берегу озера Хазена.

Пройдя еще несколько миль, мы открыли на озере Хазена два острова, параллельные друг другу; один из них имел в длину около мили и другой — полмили. Прямо против них я поставил лагерь № 4, пройдя 20 миль за десять часов.

28 июня, когда мы выступили, термометр показывал +11,7° С. Вскоре я заметил место, на котором находилось когда-то старинное летнее становище эскимосов. Оно было расположено метров на 6 выше уровня озера, как-раз на гребне низкого водораздела, отделяющего последнее от маленького болота, которое

много лет тому назад представляло собою, очевидно, рукав того же озера. После тщательных поисков было обнаружено большое количество костей, а также куски необработанного дерева и ветхие санные полозья. Сохранившиеся круги указывали, что на этом месте стояли когда-то четыре палатки. Окрестности становища отличались довольно богатой растительностью, состоявшей из различных трав и маков.

Лагерь № 5 был устроен при соединении озера Хазена с Рэгглс-ривер на месте, открытом мною в минувшем апреле. Склад был найден нетронутым.

Окружающая местность имела чрезвычайно приятный вид. Небо было частично покрыто настоящими кучевыми облаками — очень редкое явление в Арктике. Солнце пестрило перемежающимися полосами света и тени журчащую реку и большую синюю полынью с ее шумными обитателями. Температура была высокая, и над веселыми желтыми маками кружились пестрые бабочки. Повернувшись спиною к ледяному полю, покрывающему центр озера, и к сверкающим глетчерам снежных гор и глядя на низкие коричневые холмы с узкой оливково-зеленой оторочкой, можно было вообразить себя в сорока, а не в восьми градусах от северного полюса. Четыре длиннохвостых утки шумно полоскались у истока реки, а вокруг летали большие чайки и морские ласточки. Холмы по обеим сторонам были оторочены свежей листвою молодых ив и порослями камнеломок. В этом пункте и по соседству с ним можно было заметить много бабочек, вероятно принадлежавших к трем различным видам. Они были, впрочем, так подвижны и пугливы, что только одну мне удалось поймать за целый день.

Я был очень удивлен, заметив на вертикальной насыпи, упиравшейся в Рэгглс-ривер, три покинутые эскимосские хижины, которые без сомнения служили когда-то постоянным жильем. Эти дома были построены из тонких кусков сланца, который легко добыть на близлежащих скалах. Эскимосы использовали высокую обрывистую насыпь, к которой примыкала задняя сторона домов и в которой были устроены печи.

Каждый дом имел 2 метра в ширину и 3 — в длину, хотя, быть может, они были несколько длиннее, ибо

стены, находившиеся всего дальше от насыпи, обвалились и частью исчезли, подмытые рекой. Боковые стены этих построек имели около 1 метра в вышину. Очевидно, весь дом был когда-то покрыт большими плитами сланца, так как значительное количество поломанных кусков было найдено внутри дома. Весьма возможно, что ширина домов зависела от величины сланцевых плиток, которые можно было использовать для кровли. Не удалось обнаружить никаких признаков шестов или деревянных подпорок. Мы старательно убрали прочь плоские каменные плиты и, копаясь среди грязи и мха, нашли немало остатков и костей, особенно многочисленных вблизи очагов. Кости мускусного быка, зайца и различных птиц были обнаружены в чрезвычайном изобилии. В числе других предметов здесь оказались три гребня из моржового клыка, один из которых был украшен орнаментом; рыболовный крючок из китовой кости, костяная игла, и множество других костяных и деревянных предметов, назначение которых осталось нам неизвестным. Удалось также выкопать кусок собачьей шкуры довольно значительных размеров, которая до такой степени сгнила, что рассыпалась на части, когда мы к ней притронулись.

29 июня, в 2 часа 45 минут пополудни, мы двинулись далее к западу при температуре + 10° С. Переправившись через поток метрах в 50 от озера Хазена, мы вновь наткнулись на остатки эскимосского жилища. Входной тоннель, обращенный к северу, имел 4 метра длины и 1 — ширины. Приблизительно на половине пути между входным отверстием и главной хижиной находилось круглое пространство с диаметром около 1½ метра. Оно, вероятно, служило складом для припасов или, быть может, зимним убежищем для собак. Главная комната, длиною 5 метров и шириною 3 метра, имела форму эллипса, длинная ось которого создавала прямой угол с входным тоннелем.

Особенностью этого дома было наличие двух очагов, из которых один находился в восточном, другой в южном конце, причем оба были устроены таким образом, что выдавались за пределы комнаты. Все это жилище было окружено низкими земляными валами,

покрытыми дерном, которые были изнутри обложены тонкими и плоскими кусками сланца, поднимавшимися в среднем приблизительно на ½ метра над поверхностью пола. Вдоль стен была устроена земляная лежанка или скамья, которая, будучи прикрыта сланцем, вероятно, служила для спанья, подобно деревянным нарам, принятым у датских эскимосов.

Поблизости мы обнаружили остатки второго жилища того же типа, но меньших размеров. У оконечности этого дома находилось нечто, первоначально принятое мною за могилу. То было место 1½ метра в длину и ¾ метра в ширину, поросшее мхом и другой пышной растительностью и окруженное бордюром из плоских, поставленных стоймя кусков сланца, которые несколько возвышались над поверхностью растительного покрова. С большими трудностями мы вскопали мох и плотную землю, находившуюся под ним, и на глубине полуметра обнаружили, что дно ямы покрыто плоскими сланцевыми камнями. Весьма возможно, что здесь помещался склад провизии, но я в этом отнюдь не уверен.

В обоих домах и по соседству с ними мы набрали около сорока предметов из дерева и обработанной кости — в том числе один большой и два малых нарваловых рога, два костяных кофельнагеля для собачьих постромок вроде тех, какими пользуются в настоящее время гренландцы, палку от лука, две костяные рукоятки, нож с костяной ручкой и железным лезвием, подшивку из китовой кости для санных полозьев и деревянную подпорку с тщательно отделанным наконечником.

Много было также предметов, назначения которых я не мог угадать и которые были неизвестны нашим эскимосам.

Более чем вероятно, что эти жилища некогда были покрыты шкурами. Постройка домов несомненно потребовала значительного труда. Весьма возможно, что длинный шест, найденный нами, служил подпоркою для кровли. Довольно странно, однако, что, покидая страну, эскимосы бросили шест и сани, которые должны были представлять немалую ценность, если, впрочем, перед выступлением не погибли все их собаки.

Мы тщательно обшарили всю окрестность в поисках могил, ибо во время стоянки, длившейся по меньшей мере два года, среди эскимосов легко могли иметь место смертные случаи. Но мы не нашли никаких следов человеческих останков.

Потратив около часа на обследование этого места, мы двинулись далее к западу. После шестичасового перехода я остановил партию для завтрака, во время которого произвел наблюдение над высотою солнца. Погода весь день была необычайно жаркая, и мы очень страдали. Термометр, прикрепленный к анероиду, показывал + 23,3° С.

После одиннадцатичасового марша мы достигли берегов озера Хазена в том месте, где я побывал в мае месяце. Теперь перед нами открылась новая, совершенно неисследованная страна. Сэлор и Уислер должны были возвратиться отсюда обратно на станцию. Мы оставили тележку, которая отказывалась служить далее, и решили продолжать путь втроем, имея при себе только плечевые мешки.

После веселого завтрака я велел Линну и Бидербику взять столько груза, сколько каждый из них в силах снести, и сам сделал то же самое. Линн набрал около 20 килограммов, Бидербик 27, и я 15 килограммов в качестве постоянной клади. Кроме того каждый из нас должен был по очереди тащить мешок с хлебом, весивший более 17 килограммов. Этот груз позволял нам пуститься в путь с запасом провизии на шестнадцать дней. Мы не взяли с собою палатки и лишь захватили шерстяной спальный мешок, достаточно вместительный для трех человек, а из одежды имели в запасе только сухие чулки.

Приведя оставляемые вещи в такой вид, чтобы до них не могли добраться песцы, и поставив тележку на виду, чтобы ее потом нетрудно было найти, мы перекинули мешки за спину и двинулись в путь.

Вскоре мы переправились через реку, впадающую в озеро. Она имела 100 метров в ширину и ½ метра в глубину и обладала очень быстрым течением. При пе-

реходе мы промокли до колен, что оказалось весьма неприятно во время дальнейшего пути.

Немного спустя мы увидели десять мускусных быков и в одного из них стреляли из револьвера, но безуспешно. Это стадо паслось по соседству с летними лужами, которые образовались на плато на небольшом расстоянии от озера Хазена. Растительность была здесь гуще, чем в какой-либо из виденных мною полярных областей. Трава на берегах этих мелководных озер достигала ½ метра.

Тяжелая ноша и пересеченный характер местности страшно утомили нас, и за десять часов мы прошли только 17 миль. Было совершенно очевидно, что Бидербик и Линн перегружены. В особенности первый из них совершенно надорвался за этот день, поэтому мы устроили лагерь № 7 вблизи озера Хазена. Здесь мы оставили однодневный паек для обратного пути, а также весь запас спирта и, таким образом, уменьшили общий вес груза приблизительно на 12 килограммов.

Двинувшись далее, мы подошли к реке, через которую переправились у самого впадения ее в озеро, где она имела четверть мили в ширину и была так мелка, что мы едва смочили носки наших сапог. Начался дождь, и, не желая промокнуть, мы остановились под широкой скалой и отдыхали там минут двадцать. Затем, перевалив через высокий скалистый холм, мы проникли в долину, по которой протекает широкая быстрая река, впадающая в озеро Хазена прямо с юга. Переправляясь через нее, мы промокли до бедер, к большому нашему неудовольствию, так как вода была холодна, как лед.

Покинув эту долину, мы взобрались на высокий гребень, поднимающийся метров на 125 над уровнем озера.

Оттуда открылся красивый вид на вторую долину, которая хотя и имела от 2 до 3 миль в ширину, но все же казалась узкой в окружении высоких обрывистых холмов, замыкавших ее со всех сторон.

Мы спустились в эту долину с большими трудностями и расположились лагерем № 8 вблизи реки, которой я дал название Вери-ривер. Мы прошли за этот переход только 11 миль, так как Бидербик был совер-

шенно измучен своей тяжелой ношей и, повидимому, захворал.

Пребывание в лагере № 8 оказалось очень неприятным по причине мелкого дождя, который шел семь часов подряд и совершенно вымочил нас, так как у нас не было другого убежища кроме шерстяного спального мешка, крытого легкой парусиной. Я оставался на этом месте до 6 часов пополудни, рассчитывая произвести наблюдение над высотою солнца, и надеялся, что Бидербик несколько оправится. Но мои ожидания были обмануты как в том, так и в другом отношении. Наконец, я решил отослать Бидербика обратно в Конгер и продолжал путь только с сержантом Линном.

Покидая этот лагерь, Линн тащил около 30 килограммов, а я 22, что в общей сложности давало десятидневный запас провизии.Мы прошли всего 9 миль и в час пополуночи 1 июля устроили лагерь № 9 на плато, обращенном в сторону Вери-ривер. В это время начался сильный дождь.

Мы оставались в мешке часов десять, но спали мало, так как наша одежда отсырела, а местами совершенно промокла. Выкарабкавшись затем наружу и набрав дров, мы через несколько минут получили горячую похлебку из пеммикана.

В полдень 2 июля мы двинулись по долине вдоль широкого плато, которое расположено приблизительно на половине дороги между Вери-ривер и высокими, обрывистыми утесами, лежащими на юге. После часового марша мы достигли пункта, откуда открывался красивый вид. В дневнике моем сказано: «Широкая балка тянется к северо-востоку, и по ней протекает река, очевидно берущая свое начало где-то к западу от горы Уислер. В конце долины видны покрытые снегом холмы и горы. Гора Уислер круто поднимается над утесами к северу от Вери-ривер. Мы видели здесь пять стад мускусных быков, в общей сложности тридцать одну голову, причем в одном стаде я насчитал несколько телят».

В нескольких милях далее долина сузилась, и я решил, что пора остановиться для чаепития, так как мы ничего не пили с раннего утра, а характер местности

изменился, и можно было ожидать, что сухая ива вскоре исчезнет. Пока приготовляли чай, я взошел на высокий пригорок. В дневнике моем сказано: «Камни остры и многочисленны, и берега реки весьма круты. В одном месте русло подходит к самому обрыву, и целая полоса берега, шириной до 200 метров, недавно упала здесь в реку, которая, повидимому, очень глубока. Теперь река течет с юга, и по конфигурации холмов можно предположить, что она берет свой исток в другом озере, подобном озеру Хазена».

Напившись чаю, мы выступили далее к югу при температуре +4,4° С. Так как спустился туман, то мы не могли видеть местность, лежащую на западе. Пройдя короткое расстояние, мы наткнулись на широкий и быстрый поток, впадавший в реку с востока и имевший глубину от ¾ до 1 метра. На протяжении одной четверти мили мы шли по его течению, но условия для переправы нисколько не улучшались, и мы были вынуждены пуститься в брод. Течение было так сильно и дно так неровно, что, пробираясь по выдающимся из воды скалам, я не только промок до пояса, но кроме того повредил себе кисть правой руки. Сержант Линн, переправлявшийся в другом месте, отделался несколькими ушибами и промок до бедер.

Пройдя еще около мили, мы достигли места, где нельзя было далее следовать вдоль по реке вследствие обрывистого характера берегов, и потому пришлось вскарабкаться на чрезвычайно крутой холм. Тем временем туман перешел в дождь, и мы были в таком жалком положении, что я решил устроить здесь лагерь № 10, хотя мы и прошли менее 11 миль.

Мы очень плохо отдохнули в этом лагере и, позавтракав хлебом и пеммиканом, смоченным ледяной водой, выступили далее. Моя поврежденная рука сильно болела, я едва мог производить записи и лишь с трудом вскарабкался на гребень холма, который был так крут, что подняться на него удалось только ценою великих усилий.

В этот день мы шли по очень скверной дороге, так как река целиком заполняла узкую долину. Путь наш пролегал либо по закраинам берега, нависшего над рекой, либо по крутым холмам, усеянным отдельно

стоящими разбитыми скалами, которые были едва проходимы.

Шесть часов спустя после того, как мы оставили лагерь № 10, нам пришлось итти по снегу в первый раз после выступления из форта Конгера. То была ледяная масса, покрытая снегом, — очевидно, начало маленького глетчера. В нескольких милях далее местность стала более открытой, холмы сделались ниже и долина расширилась. Теперь мы часто встречали снег в изрядных количествах и, отыскав сравнительно сухое место на высоком плато, устроили лагерь № 11, пройдя 18 миль за восемь часов. Мы были совершенно изнурены, так как шли быстрым шагом несмотря на трудную дорогу.

Частый дождь, который по временам замерзал, заставил нас пролежать в мешке семнадцать часов. Хотя мы порядком отдохнули, все же столь долгое пребывание в мешке было очень тягостно из-за низкой температуры, вдобавок наша одежда в течение трех дней оставалась сырой. У нас не было топлива, чтобы согреть пищу, но так как наступило 4 июля,[1] мы отпраздновали этот день полпинтой рома, смешанного с лимонным соком, и закусили пеммиканом с черствым хлебом.

Переправившись через новый приток, мы заметили, что главное русло реки значительно сузилось и что бо́льшая часть суши покрыта влажным снегом, под которым скрываются грязь и вода. После трехчасового путешествия, найдя на вершине маленького холма сухое место, похожее на оазис в снежной пустыне, мы бросили здесь спальный мешок и все прочее, за исключением биноклей, компаса и провизии для завтрака, и начали подниматься на высокую гору, расположенную в нескольких милях к юго-западу.

Подъем был очень тяжел, так как снег доходил до колен, а под снегом была вода, имевшая в глубину полфута. Иногда встречались небольшие участки открытого грунта, но здесь мягкая грязь, глубиною по щиколотку и выше, была так же несносна, как снег.

---

[1] День американского национального праздника, годовщина так называемой „Декларации независимости". *(Прим. ред.)*

У подножья горы, которую я назвал горой С. А. Артура, река разделяется на два широких рукава; один из них вытекает из глубокой балки по самой середине горы, а другой — из узкой долины, лежащей между этой горой и горой Линн, находящейся к северу. У соединения обоих рукавов, куда мы добрались в 11 часов утра, барометр показывал 27,17. Затем, после двух часов непрерывного подъема, совершенно измученный, я достиг вершины горы. Барометр показывал 25,35, и это означало, что я поднялся на 575 метров и находился теперь на высоте приблизительно 1500 метров над уровнем моря.

Восхождение это было чрезвычайно утомительно, и у Линна не хватило сил следовать за мной; на протяжении полумили он брел по снегу до метра и больше глубины, причем вода под ним имела около ½ метра, и, наконец, он так ослаб, что я отослал его обратно к месту соединения двух рукавов реки, приказав ожидать меня там. Сам я до такой степени устал, что никогда не смог бы добраться до самого верха, если бы это не было делом чести и долга. Мне часто приходилось ползти на четвереньках, один раз на протяжении четверти мили; метрах в 150 от вершины подъем несколько улучшился, так как исчезла находившаяся под снегом вода.

Когда я уже был приблизительно в полумиле от верха, дальнейшее продвижение казалось невозможным.

Силы изменили мне, в глазах потемнело, в горле пересохло, жажда была нестерпима, и весь я был покрыт обильной испариной. Я немного подкрепился, отдохнув и поев снега, — средство довольно сомнительное даже летом. После этого я опять мог итти, делая остановки каждые 100, а под конец каждые 50 шагов, но, наконец, все-таки добрался до вершины.

Так как я шел больше пяти часов подряд в сапогах, наполненных ледяной водой, то, достигнув вершины, вдруг заметил, что левая нога потеряла всякую чувствительность, а правая находится лишь в немного лучшем состоянии. Сознавая всю опасность обморожения, я не переставал энергично двигаться, так как в этом было мое единственное спасение.

Вершина горы представляла собою плоскую и непрерывную снежную поверхность, имевшую около полумили в диаметре. Я не мог с достаточной точностью ориентироваться по компасу и потому был вынужден определить топографию окружающих гор по солнцу. Когда я находился в 300 метрах от вершины, у подножия главного конуса, окружающие холмы заслоняли кругозор. Но с самой вершины открылся замечательно красивый и далекий вид.

Не было никакого сомнения в том, что я нахожусь на центральном гребне Земли Гриннеля и что с противолежащего склона воды стекают в Западное Полярное море.

В дневнике моем сказано: «Вся страна расстилается передо мною наподобие географической карты. Вторая горная цепь (горы Конгера) тянется к западу и представляет собою как бы продолжение хребта Гарфильда. Она отделена промежутком, шириною в 8 или 10 миль, от горы Уислера, представляющей собою самую западную вершину хребта Гарфильда. К северу от горных цепей Конгера и Гарфильда виднеется перепутанная масса закругленных вершин, сплошь покрытых снегом, которые я все объединяю под названием гор Соединенных Штатов. Долина к северу от горы Уислера тянется к востоку на полпути до глетчера Генриэтты Несмит; от этого пункта далее на восток хребет Гарфильда тесно примыкает к горам Соединенных Штатов и, очевидно, является единственным препятствием, мешающим ледяным шапкам глетчеров спускаться в южном направлении. Круглые вершины гор, покрытые льдом, видны по меньшей мере в 20 милях к северо-востоку от глетчера Генриэтты Несмит, который находится отсюда на менее чем в сорока милях.

«К западу долина между хребтом Конгер и горами Соединенных Штатов расширяется. Самые горы тянутся на северо-запад и, быть может, соединяются с хребтом Челенджера, открытым Альдричем.

«Если не считать упомянутых выше исключений, то всюду, куда только хватает глаз, т. е. на протяжении 50 миль, видны лишь низкие круглые холмы, пересеченные многочисленными балками, которые по ра-

диусу от 10 до 15 миль вокруг горы Артура почти свободны от снега. Под низкими холмами должно разуметь те, которые имеют от 500 до 800 метров высоты. Если бы страна во всех направлениях не была по внешнему виду похожа на ту, которую мы только-что миновали, следуя от озера Хазена, я мог бы подумать, что вся местность представляет собою одно обширное плоскогорье.

«На юго-западе виден высокий пик, без сомнения представляющий собою западную оконечность хребта Виктории и Альберта».

После того, как я провел двадцать минут на вершине, поднялся холодный северозападный ветер, который дал мне почувствовать, что пора уходить. Необходимо было все время двигаться, чтобы не замерзнуть, так как моя отсыревшая одежда за несколько мгновений покрылась толстым налетом инея.

Я поднимался по юговосточному склону горы, где путь был не так крут, но спуститься решил по северному склону, прямой дорогой к горе Линна. Невдалеке от подошвы горы я натолкнулся на вереницу почти отвесных снежных насыпей и сугробов, высота которых колебалась от 50 до 65 метров. Совершенно изнемогая от усталости и холода и не желая пускаться в дальний обход, я решил пойти на риск и скатился вниз с высоты 50 метров, к счастью попав в глубокий мягкий снег.

Я отыскал Линна в 2 часа 20 минут пополудни, и так как моя левая нога уже давно потеряла всякую чувствительность, сержант принялся растирать ее изо всех сил, пока не восстановилось кровообращение.

Я водрузил наш флаг на вершине горы Артура, но так как ром и лимонный сок имел при себе Линн, то мы были вынуждены выпить за здоровье президента и нашей родины у подошвы горы, а не на вершине, как первоначально намеревались. Мы насыпали маленький каменный курган на склоне горы Линна, метрах в 40 от места соединения рукавов реки, и положили записку о нашем посещении.

После двенадцатичасового отсутствия мы вернулись в покинутый утром лагерь, чрезвычайно утомленные двадцатимильным путешествием, страдая от мокрой

одежды и холода в ногах. Вечером и затем утром мне удалось довольно удовлетворительным образом определить широту.

Прежде чем вернуться в Конгер, я хотел обследовать местность, лежащую к востоку, но состояние нашей обуви помешало этому. Сапоги Линна были изодраны в клочья, а мои казались лишь немного лучше. Поэтому, проспав несколько часов, мы направились к дому.

Обратный путь был чрезвычайно труден и утомителен. Имея теперь на себе гораздо более легкую ношу, мы могли итти по местам, недоступным для людей, тяжело нагруженных. Остатки наших сапог, то промокавшие, то высыхавшие, наконец затвердели так, что сделались похожими на листовое железо. Зато 5 июля яркое солнце позволило нам впервые за пять дней высушить одежду.

7 июля мы вернулись к покинутой нами тележке и нашли записку Бидербика с сообщением, что он благополучно проследовал дальше. Начиная с этого пункта, наша ноша сделалась гораздо тяжелее. Нам, правда, почти не нужно было больше нести с собою провизию, так как всюду по пути имелись маленькие запасы, но важно было доставить в Конгер коллекцию эскимосских древностей, образчики горных пород, растений и т. д. Линн взвалил себе на плечи 32 килограмма груза, а я около 30. Мой научный энтузизм подвергся жестокому испытанию благодаря необходимости тащить патентованный пресс с образчиками флоры. Каким бы способом я ни пристраивал этот пресс у себя за спиной, он немедленно давал мне почувствовать, что его будет гораздо легче нести в каком-нибудь другом положении. Наконец я передал его Линну, но, заметив его совершенно отчаянное лицо, после того, как мы прошли несколько миль, взял несносный пресс обратно. В конце этого дня, обескураженный и измученный, я вынул растения и аккуратно положил пресс на первый встретившийся бугор, где он, по всем вероятиям, остается до сего дня.

10 июля мы вернулись в Конгер. Продвигаясь вперед, мы прошли сто восемьдесят две мили, а во время обратного пути на десять миль меньше, что в общей

сложности составило триста пятьдесят две мили за девятнадцать переходов. Продвижение в среднем по семнадцати с половиной миль в сутки может показаться незначительным только тому, кто не вполне ясно представляет себе, по какой неровной и трудной местности мы вынуждены были путешествовать.

Эта экспедиция, явившаяся продолжением моих исследований в апреле того же года, привела к следующим результатам:

1. Удовлетворительное, хотя и не совсем полное определение размеров Северной Земли Гриннеля.

2. Выяснение отнюдь не общих и ранее никому неизвестных физических условий во внутренней части этой страны.

3. Открытие многочисленных долин, покрытых, относительно говоря, обильной растительностью, которая доставляет достаточно корма для большого числа мускусных быков.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ОСЕНЬ И ВТОРАЯ ЗИМА

За время моего отсутствия на станции все обстояло благополучно. Охотники усердно бродили по окрестностям, но, благодаря малому количеству крупной дичи и чрезвычайной пугливости птиц, охота сделалась скорее полезным физическим упражнением, нежели выгодным занятием. К несчастью, жаркие дни в июле испортили нам большой запас говядины, которая была загажена мухами.

12 июля вдруг опять надвинулась зима: утром и поздно вечером местами в бухте образовался тонкий лед. Еще солнце стояло над горизонтом, но в полночь температура упала до —1,7° С. Три дня спустя погода опять стала теплее, и пошел дождь. Лед начал ломаться, бухта частично освободилась, а вода начала быстро прибывать в бассейне Галля. 22 июля рядовой Эллис заявил, что видел моржа у мыса Дистант, а это указывало, что к югу должно находиться широкое пространство свободной воды, и позволяло ожидать скорого прибытия парохода. 28 июля буря взломала много льда в проливе, и открытая вода простиралась теперь южнее линии, проведенной от мыса Мэрчисона к фиорду Петермана.

Условия в бассейне Галля были столь благоприятны, что я решил проплыть в катере к югу вокруг мыса

Либера, обследовать состояние льда в проливе Кеннеди и, быть может, встретить на юге пароход, которого все поджидали ежедневно. Мы покинули Конгер в 10 часов утра и два с половиною часа спустя высадили на берег лейтенанта Кислингбэри и сержантов Брэйнарда и Израэля, которые должны были обследовать ближайшие окрестности мыса Бэрда во время нашего отсутствия.

Так как прилив погнал к югу небольшие льдины, я не рискнул плыть слишком далеко и пристал к берегу немного севернее мыса Крэйкрофта. С высоты приблизительно 75 метров пролив Кеннеди был тщательно осмотрен при помощи бинокля. Мыс Конституции и восточная половина острова Франклина были ясно видны, но нигде не замечалось ни малейших признаков льда, если не считать нескольких редких и случайных пловучих льдин. Казалось очевидным, что пролив Кеннеди гораздо свободнее от льда теперь, нежели он был в августе 1881 года. Мы провели на этом месте около часа, а наши люди занимались тем временем сбором окаменелостей, присутствие которых было обнаружено сержантом Гардинером.

Когда мы плыли обратно, вход в бухту Дисковери оказался забитым льдом, поэтому, пройдя западнее острова Белло, мы с немалыми трудностями высадились на берег вблизи мыса Протея.

Поездка к мысу Крэйкрофта разочаровала нас, потому что мы не привезли никаких новостей об ожидаемом пароходе. Причины, задержавшие этот пароход, весьма откровенно указаны в рапорте м-ра Биба, который совершенно неправильно оценил создавшееся положение вещей. Из сообщений Биба явствует, что «Нептун» провел в Пандора-харбора около десяти дней, в течение которых партия развлекалась охотой. «Во время нашего пребывания там, — говорил он, — упорные югозападные ветры очень тревожили нас, мы потеряли якорь и т. д. 7 августа боченки с пресной водой были наполнены, и мы продолжали путь на север».

Хорошо известно, что сильные югозападные ветры представляют собою наиболее благоприятное условие для плавания по проливу Смита и бассейну Кэна. Если

Форт Конгер в мае 1883 г.

«Нептун» напрасно потратил время в хорошо защищенной гавани, потеряв якорь при ветре, который, несомненно, очистил от льда весь западный берег бассейна, то нам легко будет понять, почему ему не удалось достигнуть Конгера в 1882 г.

Следующие отрывки из моего дневника сообщают о наиболее важных событиях, совершившихся осенью 1882 года. «22 августа. Я с сержантом Брэйнардом посетил угольные залежи в Уотер-курсе и нашел большое число красивых окаменелостей. Возвращаясь дорогой, ведущей вдоль мыса Дистант, мы заметили мускусного быка, которого Брэйнард убил. Пролив покрыт твердым льдом до мыса Мэрчисона; южнее этого пункта и вплоть до мыса Либера, насколько хватает глаз, все открыто и свободно. Я послал Иенса и Конеля к озеру Александры осмотреть поставленные там сети. Они принесли чудесного лосося,[1] весившего больше 2 килограммов. Сети были снова заброшены и кроме того тридцать крючков с приманкой, но удалось поймать только одну эту рыбу.

«25 августа. Вскоре нам опять понадобится искусственное освещение. Я уже почти не жду корабля, как и большинство наших людей. Но все же хочу надеяться вопреки очевидности и до 1 сентября не намерен уменьшать выдачу овощей. Их у нас осталось еще довольно, но все же мы вынуждены будем обходиться меньшим количеством, нежели в прошлом году. Пролив был сегодня свободен от льда, так же, как и Арчер-фиорд. В 5 часов пополудни я послал лейтенанта Локвуда в паровом катере к мысу Бэрда. Он доставит в имеющийся там склад боченок сухарей, ящик мясного экстракта, ящик говядины и некоторое количество каменного угля».

Первое серьезное нарушение правил дисциплины за все время нашей экспедиции имело место 28 августа, — провинился мой механик, опытный машинист, услуги которого были нам совершенно необходимы и от которого я в праве был ожидать лучшего. В моем дневнике сказано: «Механик сегодня пьян. Он упал с катера в воду и непременно утонул бы, если бы его не

---

[1] Повидимому, это был голец (Salvelinus). *(Прим. ред.)*

спас Брэйнард. Он отказывался повиноваться унтер-офицерам, так что я вынужден был вмешаться лично. От лейтенанта Локвуда я узнал, что механик украл некоторое количество спирта, доставленного на катер в качестве горючего для стряпни при поездке в Арчер-фиорд, и в это время тоже был пьян. Он, очевидно, пользуется каждой возможностью утаить и припрятать часть спирта, выдаваемого при высылке отдельных партий».

«31 августа. Бухта совершенно забита льдом, который немножко разредился сегодня вечером. Молодой лед формируется медленно, но он вскоре спаяет старые льдины, которые теперь тесно придвинуты одна к другой. Я поручил Фредерику обслуживать катер в качестве механика. Сегодня я послал катер и лодку «Доблестный» к Голландскому острову, поручив лейтенанту Локвуду поставить их в безопасное место с таким расчетом, чтобы их можно было вытащить на берег в начале зимы.

«Лейтенант Локвуд вернулся в час пополудни и рапортовал, что катер находится в безопасности. Я посетил Голландский остров немедленно после завтрака с целью лично удостовериться, как обстоят дела, и хорошо сделал. Я обнаружил, что катер сел на мель и накренился на бок, причем его борт находился на 2 дюйма ниже уровня воды, начавшей прибывать благодаря приливу. Я побежал на станцию быстро, как только мог, и, созвав людей с веревками, успел выпрямить катер и вычерпать воду, что удалось с большими трудностями. Я велел отвести катер на безопасное расстояние от берега и осматривать его после каждого отлива. Бухта забита льдом, но молодого льда еще нет. Год тому назад молодой лед имел в толщину 4¾ дюйма, и бухта замерзла вплоть до Голландского острова».

Подъем катера на берег откладывался до последнего момента, ибо эта мера являлась откровенным признанием, что нам не приходится более ждать парохода и что надо встречать вторую зиму, не надеясь на пополнение запасов, прибытие рекрутов и, главное, получение вестей из внешнего мира. Примириться с этой неудачей было гораздо труднее, нежели мы ожидали.

Совершенно очевидно, что наша вторая зима вряд ли могла пройти так приятно, как первая. Новизна арктической службы миновала, тогда как неизменная рутина и утомительное однообразие еще более угнетающим образом действовали на настроение духа людей. Неприбытие парохода не только само по себе огорчило партию, но и заставило уменьшить потребление некоторых продуктов, а одно это сознание бывает многим очень неприятно. Впрочем, у нас еще оставались сухари, соленое мясо, пикули, молоко, яйца, фрукты, патока, чай и кофе в совершенно достаточных количествах и было, кроме того, несколько тонн свежего мяса. Несмотря на обильный запас пищи, доктор не только высказывал в своем официальном рапорте весьма мрачные предположения на счет здоровья людей, но забылся до такой степени, что сообщил об этом нижним чинам, с которыми обсуждал создавшееся положение. Неудовольствие, — если и не явная неприязнь между нами, — было естественным следствием подобного образа действий.

Единственно, что оставалось мне делать, это посвящать усиленное внимание всем вопросам, связанным с состоянием здоровья и настроением людей. С этой целью я лично следил изо дня в день за сухостью постелей, за надлежащим приготовлением пищи и за правильностью в распорядке жизни. Я старался разнообразить стол, поскольку это было возможно, делая опыты с новыми блюдами, и издал приказ, воспрещающий спать в дневные часы. В первую зиму дело с отоплением обстояло у нас довольно плохо; теперь эта часть была приведена в порядок и улучшена. Широкий навес был пристроен к дому, и внешняя стена из льда и снега доведена до самой крыши. Постоянно запрашивалось мнение врача, и все его медицинские советы в точности исполнялись, поскольку это позволяли наши средства и требования службы. В результате мы получили более сухое, теплое и удобное помещение, нежели в предыдущем году. Люди провели темные месяцы в более веселом настроении, и сам врач признал в официальном рапорте, поданном следующей весной, что здоровье людей было гораздо лучше во вторую, нежели в первую зиму.

О событиях второй зимы нет надобности много распространяться. Привожу лишь некоторые отрывки из моего дневника:

«2 сентября. Оставив всякую надежду на приход корабля, я начал сегодня приводить наши научные записи в такое состояние, чтобы их легко было транспортировать в случае надобности в будущем году».

«8 сентября. Внешняя часть бухты до сих пор открыта, и это объясняется тем обстоятельством, что сентябрь месяц вплоть до сегодняшнего числа был в среднем на три градуса теплее, нежели в прошлом году. Иенс и Фредерик каждый убили по тюленю».

«16 сентября. Иенс поймал красивого молодого песца чистого белого цвета, если не считать нескольких черных волосков на хвосте. Я решил сохранить его живым. Бидербик подстрелил на-днях другого песца, но, позабыв сызнова зарядить ружье, упустил его, так как песец притворился мертвым. Он был очень раздосадован, когда плутишка вскочил и убежал при его приближении».

«17 сентября. Мы вытащили катер на берег Голландского острова. Он лежит на боку и находится в полной безопасности. Сержант Израэль поехал на коньках, желая присутствовать при вытаскивании катера, но провалился сквозь молодой лед и был спасен не без труда. Его быстро доставили назад на станцию в санях, запряженных собаками, и он не потерпел никакого вреда от этого инцидента. Иенс поймал сегодня живьем второго песца. Первый наш песец стал совсем ручным и довольно охотно позволяет брать себя на руки. Когда его гладят, он начинает мурлыкать, словно кошка».

«24 сентября. В 10 часов утра лейтенант Локвуд отправился с собачьей запряжкой в небольшую экспедицию, которая продлится от четырех до пяти дней. Он хочет посмотреть, нельзя ли добраться с санями до озера Гейнцельмана по долине Черных скал.

«Он вернулся через три дня, убедившись, что нет никакой возможности довести сани до озера Хазена по суше, так как даже во время этой короткой поездки полозья пришли в полную негодность. Он застал на

озере Гейнцельмана лед, достигавший одного фута в толщину. В трех милях от озера был убит мускусный бык, весивший 175 килограммов».

«28 сентября. Брэйнард застрелил большого красивого ворона, а на следующий день Иенс поймал горностая, уже покрытого зимним мехом».

«30 сентября. Медведь посетил станцию и утащил скелет мускусного быка, лежавший на скале в небольшом расстоянии от дома, но бросил его, отнеся на сотню метров; вероятно, его испугал собачий лай. Мы видели много следов, и иные полагают, что поблизости находятся два или три медведя, но сержант Брэйнард, по моему приказу, смерил следы и нашел, что все они одного и того же размера, а именно от 7½ до 9 дюймов. Лейтенант Кислингбэри с пятью людьми и с собачьей запряжкой шел по следу на протяжении 4 или 5 миль, но затем потерял следы на тонком гладком льду».

«1 октября. Новый лед имеет теперь около фута в толщину, и температура опустилась до —17,8° С. Лонг опять обнаружил сегодня медвежьи следы. Лейтенант Локвуд с четырьмя людьми и собачьей запряжкой отправился на охоту. Они провели в отсутствии два часа и вернулись с известием, что Иенс и Брэйнард видели медведя и приблизились к нему на расстояние 500 метров. Медведь вернулся 3 октября; следы, очевидно, принадлежали тому же самому медведю, единственному, с которым нам пришлось иметь дело в Конгере. Имея в виду эти визиты, я велел людям испрашивать разрешение каждый раз, когда кто-либо из них пожелает на долгое время отлучиться со станции. В связи с этим делом я был вынужден разжаловать сержанта Линна в рядовые за непочтительные замечания, которые он себе позволил».

«9 октября. Прекрасный день, отмеченный игрою тех нежных и неподдающихся описанию световых оттенков, которые свойственны полярному небу. В течение большей части этого дня был виден солнечный мираж, чрезвычайно яркий и красивый. Впрочем эти небесные явления далеко не столь часты, как можно предположить по рассказам арктических путешественников.

«Вчера видели сову и куропатку. Сегодня утром убили одного из песцов; он несколько раз разрывал свои цепи и кусался при каждом удобном случае. Первый из пойманных нами песцов, которого зовут Рувим, стал совсем ручным. Вероятно, это объясняется тем, что он еще молод, тогда как второй был старый. Трое саней вернулись сегодня вечером и доставили 400 килограммов мяса мускусного быка. К несчастью, песцам удалось проникнуть в каменную хижину, которая построена в долине святого Патрика, и половина мяса оказалась съеденной. У мыса Бичи исчез целый мускусный бык, и это вина медведя, следы которого были замечены в нескольких местах».

«16 октября. Сегодня солнце покинуло нас на всю зиму. В последний раз мы видели его 13 октября».

«27 октября. Д-р Пэви по собственному желанию послан к югу от залива Карла-Риттера обследовать побережье и выяснить, не имеется ли там каких-либо указаний на приход корабля в текущем году. Его сопровождают Брэйнард и Иенс с собачьей запряжкой. Перед выступлением д-р Пэви рапортовал, что вся партия совершенно здорова».

«30 октября. Сегодня в полдень небо было яркого кирпичнокрасного цвета, но оно с каждым днем много теряет в смысле окраски и красоты».

«31 октября. Очень низкая температура —21,1° С».

«3 ноября. Сегодня песец выбежал из дома, но Шнейдер успел его поймать. Рувим был очень напуган собаками, которые выказали живейший интерес к нему; казалось, он искал защиты у своего хозяина и очень был рад вернуться в неволю».

«5 ноября. Температура резко упала прошлой ночью, и теперь термометр показыват —34,4°С. В полдень небо было совершенно чисто на юге и ярко светилось у горизонта. Д-р Пэви и Брэйнард вернулись сегодня вечером. Упряжные собаки совершенно измучены, так как переход был, очевидно, очень труден для них. Партия прошла лишь до залива Карла-Риттера. Дорога вдоль побережья была хороша, хотя лед находился в движении, вызывавшемся приливами и отливами в проливе Кеннеди, который, очевидно, открыт. К юго-востоку от залива Карла-Риттера видны были

водяные облака, но прямо к югу можно было заметить отблеск льдов. Недалеко от мыса Дефоса Брэйнард на низкой косе нашел круг из камней в 3 метра в диаметре, указывающий, что здесь находилось древнее эксимосское становище».

«9 ноября. Считая до сегодня, средняя температура ноября месяца равняется —30,8° С, т. е. на 6,1° ниже, нежели за тот же период в прошлом году. Сегодня в первый раз замерзла ртуть».

«14 ноября. Ральстон был сегодня поражен зрелищем блестящего метеора на юго-западе. Прежде всего он заметил длинный хвост, светившийся ярким белым светом, который постепенно изменился в коричнево-красный. Хвост имел в длину до 20°. Ральстон ожидал, что метеор тотчас исчезнет, но после того, как явление длилось около двух или трех минут, он вызвал из дома Израэля, нашего астронома. Когда Израэль увидел метеор, хвост последнего простирался от северного пункта Ламбды в созвездии Овна до северного пункта в созвездии Гиад и лежал параллельно горизонту».

«24 ноября. Люди встретили зиму гораздо веселее, чем в прошлом году, и едят с бо́льшим аппетитом. Сегодня вечером я прочел лекцию о северных сияниях. В 9 часов вечера Израэль определял силу света полной луны при помощи фотометра; оказалось, что он равняется свету адамантиновой свечи на расстоянии 1¼ метра. В 10 часов вечера при луне можно было смотреть на термометр, помещенный внутри будки, и с легкостью читать мелкий печатный шрифт».

«25 ноября. В 11 часов 50 минут утра замечен был яркокрасный метеор, который сперва появился на севере, на высоте 10° над горизонтом. Полет его длился около 10 секунд».

«26 ноября. Мы видели заячьи следы вблизи мыса Протея. Должно быть, зайцам круто приходится в эту арктическую ночь при таких страшных морозах».

«30 ноября. Отпраздновали день Благодарения. Вечером устроили призовую стрельбу в цель при лунном свете на дистанции 50 метров».

«11 декабря. У лейтенанта Локвуда было не-

приятное приключение с одной из собак. Он оставил фонарь и черновую книгу с записями температуры вблизи будки и отправился производить магнитные наблюдения. Вернувшись он обнаружил, что собака, привлеченная, быть может, запахом жира на переплете, отгрызла третью часть нескольких страниц и, очевидно, проглотила бумагу».

«12 декабря. Ручной песец Рувим, долго живший у нас в пристройке, решил покинуть ее и выкопал себе нору в снежной стене, окружающей дом. Порой он высовывает оттуда мордочку, но, очевидно, не хочет вернуться. Собаки учуяли его и стараются до него докопаться. За последнее время он стал совсем ручным, позволял брать себя на руки, а кусался только, если его дразнили. Долгое время он забавлялся, пряча мясо про запас. Однажды он оказался вблизи от собак, и когда одномесячный щенок приблизился к нему, песец схватил его за нос; тот убежал с визгом. Позднее он очень мало боялся собак».

«15 декабря. Д-р Пэви прочел нам интересную лекцию о Наполеоне».

«31 декабря. — Температура снова стоит ниже —34° С, но благодаря совершенно тихой погоде кажется вполне сносной. Я произвел инспекторский смотр. Постели сухи, и все люди находятся в добром здоровье. В течение декабря месяца мы съедали по одному фунту свежего мяса ежедневно».

«1 января 1883 г. Шнейдер повесил на козлах, предназначенных для хранения убитой дичи, освещенный транспарант с надписью: «С новым годом». Небольшое количество рома было роздано сегодня вечером».

«5 января. В полдень южная часть неба была свободна от облаков и имела желтый, кремовый оттенок с небольшими проблесками алого цвета. Аппетит людей, несколько понизившийся за последнее время, начал улучшаться».

«7 января. Прочитал псалмы в 9 часов утра. Велел Кроссу осмотреть паровой катер, так как недавняя буря несколько изменила положение льда. Оказалось, что кормовая часть немного повреждена последним высоким приливом».

«11 января. Вновь появился молодой месяц, почему наши дни стали гораздо светлее. Темное время года кончается. Доктор прописал добавочную порцию свежего мяса Бидербику и Иенсу. Это единственный случай специальной диэты, установленной по совету врача. Я прочитал сегодня людям несколько литературных отрывков, большей частью в стихах. Сегодня разбилось наше последнее ламповое стекло, и мы пользуемся теперь старыми бутылками».

«12 января. Видели сегодня свежие следы горностая вблизи Кэрн-хилля, доказывающие, что эти животные не ложатся на зимнюю спячку. Самая низкая температура за всю зиму, считая до сего числа —45,6° С».

«20 января. День рождения Кросса, которому исполнилось тридцать девять лет, был отпразднован, как всегда, хотя он сам не выпил при этом ни капли спиртного; надеюсь, что он устоит в этом благом решении. Лед бухты имеет 1½ метра толщины».

«25 января. Брэйнард и Кристиансен взобрались на Кэрн-хилл, чтобы поглядеть на термометр. Они видели следы нескольких горностаев, песца и зайца. Несколько дней тому назад заяц раскопал снег до грунта, очевидно в поисках пищи. Гренландский берег явственно виден, особенно по соседству с мысом Поляриса».

«11 февраля. Лед в общем перестал нарастать в толщину, увеличившись всего на три четверти дюйма за последние десять дней».

«12 февраля. День святого Валентина. Резкие и необычные перемены температуры, сопровождаемые легким ветром с востока: 10 часов утра —42,9° С; 11 часов утра —36,1° С; 11 часов 15 минут утра —40,9° С; иначе говоря, подъем на 6,8° в течение часа и затем падение на 4,8° за пятнадцать минут.

«22 февраля. День рождения Вашингтона. По этому случаю все работы, кроме самых неотложных, приостановлены, и вечером выдано небольшое количество рома».

«25 февраля. Сегодня должно было в первый раз показаться солнце или, по крайней мере, верхний край его, но мы ничего не видели».

«28 февраля. Необыкновенно низкая температура, достигшая прошлой ночью —49,2° С. Акустические опыты производились при —47,8° С. За последний месяц мы съели больше 300 килограммов свежего мяса, что составляет по три четверти фунта в день на человека. В нашем распоряжении еще осталось свыше 800 килограммов».

«1 марта. Мы встретили первый весенний день, радуясь, что вторая зима кончилась и что все люди совершенно здоровы. Два человека, получавшие в течение нескольких дней добавочное мясное питание, теперь вернулись к нормальному пищевому режиму. Возвращение солнца открывает перед нами короткий период санных походов, за которым последует прибытие корабля со сменой или же отступление на юг в лодках».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

СНОВА К СЕВЕРУ. — ПУТЕШЕСТВИЕ ПОПЕРЕК ЗЕМЛИ ГРИННЕЛЯ

Когда вернулось солнце, мы возобновили охоту с величайшей энергией, но со скудными результатами. Лейтенанту Кислингбэри удалось 3 марта застрелить горностая в снежной меховой шубке, который провел зиму у нас в продовольственном складе, а шесть дней спустя он же убил зайца, весившего около 5 килограммов.

Главная весенняя работа должна была заключаться в дальнейшем обследовании Северной Гренландии, и с этой целью надо было посвятить усиленное внимание нашим собакам. Часть из них пришлось застрелить, так как они слишком состарились для работы, а наш запас собачьего корма был ограничен. В дневнике моем сказано: «Мы теперь лучше обеспечены собаками, нежели в момент прибытия; у нас имеется двадцать штук годных для далеких санных походов и девять других для коротких поездок. Мы аккуратно кормили собак через день и кроме того ежедневно давали им наши объедки. Экипаж «Полярис» кормил своих собак только три раза в неделю. После этого нельзя удивляться, что они были очень дики и похожи на волков. Наши собаки всегда получали в пищу основательно вымоченное и по общему правилу подогретое мясо. Сухари выдавались тем, которые соглашались

Эскимос Иенс возвращается с охоты на тюленя.

их кушать, иначе говоря, родившимся здесь щенкам и двум или трем старым собакам. Большинство гренландских собак не прикасаются к хлебу даже при голоде.

Лейтенант Локвуд отправился в предварительное путешествие 10 марта. Его сопровождали Брэйнард, Джюэль, Элисон и два эскимоса со своими собачьими запряжками. Ему удалось проложить сносную санную дорогу от мыса Бичи до мыса Семнера и сосредоточить вблизи последнего из названных пунктов свыше 600 килограммов походных припасов.

Лейтенант Локвуд начал свое главное путешествие 27 марта. Снаряжение было гораздо лучше, чем в предыдущем году. Паек был увеличен, и половина всего количества мяса состояла из мороженой мускусной говядины. Сани были нового образца и снабжены запасными частями. Кухонное и спальное снаряжение находилось в превосходном состоянии и было приспособлено таким образом, что один, два или три человека могли, ничем не рискуя, отделиться от партии.

Постоянный вес передовых саней был сведен к 150 килограммам, а у вспомогательной партии к 130 килограммам.

2 апреля в дневнике моем сказано: «Средняя температура марта месяца ненормальна. За последнее время она достигла —23,4° С, т. е. была гораздо выше той, которая обычно наблюдается в этой части арктических областей. Весьма вероятно, что открытая вода опять появилась в Полярном море и, быть может, в проливе Смита. Высокая температура заставляет меня сильно беспокоиться о лейтенанте Локвуде».

Локвуд очень удивил меня, вернувшись 12 апреля. Его партия была в превосходном состоянии, но открытая вода и распад полярного пака вблизи Блэк-хорн-клиффса вынудили его повернуть обратно. Пример этой экспедиции доказывает, как важно посвящать возможно больше внимания вопросам экипировки. Они продвигались необычайно быстро и достигли Блэк-хорн-клиффса за шесть дней вместо двадцати двух, которые понадобились в 1882 г. Они тянули от мыса Семнера свыше 1000 килограммов груза и добрались до Блэк-хорна 1 апреля, т. е. на двадцать четыре дня

Береговой лед в проливе Кеннеди.

раньше, нежели в предшествовавшем году. В этом лагере они имели продовольствие на сорок один день для передовой партии и на семнадцать дней для вспомогательных саней. Тогда лейтенант Локвуд решил попытаться достигнуть северной оконечности Гренландии или же широты 85° и имел к тому хорошие основания. Если бы он путешествовал так же медленно, как в 1882 году, то все же мог бы продвинуться на семнадцать дней пути севернее острова Локвуда.

К несчастью, выдался очень худой год для намеченной работы. «Прибыв к Дрифт-пойнту, — говорит лейтенант Локвуд, — мы увидели длинную полосу молодого льда, шириною в 100 метров и более, между полярным паком и побережьем; на этом льду было много полыней и маленьких трещин. Густые водяные облака виднелись на севере». На следующее утро лед почти всюду можно было пробить камнем, и пространство открытой воды тянулось до самого берега. Обогнуть оконечность Блэк-хорн-клиффса было немыслимо, потому что его крутое подножие купалось в открытом море. С большими усилиями взобрался лейтенант Локвуд на вершину утеса, но не было никакой возможности достигнуть с санями этого пункта. В рапорте его сказано: «Ясно обозначенная полынья тянулась на северо-запад к мысу Джозефа-Генри. Туманные облака закрывали весь северный горизонт».

Во время пребывания партии у Блэк-хорн-клиффса температура опустилась до —40,4° С. Лед образовался вокруг утесов и был достаточно крепок, чтобы выдержать сани. Утром 4 апреля была сделана попытка проследовать далее с легким грузом. Но тут весь полярный пак внезапно двинулся к северу, две или три собаки свалились в воду, и стало очевидно, что лед отходит от берега.

Лейтенант Локвуд, пренебрегая опасностью, грозившей ему лично, приказал Кристиансену вернуться на землю, а сам побежал за сержантом Брэйнардом, который в нескольких стах метрах впереди отыскивал дорогу. Эскимос, однако, оказался столь же смелым, сколь и самоотверженным. Пустив собак галопом, он догнал Брэйнарда. В это время пак продвинулся настолько, что разводье шириною в несколько метров

уже отделяло их от берега повсюду, за исключением небольшой льдины, зажатой между главной льдиной и стоявшей на мели ледяной горой. Полярный пак медленно передвигался к северо-востоку, но им удалось удерживать малую льдину вблизи горы, пока собаки, люди и багаж не были подняты на ее ледяные края. «Вскоре, — говорит лейтенант Локвуд, — полоса воды шириною в 100 метров и более образовалась вдоль берега, и за два часа главная масса льда передвинулась на 200 метров к востоку».

Лейтенант Локвуд пустился в обратный путь и 6 апреля с высокого плоскогорья вблизи Дрифт-пойнта мог отлично рассмотреть все окружающее. Он говорит: «Пак был отделен от берега на западе и на востоке открытой водой, совершенно свободной от льда и имевшей в ширину от 200 метров до полумили. В стороне залива Линкольн простиралось открытое море шириною от 3 до 5 миль... Я внимательно рассматривал его в полевой бинокль и выяснил, что оно, очевидно, достигало пролива. Полярный пак быстро передвинулся к востоку. На севере были видны широкие каналы, а немного ближе маленькие водяные прогалины. Темные туманные облака висели над северным горизонтом».

Вернувшись из экспедиции к Блэк-хорн-клиффсу, лейтенант Локвуд горел желанием предпринять новый поход на дальний Север. Однако, после зрелого размышления, я решил иначе. Я непременно послал бы его опять на север, если бы был уверен в приходе корабля или если бы мы намеревались провести третью зиму в Конгере. Но при создавшемся положении вещей я предпочел приказать ему двинуться поперек Земли Гриннеля через Арчер-фиорд и достичь Западного океана. Собаки, пайки и санное снаряжение находились в полной готовности, и нужен был только приказ, который и был издан 24 апреля.

Лейтенант Локвуд выступил на следующий день с сержантом Брэйнардом и Кристиансеном, причем последний правил запряжкой из десяти наших лучших собак. У них был запас провизии, позволявший про-

вести в отсутствии тридцать один день, после того, как они минуют склад в Солнечном заливе. Кроме обычного санного снаряжения они взяли с собою маленькие ручные санки, маленькую палатку и два плечевых мешка, чтобы быть готовыми ко всем случайностям странствования по твердой земле. Вспомогательные сани с сержантом Элисоном и эскимосом Иенсом должны были сопровождать их на два перехода.

Глубокий мягкий снег сделал путь поперек бухты Дисковери очень трудным, но они все-таки добрались до склада в Солнечном заливе и устроили свой первый лагерь у мыса Каменистого. На второй день дорога улучшилась, и они дошли до пункта, лежащего в 6 милях к югу от склада, устроенного когда-то лейтенантом Арчером. Часть хранившихся там припасов была съедена песцами, но продукты, запаянные в металлических коробках, можно было взять с собой. При входе в Чендлер-фиорд партия видела следы куропатки, зайца и песца, а также дыру во льду, пробитую тюленем.

В лагере № 2 они спрятали в складе двухдневный паек для обратного пути.

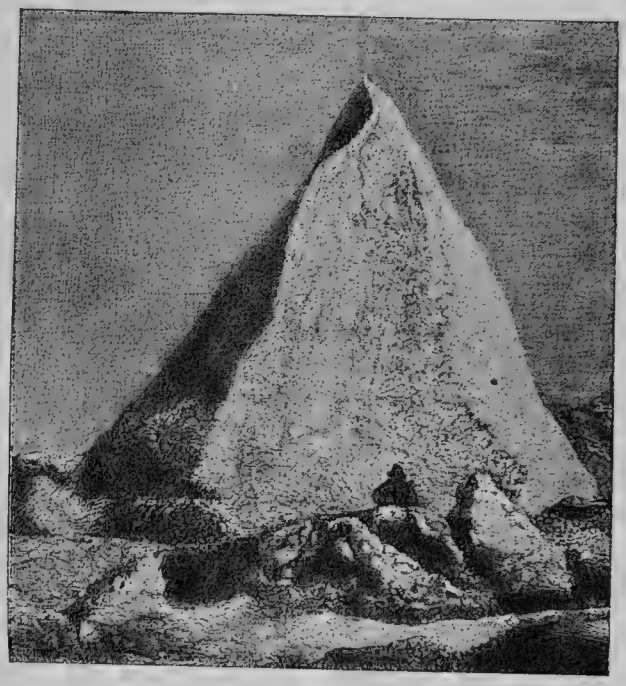
Третий переход привел их в Депо-пойнт. Вспомогательные сани сопровождали их в тот день около часа и затем вернулись обратно в Солнечный залив. В это время груз передовых саней равнялся приблизительно 470 килограммам.

Следующий переход был очень короток и привел их ко входу в залив Эллы, где они расположились лагерем с целью обследовать лежащую впереди местность. Этот четвертый лагерь находился на расстоянии 67 миль от форта Конгера.

Лейтенант Локвуд говорит о заливе Эллы: «Долина, лежащая позади него, в общем тянется к юго-западу и с обеих сторон окружена высокими утесами. Самая низкая ее часть занята маленьким озером».

После предварительной разведки, установив, что дорога через долину Эллы более или менее доступна, партия тронулась в путь вечером 29 апреля и, пройдя 10 миль, достигла подошвы глетчера на высоте 50 метров над уровнем моря. Лейтенант Локвуд го-

ворит: «Здесь находится конец большого глетчера, заполняющего всю долину от одного края до другого, и самого поверхностного обзора местности достаточно, чтобы убедиться, что в этом направлении никак нельзя продвинуться вместе с санями». Глетчер, который, ка-



Ледяная пирамида.

залось, имел не более 3 метров высоты, когда путешественники впервые увидели его, в действительности поднимался приблизительно на 60 и на 70 метров.

Дорога от залива до глетчера была очень трудна, благодаря глубокому снегу и большим неровным камням, покрывавшим русло реки, по которому пришлось следовать. В течение этого марша перешли через озеро, покрытое снегом, имевшее 4 мили в длину, а по ширине занимавшее всю долину.

Лейтенант Локвуд и сержант Брэйнард, которые провели вблизи этого места два дня, успели вскарабкаться на обрывистые утесы у восточной части глетчера, имевшие в высоту 1480 метров; эта вершина была названа горой Трудной.

«К югу, — говорит лейтенант Локвуд, — лежит масса конических горных пиков, отделенных глубокой узкой долиной, причем все сплошь покрыто снегом. Несколько глетчеров видны в этом направлении. На западе и на юго-западе также можно заметить несколько отдельных вершин, но они скорее похожи на куполообразные высоты, нежели на пики, и подобно волнам подымаются на горизонте. Вся страна к западу и к югу, повидимому, покрыта льдом. В это время года, однако, очень трудно отличить лед от снега».

Долина Эллы продолжала тянуться к западу на протяжении приблизительно 25 миль, после чего горы пирамидальной формы кончились. Глетчер заполнял ее всю целиком и, вероятно, имел продолжение на юге. С ближайшей к лагерю стороны глетчер достигал в ширину 600 метров, а по вертикальному фронту поднимался на 50 метров.

«Вопреки всему тому, что мы до сих пор видели на Земле Гриннеля, этот глетчер состоял из окрашенного в шоколадный цвет льда, полного мелких камешков и грязи. Края глетчера местами немного выдавались вперед. Здесь находились отрезки чистого льда красивого зеленого цвета».

2 мая сержант Брэйнард посетил северный фланг глетчера, и ему удалось продвинуться на короткое расстояние вдоль его обрывистых краев, но он не нашел дороги, позволяющей обогнуть его или подняться на его шапку.

Тогда лейтенант Локвуд решил испробовать дорогу через залив Беатрисы или через залив Саймонса. Определив положение глетчера, который оказался расположенным по 81° сев. шир. и 70° 41' зап. долг., они выступили к заливу Беатрисы, куда и добрались за два нетрудных перехода, так как провизии у них было в изобилии. Лейтенант Локвуд говорит:

«Утесы вокруг этих заливов (Эллы и Беатрисы) необычайно велики и поднимаются почти вертикально

на 1000 метров и более. Я измерил высоту одного из них на южной стороне залива Эллы и нашел, что он имеет 1366 метров. Весьма вероятно, что они покрыты ледяными щитами. С их краев местами свешиваются миниатюрные глетчеры».

Целый день пришлось потратить на предварительную разведку дороги, по которой следовало итти. Наконец, избрали главную долину, тянувшуюся к северо-западу. «Долина эта, — говорит рапорт, — имеет 3 мили в ширину и окаймлена внушительными утесами, очень крутыми и чрезвычайно высокими. Девятимильный переход привел нас к ее началу (230 метров над уровнем моря), и продвигаться далее с большими санями казалось вряд ли возможным. Мы вновь решили посвятить следующий день рекогносцировке».

Перебравшись через озеро, которое занимает впадину на водоразделе между Арчер-фиордом на юге и Чендлер-фиордом на севере, Локвуд записал в дневнике: «Горные цепи Гарфильда и Соединенных Штатов были явственно видны, и немного ближе виднелся глетчер Генриэтты Неомит. Впадина, занятая озером Хазена, также скоро была нами обнаружена. На юге страна казалась весьма возвышенной и, повидимому, была покрыта ледяными щитами. Приблизительно в 10 милях от нас поднималась ледяная стена, — без сомнения, фланг или ответвление глетчера, виденного нами к югу от залива Эллы. Многочисленные куполообразные высоты (свиные хребты) были видны в этом направлении, и большинство их около 1400 метров».

Лейтенант Локвуд решил итти по каньону [1] на юго-запад, но предварительно обследовать долину (долину Мускусного быка), лежащую на севере.

С собачьей запряжкой и маленькими санями партия достигла гребня, поднимающегося над долиной Мускусного быка, но спуск туда был так крут, что пришлось итти в обход свыше четырех часов, прежде чем удалось добраться до берегов реки. Долина тянулась с юго-запада на северо-восток и казалась совершенно плоской, но, пройдя часа два к северо-востоку, они установили, что воды должны стекать в этом на-

[1] Глубокие узкие долины, размытые реками. *(Прим. ред.)*

правлении. Очевидно, река течет здесь из Чендлер-фиорда в залив Иды.

В походном дневнике сказано: «Долина Мускусного быка имеет от 3 до 4 миль в ширину; на севере она ограждена утесами, а на юге горами равной высоты, но не столь обрывистыми. В длину она, — судя по тому, что мы видели за сегодняшний день, имеет миль 15 по прямой линии. Возвращаясь в лагерь, мы встретили четырех мускусных быков и одного из них застрелили, чтобы накормить собак».

Направление, в котором тянулась эта долина, побудило лейтенанта Локвуда продолжать путь именно вдоль нее, но предварительно он счел необходимым по возможности уменьшить груз. Полозья саней сильно износились за время путешествия, и лейтенант Локвуд решил, что вряд ли он сможет продолжать санный поход долее, чем двенадцать дней. Он вернулся к большой палатке и к саням, которые считал своею базой. Партия вновь выступила 8 мая, с одиннадцатидневным запасом продовольствия для людей и собак, которое вместе с санями и прочим снаряжением весило всего 160 килограммов. Они достигли долины Мускусного быка и, пройдя около 6 миль в западно-югозападном направлении, расположились лагерем.

На следующий день путешественники, повидимому, достигли конца долины и потеряли там часа два, пытаясь определить дальнейшую дорогу. Наконец они направились к югу по каньону, который заканчивался глетчером, находившимся в 8 или 10 милях. Каньон этот чрезвычайно неровен; его дно состоит из огромных скал и камней, едва прикрытых снегом, но все же то был единственно возможный путь. Лейтенант Локвуд говорит: «Сани опрокинулись вскоре после выступления, стояки полозьев поломались, но мы все же кое-как их починили. Теперь один полоз все время отгибается в сторону, так что надо расположиться лагерем и приступить к основательному ремонту после восьмимильного перехода».

В этом лагере, считаясь с поломкой саней, пришлось оставить не только однодневный паек для обратного пути, но также лыжи и вообще все, без чего можно было обойтись.

Через узкое ущелье исследователи проникли в широкую ровную долину, в центре которой находилось значительное озеро. «Стена глетчера, повидимому, тянется вдоль всей южной стороны долины, начинаясь позади вереницы низких холмов, и вся эта местность кажется одной сплошной ледниковой поверхностью».

Короткий переход в течение этого дня позволил им заметить далеко необычный физический характер страны. Они обнаружили, что к югу от них тянется вертикальная ледяная стена, имеющая в высоту от 40 до 65 метров. Лейтенант Локвуд первоначально дал название «Китайской стены» этому глетчеру, который впоследствии был с его согласия переименован в Ледниковое море Агасиза.

Лагерь был устроен на высоте около 400 метров над уровнем моря.

«У этого пункта, — говорит лейтенант Локвуд, — ледниковая стена, — согласно угловому измерению, — имела 44 метра высоты. Мы шли теперь вдоль нее, поднимаясь за каждый час пути все выше и выше, пока, наконец, не достигли вершины, которая несомненно является водоразделом для всей земли Гриннеля. Барометр показал, что мы находимся на высоте 866 метров над уровнем моря. Вид на юг был заслонен для нас глетчером... На северо-востоке виднелись высокие купола гор, очевидно покрытые льдом... В северозападном направлении мы разглядели большое озеро, имеющее до 10 миль в окружности. Маленький ручеек вливался в него со стороны «Китайской стены» и заполнял впадину, образующую широкую покатую долину... Горный пик виднелся на севере: судя по направлению и расстоянию, это, надо думать, гора Артур. Грунт, примыкающий к стене по обе стороны водораздела, постепенно понижается к северу. Я был очень удивлен, не видя сплошных балок или издалека заметных водяных потоков, которые должны были уносить талые воды к востоку и западу.

«Мы прошли мимо нескольких озер, расположенных вдоль ледяной стены, и местами замечали узкие, похожие на канавы впадины, очевидно, вырытые водой; но в общем ледник тянулся с холма на холм через всю эту местность весьма прихотливым образом».

Непосредственно за водоразделом, позади крутой снежной насыпи, с почти вертикальным обрывом в 20 метров, был устроен лагерь № 4.

Во время следующего перехода исследователи шли по узкому ущелью, с обеих сторон замкнутому высокими горами и спускавшемуся так круто, что по прошествии сорока пяти минут они достигли глубокой и узкой долины, расположенной на высоте менее 320 метров над уровнем моря. То была единственная дорога, по которой можно было спускаться.

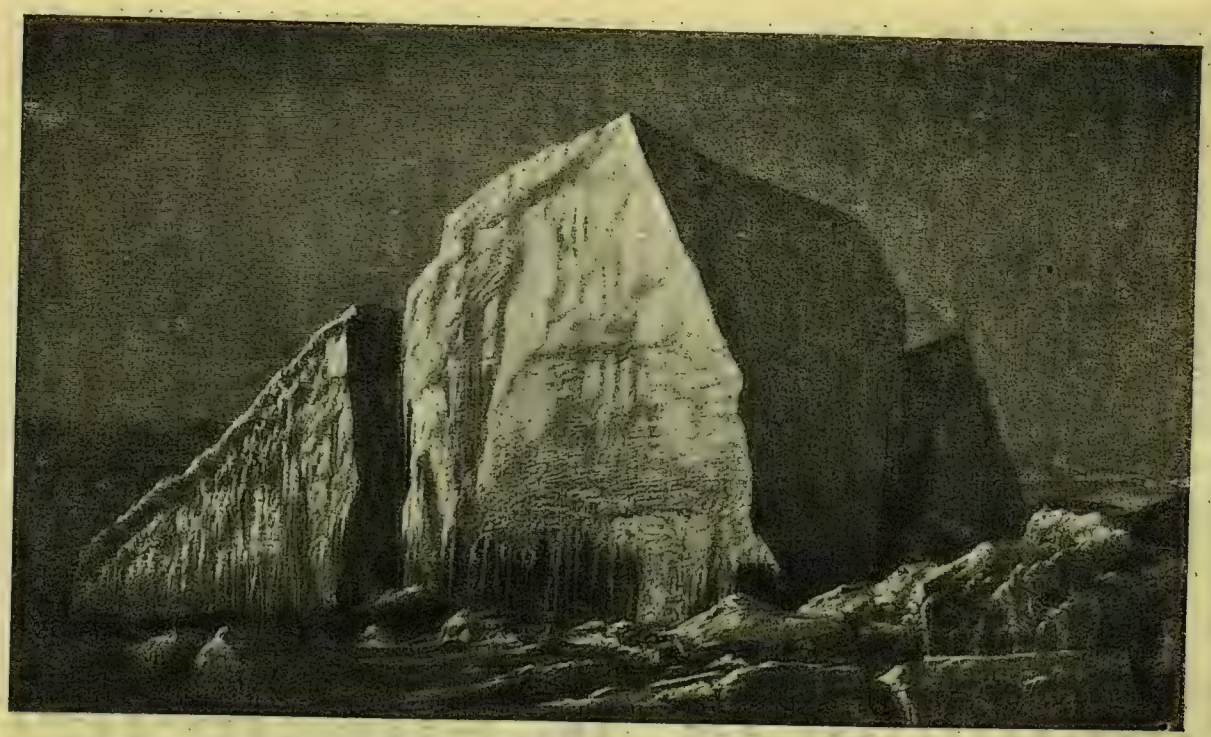
Пройдя несколько миль по долине, они миновали ее ответвление, расположенное по левую руку и заполненное широким глетчером, который изливался в довольно значительное озеро, тогда как второй глетчер подходил к тому же озеру в его югозападной оконечности. На берегах озера был организован лагерь № 5.

За шестой переход, быстро спускаясь, партия достигла соленой воды фиорда, который лейтенант Локвуд в мою честь назвал фиордом Грили.

«У головы этого фиорда кончается последний глетчер. Приблизительно в 8 милях от озера мы прошли через какое-то низкое овальной формы возвышение, мало похожее на все, виденное до сих пор. В 2 милях далее нам встретились следы медведя. Пройдя еще с полдюжины миль, мы увидели новый глетчер, соприкасающийся с долиной под острым углом. Он заполняет широкий каньон, тянущийся к востоку. Мы прошли мимо него по террасе между его флангом и утесами, находившимися по правую руку от нас. В общем мы продвинулись на 26 миль вниз по фиорду и расположились лагерем в крайнем пункте нашего похода, в полдень 13 мая, во время сильной снежной бури».

Переждав бурю, Локвуд и Брэйнард поднялись на высокий утес в 4 милях западнее лагеря. Локвуд говорит:

«Фиорд Грили имеет от 60 до 80 миль в длину, причем южный берег значительно длиннее северного. Мы не могли установить, расположен ли его крайний южный мыс на той же самой или на какой-нибудь другой земле. У начала фиорд имеет около 10 миль в ширину, а вблизи устья миль 15. Весь берег окаймлен



Многолетняя льдина в Заливе лэди Франклин.

крутыми, высокими утесами, между которыми пролегают балки, долины и несколько боковых фиордов. Вблизи головы находятся два залива, из которых северный похож на южный, пройденный нами. В 30 или сорока милях от северного берега с запада на восток тянется значительная горная цепь. На северо-западе, немного ближе, расположен большой глетчер. На юге местность более однообразна и состоит из ряда обширных волнообразных высот, покрытых ледяными шапками. Милях в двадцати на юге можно различить глетчер, — очевидно другое ответвление «Китайской стены».

«По дороге Брэйнард нашел на вершине горы окаменелости, и мы скоро набрали целую коллекцию, в том числе раковину, куски окаменелого дерева, рыбу и т. д.».

16 мая партия выступила в обратный путь. У головы фиорда Грили замечены были два тюленя.

В походном дневнике сказано: «Маленькие сани часто опрокидываются, так как снег достигает поперечин. Путешествие чрезвычайно утомительно. Уменьшение пайков начинает сказываться на собаках, но мы теперь ничего не можем дать им. Мы сами растянули три порции колбасы на шесть обедов, что при 210 граммах черствого хлеба совершенно недостаточно».

После одиннадцати часов непрерывного пути путники достигли своего старого лагеря на озере. На следующий день надо было взбираться на снежную насыпь. Локвуд говорит: «Собаки вскарабкались на вершину и при помощи длинных лямок из тюленьей кожи втянули наверх сани со всем содержимым». Так как в этом лагере собаки совершенно ослабели, то он был вынужден убить одну из них, чтобы накормить остальных. Они съели ее всю целиком в течение ночи.

Затем в три перехода партия достигла своей базы на берегах залива Беатрисы, причем как люди, так и собаки просто умирали с голода. Во время ужина на последнем переходе не было уже ни хлеба, ни сахара, ни кофе.

23 мая Кристиансен убил в Арче-фиорде тюленя, весившего около 100 килограммов.

26 мая они достигли форта Конгера, но должны были около самой станции лишиться еще одной собаки. Этот пример показывает, какой верностью бывают одушевлены эскимосские псы. Собачий король Диско работал из последних сил и, когда с него сняли упряжь, околел от истощения, не будучи в силах доползти до станции.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ПОДГОТОВКА К ОТСТУПЛЕНИЮ.—ОТ КОНГЕРА ДО МЫСА БЭРДА.—ПРОЛИВ КЕННЕДИ.—ОТ ЗАЛИВА РОЛЛИНГСА ДО МЫСА ХАУКСА.—НАС ЗАТЕРЛО

Вопрос об отступлении в лодках на тот случай, если бы ни один корабль не прибыл к нам на помощь, занимал меня в продолжение всей зимы. Я решил устроить склад провизии у мыса Бэрда, в 12 милях от форта, на южном берегу Арчер-фиорда. Сосредоточив в этом пункте достаточные запасы, мы получали возможность при любых обстоятельствах переправиться через фиорд и затем продолжать путь, когда это покажется наиболее удобным.

Приказ был издан 31 января. На другой день Брэйнард и Кристиансен с собачьей запряжкой приступили к делу. Люди были вполне здоровы, не предполагалось, что они должны будут отсутствовать в течение ночи, и температура (— 40° С) была не ниже той, какую нам многократно приходилось испытывать во время походов.

К моему удивлению, доктор энергично протестовал против этой работы, как создающей бесполезный риск и долженствующей неизбежно повлечь за собою бедственные результаты, за которые он явится ответственным и т. д.

Экспедиции в Залив лэди Франклин не повезло с выбором доктора. Наш д-р Пэви был превосходный

врач, но, привыкнув к жизни богемы, очень неохотно подчинялся военной дисциплине. Он был человек деятельного ума и большой энергии, однако отсутствие всякого порядка и системы в работе неблагоприятно отозвалось на тех естественно-исторических исследованиях, которые подлежали его ведению. Его трагическая смерть заставляет меня воздержаться от более подробных комментариев на эту тему.

Его протест против устройства склада, чрезвычайно облегчившего нашу осеннюю работу и обеспечившего успех отступления, был лишь первым среди целого ряда других протестов, которыми он теперь отвечал чуть ли не на каждое распоряжение начальника экспедиции. Переписка между нами составляет часть моего служебного отчета, и здесь ей не место.

Работа шла быстро и по возможности непрерывно в течение февраля и марта. Не произошло ни одной несчастной случайности, и запасы, собранные у мыса Бэрда, оказались для нас в высшей степени полезными.

Далее я решил перенести из гавани Благодарения английскую лодку, оставленную лейтенантом Бьюмонтом в 1876 году. 10 апреля сержант Райс отправился за ней вместе с десятью людьми. Он был назначен начальником этой партии, потому что лейтенант Локвуд находился в отсутствии, а д-р Пэви решительно отказался принять на себя какую-либо ответственность в связи с этой работой, ссылаясь на то, что его обязанности при экспедиции ограничиваются оказанием медицинской помощи. Ему, тем не менее, было приказано сопровождать партию в качестве врача.

Сержант Райс вернулся 15 апреля и доставил лодку в полной сохранности на Голландский остров, откуда несколько дней спустя она была переправлена к мысу Бэрда.

В июле имел место единственный случай резкого нарушения дисциплины за все два года нашего пребывания в Конгере. Доктор, не пожелавший возобновить контракт, срок которого истек 20 июля, отказался выдать лейтенанту Локвуду свой дневник, запечатанный и адресованный начальнику Сигнального ведомства. Ведение такого дневника и передача его начальнику

Сигнального ведомства являлись одним из условий, на которых была организована экспедиция. Из последующего рассмотрения этого дневника выяснилось, что в нем содержались неточные утверждения.

Так как д-р Пэви повторял, что он более не состоит на службе, и отказывался подчиняться моим распоряжениям, пришлось посадить его под арест, позволив, впрочем, выходить для прогулки на расстояние не дальше одной мили от станции. К нему относились с величайшей снисходительностью, и, тем не менее, он нарушил данное слово. Мне все же не хотелось даже после этого прибегать к крайним мерам, и я не подверг его строгому аресту, надеясь, что это послабление не произведет деморализующего действия на остальных участников экспедиции.

29 июля подготовка к отступлению закончилась, и был издан приказ, объявлявший, что мы покинем станцию 8 августа, если к этому времени не прибудет корабль. Паровой катер и лодки были тщательно отремонтированы, и механик донес, что они находятся в полной исправности. 2500 килограммов отборного угля в мешках были снесены на Голландский остров, где находился катер.

В течение большей части этого года я при помощи писаря приводил в порядок и копировал научные записи. Эти записи, весившие около 23 килограммов, были упакованы в три свинцовых ящика, которые затем были запаяны и, таким образом, сделаны водонепроницаемыми.

Два из них содержали подлинники служебных донесений, походные журналы, мои личные дневники, тетради магнитных и метеорологических наблюдений и другие официальные бумаги. Третий ящик, содержимое которого находилось на ответственности лейтенанта Локвуда, заключал в себе копии со всех научных записей, астрономические тетради и коллекцию растений. Скопировать все эти документы было делом довольно хлопотливым, но я надеялся, что по крайней мере один экземпляр уцелеет, в случае, если какая-нибудь катастрофа постигнет нас при отступлении. Все личное имущество участников экспедиции было оставлено в форте, за исключением 4 килограммов багажа

на каждого нижнего чина и 8 килограммов на офицера. Мой собственный багаж состоял из меховой тюленьей куртки, двух полотенец, одной пары белья, трех пар носков, шерстяной фуфайки и моей собственной коллекции растений. Другие взяли с собой предметы того же рода, главным образом, носильные вещи, табак и т. д. В качестве старшего офицера я, сверх того, захватил эполеты и шпагу, а по просьбе лейтенанта Локвуда его любимый револьвер, тогда как он имел при себе другой револьвер, которым обычно пользовался в походах.

Все эти приготовления были закончены, а лед все еще не трогался. В конце июня задули южные ветры, которые взломали прошлогодний лед в бассейне Галля и проливе Робесона. Но пролив Кеннеди вскрылся только 24 июля, а бухта Дисковери стала доступной для плавания 30 июля. Время шло, свежее мясо и овощи были съедены, и мы находились в весьма неопределенном положении.

Наступило 8 августа. В моем дневнике, который я в дальнейшем буду часто цитировать, описывая отступление и нашу жизнь у мыса Сэбайна, сказано следующее:

«Сегодня мы должны покинуть станцию, но до сих пор для этого не представлялось ни малейшей возможности. Полагаю, что пролив Кеннеди совершенно свободен от льда так же, как и восточная часть бассейна Галля. Но нельзя переправиться в катере через фиорд. Людям предложено быть готовыми к выступлению не позже, как через час после получения соответствующего приказа.

«9 августа. Рано утром продолжали поступать неблагоприятные сведения, но немного позже положение улучшилось, и в 10 часов утра я объявил, что в час пополудни мы окончательно покинем станцию. Я надеялся, что в 2 часа отлив погонит льды к северу, и это будет благоприятствовать переправе».

Последние научные наблюдения были произведены в час пополудни сержантом Джюэлем, Брэйнардом и Лонгом, которые еще оставались на станции, пока катер грузился у берега Голландского острова. По мо-

ему приказу Брэйнард вскрыл несколько бочек с тюленьим жиром, говядиной, свининой и хлебом, так что у наших собак остался запас пищи на несколько месяцев. Мне было очень жаль покидать этих верных животных, к которым все мы сильно привязались, но они не могли принести нам никакой пользы при отступлении. Я не решался убить их, ибо в случае, если б нам пришлось вернуться в Конгер, они были бы необходимы для перевозки убитой дичи и топлива.

У нас сохранилось еще три тонны угля, которые, вместе с научными коллекциями и большей частью неизрасходованных пищевых продуктов, были сложены в доме и под навесами. Мы оставили запасы солонины, сухого хлеба, чая и других продуктов, достаточные для урезанного армейского пайка в течение года, но совершенно недостаточные в арктических условиях. Мука, сахар, овощи, консервированное молоко и масло были полностью израсходованы или уцелели в весьма незначительных количествах.

В 2 часа пополудни шансы переправиться через Арчер-фиорд казались весьма благоприятными и с каждой минутой увеличивались. К несчастью, узкая полоса густого пака, весьма опасная для катера, тянулась у горла бухты между Голландским островом и островом Белло. Это вынудило меня предпочесть западный проход.

Предоставив лейтенанту Локвуду заканчивать погрузку, я велел ему принять меня на борт у мыса Протея, куда направился пешком с целью выяснить состояние льда в бухте Дисковери. Оттуда я подал условный сигнал Брэйнарду, Джюэлю и Лонгу, которые присоединились ко мне в 3 часа пополудни, со сваренным на половину обедом как-раз в тот момент, когда подплыл катер с лодками на буксире.

Мы немедленно пустились в путь и надеялись достигнуть Солнечного полуострова без всяких неприятностей. Был час прилива, свежий ветер дул с юга, и казалось, мы успеем добраться до западного выхода из бухты как-раз к началу отлива, когда фиорд будет свободен от льда.

К несчастью, тяжело нагруженный катер и лодки продвигались очень медленно, и к тому времени, ко-

Катер „Лэди Грили“.

гда мы достигли северной оконечности острова Белло, вода стояла слишком низко, чтобы можно было следовать вдоль кромки прибрежного льда. Вставал вопрос: есть ли смысл тратить уголь и силы на продвижение вперед? Я взобрался на высокий пригорок на берегу острова и увидел оттуда фарватер в столь благоприятном состоянии, что это могло оправдать самые настойчивые усилия. И действительно, после семи часов упорной, непрерывной работы мы пробились через лед и достигли Солнечного полуострова.

Разрешив людям приготовить горячую пищу, я с Брэйнардом поднялся на вершину, откуда открывался вид на Арчер-фиорд, и обнаружил, что на расстоянии всего одной мили от нас пространство свободной воды тянется до мыса Бэрда. Тем временем люди успели поесть и убили несколько штук гусей.

Вследствие мелководья мы не могли своевременно войти в фиорд, а затем начался прилив. Мы, однако, двинулись вперед и вскоре были уже в нескольких стах метров от чистой воды, когда вся масса льда стала вдруг передвигаться на юг, к началу фиорда. Мы не успели достаточно быстро повернуть катер, и он застрял между двумя толстыми прошлогодними льдинами. Его зажало таким образом, что он почти опрокинулся на бок, хотя опасность быть раздавленным была в сущности невелика. Человек двенадцать старались выпрямить его насколько возможно, между тем как остальные проворно выгружали на лед провизию, уголь и т. д.

Другие лодки были вытащены на льдину в ожидании дальнейшей передвижки льда. Катер удалось постепенно ввести в некий естественный док, где он казался в полной безопасности. Так как пак был слишком плотен для дальнейшего плавания, команде, за исключением часового, было разрешено забраться в спальные мешки для отдыха, в котором все сильно нуждались. Было 3 часа пополуночи, и в первый раз за последние двадцать часов я мог улучить время, чтобы поесть и немного соснуть.

10 августа, часов в 9 утра лед несколько поредел с началом отлива; мы двинулись вперед и поплыли по Арчер-фиорду. Нам удалось обогнуть мощные ледя-

ные поля, которые отделяли нас от мыса Бэрда. Мы достигли этого пункта в 2 часа дня, причем все время дул сильный ветер, который помешал нам войти в пролив Кеннеди. Время, проведенное вблизи мыса Бэрда, прошло в подготовке к немедленному отплытию в ближайший подходящий момент. Насыпали также каменный курган, где я положил сообщение о том, что партия, в составе двадцати пяти человек, намеревается плыть к острову Литлтон, а может быть и дальше — к архипелагу Кэри.

Оставив катер и лодки под наблюдением лейтенанта Локвуда, я поднялся на высокое плато к югу от мыса Бэрда, откуда открывается превосходный вид на пролив. Продолжал дуть сильный южный ветер, который отогнал бо́льшую часть льда в северную половину бассейна Галля. В стороне бухты Дисковери был виден густой пак, что доказывало невозможность переправиться через Арчер-фиорд каким-либо иным путем, кроме того, который мы избрали. Единственным признаком пребывания человека в этих местах был маленький курган, воздвигнутый Бьюмонтом семь лет назад, когда он переправлялся через бассейн Галля со своей погибавшей от цынги командой.

Я вернулся к партии, которая удобно расположилась лагерем вблизи устья маленькой речки, где много веков назад смелые эскимосы тоже раскидывали свои палатки. В непосредственной близости от этого места Брэйнард нашел старинные эскимосские сани, древнюю каменную лампу и другие любопытные вещи.

Так как ветер все еще продолжался, люди вернулись в спальные мешки, а я занялся составлением окончательного плана отступления. Наши перевозочные средства состояли из парового катера «Лэди Грили», длиною в 27 футов, который вел на буксире четыре лодки. Лейтенанту Локвуду поручено было командовать катером с экипажем из шести человек, считая в том числе механика и кочегара. Здесь же должны были находиться я и лейтенант Кислингбэри. Остальные шестнадцать человек разместились в трех лодках. В предвидении несчастья, могущего постигнуть одну из них, научные записи, провизия, уголь и т. д. были разделены таким образом, чтоб им не

грозила опасность погибнуть целиком. 270 килограммов угля были взяты в качестве топлива, причем приблизительно по 50 килограммов имела на борту каждая лодка и то же самое количество помещалось в четвертой маленькой двухвесельной лодке, предназначенной для работы среди тяжелого льда.

Мы имели при себе немного более 40 однодневных пайков на человека, что, при наличии складов между мысами Бэрда и Коллинсона, давало возможность достигнуть мыса Хаукса с тем же запасом провизии, с каким экспедиция отправлялась в путь.

Ветер начал, повидимому, стихать около 9 часов вечера, после чего мы поспешили нагрузить лодки. «Доблестный», «Бьюмонт», «Нарвал» и «Уайтхолл» вытянулись хвостом позади катера. Буксирный канат каждой лодки был отдан под наблюдение дежурного, который мог отпустить его в любой момент.

Выйдя из устья реки, мы медленно двинулись вдоль вереницы красивых льдин, окаймлявших побережье мыса Бэрда. Полуночное солнце пробилось сквозь облака, когда мы свернули в пролив Кеннеди по направлению к югу.

В первый раз мы увидели совершенно свободную от льда воду, которая, казалось, сулила вполне безопасное плавание. Но человек, знакомый с навигацией во льдах, помнит, что только та миля пути бывает хороша, которая уже пройдена.

Ветер изменился на северовосточный, и тяжелые льдины, быстро дрейфовавшие к югу, столпившись у западного берега, отрезали нас от открытой воды и заставили искать убежища приблизительно на половине пути между мысами Либера и Крэйкрофта. Туман и мелкий снег вскоре вымочили все, что не было прикрыто парусами. Люди, довольные, что им более не надо сидеть скорчившись в переполненных лодках, заснули в кое-как раскинутых палатках на узком пляже между прибрежным льдом и обрывистыми скалами.

Около 7 часов утра 11 августа дежурный сержант доложил мне, что снег перестал падать и лед нахо-

дится в движении. Я немедленно вскарабкался на гряду высоких утесов, тянущихся в южном направлении, велев лейтенанту Локвуду немедленно пуститься в путь, как только я подам ему сигнал. С вершины холма я мог видеть, что нас отделяет от открытой воды полоса густого пака шириною в одну милю. Я тотчас же подал сигнал к отплытию. Повара начали стряпать завтрак, а всем остальным было приказано готовиться к немедленному отправлению в путь. Все было снесено на борт катера; однако он успел тронуться не раньше, как через несколько минут, а я тем временем с нетерпением следил, как постепенно расширялась полоса пака, через которую нам предстояло пробиться.

Через 2 часа мы добрались до мыса Крэйкрофта, где я в прошлом году спрятал около 50 килограммов мяса и боченок с хлебом. Здесь вблизи берега пак был довольно редок, но он состоял из тяжелых льдин и находился в движении. Поэтому казалось опасным причаливать катеру и лодкам. Напротив, путь на юг был в таком превосходном состоянии, что я предпочел послать на берег маленький ботик «Уайтхолл» с двумя людьми, которые и привезли мясо.

Пролив Кеннеди до берегов Гренландии был свободен от льда, а в восточной части залива Бессельса была отчетливо видна узкая впадина между утесами, увенчанными толстым ледниковым покровом.

Немного спустя, мы увидели штук пять нарвалов,[1] и это был хороший признак, ибо северная граница распространения этих животных несомненно совпадает с крайними пределами свободной «Северной воды». Мы застрелили двух чистиков и подобрали их, не останавливая катера. В полдень мы миновали мыс Дефоа, причем нашему движению мешал только густой туман. Пришлось перевести катер на половинную скорость, ибо часто встречавшиеся многолетние льдины делали опасным плавание полным ходом.

Благополучно миновав несколько пловучих льдин и едва не сев на мель по причине мелководья, я решил поберечь уголь и велел высадиться на берег, где мы

---

[1] Морской единорог из отряда китообразных, имеет длину до 6 метров. *(Прим. ред.)*

провели несколько часов на низком песчаном пляже. Здесь приготовили обед, а когда туман рассеялся, в 6 часов пополудни двинулись к югу.

Однако туман и лед продолжали мешать нам, и около полуночи, найдя удобную якорную стоянку, мы расположились лагерем. Летний поток проложил себе дорогу сквозь массивный прибрежный лед, который в час отлива вздымался на высоту от 2½ до 3 метров над нашими лодками. Поэтому у нас была вполне безопасная гавань. Лодки были вытащены на берег, а катер поставлен на якорь и поручен заботам механика, который заявил, что ему надо сделать кое-какой ремонт и что он предпочитает заняться этим во время очередной вахты.

12 августа я встал в 7 часов и увидел, что нос катера увяз в грунте во время отлива. Дело было серьезное, потому что, замешкавшись в этом пункте, мы неизбежно должны были потерять часов восемь или десять. Я тотчас же послал всю партию на работу по освобождению катера. Сержант Кросс, механик, не выполнил этого приказа, пока я не повторил его весьма настоятельным образом. Тогда, совершенно пьяный, он вылез из-под брезента, покрывавшего катер. Нам удалось, наконец, поставить катер в такое положение, что потеря времени, вызванная небрежностью механика, ограничилась всего двумя часами. Было очевидно, что Кросс воспользовался сном команды, чтобы добраться до запасов спирта.

Мы двинулись в путь в 9 часов 30 минут утра и после трудного плавания, длившегося несколько часов, остановились у северного склона мыса Бэка, сейчас же за 81 параллелью. Вследствие тумана пришлось следовать почти вплотную вдоль прибрежного льда. Это плавание требовало неустанной бдительности и расторопности под угрозой аварии или даже окончательной гибели. В течение всего этого времени приказы, отдаваемые механику, исполнялись очень плохо, почему лодки несколько раз были зажаты льдами. В 2 часа пополудни я велел остановиться на несколько минут и, поднявшись на ближайший утес, увидел, что дорога к югу немного более свободна, чем раньше. После этого я отправил механика спать, а на его место по-

ставил рядового Фредерика. При его управлении мы продвигались вперед гораздо лучше. Опять пошел снег, погода стала очень туманной, и я приказал поворотить в небольшое разводье в прибрежном льде. Несколько часов спустя небо слегка прояснилось, и мы впервые поплыли по-настоящему. Кросс, отоспавшись, вновь взял на себя управление машиной. Мы посетили депо на северном берегу залива Карла Риттера, устроенное мною в 1881 году, и взяли оттуда 200 пайков.

Далее я решил плыть прямо к мысу фон-Буша, хотя лейтенант Кислингбэри настаивал, что надо держаться возможно ближе к береговой линии залива Карла Риттера. Плавание шло в общем успешно, но к югу от мыса фон-Буша открытая вода тянулась лишь на протяжении 10 миль, и в 2 часа ночи 12 августа дальнейшее продвижение стало невозможным.

Мы достигли, повидимому, сплошного пака, состоявшего из больших многолетних льдин огромной толщины. На расстоянии одной мили от берега колоссальная льдина возвышалась метров на 20 над поверхностью воды и далее вплоть до самой земли тянулось сплошное невзломанное ледяное поле. Нам удалось найти хорошо защищенную гавань при устье балки, где лодки можно было вытащить на береговой лед, а катер находился в полной безопасности, если не считать моментов исключительно низкого отлива. Почти все время стояла снежная погода, промочившая насквозь одежду наших людей и делавшая совершенно нестерпимым дальнейшее пребывание в лодках с поджатыми ногами, тем более, что сильный южный ветер прохватывал до костей. Впервые я счел возможным произвести выдачу рома. Берег состоял в этом месте из отвесных утесов, отделявшихся от прибрежного льда лишь пологой насыпью из обломков скалы, на которых мы и расположились, утешаясь единственно тем, что променяли одно неприятное положение на другое.

В 8 часов утра подали горячий завтрак, после чего лейтенант Локвуд и Иенс обследовали утесы на протяжении 2 миль к югу. Локвуд донес, что лед тянется повсюду и что нет никакой возможности двинуться

вперед. По его мнению, лед к югу от этого пункта оставался невзломанным в течение целого ряда лет.

Состояние льда, однако, опровергало эту мысль, и потому, лишь только начался прилив, я послал Брэйнарда в маленькой лодке освидетельствовать ледяное поле и установить, нет ли все-таки какой-нибудь возможности пробраться сквозь него. Вернувшись, он донес, что достаточно небольшой перемены в положении льда, и мы сможем двинуться к югу по узкой полосе воды, которая тянется вплоть до ближайшего мыса.

Вторая разведка позволила установить, что мы уже теперь имеем возможность плыть к югу. Сначала казалось, что проход между льдами слишком узок для катера, но при более внимательном рассмотрении мы обнаружили, что ледяное поле, повидимому, представляющее одно целое с берегом, местами растрескалось и разделилось. Глазам нашим предстала узкая щель — быть может, самая изумительная дорога, по которой случалось следовать путешественнику. Она имела не более 4 метров в ширину, а в длину тянулась на сотню метров, и ее отвесные стены из темного льда вздымались по крайней мере на 15—16 метров выше наших лодок. Я не помню другого зрелища, которое так поразило бы меня своим величием и буйным разгулом природных сил.

В течение, быть может, тысячи лет снег падал с арктического неба, нагромождая свои хлопья на поверхности ледяного материка, прежде чем достиг такой тяжести и плотности, что обратился в лед. Затем, опять-таки в течение веков, — огромная глыба медленно ползла к берегу, наконец сорвалась в Полярное море, много лет подряд плыла к югу и застряла здесь. Ее миллионы кубических метров казались непроницаемыми и способными к несокрушимому сопротивлению. Однако трение и толчки бесчисленных малых льдин заставили ее растрескаться, словно кусок мела.

Недолгое плавание привело нас к северовосточной оконечности берегового изгиба в бухту недостаточно глубокую для того, чтобы можно было дать ей название залива. На юго-востоке столпился лед — густой,

По ледяному коридору.

плотный, непроницаемый. Начал дуть сильный ветер, пошел крупный снег. Все казалось печальным и безнадежным. Не было никакого прикрытия для катера, потому что по мере того, как мы продвигались к югу, прибрежный лед становился все выше и выше и теперь поднимался на высоту до 4 метров над лодками.

Наступил полдень, и все забрались в свои мешки за исключением вахтенного. Мне, однако, не удалось заснуть, и я продолжал внимательно наблюдать за передвижением льдов в то время, как люди, мокрые и озябшие, старались отдохнуть, как могли. Парусом пришлось накрыть хлеб, чтобы защитить его от снега, и наши люди охотно пожертвовали собственным комфортом, лишь бы сохранить провизию. В 2 часа пополудни положение казалось отчаянным, так как тяжелый лед, гонимый сильным югозападным ветром и отливом, быстро передвигался к северу и грозил нас совершенно затереть. Тем временем я внимательно изучал состояние льда в южном направлении и решил, что в тот момент, когда начнется прилив и лед разойдется, я прикажу плыть по бухте вдоль берега и, отыскав безопасную якорную стоянку на южной стороне, буду ждать, пока благоприятный ветер позволит двинуться далее. Весь вопрос заключался в том, останется ли лед на середине залива или подойдет ближе к берегу и разотрет нас в порошок, если мы не успеем вытащить лодки. Я поставил вахтенного на холме, приказав ему тотчас же подать сигнал, как только он заметит, что пак редеет.

Прилив начался в 2 часа без нескольких минут, но югозападный ветер продолжал удерживать лед посреди залива до 4 часов 30 минут. Дела, казалось, обстояли как нельзя хуже, когда я с большим облегчением услышал голос Уислера, сообщавшего с вершины холма, что в бухте появился проход. Это было как-раз во-время, ибо то же самое состояние прилива, которое очищало бухту, должно было направить весь пак против нас.

Все было готово для немедленного отплытия, но лишь только мы пустились в путь, как были придавлены тяжелыми льдинами. Ценою отчаянных усилий и серьезных опасностей нам удалось в 7 часов попо-

лудни достигнуть пункта в одной четверти мили от южного мыса. Нам, однако, мешал юговосточный ветер, который погнал весь пак к берегу и сделал дальнейшее продвижение невозможным. Мы, впрочем, находились в полной безопасности, потому что залив был очень мелководен, и целая сотня больших пловучих льдин, стоявших на мели, защищала нас от непосредственного давления. Во время нашего нахождения в бухте был застрелен маленький тюлень, которого сварили на ужин. Наши люди, за исключением двух или трех, ели тюленье мясо с большим удовольствием. В течение этого перехода сержант Кросс несколько раз подряд выказывал непослушание, недисциплинированность и позволил себе дерзкие замечания, из которых, впрочем, ни одно не относилось прямо ко мне. Он как-будто нарочно старался, чтобы машина работала возможно хуже, и исполнял приказания лишь тогда, когда они повторялись по несколько раз. Но его услуги, как механика, были в это время безусловно необходимы, и я дважды сделал ему строжайший выговор.

Северовосточный ветер дул в течение ночи и быстро гнал пак к юго-западу. В 8 часов утра 14 августа пролив Кеннеди, повидимому, совершенно очистился в северной своей части. Но к югу лишь местами можно было заметить прогалины свободной воды; всюду виднелось пространство, заполненное тяжелым сгрудившимся льдом, через который трудно было бы пробиться даже кораблю. В дневнике моем записано: «Широта 80°44', 4 часа пополудни. Весь сегодняшний день внимательно и тревожно следили мы за движением льда. Иногда появлялся проблеск надежды, потому что ветер стихал и как-будто начинал переходить на юго-запад, но лишь затем, чтобы с удвоенной силой вновь задуть с северо-востока. Ясная погода временами позволяла любоваться на острова Ганса Франклина и Крозье, а также на Гренландское побережье к северу от залива Морриса. Лейтенант Кислингбэри, захватив с собой Кристиансена, отправился поохотиться на берег. Он открыл узкую пустынную долину, лишенную растительности, которая тянулась под прямым углом к берегу на расстоянии мили или двух и

затем сворачивала к северо-востоку параллельно проливу Кеннеди. Они прошли миль 5 по этой долине и видели два маленьких озера и низину, которая указывала на присутствие третьего большого озера. Эти озера по самой середине были еще покрыты зимним льдом, откуда следует, что они существуют круглый год».

«15 августа. Прошлой ночью температура упала до —6,1° С. Над поверхностью воды образовался лед, толщиной в полтора дюйма. В 9 утра я решил отвести катер дальше от берега, опасаясь, что иначе молодой лед запрет нас и вынудит покинуть судно. С великими трудностями нам удалось в 3 часа 30 минут пополудни поставить катер в 400 метрах от пловучего льда в гавани, где он был совершенно защищен стоявшими на мели большими льдинами. Когда мы выводили катер, механик Кросс вновь позволил себе дерзкие замечания. В машинном отделении все идет скверно. Мои приказы оставляются без внимания, пока я не повторю их, хотя немедленное повиновение в данную минуту особенно важно. Наконец, после того как один приказ, повторенный очень настойчиво, тем не менее не был исполнен, сержант Брэйнард рапортовал, что Кросс опять напился. Я вошел в машинное отделение и, увидев, что он действительно пьян, тотчас же снял его с работы и послал на берег, запретив возвращаться на катер впередь до позволения. Я поручил машину рядовому Фредерику, приказав не подпускать к ней Кросса. Человек, который так дурно вел себя при столь критических обстоятельствах, ни в каком смысле не заслуживает доверия. Совершенно очевидно, что он напился спиртом, служащим в качестве горючего. Должно быть он украл некоторое количество и спрятал где-нибудь несколько дней назад, ибо от него охраняли наши запасы спирта после того, как он напился в первый раз.

«Лейтенант Локвуд вечером поставил лодки в 150 метрах от катера в месте, совершенно закрытом сидящими на мели ледяными горами. Если общее состояние льда останется неизменным, мы без всяких трудностей сможем покинуть этот пункт, как только прекратится сильный северовосточный ветер. Температура весь день держалась ниже нуля, и в полночь термометр показывал — 3,3° С. Нас все еще удержи-

Северный берег залива Карла Риттера в проливе Кеннеди.

вает сильный северовосточный ветер, забивающий пролив льдом; но сегодня все-таки можно было видеть несколько участков свободной воды. Густая масса льда непрерывно движется к югу, хотя и с уменьшенной скоростью вследствие отлива. Какое счастье, что я решил перевести вчера катер и лодки на те места, где они теперь стоят. Сегодня это было бы уже невозможно: с такой быстротою новый лед образуется под действием низкой температуры. Наши люди испытывают большие неудобства, и кое-кто жалуется, что мы оставили берег, но в этом — наш единственный шанс выбраться отсюда. Сильный северный ветер, дувший целый день при температуре от —3,3° до —1,7°, всех заставил окоченеть. Был поэтому роздан ром по восьмушке пинты[1] на человека. Лед все еще удерживает нас на том же самом месте: 80°44' сев. шир., 68° зап. долг. В течение ночи шел снег, скопившийся слоем толщиною в 3 дюйма, что было для всех очень неприятно; но теперь, в 8 часов утра, небо ясно, и ветер ослабел, так что состояние духа у людей значительно улучшилось. С сидящих на мели льдин, имеющих до 7 метров в высоту, нигде не видно свободной воды. Но Эллис и эскимосы отправились на берег вчера вечером и видели полосу воды шириною в 5 миль у Гренландского берега. Если задует северозападный ветер, он немедленно освободит нас. Температура упала до —4,9° С. Полагаю, что никогда еще не наблюдалось такой низкой температуры в этих числах августа. Лед становится все толще, и если пролив в самом скором времени не очистится, мы будем вынуждены покинуть здесь наш катер. Это обстоятельство исключает всякую возможность вернуться в Конгер по воде. Наш путь был так извилист вследствие неблагоприятного состояния льдов, что нам пришлось проплыть свыше 200 миль, чтобы продвинуться на 60 миль по широте. Мы сжигаем ежедневно до 30 килограммов угля, так как приходится держать машину под парами».

«18 августа. 2 часа пополудни. Лодки стоят у севших на мель пловучих льдин на 20 метров ближе к движущемуся паку, нежели катер; температура опу-

---

[1] Пинта англ. и сев.-америк. = 0,568 литра. *(Прим. ред.)*

стилась до —4,4° С. Молодой лед быстро утолщается, соединяя старые льдины в одну общую массу и делая продвижение в любую сторону крайне затруднительным.

«Вечер. В 3 часа пополудни льдина, возле которой стояли на якоре наши лодки, внезапно раскололась на две части. Это вызвало большой переполох, но не причинило вреда. Я решил сделать отчаянную попытку силою проложить путь через плотный пак. Приблизительно два часа тяжелой работы дали мало результатов, если не считать того, что был потерян топор, а люди совершенно пали духом. Тотчас же после ужина, несмотря на кое-какую негласную критику, я возобновил ту же попытку, послав вместе с тем сержанта Брэйнарда ознакомиться с состоянием льда в южном направлении.

«Четыре часа рубки, колки, лавировки среди льда и тому подобных чудес энергии и выносливости, и катер был выведен на открытую воду в 10 часов 30 минут вечера, после чего я стал нетерпеливо поджидать лодок, чтобы пуститься к югу, прежде чем начнется отлив. Температура упорно держалась на уровне —1,7° С, причем шел мелкий снег.

«В 11 часов вечера, чрезвычайно довольные тем, что прекратилось наше бездействие, мы пустились в путь и довольно недурно плыли в течение четырех с половиной часов, после чего нам пришлось искать убежища к северу от мыса Лоуренса, между большими пловучими льдинами, стоявшими на мели. Мы добрались до этой гавани как нельзя более вовремя. В дневнике сержанта Брэйнарда значится: «Прилив устремился на наши хрупкие лодки с быстротою скаковой лошади, и мы едва успели спастись в маленькой бухточке, защищенной ледяными горами. Я никогда не видел льда, движущегося с такой скоростью. Две минуты спустя после того, как мы покинули спокойную воду посреди пролива, его поверхность представляла собою вертящуюся бурную массу льда, который легко мог бы разнести наши лодки в мельчайшие щепы».

«Приливы в этом пункте бывают очень высоки и, надо думать, весною достигают 4 или даже 5 метров. Сегодня, после полудня, мы плыли в течение двух ча-

сов и почти добрались до мыса Лоуренса. Полоса паковаго льда шириною около мили отделяла нас от свободной воды на юге. Мы сделали смелую попытку двинуться вперед, но льды сомкнулись вокруг нас, и нас отнесло мили на 2 к северу, так что пришлось искать убежища. В нескольких сотнях метров от берега машина отказалась работать, и нам пришлось буксировать катер при помощи лодок. Мы достигли берегового льда как-раз в то время, когда отлив быстро погнал пак к северу. В течение часа мы продвигались вперед вдоль берега, но затем, натолкнувшись на грязный плотный пак, решили, что это стоит нам слишком много угля, и причалили к берегу в 7 милях севернее мыса Лоуренса».

«19 августа. Рядовой Фредерик рапортует, что машина находилась в чрезвычайно плохом состоянии, когда он принял ее. Он посвящал каждую свободную минуту, чтобы привести все в должный порядок, и теперь машина превосходно работает, хотя совершенно исправить ее нельзя за отсутствием необходимым инструментов и материалов. Сержант Брэйнард и эскимос Иенс посланы мною к мысу Лоуренса освидетельствовать состояние льда на юге. Если мы пустимся в путь с ближайшим отливом, то будем следовать вдоль прибрежного льда и возьмем их на борт. Д-р Пэви ушел с ними, испросив предварительно позволение».

«20 августа. Мы отплыли в 4 часа утра. Дул сильный югозападный ветер, который замедлял наше движение, но зато отгонял лед от берега. Д-р Пэви и Брэйнард были приняты на борт в 3 милях от мыса Лоуренса. Их донесение сильно нас обескуражило. С вершины мыса они видели непроницаемый пак, тянувшийся через пролив Кеннеди до мыса Джексона, причем нигде не было видно воды. Они мало верили в возможность продвинуться далее к югу. Основываясь на этом донесении, я отыскал безопасную гавань между двумя сидящими на мели пловучими льдинами и приказал готовить завтрак. Затем я поднялся на мыс Лоуренса и с высоты 70 метров увидел широкие полосы воды, тянувшиеся к юго-востоку и к югу. Этот случай подкрепил мое прежнее убеждение в том, что

состояние льда никогда нельзя предвидеть заранее, ибо оно в эту пору года всецело зависит от действия ветров и приливов.

«Я поспешно вернулся к катеру, и мы немедленно отплыли, но должны были остановиться в заливе Роллингса, на половине пути между мысом Лоуренса и бухтой Радмора, вследствие густого тумана, который делал продвижение вперед опасным».

Массивный береговой лед, высотой до 4 метров, тянулся вдоль побережья, и мы втащили на него лодку «Доблестный», требовавшую небольшой починки. Туман начал, как будто, расходиться. Я отправился на северный берег залива Роллингса, к пункту, с которого открывался вид на бухту Радмора, и с высокого пригорка увидел, что огромная многолетняя льдина с поверхностью во много квадратных миль движется по заливу, оставляя позади себя чистую воду вплоть до мыса Джозефа Гуда. Я поспешил вернуться к катеру и нашел его севшим на мель, хотя были отданы строжайшие приказания предохранять его от этой опасности, и два человека специально поставлены на эту работу. Сил всей нашей партии оказалось недостаточно, чтобы сдвинуть катер с мели, и ничего другого не оставалось делать как ожидать ближайшего очередного прилива.

Мы потеряли пять часов вследствие этого, но затем два часа плавания по чистой воде привели нас к мысу Джозефа Гуда. Глетчер Соллейф был окутан туманом. Я не сомневаюсь, что это одно из ответвлений Ледяного моря Агасиза, равно как и два маленькие глетчера, открытые Брэйнардом к северу от мыса Лоуренса.

21 августа встречный прилив заставил нас свернуть в плохо защищенную гавань южнее мыса Джозефа Гуда. Немного спустя мы продвинулись на короткое расстояние к югу и нашли немного лучшую якорную стоянку. Здесь мы решили бросить маленькую лодку «Уайтхолл», от которой нам было мало пользы.

Сержант Джюэль был послан к мысу Уилкса, с вершины которого увидел много открытой воды в южной половине залива Ричардсона. Вскоре представилась возможность добраться до мыса Уилкса, потому что,

под действием югозападного ветра, весь пак отошел от берега.

Однако, едва мы успели проплыть вперед с полмили, как лед бурно устремился в сторону берега, едва не разбив при этом катер и лодки. Прилив стоял низко, лодки были зажаты между движущимся паком и прибрежным льдом, достигавшим 3 метров высоты; так как на линии этого последнего не имелось выемок, катер был основательно прижат, и в течение нескольких минут я опасался, что мы совсем его потеряем, но хладнокровие, энергия и отчаянные усилия всех участников экспедиции спасли нас от этой катастрофы. Лодки были слегка повреждены, но отнюдь не в той степени, в какой этого можно было опасаться. Одну из них пришлось вытащить на движущийся пак, но две другие нашли безопасное убежище у подошвы прибрежного льда.

Пак состоял главным образом из прошлогодних льдин, перемешанных с мелкими осколками, что для корабля не представляло бы опасности, но было весьма опасно для маленьких лодок. Катер был вполне способен выдержать прямое давление, прижимавшее его к прибрежному льду, но движущийся пак мог потащить его вдоль береговой линии, ободрав при этом борт и сломав дымовую трубу в результате столкновений с выдвигавшимися вперед и нависающими льдинами. К счастью, ценою необычайных усилий, нам удалось удержать катер в маленькой выемке прибрежного льда, где он не получил серьезных повреждений.

В течение этой остановки я был вынужден всецело посвятить внимание паровому катеру, предоставив каждой лодке заботиться о себе. Брэйнард, Райс и Коннель оправдали оказанное им доверие. Лейтенанты Локвуд и Кислингбэри деятельно помогали мне в работе у катера, который являлся наиболее ценным из наших судов.

Движение льда к берегу было вызвано внезапной переменой ветра, и, так как уровень воды быстро понижался вместе с отливом, направление пака вновь изменилось.

Мы потеряли здесь несколько часов, но все-таки успели добраться до северовосточной оконечности

залива Ричардсона тотчас после полудня. Два часа спустя нам удалось пересечь его с большими трудностями, сделав для этого большой крюк в западном направлении по заливу. Молодой лед приобрел уже такую плотность, что прочно связывал малые льдины, да и сам по себе был достаточно крепок, чтобы помешать движению вперед.

Потребовался целый час, чтобы провести катер через три сотни метров молодого льда. Недалеко от середины залива мы натолкнулись на две большие льдины, разделенные каналом приблизительно в 100 метров длины, причем канал этот был покрыт новым льдом. Ценою величайшего напряжения мы успели проложить себе дорогу, и, как только мы выбрались из канала, льдины тронулись с места. Достигнув южной стороны этого залива, трудно было определить, какой именно пункт является мысом Коллинсона, и потому с намерением наверняка отыскать английский склад я причалил к берегу там, где было всего ближе. Затем я послал лейтенанта Кислингбэри с рядовым Генри к западу, в то время как другие производили поиски на востоке. Склад обнаружить не удалось, но Генри нашел небольшой кусок соснового дерева и видел следы старинного эскимосского становища. Немного спустя поднимающийся прилив погнал на нас такое множество тяжелого льда, что мы были вынуждены стать на якорь вблизи мыса Коллинсона в маленьком заливе, где много ледяных гор сидело на мели, а прибрежный лед поднимался во время отлива на 4 метра над уровнем моря.

Сержанты Брэйнард и Джюэль, составлявшие одну из партий, разосланных по разным направлениям, нашли склад, устроенный Нэрсом в 1875 г. вблизи мыса Коллинсона. Маленький курган, не заключавший в себе никакого письменного сообщения, находился вблизи склада. Брэйнард донес, что склад уже кем-то вскрыт. Табак, сахар и чай исчезли. Боченок с ромом был закупорен снизу, но дыра во втулке легко объясняла отсутствие рома. Особенно удивило меня исчезновение боченка с сухарями, так как самый боченок распался на части, но клепки и днище были целы, за исключением одной клепки, расколотой крест на крест. Ни на

одной из клепок не было видно следов взлома или царапин от когтей, которые позволили бы предположить, что боченок взломан медведем.

«22 августа. В час пополуночи с началом прилива тяжелый дрейфующий лед грозил катеру серьезными повреждениями. Вода, поднявшаяся в уровень с береговым льдом, позволила нам втащить на него маленькие лодки, но катер должен был оставаться у берега. Три сидевшие на мели ледяные горы всплыли благодаря приливу и едва не уничтожили наше судно. Я оставался на вахте, отдавая нужные распоряжения до начала отлива, и в 2 часа пополуночи, когда горы снова сели на мель, забился в спальный мешок совершенно измученный, приказав лейтенанту Локвуду отплыть к мысу Коллинсона в 4 часа пополуночи, если это будет возможно. В 5 часов удалось разыскать нужный нам склад и завладеть его содержимым. Последнее состояло из 240 пайков мяса, соли, перца, лукового порошка и топлива и 120 пайков сухарей. Быстро понижающийся отлив дважды едва не посадил катер на мель, пока мы разбирали склад. Огибая мыс Коллинсона, мы встретились с сильным югозападным ветром, гнавшим к северу большое количество льда, что заставило нас стать на якорь. Во время плавания мы ударились о старую льдину и при ударе повредили муфту нагнетательного насоса. Понадобилось два часа, чтобы починить ее и приготовить горячий завтрак».

Сильный ветер, туман и снег продолжались в течение нескольких часов. Лишь только наступил перерыв между приливом и отливом, мы пустились вперед, держась ближе к средине пролива. Это был рискованный ход, но я видел себя вынужденным решиться на него вопреки мнению моих офицеров. Мы уже находились на 80-й параллели, т. е. гораздо ближе к острову Литлтона, нежели к форту Конгера. Важно было продвигаться вперед с возможно большей скоростью, и лучше казалось итти на серьезный риск, нежели подвергаться опасности вмерзнуть в молодой лед, который образовывался каждую ночь.

22 августа около полудня сплошной пак вновь остановил нас в одной миле к северу от мыса Мак-Клинтока. Мы стали на якорь вблизи трех больших плову-

чих льдин, сидевших на мели, что создавало естественную гавань, достаточно просторную для нашего катера и лодок.

Ветер переменился, и в момент равновесия между приливом и отливом, около 4 часов пополудни, мы поплыли к югу в Скоресбизунд, где и остановились для разведок.

С высокого берега я заметил несколько больших пловучих льдин, которые вынудили нас сделать большой крюк по Скоресбизунду, но на всем протяжении пути мы находили открытую воду. Через два часа мы достигли южной оконечности мыса Нортон Шоу, где нас задержало значительное количество грязного пакового льда. После короткой остановки я сделал попытку плыть далее, но большая льдина, двигавшаяся впереди нас, застряла между сидевшими на мели ледяными горами и берегом и закрыла нам путь. Пак медленно двинулся около полудня 23 числа, вынудив меня укрыть лодки в небольшой выемке прибрежного льда. В дневнике моем сказано: «Теперь мы прижаты к береговому льду паком, который после отлива, без сомнения, сдвинется с места. Перспективы, открывающиеся к югу, крайне неблагоприятны: там много мелкого льда, очень густого и остающегося неподвижным в минуту равновесия между приливом и отливом. Быть может, это вызывается близостью мыса Фрезера, где встречаются северный и южный приливы. Не могу понять, почему нет в виду ни одного корабля. Мы окажемся в незавидном положении, если достигнем мыса Хоукса, так и не встретив какого-либо судна. Время года позднее, наш уголь почти на исходе, и неизвестно, найдем ли мы новые запасы пищи».

Высшая точка прилива обозначилась в 2 часа 15 минут, вскоре после чего пак двинулся от берега, позволив нам в течение часа плыть полным ходом, хотя и по очень извилистому фарватеру. В конце концов нас все-таки затерло в полумиле от берега, когда мы пытались пристать. Во время отлива пак сперва начал дрейфовать к северо-востоку, но вскоре затем опять обратился к югу, потому что огромная пловучая льдина, гонимая подводным течением, двигалась в эту сторону.

«24 августа. Мы медленно дрейфовали к югу, пока, наконец, минута равновесия между приливом и отливом не позволила нам достичь прибрежного льда. В 9 часов утра подул сильный северовосточный ветер. С величайшими трудностями мы передвинули катер и одну из лодок на 500 метров южнее в превосходное убежище, которое было недоступно, когда мы впервые добрались до прибрежного льда. Две другие лодки невозможно было сдвинуть с места и потому пришлось оставить их позади. Высшая точка прилива обозначилась в 8 часов 30 минут утра. Тут уже можно было заметить, что утренний прилив пришел к нам с юго-востока. Вследствие северовосточного ветра весь пак двинулся на нас и почти раздавил лодки «Доблестный» и «Нарвал». Их вытащили в маленькую выемку прибрежного льда, причем вельбот получил небольшую пробоину как-раз над ватерлинией. Снег и туман промочили нас до костей и причинили нам много неудобств, потому что температура держалась на точке замерзания. Джюэль был послан на соседний мыс, к югу от которого, насколько хватал глаз, простирался сплошной пак».

«25 августа. Тотчас же после начала отлива в 4 часа 30 минут утра лед несколько поредел, и нам удалось довольно быстро итти вперед в течение двух часов, хотя мы были вынуждены держаться возможно ближе к прибрежному льду. Когда густой пак снова остановил нас, мы нашли пристанище позади стоящих на мели ледяных гор.

«Определение высоты солнца, произведенное сержантом Израэлем в полдень, показало широту 79°41', как-раз к северу от мыса Фрезера. Кристиансен сегодня утром убил тюленя. Иные из нас пробовали пить его кровь, которая вкусом своим напомнила мне яичный белок. Отлив к северу понизился, но прилив пошел с юга и при содействии югозападного ветра погнал большую пловучую льдину прямо против нашей горы. Гора снялась с мели и поплыла к северовостоку. Поэтому мы были вынуждены причалить к берегу».

«Залив Доббина. 25 августа. 11 часов 30 минут вечера. Около 6 часов пополудни начал под-

Нас затерло.

ниматься туман, и так как столпившийся лед мог преградить нам путь, я решил силою пробиться с лодками на открытую воду, хотя и понимал, насколько это опасно. С большими трудностями мы проложили себе дорогу через движущийся пак и достигли Хайс-пойнта, где густой туман и тяжелый лед заставили нас пристать к берегу. Пока готовили ужин, я лично удостоверился, что открытая вода тянется на полмили к югу. Лишь только около 7 часов 30 минут пополудни туман начал рассеиваться, мы обогнули несколько огромных пловучих льдин, сидящих на мели, и вышли на хорошую воду. Туман был еще довольно густ, но по временам становилась видимой вершина мыса Луи-Наполеона, и поэтому мы продолжали плавание. В 10 часов мы пристали к севшей на мель льдине, с вершины которой сквозь редеющий туман открывался широкий вид на юг. Пак состоял из широких, но совершенно не связанных между собою льдин, которые не представляли бы никакой опасности для хорошо оснащенного судна, но с нашим маленьким катером, при наличии тумана и в таком близком соседстве с мысом Хоукса, я счел неблагоразумным рисковать и поплыл к берегу вблизи мыса Наполеона, где мы были отрезаны от чистой воды жалким маленьким отростком сидящей на мели льдины. Этот отросток имел в толщину всего 1 метр, а поперек метра 3½—4. Я велел людям резать лед, надеясь, что во время прилива нам можно будет миновать это препятствие, а сержанта Джюэля послал на вершину мыса Наполеона с приказанием осмотреть залив Доббина, где, как мы надеялись, должен был находиться корабль, пришедший к нам на помощь».

Я лег спать в 12 часов, приказав вахтенному разбудить меня, если тронется лед и поредеет туман.

26 августа в 2 часа 30 минут ночи вахтенный сержант доложил мне, что лед вскрылся, так что имеется дорога к мысу Луи-Наполеона. Как только удалось развести пары, мы двинулись и достигли этого мыса, приняв на борт партию, высланную на разведку. Сержант Джюэль рапортовал, что вследствие густого тумана им не удалось увидеть мыс Хоукса. Многочисленные пловучие льдины, перемежавшиеся кое-где с участками

свободной воды, виднелись на поверхности залива Доббина, а на снегу были замечены медвежьи следы. Туман все еще был очень густ, а потому мы оставались у мыса Наполеона до 10 часов утра, когда широкое пространство свободной воды, случайно замеченное сквозь туман, позволило сделать попытку добраться до мыса Хоукса. Несмотря на туман, мы в конце концов достигли берега вблизи мыса Шотта, всего в 4 милях к северу от мыса Хоукса.

Несколько больших льдин, столпившихся вместе, отрезали нам путь на юг; поэтому мы были вынуждены сделать большой крюк, прежде чем в 2 часа 15 минут пополудни достигли мыса Хоукса. Я послал лодку сержанта Райса к острову Вашингтона-Ирвинга с приказанием осмотреть курган и привезти письменное сообщение, которое могло там находиться. Я велел также Райсу внимательно обследовать состояние льда в южном направлении. Он донес, что курган остался неприкосновенным со времени нашего посещения в 1881 году. «Лед на юге, — сказано у меня в дневнике, — находится в таком состоянии, что всякий хорошо снаряженный корабль мог бы легко пробиться сквозь него. Но если ни один корабль не достиг этого пункта ни в 1882 ни в 1883 году, то для нас всех становится сомнительным, встретим ли мы какую-нибудь помощь в бухте Спасательной лодки. Если мы не найдем там никакой экспедиции, положение наше сделается крайне опасным.

«У нас есть провизия, быть может, на шестьдесят дней, если не считать сахара, и после этого мы будем поставлены в полную зависимость от местных ресурсов, которые имеют весьма ненадежный характер. Однако мы должны, как и до сих пор, делать все, что можем, и даже более того, и не упускать ни одного шанса добраться до островов Кэри».

В самом деле, положение было весьма критическое, так как температура держалась ниже точки замерзания и все время формировался молодой лед. Возможность дальнейшего плавания зависела теперь от двух, в высшей степени сомнительных обстоятельств—во-первых, от повышения температуры, которое могло помешать образованию нового льда, и во-вторых, от сильных

ветров, которые должны были поддерживать старый лед в состоянии непрерывного движения.

И все же с нашими лодками мы уже пробились через 300 с лишним миль почти сплошного пака, счастливо избежали сотни опасностей и достигли надежной гавани, из которой, смотря на юг, в каких-нибудь 50 милях могли бы увидеть утесы мыса Сэбайна.

Тем временем мы не сидели сложа руки. Слой свежевыпавшего снега скрывал знакомые очертания мыса Хоукса, но я скоро нашел бухточку, в которой был устроен английский склад. Он состоял из 170 килограммов стеарина, 6 галлонов [1] рома, 80 килограммов сушеного картофеля, приблизительно 120 килограммов сухарей и 10 галлонов маринованного лука.

Вскрыв боченки с сухарями, мы обнаружили зеленую заплесневелую массу. Мы выбрали из нее все, что только казалось съедобным. Если бы мы находились в менее отчаянном положении, то вероятно выбросили бы все целиком. Бочки и ящики были разбиты на части и взяты на топливо, потому что у нас к этому времени осталась только одна пятая часть первоначального запаса угля. С этим топливом Фредерик считал возможным плыть до острова Литлтона, где имелся угольный склад.

Мы покинули мыс Хоукса 26 августа в 4 часа 25 минут пополудни и плыли к югу параллельно берегу в течение полутора часа, после чего увеличилось количество старого льда, и кроме того повсюду был виден молодой лед. Этот молодой лед чрезвычайно встревожил меня, особенно потому, что ночь обещала быть ясной и холодной. Я решил поэтому, после зрелого размышления, попытаться держать курс прямо на остров Бэч. Лейтенант Локвуд согласился, что это лучший, если не единственный выход из создавшегося положения. Мы успели довольно далеко продвинуться к юго-востоку, но тут нас затерло. Если бы нам удалось добраться до большой пловучей льдины, находившейся в одной миле от нас, — я полагаю, что мы нашли бы воду, пригодную для навигации, вплоть до

---

[1] Англ. мера жидкостей и сыпучих тел = 4,543 литра. *(Прим. ред.)*

мыса Сэбайна. Мы причалили к маленькой льдине в 71 милях от Виктория-хед».

«27 августа. Долгота 75°3'; широта 79°22'. Мы все еще затерты льдом; попрежнему никаких перемен. Весьма возможно, что нас немного отнесло к северо-востоку. Минувшей ночью температура упала до —7,8° С, и оправдались мои худшие опасения на счет молодого льда, который сегодня в иных местах уже может выдержать вес человека. Я устроил треножник высотою 4 метра для наблюдения над проливом. Около 8 часов вечера я созвал людей и объяснил им создавшееся положение. Сказал, что у нас есть значительные шансы спастись, так как еще остался запас топлива для плавания в течение целого дня; в самом худшем случае мы можем ожидать, что за ближайшие тридцать дней нас отнесет течением в пролив Смита, где уже легко добраться до берега. Все находятся в превосходном настроении духа, и я полагаю, что ни один не позволил себе пасть духом».

В следующую ночь температура упала до —10,8° С, но днем под действием солнца поднялась до —1,1° С. К несчастью, небо было ясно, погода тихая, наблюдение над высотою солнца в полдень показало широту 79,23', откуда явствовало, что мы отдрейфовали на 2 мили к северу. На соседней льдине мы нашли лужу пресной воды, что избавляло от необходимости растапливать лед.

Было внесено предложение уменьшить пайки, но я счел это неприемлемым, опасаясь вредного действия на настроение духа и силы людей. В дневнике Брэйнарда значится: «Коннель ходил по новому льду, который теперь имеет 3 дюйма толщины. Наше положение отчаянное. Каждую минуту лед может треснуть у нас под ногами, и тогда море поглотит всю партию. Все же, упражняясь на льду сегодня вечером, люди танцовали и пели так весело, словно находились у себя дома. Они нисколько не трусят перед лицом неизвестности, быть может, голода».

«29 августа. Положение, в сущности, не изменилось. Минимальная температура сегодня ночью —5, 6°С. Весь день стояла тихая погода. Если она продолжится, это будет роковым для всех наших усилий достичь

Виктория-хед и повлечет за собою оставление катера. Единственную возможность выбраться из пака может нам дать только буря, потому что молодой лед все время утолщается. Некоторые из людей мылись в луже на поверхности соседней льдины, но большинство от этого отказалось. Я разрешил сегодня погасить огонь под котлом, так как нужно поберечь наш маленький запас топлива на случай последней крайности».

«30 августа. Израэль определил сегодня широту в полдень — 79°22' сев. шир.; за последние два дня мы отдрейфовали на 1,4 мили к югу, что надо признать ужасно медленным. День погожий и ясный, но слишком холодный. Прошлой ночью термометр показывал —11,2° С; это самая низкая августовская температура, какую я только помню. Составил сегодня опись наших запасов: хлеба 550 килограммов; солонины 93 килограмма; жареной говядины 13 килограммов; английской говядины 8 килограммов; английского бэкона 50 килограммов; вареного бэкона 19 килограммов; американского бэкона 56 килограммов; пеммикана 75 килограммов; пеммикана с корабля «Полярис» 62 килограмма; обыкновенного пеммикана — 84 килограмма; пеммикана Гудзонова залива 50 килограммов, мясного экстракта — 5 банок, экстракта из баранины — 29 банок (каждая банка содержит приблизительно 750 граммов чистого веса); консервированного супа 17 банок; масла 16 килограммов; гороха 58 банок; клюквенного повидла 6 банок; яблок — 6 банок; чая 10 килограммов; соли 2 килограмма; перца 750 граммов; свечей 2 килограмма; сушеного картофеля 84 килограмма; кофе — 6 килограммов; табаку 20 килограммов; стеарина 258 килограммов; рябины 1½ килограмма; лимонного сока 10 галлонов и спирта 40 галлонов.

«Чая и кофе нам хватит на сорок дней, других продуктов на пятьдесят дней, но при желании их можно растянуть и на все шестьдесят. Неизвестно, что за это время может с нами случиться. Коннель утверждает, что видел дым в стороне мыса Сэбайна. Так холодно, что согреться можно только при помощи гимнастики. Видели сегодня песца и трех чаек».

«31 августа. Сегодня утром шел снег, покрывший льдину; наблюдений над солнцем не производилось; судя по берегу, можно предположить, что мы отдрейфовали на 2 или 3 мили к юго-востоку. Люди в общем чувствуют себя хорошо, хотя страдают от холода. Во рту у Ральстона появились признаки цынги, и доктор прописал ему лимонный сок. Я роздал сегодня по ¾ пинты рому на человека; но сам не пил. Очевидно, нам придется провести здесь неопределенно долгое время. Не думаю, чтобы открытая вода еще появилась в этом году, но не хочу говорить об этом людям».

«1 сентября. Широта 79°19', установленная путем наблюдения над солнцем, несколько нас ободрила. В 2 часа пополудни молодой лед сильно растрескался, и немного спустя тяжелые старые льдины двинулись на нас. Пришлось вытащить лодки. Катер был зажат и вытеснен льдом, но выдержал толчок без повреждений. Молодой лед, ставший более хрупким благодаря выпавшему снегу, взломался и засыпал огромными массами осколков края льдин. Повидимому, все это объясняется сильным приливом. Катер оставался над водой до 6 часов пополудни, когда его вновь удалось погрузить до ватерлинии. При первых признаках опасности весь груз был снят во избежание потери провизии и других запасов. Кристиансен и Иенс сегодня утром отправились по льду к северу и убили маленького тюленя, из которого можно приготовить два обеда. Минувшей ночью эскимосы обнаружили присутствие моржей».

«2 сентября. Иенс убил другого тюленя. Я дал ему полпинты рома в награду и обещал делать то же самое каждый раз, когда ему или Кристиансену удастся убить какую-нибудь дичь. Погода тихая и туманная; на востоке и западе льдины теснятся за льдинами.

«Сейчас же после полуночи, лишь только отлив сменился приливом, пак внезапно и резко тронулся с места, и в течение двух часов катер был приподнят над водой. Эти быстрые перемены в состоянии льда показывают, как было бы опасно двинуться вперед. Те, кто еще вчера требовал продолжения плавания, ни-

чего не могут сказать сегодня, когда в виду не осталось ни одной лужи незамерзшей воды. Когда надвинулись льды, лейтенант Локвуд, который теперь один спит в катере, вышел оттуда на короткое время, но затем снова вернулся, предпочитая удобно, хотя и с опасностью для жизни спать в лодке, нежели мерзнуть на льдине. Утром во время отлива лед продолжал плотно стоять около катера, хотя и вскрылся в трех местах. Лейтенант Кислингбэри обсуждал наше положение в присутствии нижних чинов. Он советует двинуться вперед пешком. Так как мы не можем тащить с собою катер, то это должно заставить нас согласиться на его временное оставление, а может быть и окончательную его потерю со всем содержимым. Такой шаг является пока преждевременным».

«3 сентября. Сержант Израэль удачно определил высоту солнца и установил широту, на которой мы находимся: 79°15,6' сев. шир. Срок службы рядового Уислера сегодня закончился, после чего он формально был уволен в отставку. Ни один из наших людей не упал духом во время пребывания на льдине. То, что мы находимся на 79°15,6' сев. шир., их сильно ободрило. Минувшей ночью лед поредел настолько, что катер можно было вновь загрузить до ватерлинии. Я тотчас же спустил лодки в воду и перевел партию на другую, более обширную и более крепкую льдину, на которой мы теперь стоим лагерем. Наша новая льдина имеет 1 милю в длину и 1¼ в ширину, но на ней нет пресной воды. В течение двух последних приливов мы не испытывали давления со стороны льда, и я считаю это благоприятным признаком; возможно, что открытая вода находится где-то к югу, недалеко от нас. Погода остается пасмурной и удручающе тихой. Мои чернила замерзли минувшей ночью. Гардинер сделал превосходный набросок острова Бэч, причем на заднем плане виден мыс Альберта.

«Сегодня после полудня я услышал, что лейтенант Кислингбэри вновь обсуждает с нижними чинами создавшееся положение, резко критикуя мое нежелание двинуться вперед. Я тотчас же прервал его, опасаясь, что подобная критика может повлиять на дисциплину, которая была у нас до сих пор превосходна. Я обра-

тил его внимание на тот факт, что такая критика неприлична офицеру и может повлечь за собою только несогласия, если не хуже. Он заявил, что в своем разговоре отнюдь не имел в виду моих действий».

«В виду Виктория-хед, 4 сентября. Вильям Уислер вновь поступил сегодня на службу в звании рядового. Мы начали подготовку к предстоящему походу. Иенс застрелил маленького тюленя. Фредерик доносит, что наши паруса не могут быть использованы для палаток, и советует устроить теплушку в индейском стиле, рассчитанную на восемнадцать человек. Лодка «Бьюмонт» имеет парусиновый навес, под которым могут устроиться девять человек, так что больные, если таковые окажутся, найдут надежный приют во время похода.

«Теплушка сделана из парусов парового катера, вельбота и баркаса. Большая ледяная гора, дрейфующая по проливу вместе с нами, сегодня утром оказалась несколько ближе; я послал туда лейтенанта Локвуда, Коннеля и Кристиансена, которые с вершины, поднимавшейся метров на 30 над поверхностью воды, увидели несколько каналов во льду в северном направлении, а также в стороне острова Бэч.

«В 9 часов пополудни лед несколько поредел, и одно время казалось, что можно будет достигнуть мыса Альберта. Лодки были немедленно спущены на воду и взяли катер на буксир. Нам удалось продвинуться приблизительно лишь на одну милю к юго-западу, после чего уплотнение пака заставило искать убежища на небольшой льдине поверхностью около 200 квадратных метров».

«5 сентября. Широта 79°09. За два дня мы продвинулись на 7 миль к югу; это обстоятельство всех радует и вместе с тем доказывает, что при данном состоянии пака путешествие с санями было бы не только опасно, но и немыслимо. День солнечный, ясный, тихий, но барометр угрожающе падает. О, если бы ветер задул с севера! Мы вновь начали растапливать лед, потому что нет пресной воды.

Лонг застрелил маленького тюленя, который, с прибавкой половины порции бэкона, даст нам два обеда. Теперь все едят тюленье мясо, хотя всего неделю на-

зад по крайней мере три человека отказывались даже попробовать его. Многие пьют свежую тюленью кровь. Экипаж катера, к которому принадлежу и я, решил отныне спать в нем, предпочитая ночлегу на голой льдине возможную необходимость поспешного перехода на лед в случае бури. Весьма замечательно, как равнодушны сделались мы к опасностям, которые ежедневно или, лучше сказать, ежечасно осаждают нас. Эскимосы и Лонг отправились на охоту. Температура достигла —10,6° С. Вынужденные сидеть неподвижно, мы сильно страдаем от холода».

«6 сентября. 79°0,6' сев. шир. Сильный северо-восточный ветер задул вчера вечером. Сначала мы быстро дрейфовали к югу, но потом стали передвигаться очень медленно, хотя ветер и течение были нам одинаково благоприятны. Отсюда, повидимому, следует, что свободной воды нет на пространстве между нами и южной частью пролива Бьюкенена. Катер невредимо выдержал сегодня давление со стороны льда и только два раза был приподнят на фут или на два выше ватерлинии. Вахтенный разбудил нас, но так как состояние льда не имело ничего угрожающего, все снова улеглись спать. Мы продвинулись всего на 2 или на 3 мили к югу, зато нас довольно сильно отнесло к западу, и мы находимся теперь в 3 милях от берега. День солнечный, ясный и приятный; минимальная температура —6,9° С. Люди приводят в порядок походное снаряжение. Молю бога о ветре, потому что теперь, когда солнце спускается за горизонт, одна ясная, тихая ночь может стать роковой для нашего продвижения в лодках».

«8 сентября. 79°06' сев. шир. Как я и опасался, температура минувшей ночи сделала почти невозможным дальнейшее продвижение в лодках. Она опустилась до —18,2° С; ниже, чем когда бы то ни было в эту пору года. Молодой лед над широкими прогалинами еще не может выдержать тяжесть человека, но не так обстоит дело в других местах, где имеются осколки. Барометр поднимается, и легкий ветер дует на север. Поэтому я решил начать санный поход и дал приказ торопиться с починкой саней. Прошлой ночью в открытой полынье около льдины по-

явился морж. Коннель первый заметил его и выпустил пять пуль, лейтенант Кислингбэри — две и Кристиансен — тоже две, но, повидимому, это не произвело на него никакого впечатления. Крики нескольких других моржей были слышны в течение ночи. Тщательное наблюдение над высотою солнца в полдень показало, что местоположение наше не изменилось.

«Лейтенант Локвуд, сержант Райс, Кристиансен и я взобрались на большую льдину, находящуюся метрах в 400 к востоку от нас. На крайней ее оконечности находится возвышение, достигающее 80 футов. Впереди была видна лишь одна водяная прогалина от 200 до 400 метров шириною, тянувшаяся к югу от мыса Кэмпердона на протяжении одной трети мили. Во всех остальных направлениях сплошной лед. Как общее правило, льдины были прошлогодние, хотя кое-где попадались и многолетние. Эскимосы говорят, что лед в проливе Бьюкенена оставался все лето невзломанным. Я старался установить наилучшую дорогу, которая совпадает с кратчайшим направлением к самой близкой от нас земле, а именно к острову Коккед-хэт,[1] куда мы и направимся в понедельник, если только тем временем в состоянии льда не наступит значительных перемен. Сегодня вечером раздали ром».

«9 сентября. Самая низкая температура минувшей ночи — 13° С, при свежем северном ветре. Наше положение остается неизменным, а молодой лед все утолщается. Сегодня утром я созвал на совещание офицеров, а также сержантов Райса и Брэйнарда. Я объявил им, что если не произойдет какой-нибудь существенной перемены, то я намерен выступить завтра в санный поход по направлению к острову Коккед-хэт, причем мы возьмем с собой две лодки и всю провизию. Я сомневался, стоит ли тащить с собой 150 килограммов стеарина, дробовые ружья и амуницию, но все-таки решился сделать это, хотя дробовики не могли принести нам никакой пользы текущей осенью.

«Я сообщил, что после погрузки саней у нас останется на месте от трех до трех с половиной тысяч ки-

[1] Остров Треуголки.

лограммов клади. Как только мы окажемся на таком расстоянии от твердой земли, что можно будет безопасно разделиться, я пошлю офицера и двух людей на разведки к острову Бревота. Если мы узнаем, что там находятся какие-либо суда, мы можем бросить лишний груз и двинуться вперед налегке, но при существующих обстоятельствах я сомневаюсь, чтобы нам удалось продвигаться скорее, нежели по 2 мили в день. На острове Коккед-хэт я хотел оставить все, за исключением спальных мешков, кухонной утвари и продовольствия на несколько дней, и ускоренным порядком направиться к мысу Сэбайна».

Тут мне пришла мысль постараться достигнуть мыса Сэбайна по движущемуся льду с целью наладить связь с вспомогательным кораблем, появления которого мы все ожидали. Такая попытка, хотя и грозила гибелью смельчаку, могла, однако, спасти партию от великих страданий в будущем и, может быть, даже от смерти.

Итак, я предложил лично произвести этот опыт с помощью сержанта Брэйнарда, который вызвался сопровождать меня. Офицеры возражали против моего участия в этом рискованном предприятии, и хотя не было недостатка в других охотниках, весь план был отвергнут, так как я не хотел подвергать других столь явной и чрезвычайной опасности. Я признал справедливость доводов, высказанных моими офицерами, и с тех пор неизменно оставался всюду последним из целой партии, пока нам не удалось достигнуть твердой земли.

Мы были затерты льдами в течение пятнадцати дней и за это время отдрейфовали к югу на 32 мили; но теперь зимний лед, повидимому, установился, и за последние три дня мы совсем не сдвинулись с места.

К западу от нас, всего в нескольких милях, находились мысы Альберта и Кэмпердона, остров Коккед-хэт лежал всего в 11 милях. Было совершенно очевидно, что пришло время променять лодки на сани и, оставив политику терпеливого выжидания, перейти к энергичным действиям.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

НА ШТУРМ БЕРЕГА.—НОВОСТИ О „ПРОТЕЕ".—СОБИРАНИЕ ЗАПАСОВ.—ПОХОД НА ОСТРОВ ИЗАБЕЛЛЫ

«10 сентября. Свежий северовосточный ветер с легким снегом удерживал нас на месте все утро, но позднее погода чуть-чуть прояснилась, и мы тронулись в путь в 1 час 45 минут пополудни. Я с тринадцатью людьми тянул большие сани, на которых находилась лодка «Доблестный» и 300 килограммов всякой другой клади; лейтенант Кислингбэри тянул 350 килограммов в санях, в которые впряглись шесть человек, и сержант Джюэль — около 200 килограммов с тремя людьми. Эти последние сани сломались вскоре после выступления, и их пришлось бросить. Сани-шестерка сломались невдалеке от лагеря, их оттянули обратно к катеру для починки, и позднее они доставили на место свой груз. Тогда я вернулся с большими санями за вельботом и вторыми 300 килограммами. Позднее те же сани доставили груз сломанных малых саней, и, наконец, в 7 часов 15 минут пополудни партия расположилась лагерем.

«Чтобы продвинуться на одну милю с четвертью в сторону острова Коккед-хэт, нам пришлось в общей сложности пройти до 10 миль взад и вперед, а на долю некоторых из нас достались и все 15. После того, как

первая часть клади была доставлена на место, пошел крупный снег, сделавший путешествие весьма неприятным. Только 19 человек, считая в том числе офицеров, вернулись за третьей партией груза.

«Офицеры по моему примеру взялись за лямки, хотя никто этого от них не требовал. Каждый тянул с величайшей энергией, и тяжелая работа, начавшаяся после долгого бездействия, потребовала крайнего напряжения сил. Что касается меня лично, то я совершенно разбит физически, не говоря уже о душевной тревоге как за настоящее, так и за будущее».

«11 сентября. Прошлой ночью мы стояли лагерем на многолетней льдине, где имелась лужа пресной воды, покрытая молодым льдом толщиною в 6 дюймов. Нам повезло и в сегодняшнюю ночь, так что мы могли сберечь время и топливо. Иенс сделался нашим искателем пресной воды, и лишь только мы начинаем устраивать лагерь, он отправляется бродить по окрестностям с багром в руках и, шаря по глубокому мягкому снегу, быстро находит смерзшийся пресный кусок на поверхности многолетней льдины.

«Сегодня утром шел мягкий снег, и погода была туманная; поэтому я велел людям оставаться в мешках, пока немного не прояснится. В 8 часов утра уже можно было различить вдали остров Коккед-хэт, и в 8 часов 40 минут «Доблестный» двинулся вперед, а за ним последовали сани-шестерка. Мы располагаемся для стоянки следующим образом: лейтенант Локвуд, д-р Пэви и я с семью людьми спим на льду, прикрывшись парусом; лейтенант Кислингбэри с шестью другими — в вельботе; сержант Брэйнард и еще шесть человек в «Доблестном». В лодках помещаются самые слабые, потому что ночевать там гораздо удобнее, нежели на льдине. Сегодня утром я видел большого ворона. Хотя крупный снег пошел тотчас же, после того как мы двинулись в путь, нам все же удалось пройти добрую милю. Теперь мы стоим лагерем на очень большой многолетней льдине, которая тянется к юго-западу мили на 2 вплоть до огромной ледяной горы. Сегодня утром в течение трех часов снег покрыл поверхность льда толщиною до одного дюйма. Все сделали по два перехода, а пятнадцать человек, считая в том числе

Оставление катера „Лэди Грили“.

лейтенанта Локвуда и д-ра Пэви, вернулись на стоянку третий раз за последней партией груза, которая оказалась тяжелее, чем они рассчитывали, и потому потребовала больше времени на доставку, нежели две первые. После прибытия последней партии груза выданы были горячий чай и похлебка. Позднее д-р Пэви и сержант Брэйнард отправились к большой ледяной горе, находившейся милях в 2 впереди нас, и принесли оттуда очень неутешительные вести. По направлению к острову Коккед-хэт молодой лед тянется на расстояние от 200 до 400 метров, затем поднимаются завалы из ледяных обломков. Пэви и Брэйнард предполагают, что гора села на мель и помешала льду двигаться к югу. Давление на гору должно было быть колоссальным во время последней бури, потому что осколки льдин нагромождены валами от 20 до 25 метров.

«Д-р Пэви и сержант Брэйнард видели несколько моржей на поверхности молодого льда, и кроме того им показалось, будто они слышали собачий лай. Это пробудило слабую надежду в наших сердцах, но, выстрелив несколько раз из ружей, мы решили, что наши товарищи ошиблись».

«12 сентября. 78°59' сев. шир. Сегодня я решил обследовать дорогу перед выступлением и потому послал д-ра Пэви к юго-востоку, а лейтенанта Кислингбэри к юго-западу. Тем временем люди постарались просушить спальные мешки и одежду. Прошлой ночью лед под нами в теплушке растаял, и вода проникла в мешки. Обе разведочные партии вернулись в 1 час 25 минут пополудни. Лейтенант Кислингбэри принес очень неутешительные сведения о состоянии льда на юго-западе. Д-р Пэви и сержант Райс сообщили, что на юго-востоке имеется хотя и трудная, но все же доступная дорога, и мы тотчас же тронулись. Когда уже все было готово для выступления, три офицера и два сержанта подошли ко мне и настойчиво советовали бросить вельбот, который мог сломать сани и тем поставить нас в очень опасное положение. Я немедленно согласился, потому что с самого начала полагал, что следует взять с собою только одну лодку. На мачте вельбота повешен наш национальный флаг, а внутри его положено письменное сообщение. Сегодня были

замечены медвежьи следы и многочисленные тюленьи лунки на поверхности молодого льда. Мы пустились в путь в 2 часа 10 минут пополудни и нашли целый ряд маленьких озер на поверхности обширной многолетней льдины, что чрезвычайно облегчило путешествие и позволило в 3 часа 30 минут достигнуть окраины ледяного поля, хотя д-р Пэви и сержант Брэйнард полагали, что на это потребуется не менее двух дней. Далее простиралась полоса нового льда, местами усыпанная рудами осколков и прорезанная узкими каналами открытой воды, что заставило нас расположиться лагерем. Вторая партия груза была очень тяжела, но мы доставили ее на место за один час с четвертью. Все работали у лямок, за исключением нескольких человек, которых я отрядил для стряпни. Мы продвинулись на 2 добрых мили далее к югу. Благодаря очень дурному состоянию льда впереди нас, нам придется разделить завтра груз на две, а может быть и на три части. Мы израсходовали последние запасы сахара. Ром теперь выдается после каждого дневного перехода».

«13 сентября. Сегодня ночью я поставил часового, потому что по соседству были замечены свежие медвежьи следы. Отсутствие вельбота лишило убежища на ночь сержанта Райса и его товарищей. Теперь они спят в санях. Мы выступили в 7 часов 30 минут утра. Дорога через ледяные осколки, сглаженная вчера вечером топорами, все же продолжала быть очень трудной, местами даже опасной, так что груз пришлось разделить на три части. Большие сани ломались дважды, ничего при этом, к счастью, не повредив, благодаря решительности сержанта Райса и той быстроте, с которой люди слушались его указаний. Доставка первой партии груза закончилась в 9 часов 30 минут утра, второй — в 12 часов 30 минут и последней в 3 часа 15 минут пополудни. Если присоединить сюда устройство лагеря, мы провели на ногах от двенадцати до тринадцати часов, все время занимаясь самой тяжелой работой, какую только может выдержать человек. Видели несколько тюленей, пробивающих молодой лед, а Брэйнард вновь заметил свежие медвежьи следы. Расстояние, отделяющее нас

от острова Коккед-хэт, одни определяют в 4 мили, а другие в 10. По моему мнению, осталось еще миль 8».

«14 сентября. В 5 часов утра я разбудил поваров. Температура, достигавшая вечером —10,6° С, поднялась к утру до —7,2°. Мы продвинули сегодня весь груз в два приема, но в результате поломки саней лейтенанта Кислингбэри окончательно удалось расположиться лагерем лишь в 5 часов пополудни.

«Слабое освещение вызвало весьма бедственные последствия, потому что за последние 5 дней многие наши люди получили серьезные ушибы. Когда предметы не отбрасывают теней, передвигаться бывает почти так же трудно, как в глубочайшей тьме. При самом напряженном внимании вы не можете определить, куда приведет вас ближайший шаг — к подъему, к спуску или к крутому обрыву. Это обстоятельство, быть может, было всего мучительнее для сержанта Брэйнарда, который отыскивает для нас дорогу и потому вынужден передвигаться возможно быстрее. Несколько последовательных болезненных падений совершенно деморализуют человека и заставляют его сомневаться в показаниях собственных чувств.

«Брэйнард сегодня видел тюленя, а Гардинер — прошлой ночью песца. Пока тянули вторую партию груза, сержант Израэль оставался в лагере, но только в час пополудни ему удалось определить широту, которая равняется 78°54'. Сегодня в половине четвертого пополудни мы, к нашему прискорбию, заметили, что лед заметно движется к северо-востоку, гонимый от берега сильным юговосточным ветром, который все крепчал и отнес нас за три часа к северу дальше, чем мы могли бы продвинуться к югу за равное число дней.

«Весьма естественно, что вечер прошел в угрюмом и подавленном настроении, но меня, сверх того, тревожил и огорчал образ действий д-ра Пэви, который не только говорил сержанту Брэйнарду, что мои приказания относительно выбора пути могут погубить партию, но вдобавок старался распространить недовольство среди нижних чинов, утверждая, будто только в результате его увещаний я решил не оставаться на зиму в форте Конгера. Подобный план, шедший в раз-

рез с полученными мною инструкциями, никогда не намечался и не мог намечаться, за исключением того случая, если бы внешние условия сделали наше отступление совершенно немыслимым. Вызывающее поведение д-ра Пэви могло бы оправдать самые крайние меры, но все же я решил воздержаться от них, рассчитывая на преданность и дисциплину партии. Я не хочу лишать нас медицинской помощи, которая станет в высшей степени необходимой, если мы не встретим спасательной экспедиции».

«15 сентября. Наблюдение, произведенное сегодня сержантом Израэлем, показало широту 79°1,8'. Это совсем обескуражило нас, ибо отсюда следует, что теперь мы находимся в одной миле к северу от того пункта, где оставили паровой катер. Югозападный ветер продолжался, хотя и с меньшей силой, и температура поднялась до —3,3° С. Мы упорно дрейфуем к северо-востоку и находимся в 12 или 15 милях восточнее мыса Альберта.

«Позднее. Согласно расчетам сержанта Израэля, мы сегодня вечером находились в 17 милях к северо-востоку от острова Коккед-хэт по меридиану острова Литлтона. Температура понялась до 1,2° С, и тающий лед в теплушке промочил спальные мешки почти насквозь. Д-р Пэви перенес свой мешок из теплушки в сани, где он чувствует себя гораздо удобнее. Прекрасный, ясный день с температурой —6,7° С в час пополудни. Наша широта в полдень — 79°, иначе говоря, мы продвинулись на одну милю к югу со вчерашнего дня. Д-р Пэви настаивал на немедленном выступлении к юго-западу, но остальные офицеры согласились со мною, что гораздо лучше спокойно оставаться на месте, сократив паек на одну четверть, в ожидании, пока выяснится направление дрейфа и будут обследованы дороги, ведущие в разные стороны. Я послал лейтенанта Локвуда на юго-восток, а сержанта Райса с Кристиансеном на юго-запад осмотреть состояние льда. Лейтенант Локвуд, вернувшись, сообщил, что имеется хорошая дорога и твердый лед на пространстве 2—3 миль к юго-востоку по направлению к Гренландии. Движение льда, во время бури и после нее, чрезвычайно осложнилось. Мы теперь находимся

на обширной льдине, неизвестных размеров, которая с 5 часов пополудни вчерашнего дня медленно вращается, так что за это время изменила свое положение на 180°. По моему мнению, с которым спорят все остальные, за исключением лейтенанта Локвуда, остающегося в нерешительности, нам следует двинуться в сторону Гренландского берега. У мыса Сэбайна различные трудности еще только начнутся для нас. В настоящее время мы находимся в 30 милях от Гренландии и в 19 от мыса Сэйбана, но если расстояние длиннее, зато цель совершенно определенна.

«Райс и Кристиансен донесли, что всякая возможность продвижения к югу и к юго-западу исключена, и теперь мы ждем, когда определится направление дрейфа. Вращение нашей льдины все еще продолжается, и продвижение в любом направлении может нас унести после тяжелой целодневной работы на соответственное расстояние не к югу, а к северу.

«Мы имеем теперь около 500 килограммов мяса, 350 килограммов хлеба, 75 килограммов картофеля, 6 килограммов чая, 200 килограммов стеарина, соответственное количество спирта и других продуктов; коротко говоря, продовольствия хватит на сорок дней, а за это время многое может произойти. Около 9 часов вечера Иенс и Кристиансен застрелили каждый по тюленю. Оба они с большим удовольствием получили свою порцию рома, и лейтенант Локвуд рассказывал, что Кристиансен вернулся к себе в лодку, насвистывая в пустую патронную гильзу».

«17 сентября. Погода ужасно холодная для людей, вынужденных оставаться в неподвижности; минимальная температура истекшей ночи —16,4° С; в 7 часов утра —15° С. Тихо и ясно. Утром Кристиансен снова убил тюленя. Сегодня день рождения рядового Уислера, и по этому случаю на завтрак был подан кофе, а к ленчу — наша последняя брусника. Может показаться пошлостью подобное празднование при создавшихся обстоятельствах, но я полагаю, что это хорошо действует на настроение наших людей. Сержант Израэль произвел в полдень наблюдения над высотою солнца, определив широту 78° 56 С. За один день мы отдрейфовали на 3 мили к западу и прибли-

зительно на 4 мили к югу. Это направление дрейфа заставляет меня отказаться от намерения достичь Гренландского берега, и мы выступаем сегодня к Земле Эллесмира. Наша льдина продолжает вращаться в направлении противоположном движению часовой стрелки и уже повернулась на 200°. Мы выступили в час пополудни и после девяти часов тяжелого похода успели пройти около 2¼ миль в югозападном направлении. Стоит отметить, что мы пришли с северо-востока в наш старый лагерь, из которого недавно выступили к юго-западу, причем, благодаря вращению льда, мы следовали той же самой дорогой и по тому самому льду, по которому уже ступали однажды. Сегодняшний путь, в общем, был превосходен, но последняя его часть была очень трудна из-за глубокого снега. Мы забрались в мешки в 10 часов вечера, истомленные муками этого дня. Земля, повидимому, совсем близко; некоторые говорят—в 3 или 4 милях но, должно быть, она вдвое дальше. Не желая обескураживать людей, которые, к счастью, настроены довольно бодро, я велел астроному сообщать наше истинное местоположение лишь мне одному. Сегодня замечено несколько медвежьих следов.

«Я оставил все, чем можно было пожертвовать и что не имело жизненно важного значения, в общем 50 килограммов; однако, все-таки нам надо тянуть за собой 300 килограммов груза, что можно сделать только в два приема. Мы взяли с собой подзорную трубу и морской бинокль, все винтовки, один дробовик, все патроны, записи, инструменты, пищу, топливо и необходимую одежду».

«18 сентября. Я разбудил поваров в 5 часов утра; выступили в 7 часов 45 минут и расположились лагерем в 9 часов вечера; в пути сделали только один короткий привал, чтобы напиться чаю. Работа имела чрезвычайно напряженный характер, ибо мы понимали, что положение отчаянное: лед двигался к востоку и грозил протащить нас мимо мыса Сэбайна. Мы переправились через пять полыней, причем лодку приходилось нагружать три раза. Так как лед находился теперь в движении, то разделять партию на части чрезвычайно опасно, но тем не менее это было безусловно не-

обходимо для продвижения вперед. Двое или трое из нижних чинов одновременно начали жаловаться, что их оставляют последними при переправе, но я сделал им выговор, указав, что они остаются последними лишь в порядке очереди, а отнюдь не постоянно. Что касается меня, то я при подобных обстоятельствах неизменно входил в лодку последним. Сегодня Райс провалился сквозь молодой лед и совершенно промок. Я уступил ему мое белье, которое было заменено другой сухой одеждой, когда подошла партия. Когда мы пили чай в 7 часов вечера, то находились на северной оконечности большой многолетней льдины; люди были сильно утомлены, однако все понимали, как важно скорее добраться до берега, и потому шли вперед еще в течение двух часов, расположившись на стоянку у югозападной оконечности той же льдины, приблизительно в 4 милях от земли. В это время наступила темнота, которая при наличии открытой впереди воды и движущегося льда вынудила нас остановиться. Почти все, кроме меня, лейтенанта Локвуда, сержантов Брэйнарда и Райса, сильно заблуждаются насчет расстояния, отделяющего нас от берега, который кажется совсем близким. Сегодня в полдень сержант Израэль установил широту 78°50,3', причем остров Коккед-хэт находится все еще к югу от нас; отсюда следует, что до Сэбайна осталось по меньшей мере 6 миль и, конечно, не меньше 4½ миль до ближайшей земли. Люди так изнурены, что не пожелали раскинуть теплушку и бо́льшая часть заснула на голой льдине».

«19 сентября. Печальный, злополучный день! Вскоре после полуночи югозападный ветер стал крепчать и усилился к 7 часам утра до такой степени, что я приказал подать людям пеммикан и воду в спальные мешки, вместо того чтобы поднимать их на ноги для обычного завтрака. То же самое было сделано за ужином. Ветер был так резок, что сержанту Израэлю не удалось произвести в полдень определения широты, хотя мы слишком ясно понимали, что нас вторично уносит на середину бассейна Кэна. В 6 часов пополудни мыс Изабеллы и западное побережье стали явственно видимы, откуда следовало, что мы отдрейфовали на 4 мили к востоку. Мыс и окружающая его

местность появились быстро и внезапно, лишь только упал прилив, уносивший нас к югу. В 5 часов пополудни, по приблизительному подсчету, мы находились на 78°52' или 53', в 12 или 14 милях восточнее мыса Сэбайна. Тут я созвал офицеров и двух сержантов и просил их высказаться относительно будущего образа действий. Они единогласно заявили, что есть шансы достигнуть западного берега, если нас пронесет мимо мыса Сэбайна. Я со своей стороны высказал мнение, что лучше бросить все, за исключением 1000 килограммов отборного груза и пуститься через движущийся лед к Гренландскому берегу, находящемуся в 25 милях от нас. Я указал, что только со стороны Гренландии можем мы ожидать помощи, ибо в то время, когда мы находились в 4 милях от мыса Сэбайна, не было заметно ни малейших признаков, указывающих на присутствие там какой-либо экспедиции. Однако все советовали не трогаться с места, пока льдина находится на дрейфе, и ожидать благоприятных возможностей. Я ответил, что считаю всякую проволочку опасной, но, подчиняясь мнению большинства, согласен подождать до завтра, когда полуденное наблюдение поможет нам определить направление дрейфа. Я обратил также внимание собравшихся на постоянную критику, которую вызывают мои действия и которая, насколько я знаю, ни с чьей стороны не встречает отпора. Это замечание не относилось к лейтенанту Локвуду, сержанту Брэйнарду и вообще ни к одному из лиц, спавших в теплушке, но исключительно к другому отряду. Д-р Пэви в ответ начал очень враждебно критиковать мой отказ направиться к мысу Бреворта прошлой ночью, когда он и лейтенант Кислингбэри советовали сделать это. Я тотчас же прервал его. Если б я послушался тогда их совета, он и лейтенант Кислингбэри с несколькими другими и первой партией груза достигли бы острова Бреворта, в то время как все остальные остались бы на льдине, которую буря уже начала относить от берега».

Положение в то утро описано в дневнике Брэйнарда следующим образом: «Наши спальные мешки полны снега и промокли от брызг, рассыпаемых огромными волнами, которые ударяются в южную

оконечность льдины. Так как ничего нельзя делать, мы провели весь день в мешках, слушая рев волн и вой ветра и размышляя о нашем беспомощном положении».

«20 сентября. День рождения сержанта Джюэля, в честь которого к завтраку был подан кофе. Я выдал немного сахара Джюэлю и Уислеру и сохранил оставшийся маленький запас на всякий случай.

«Сегодня после полудня Кристиансен убил большого тюленя-хохлача (*Cystophora cristata*), весящего, вероятно, около 325 килограммов. Эскимос был чрезвычайно обрадован своим успехом, потому что, по его словам, тюлени этой породы редко попадаются у Гренландского берега. Густой туман, по временам сопровождавшийся снегом, помешал сегодня двинуться вперед и не дал даже возможности определить наше местоположение. Я непременно приказал бы выступить, если бы можно было различить землю в каком бы то ни было направлении. Вокруг льдины было сегодня много воды, и лед явственно поредел, но температура опустилась минувшей ночью до —11,7° С и у краев льдины формируется молодой лед. В разрыве тумана показался на несколько минут клочок какой-то земли, которую мы приняли за остров Бреворта. Снег, туман, холод, голод в соединении с душевным беспокойством заставляют нас сильно страдать; но — странное дело — настроение у нас бодрое».

«21 сентября. Иенс застрелил сегодня четырех маленьких тюленей, из которых трех удалось подобрать. Мы стряпаем теперь на стеарине, и рядовому Бэндеру сделалось в теплушке дурно от стеаринового дыма. Прошлой ночью я перевел его в лодку «Бьюмонт» на место Коннеля, который, было, заспорил, не желая променять сухую, удобную лодку на голый лед. Сегодня вечером Коннель захворал поносом, поэтому я отослал его обратно, а капрала Сэлора взял в теплушку. Целый день шел снег, насквозь промочивший все мешки в теплушке. Я чувствую себя чрезвычайно неудобно, но Кроссу и эскимосам приходится еще хуже. Партия сержанта Райса, которая, с тех пор как мы оставили вельбот, спит в санях, провела очень

скверную ночь. Сегодня они построили ледяное убежище, которое, по крайней мере, будет защищать их от снега. Я предложил им перейти в теплушку, но они отказались, так как это мало улучшило бы их положение, а нас заставило бы страдать еще больше из-за тесноты. Лейтенант Кислингбэри и другие, которые спят в лодке, совсем не мокнут и чувствуют себя удобно. Температура достигла —3,1° С. Сержант Кросс несколько дней назад слегка обморозил ногу. Сегодня его положение ухудшилось. Доктор жалуется, что Кросс не желает принимать самых обыкновенных мер предосторожности. Тюленья кровь в большом спросе; кое-кто пробовал есть тюленью печень и находит ее приемлемой».

«22 сентября. По приблизительному подсчету сержанта Израэля мы находились сегодня прямо к северу против Кэри-пойта на 78°54' сев. шир., а согласно полученному наблюдению, которое было очень неточно, так как солнце стоит теперь слишком низко, широта равняется 78°52,6'. Брошенный нами вельбот был сегодня утром замечен на льдине в двух милях к юго-западу, и это вызвало величайшее возбуждение. Сержант Райс с восемью людьми пробовал добраться до него, но ему не удалось подойти ближе, чем на 200 метров. Согласно опытам, произведенным сегодня, можно считать установленным, что наша лодка способна выдержать всю партию из двадцати пяти человек и принять сверх того еще 400 килограммов багажа при условии тихой погоды и спокойной воды. Иенс подстрелил большого тюленя, но тот сейчас же нырнул в глубину. Двое из наших людей заболели поносом — от тюленьего жира, по мнению доктора. Я теперь даю им солонину вместо тюленьего мяса. Почти все спальные мешки промокли насквозь. Поэтому мы перенесли теплушку на другое место и сделали частично удавшуюся попытку высушить одежду. Из всей партии нам живется, конечно, всего неудобнее, потому что команда Райса чувствует себя совсем недурно в своем ледяном домике, а еще лучше людям лейтенанта Кислингбэри в «Бьюмонте».

«23 сентября. В течение минувшей ночи шел снег при сильном ветре. Нас вновь отнесло совсем

близко к земле Эллесмира. Вчера мы находились в 21 миле расстояния от Кэри-пойнта и в 15 от мыса Сэбайна, но сегодня всего 9 миль отделяют нас от суши, причем расстояние одинаково от Сэбайна и от острова Коккед-хэт. Неприятный, бурный день с холодным северовосточным ветром при температуре—13,3° С, так что мы сильно страдаем от вынужденного бездействия. Люди, захворавшие вчера, сегодня чувствуют себя лучше; всем нам, однако, очень скверно, а что касается меня лично, то я вдобавок сильно порезал себе руку о кусок острого льда. Раздача рома, произведенная сегодня несмотря на отсутствие работы, несколько облегчила наши печали и была для всех очень полезна».

«24 сентября. В 4 часа 30 минут утра задул югозападный ветер, сменившийся на северный, а затем на северовосточный. Температура упала до —15,6° С. Я разбудил поваров в 6 часов 30 минут утра, но завтрак не был готов и через два часа. Так как впереди появился небольшой участок свободной воды, я послал сержанта Райса поглядеть, не окажется ли он доступным для нашей лодки. Он доложил, что мы можем добраться до льдины, которую уже посещали в субботу, но что было бы не безопасно расположиться на ней лагерем. Затем сержант Брэйнард вместе со Шнейдером был послан выяснить, нет ли возможности двинуться к западу по дороге, которую д-р Пэви считал вполне подходящей. Оба донесли, что это немыслимо. Тогда д-р Пэви начал бранить Шнейдера, и я вынужден был вмешаться. Я чувствовал, однако, как важно нам тронуться с места, и, несмотря на все эти обескураживающие известия, послал лейтенанта Локвуда и Брэйнарда с семью людьми в лодке на дальнейшие разведки. Они вновь посетили упомянутую выше льдину и две других, которые оказались состоящими из прошлогоднего льда, так что по ним нельзя продвигаться с каким-либо грузом».

«25 сентября. Я разбудил поваров в 4 часа 30 минут утра, но мы не могли тронуться в путь из-за северовосточного ветра со снегом при температуре —12,2° С. Около часа пополудни давление двух больших льдин раскололо нашу льдину на две части, после

чего мы остались на сравнительно небольшом обломке площадью от 8000 до 12000 кв. метров. Главная льдина отплыла раньше, чем мы успели перебраться на нее. Теперь наше положение становится чрезвычайно критическим, так как час тому назад задул северозападный ветер, постепенно усилившийся, и нас медленно, но неудержимо относит от берега к средней части пролива Смита. Теперь (4 часа пополудни) мы находимся приблизительно в 3 милях от острова Бреворта. Несколько человек из нашей партии страдают поносом, а Кросс рапортует, что обморозил вторую ногу и теперь уже неспособен тянуть сани.

«Позднее. В 6 часов вечера ветер перешел в сильный северозападный шторм. В 10 часов наступила совершенная темнота, но так как шторм усиливался и можно было ожидать совершенного разрушения льдины, я поставил вахтенного, поручив ему следить за нашим дрейфом к юго-востоку, чтобы мы могли высадиться на острове Бреворта, если только ветер прекратится к рассвету».

«26 сентября. В 8 часов утра мы находились в нескольких милях к востоку от острова Шталькнехта и быстро дрейфовали к югу. Д-р Пэви полагает, что надо все-таки сделать что-нибудь, чтобы достигнуть берега. Хотя я не согласен с ним, но послал Райса и Шнейдера, самых опытных моряков нашей партии, осмотреть состояние воды на западе; они донесли, что море покрыто маленькими полыньями, на которые немыслимо спустить лодку, и что огромные волны ударяются о нашу льдину, не позволяя подойти ближе чем на 5 метров к ее краям.

«Лейтенанты Локвуд и Кислингбэри и пять нижних чинов хворают поносом; после совещания с доктором я решил перевести людей на солонину».

«28 сентября. 8 часов утра. Мы так страдали от холода, что я был решительно не в силах вести запись событий, начиная с 26 сентября. Я заканчивал мои заметки, относящиеся к этому дню, когда ветер вдруг усилился, вызывая такие столкновения между тяжелыми льдинами, что нет слов описать это. Наша льдина имела в толщину от 12 до 16 метров; однако, под бурным напором окружающих льдов она вертелась и

ломалась, словно мел. На окраинах этих огромных ледяных масс, громоздившихся одна на другую с грозным рычанием и почти непобедимой силой, скопились тысячи тонн разбитого льда, имевшего форму неправильных насыпей. Легкая перемена направления — и две льдины расходятся, тогда как гора колотого льда падает в море, причем ледяной барьер высотою от 3 до 6 метров остается на краю каждой льдины.

«В тот самый момент, когда команда вельбота покинула по моему приказанию снежную хижину, один из этих беспрестанно повторяющихся ударов с необыкновенной силой вновь расколол нашу льдину, образовав широкую трещину, которая поглотила часть только-что оставленного убежища. В то время как мы поспешно убирали теплушку, узкая щель раскрылась у нас под ногами. К счастью, в это время другая огромная льдина надвинулась с севера на нашу льдину, от которой она была отделена 16—17 метрами мелкого колотого льда, и это давление не позволило трещине расшириться. Малейшее движение одной из льдин могло разделить осколки, после чего море поглотило бы все, находящееся на их поверхности. Это был очень рискованный переход, о котором нельзя было бы и думать при других обстоятельствах, но теперь это было единственным средством спасения. С изумительной быстротой лодка, сани и провизия были перенесены через зияющую расщелину; как только последний человек перебрался через осколки, лед двинулся и один из людей едва не утонул, потому что уменьшение давления снова разредило пак.

«Наше положение на новой льдине было печально до последней степени, ибо хотя температура держалась около —9° С, все же северозападный ветер, дувший со скоростью приблизительно 50 миль в час, не только заморозил нас до костей, но и наполнил воздух летящим снегом, проникавшим, казалось, сквозь нашу одежду. Мы нашли, насколько это было возможно, укрытое место для нового лагеря позади высоких ледяных холмов с голубыми вершинами. Команда вельбота разостлала в санях свои спальные мешки и накрылась парусом. 26 сентября люди еще явились ужинать к нам в теплушку, но с этого времени (в те-

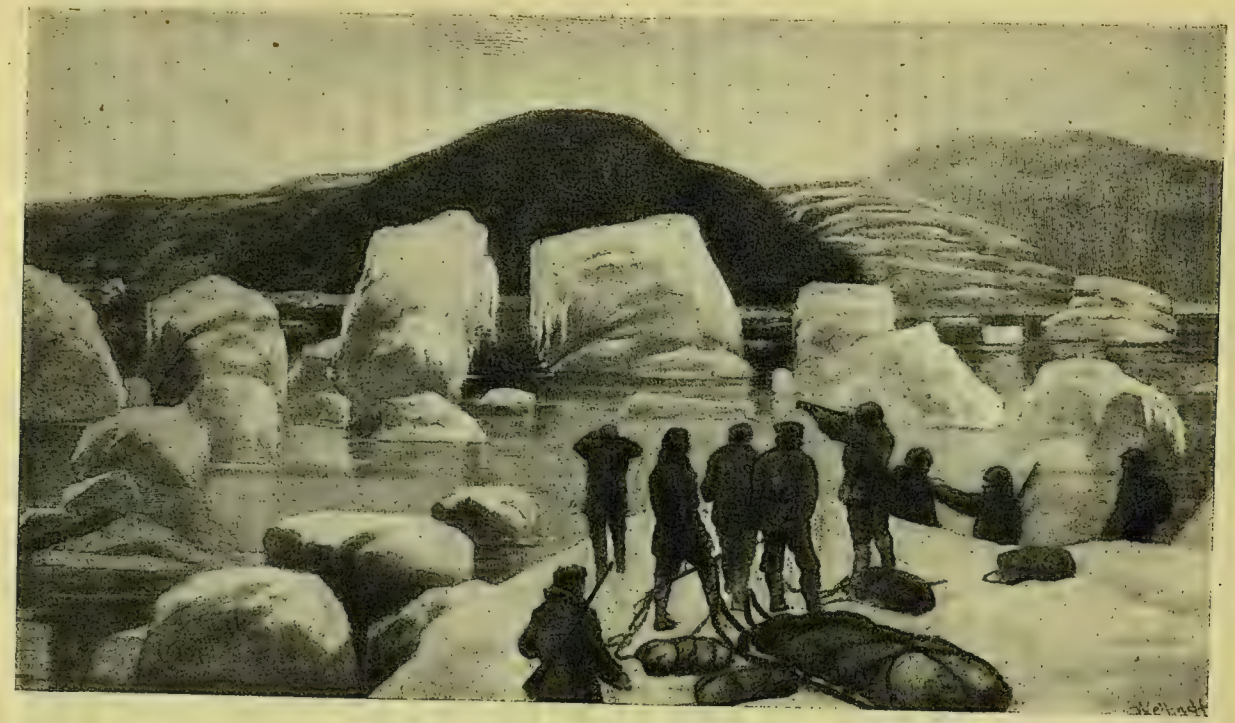
чение сорока часов) оставались в мешках, довольствуясь вместо всякой другой пищи маленьким куском пеммикана и ромом. Ветер и буран продолжались с неослабевающей силой весь день 27 сентября. Так как утром невозможно было начать стряпню, то небольшое количество замороженного пеммикана было роздано людям, не покидавшим мешков. Поздно вечером удалось с большими трудностями сварить ужин, а тем временем снег, заполнивший теплушку и покрывший мешки, был выброшен наружу. Приготовление пищи в теплушке так повышает температуру, что, к великому нашему неудобству, все спальные мешки промокли насквозь.

«Судя по всем признакам, нас занесло в маленький пролив Бэрда, и мы продвинулись не более как на одну милю к юго-западу, считая со вчерашнего утра. Должно быть, пролив густо забит паком в стороне Гренландии, потому что сильный северозападный ветер относит нас к юго-западу. На западе видно широкое пространство свободной воды между нами и большой льдиной, до которой нам во что бы то ни стало надо добраться, лишь только позволит ветер. Сержант Райс ушел по моему приказу следить за состоянием моря и должен донести, когда уровень его понизится настолько, чтобы можно было переправиться без серьезной опасности.

«Позднее. Когда сержант Райс донес, что уровень моря понизился и можно переправиться с небольшими количествами груза, я немедленно передвинул всю партию и часть запасов к краю льдины, а Райса с нашими лучшими моряками послал на соседнюю льдину. Тем временем море сделалось столь бурным и ветер так усилился, что переправиться удалось только в четыре приема. Мы находились теперь на большой льдине, столь удобной для передвижения, что нам удалось за один раз перенести весь груз кроме лодки на следующую льдину, которая, повидимому, прочно удерживается на месте сидящей на мели ледяной горой. Мы чувствуем, что чудесное спасение наше от дрейфа в Баффинов залив и от неминуемой смерти надо приписать непосредственному вмешательству провидения. Продвинуться в тот день далее нам

помешал молодой лед, находившийся впереди. Вся партия была слишком измучена, чтобы прорубать в нем канал. С большой неохотой я был вынужден на сегодняшнюю ночь оставить лодку в 2 милях позади, у восточного края большой льдины. Мы работали весь день с необычайной энергией, и это служит ручательством, что нам во всяком случае удастся достигнуть берега. Если льдина, где мы теперь стоим лагерем, сдвинется, я со всей партией буду искать убежища на большой ледяной горе, у подножия которой мы расположились. Земля, к которой мы стремимся, имеет вид крутого, высокого и скалистого острова, покрытого глетчерами и снегом. Лишь только мы достигли неподвижной льдины и оказались в безопасности, я послал обоих эскимосов на охоту. Они видели нескольких тюленей, полдюжины моржей и следы медведя; хотя они не принесли никакой дичи, все же мы с надеждой смотрим в будущее».

«29 сентября. Я разбудил поваров в 4 часа 30 минут утра и тотчас же выслал вперед сержанта Брэйнарда, приказав ему, если будет возможно, добраться до твердой земли и затем вернуться обратно той же дорогой. Земля находится едва ли в одной миле расстояния от нашего теперешнего лагеря. Вскоре сержант вернулся и донес, что он прошел вперед приблизительно одну милю и натолкнулся на полынью, к которой примыкал молодой лед, не могущий выдержать тяжести саней. Я немедленно послал всю партию назад за лодкой. После завтрака мы двинулись по направлению к земле. Нам пришлось переправляться через две полыньи, и лишь после этого мы имели счастье добраться до плотного льда, примыкавшего к твердой земле, которая находилась менее, чем в 3 милях от нашего лагеря. Лейтенант Локвуд командовал первой партией и достиг земли в 5 часов 20 минут пополудни, тогда как я переправился последним. Берег, на который мы вышли, представляет собою часть материка, хотя до сих пор мы полагали, что это остров Локонта. Вчера мы видели двух уток и ворона, а также много моржей. Я послал эскимосов на охоту, но им не повезло, и они ничего не убили, хотя Иенс успел ранить моржа, лежавшего на льду. Люди совершенно



Выход на сушу. 29 сентября 1883 г.

изнурены трудами и усилиями, выпавшими на их долю после бури. Та часть берега, на которой мы теперь находимся, состоит из обломков гранитной скалы, нагроможденных друг на друга; но все же это твердая земля, и все радуются, чувствуя ее вновь под ногами. Прибрежного льда здесь нет вовсе, и передвигаться можно только по замерзшему морю. Чтобы добраться сюда из форта Конгера, нам пришлось проплыть 400 миль в лодках и пройти более 100 миль при помощи лодки и саней; бо́льшая часть этого пути совершалась в обстановке таких опасностей, которые явились бы серьезнейшим испытанием для мужества, хладнокровия и выносливости чинов любой экспедиции и для способностей ее начальника».

«30 сентября. Вчера вечером эскимос Иенс подстрелил большого тюленя, который немедленно погрузился в воду. Иенс охотился целый день, но без успеха, хотя видел много моржей. Я послал капрала Сэлора и Кристиансена посетить мыс у южной оконечности залива Росса, полагая, что, быть может, там устроен склад, если кораблю не удалось достигнуть мыса Сэбайна. Они вернулись в 5 часов пополудни, не успев добраться до берега, так как в полумиле от мыса оказалась полынья, заполненная движущимся льдом. Во время похода они находились на движущемся паке и лишь с трудом добрались опять до неподвижного льда. Полагая, что капралу Сэлору удастся дойти до берега, я велел лейтенанту Локвуду приготовиться на завтра к путешествию в сторону мыса Сэбайна с большими санями. Теперь, после опыта, произведенного Сэлором, я вынужден отменить этот приказ. Тогда сержант Райс вызвался, захватив с собою только спальный мешок, попробовать вместе с Кристиансеном добраться до мыса Сэбайна по суше. Я согласился и приготовил письменное сообщение, которое велел положить в кургане на острове Бреворта. Затем я вскарабкался на утес, — огромную массу камней без малейших признаков растительности, у подножья которого мы расположились лагерем. С высоты приблизительно 30 метров не видно было свободной воды, если не

считать нескольких, непрестанно изменявших свою форму небольших прогалин на востоке и юго-западе. День был такой ясный, что я мог отчетливо видеть не только мыс Александры, но также остров Вольстенхольма, лежавший в 80 милях расстояния от нас. К северу от мыса Александры привлекла мое внимание крутая скалистая вершина острова Литлтона. Находится ли спасательная экспедиция на обещанном месте и удастся ли нам встретиться с ней? Вот вопрос, от которого зависит наша судьба».

«1 октября. В 8 часов 40 минут утра Райс и Иенс двинулись к мысу Сэбайна, захватив с собою письменное сообщение, которое они должны положить в кургане. Они имеют при себе большой спальный мешок, рассчитанный на одного человека, но могущий в случае нужды вместить и двух. Продовольствия у них на четыре дня. Райс и Иенс направились через глетчер по береговой дороге, открытой лейтенантом Кислингбэри, в сторону залива Росса. Эллис и Уислер, помогавшие им нести поклажу, вернулись в 6 часов пополудни, проводив их до залива, где дул сильный южный ветер. Сержант Райс прислал мне записку с просьбой не беспокоиться, если он не вернется до 9 окятбря. Ветер, начавшийся ночью, очистил пролив, но зато принес нам очень худую погоду. Температура поднялась до —3,3° С, так что лед и снег начали таять под нами и все промокло насквозь. Из-за ветра мы вынуждены были оставаться в мешках бо́льшую часть дня.

«Палец сержанта Гардинера причиняет ему такую боль, что он с трудом может спать. Я вынужден перевести его на специальную диэту и выдаю ему теперь добавочную порцию хлеба и масла. Он серьезно повредил себе палец во время отступления, и постоянная работа не позволила зажить ране, так что теперь образовалась ногтоеда. Доктор говорит, что это может повлечь за собою потерю пальца.

«Лонг убил моржа у полыньи, но, к несчастью, не мог вытащить его. Все же это придает нам бодрости, так как мы сможем прожить целую зиму, если нам удастся добыть пару моржей. Я пока решил оставаться здесь и велел офицерам и Брэйнарду найти подходя-

щее место для постройки зимней хижины. Они единодушно заявляют, что лучше всего будет устроиться где-нибудь к югу от глетчера Альфреда Ньютона. Теперь солнце стоит так низко на небе даже в полдень, что сержант Израэль не мог определить сегодня нашу широту».

«2 октября. Вчера видели одного песца, а сегодня трех. Стреляли в них пять раз, но безрезультатно, только напугали. Чтобы сберечь патроны, я отдал приказ, согласно которому только два эскимоса, лейтенант Кислингбэри и Лонг имеют право охотиться. В проливе продолжается шторм, но здесь ветер совсем стих. Хотя погода была неблагоприятна, и лед, по которому предстояло передвигаться, мог внушать известные сомнения, я все же решил перевести партию на место, избранное моими офицерами. Все понимают, как важно возможно скорее оборудовать зимнюю стоянку. В настоящее время у нас есть продовольствие на тридцать пять дней, считая, что мы попрежнему будем получать ежедневно по 300 граммов хлеба, 250 граммов мяса и по 60 граммов картофеля, что составляет приблизительно половину нормального арктического пайка. Я рассчитываю на 240 английских пайков, хранящихся у мыса Сэбайна, которые дадут нам возможность достигнуть Литлтона в случае, если голод выгонит нас на движущийся пак. Южное течение отнимает у нас всякую возможность добраться до Гренландии. Вчера в проливе было видно много открытой воды.

«Вчера я устроил совещание с нижними чинами, и все согласились, что тридцатипятидневный запас продовольствия желательно растянуть на пятьдесят дней. По этому вопросу было много споров, так как доктор не хотел высказать никакого определенного мнения, что чрезвычайно затрудняло меня. Наконец я решил сократить выдачу хлеба и картофеля и отныне буду выдавать (в ожидании дальнейших сокращений, когда мы устроимся на зимовку) ежедневный паек, состоящий из 180 граммов хлеба, 75 граммов картофеля, 350 граммов пеммикана или бэкона и 30 граммов мясного экстракта. В самом худшем случае мы имеем достаточно пищи, чтобы продержаться до 16 ноября, когда замерзнет пролив.

«Мы перенесли наш лагерь с запасом продовольствия, рассчитанным на несколько дней, в пункт, лежащий метров на 500 южнее глетчера Альфреда Ньютона. Я был вынужден объявить строжайший выговор Эллисону, в присутствии всех чинов партии, за дерзкое замечание по адресу лейтенанта Локвуда. Эта несдержанность со стороны одного из моих лучших людей показывает, какое деморализующее влияние имела неуместная критика, которую недавно позволили себе чины командного состава. Мы раскинули теплушку в нашем лагере. Команда «Доблестного» вместе с лейтенантом Кислингбэри спит в лодке. Гардинер сильно страдает от ногтоеды. Поэтому я уступил ему мой спальный мешок в теплушке, где он по крайней мере будет защищен от непогоды. Я занял его место вместе с командой вельбота в мешке Джюэля и Райса».

«3 октября. Я избрал место для зимовья, и так как предлагались различные планы относительно постройки дома, то я разрешил каждому отделению строить себе жилище сообразно своим пожеланиям. Партия будет распределена между тремя домами, из которых один мой, второй — лейтенанта Кислингбэри и третий — сержанта Брэйнарда.

«Лодка разыграна в лотерею и досталась команде сержанта Брэйнарда. Я приказал таким образом использовать ее при сооружении дома, чтобы она осталась пригодной для дальнейшего употребления. Все работали усердно и весело в течение целого дня. Моя команда хочет прежде всего построить снежную хижину и затем обложить ее изнутри камнями. Две другие команды решили сперва построить каменные дома и потом окружить их снежной обкладкой. Мы почти закончили сегодня нашу снежную хижину. Многочисленные остатки эскимосского становища обнаружены по соседству. В числе прочих предметов найдены кофельнагель из моржового зуба, рог нарвала и кости кита. Идет легкий снег при северном ветре; в проливе Смита много открытой воды».

«4 октября. Мы в общем закончили снежные стены и начали кладку каменной стены. Приостановили работу в 2 часа пополудни, чтобы перенести из старого лагеря оставшиеся там запасы. Сегодня в 1 ч.

пополудни температура упала до —14,4° С. По совету доктора, я увеличил пайки на 120 граммов пеммикана, 240 граммов хлеба и 15 граммов картофеля. Так будет продолжаться, доколе не будет закончена наша теперешняя тяжелая работа. Охотники не участвуют в постройке домов, но бродят по окрестностям в поисках дичи. Лонг видел в проливе много моржей».

«5 октября. Чрезвычайная тяжелая работа по постройке хижин длилась до 2 часов пополудни. Каменные стены нашего дома почти закончены. Четыре куропатки, летевшие с севера, были замечены вблизи лагеря, и Кросс застрелил их сегодня после полудня».

«6 октября. Сегодня утром я распределил паруса, весла и мачты между тремя командами. Мы временно положили парус поверх нашей хижины и теперь квартируем в ней. Израэль обвинил Брэйнарда в пристрастии при раздаче парусов и других предметов, за что я сделал ему выговор и указал, как жестоко он ошибается. Повидимому, он сожалеет о сказанных им словах. Это первая бестактность, которую он позволил себе за все время службы под моим начальством, и ее легко объяснить состоянием нервного возбуждения, в котором он находится вследствие тяжелой работы, недостаточного питания и сильного холода. Все это особенно действует на него, как на самого младшего и самого слабого из партии. Застрелили сегодня двух тюленей. Мы теперь опять жжем стеарин для кухонных надобностей, и дым его плохо действует на наши глаза и легкие. Хижины строились из тяжелых камней, которые надо было голыми руками выкапывать из-под земли и таскать на место постройки.

Мои руки распухли. Они покрыты ушибами, окровавлены, суставы не гнутся и болят. Вся одежда изодрана, рукавицы и обувь в дырах, а спину так ломит, что я не могу держаться прямо. Работа истощила до последнего предела мои телесные силы, уже надорванные душевным беспокойством и сознанием ответственности.

«7 октября. День рождения мистрис Грили; печальная годовщина для нее и тяжкая для меня, ибо

я размышляю о том, в каком положении останутся моя жена и дети, если наша экспедиция погибнет здесь подобно экспедиции Франклина. Однако я все же надеюсь, что нам удастся вернуться. Сегодня Израэль мужественно и трогательно просил прощения за свою несправедливость по отношению к Брэйнарду. Мы теперь живем в доме, причем на полу лежит слой мха толщиной в 4 дюйма. Этот мох с большими трудностями пришлось выкапывать из-под снега. Я целый день ждал возвращения Райса и Иенса и выслал Элиса и Уислера к ним навстречу, но напрасно. Лонг и Кристиансен застрелили моржа на льду, но, к их отчаянию, животное все же имело достаточно силы, чтобы доползти до воды. Кристиансен застрелил куропатку».

«8 октября. Я очень беспокоюсь о судьбе Райса, так как стоит плохая погода. Наша партия собрала большое количество мха для покрытия хижин и для постелей. Кристиансен подстрелил двух тюленей, которые, к несчастью, затонули, прежде чем он успел доплыть до них в своем кайяке. Какой-то ловкий песец утащил у нас немного хлеба».

«9 октября. Богатый событиями день. Сержант Райс принес одновременно и хорошие и худые новости. «Протей» затонул 24 июля текущего года. Его команда и лейтенант Гарлингтон отступили к югу, в надежде встретить американский военный корабль «Иантик» или шведский пароход. 1300 пайков спрятаны в складах около мыса Сэбайна. Кроме того, — истинное чудо, — Райс нашел наш вельбот в проливе Пейера в полной сохранности, так как льдина, на которой он находится, застряла между мысом Сэбайна и островом Бреворта во время дрейфа к югу. Райс добрался до пролива Пейера извилистой дорогой вокруг пролива Райса, который соединяет залив Росса с проливом Бьюкенена, отделяющим мыс Сэбайна от материка. Райс успешно проделал этот опасный и трудный путь и нашел доступную для саней дорогу. Я решил перейти к мысу Сэбайна, бросив нашу здешнюю зимовку. Здесь имеется больше шансов встретить дичь, но там мы скорее можем дождаться помощи».

Райс вручил мне письменное сообщение вспомогательной экспедиции, не достигшей цели в 1882 году,

а также нижеследующее письмо лейтенанта Гарлингтона.

«Мыс Сэбайна, 24 июля 1883 года.

Пароход «Протей» был затерт льдами между этим пунктом и мысом Альберта после полудня 23 числа текущего месяца, при попытке достичь Залива лэди Франклин. Некоторое время он геройски выдерживал чудовищное сжатие, но наконец вынужден был пасть перед этой неизмеримой силой. Между тем моментом, когда он был затерт льдами, и окончательным погружением в воду прошло так мало времени, что мы могли спасти лишь небольшую часть запасов. Склад устроен на льдине приблизительно в 3 милях от мыса Сэбайна по направлению к проливу Бьюкенена. Там имеется 500 хлебных пайков, спальные мешки, чай и много консервов. Нет времени составлять более подробную опись. Этот склад устроен в 10 метрах от береговой линии и на 4 метра выше ее у западного берега маленькой бухточки под крутым утесом. Быстро смерзавшийся лед помешал нам отметить это место флагштоком или чем-нибудь в этом роде; мне с тех пор не удалось побывать на этом берегу. Склад, заключающий 250 пайков, оставленных экспедицией 1881 года, находится по соседству; я посетил его и нашел в хорошем состоянии, если не считать того, что лодка повреждена медведями. Склад теплой одежды находится у той части мыса Сэбайна, которая обращена к острову Бреворта, в расщелине скалы и прикрыт прорезиненными одеялами. Английский склад на маленьком островке вблизи острова Бреворта в худом состоянии; я его не осматривал. Склад на острове Литлтона; лодка у мыса Изабеллы. Все это спасено с «Протея». Военный корабль США «Иантик» идет к острову Литлтона, но имеет приказ не входить в полосу льдов. Шведский пароход постарается достичь мыса Иорка в текущем месяце. Я постараюсь вступить в связь с этими судами, и все, что только в силах человеческих, будет сделано, чтобы вывести героев форта Конгера из их опасного положения.

«Экипаж «Протея» состоит из капитана Пайка и двадцати одного человека, моя собственная партия — из лейтенанта американского военного флота Коль-

велла, врача С. Гаррисона, пяти строевых нижних чинов, двух служащих Сигнального ведомства, трех ньюфаундлендцев и двух эскимосов.

«Я не в силах выразить всю скорбь и сожаление по поводу рокового удара, парализовавшего мои усилия и не позволившего мне добраться до лейтенанта Грили.

«Я двинусь к восточному берегу, лишь только это будет возможно, и постараюсь наладить связь.

А. Е. Гарлингтон, старший лейтенант 7-го кавалерийского полка».

Сообщение это можно толковать в разных смыслах; но с точки зрения моей партии оно означало, что все, доступное человеческим силам, будет сделано для нашего спасения. Полагаясь на это обещание, я тотчас же решил двинуться к мысу Сэбайна и там ожидать обещанной помощи. Я предвидел лишения, частичный голод, быть может, смерть наиболее слабых, но я никак не мог ожидать, что нас всецело оставят на произвол судьбы.

Теперь у нас было четыре лодки, и хотя солнце уже готовилось уйти на зиму, мы все же могли отплыть к югу, так как свободная вода была видна у мыса Изабеллы.

«10 октября. Я разбудил поваров в 4 часа утра, но пошел снег и не позволил партии двинуться в путь. Я потратил полчаса на просмотр «Армейского Указателя», — единственного источника новостей, доставленного Райсом, и нашел там довольно много сведений, как, например, о чрезвычайном расширении железнодорожной сети; о том, что президент Гарфильд вероятно, поправился; о том, что политическое положение должно быть очень серьезно, потому что сессия конгресса затянулась до 7 августа.

Райс предложил послать его и Кристиансена со спальным мешком к мысу Изабеллы, в надежде, что «Иантик» оставил там для нас запасы. Это будет очень рискованное и трудное путешествие, но хотя я не жду от него слишком многого, все же решил отправить их завтра».

«11 октября. В 5 часов 25 минут утра Райс выступил к мысу Изабеллы, а партия лейтенанта Лок-

вуда к заливу Росса. Прошлой ночью температура упала до —21,7° С. На случай нужды у нас здесь есть лодка и паруса, которые, правда, нам будет довольно трудно распустить. Дорога была очень хороша, и партия лейтенанта Локвуда вернулась в лагерь в 3 часа пополудни. Кросс воспользовался случаем, чтобы напиться, раздобыв немного спирту тайком от Бендера, под присмотром которого находится весь запас. Лонг убил тюленя, весящего 70 килограммов».

«12 октября. Выступили к мысу Сэбайна в 8 часов 15 минут утра при температуре —22,5° С. В половине третьего партия с большими санями достигла склада, устроенного вчера лейтенантом Локвудом, и расположилась лагерем, ибо погода, до сих пор ясная и тихая, начала портиться. Хотя дорога была хороша, груз оказался столь тяжелым, что партия пришла в лагерь совершенно изнуренная. За этот день мы прошли около 6 миль. Нам удалось найти воду в маленьком озере вблизи лагеря. Д-р Пэви и лейтенант Кислингбэри упорно настаивают на необходимости повысить пайки, доведя их до 926 граммов твердой пищи ежедневно. Нисколько не хуже всякого другого понимая, как это важно, я тем не менее не мог согласиться на столь значительное увеличение и наконец решил, что буду выдавать ежедневно по 820 граммов, в том числе 480 граммов мяса. Сегодня вечером был роздан ром, и так будет продолжаться, пока мы будем исполнять тяжелую работу на такой умеренной диэте».

«13 октября. Лейтенант Кислингбэри и д-р Пэви настойчиво советуют бросить все, чего нельзя увезти за один раз. Они ссылаются на позднее время года и повторяют, что партия в теперешнем состоянии не имеет достаточно сил для перевозки всего нашего имущества. Я отказался последовать этим советам, заявив, что не желаю бросать ни записей, ни инструментов, ни провизии, пока мы не доберемся до острова, на котором имеются три склада. Поэтому мы тянули груз в два приема, как всегда. Пересекли залив Росса и расположились лагерем у юговосточной оконечности пролива Райса, продвинувшись вперед на добрых 5 миль. Часов восемь мы провели в дороге и два часа занимались погрузкой, начав работу до света и

закончив ее после наступления темноты. Дни теперь очень коротки, и лишь с чрезвычайными трудностями можно путешествовать более, чем шесть часов подряд. Сильный ветер при температуре —16°С, казалось, отнял последние остатки жизни у истомленных людей. Иногда шел легкий снег, солнце показывалось на несколько минут в виде тусклого красного пятна, маячившего сквозь туман».

«14 октября. Разбудил поваров в 5 часов утра, и в 4 часа пополудни нам удалось в два приема достигнуть северной оконечности пролива Райса, в 5 милях расстояния от прежнего лагеря. Во время второго перехода мы были вынуждены оставить территорию пролива, так как на нашем пути встретилась открытая вода, и тянуть сани с грузом по береговому льду на протяжении нескольких сот метров было невозможно. Это была чудовищно тяжелая работа, благодаря наличию высоких, голых скал, которые чуть не погубили вконец наши сани. К счастью, нам удалось найти воду в небольшом озере поблизости от лагеря, и это создает экономию в 120 граммов спирта. Так как мы теперь стоим лагерем на острове Бедфорда Пима, то я решил спрятать здесь все предметы, которые не могут быть перенесены за один раз до нашей зимней стоянки».

«15 октября. Разбудил поваров в 4 часа 30 минут утра, а в 7 часов утра оставил партию, приказав ей следовать за мной, и отправился вместе с сержантом Гардинером и Иенсом, чтобы осмотреть склад, устроенный лейтенантом Гарлингтоном, и определить место будущей зимней стоянки. Я добрался до склада приблизительно через два часа и ознакомился с его содержимым, насколько это было возможно. Я был сильно разочарован: там едва нашлось 100 мясных пайков, вместо 500, которых я ожидал на основании письма лейтенанта Гарлингтона. Двинувшись далее, я посетил склад, устроенный командой «Нептуна». Он был покрыт большим сугробом и, повидимому, находился в неприкосновенности; но, не имея при себе лопаты, мы не могли ознакомиться с его содержимым. Осмотрев берег, я пришел к выводу, что нет лучшего места для зимней стоянки как поблизости от склада,

устроенного командой «Протея». Около часа пополудни я встретил лейтенанта Локвуда и остальную партию. День был ясный, но холодный. Так как берег очень высок на южной стороне пролива Бьюкенена, то солнце в это время года никогда не поднимается над горизонтом. Мы оставили в старом лагере 600 килограммов груза, которые будут доставлены сюда при первой возможности. Час спустя Райс и Кристиансен поразили меня своим внезапным появлением. Райс донес, что он не нашел лодки у мыса Изабеллы и в складе обнаружил лишь 72 килограмма английского мяса. Наша партия сильно упала духом при этом сообщении, так как бо́льшая часть людей твердо верила, что вблизи мыса Изабеллы должны находиться оставленные для нас запасы».

«16 октября. В этот день два года подряд солнце покидало нас в Конгере; но хотя мы не могли его видеть в полдень, оно все же остается здесь на девять дней дольше над горизонтом, и за это время огромная работа должна быть проделана полузамерзшей и полуголодной партией. С сержантами Райсом, Брэйнардом и Гардинером я посетил склад, устроенный вспомогательной экспедицией 1882 года. Все оказалось в хорошем состоянии, за исключением лодки, слегка поврежденной, надо думать, медведем. Элисон с двумя людьми устроил в лагере временное убежище, которое было совсем готово к нашему возвращению. Мы были очень рады спрятаться в него, потому что задул холодный северовосточный ветер со снежным бураном при температуре —16,1° С. Мы добыли некоторое количество рома из склада и раздали по стакану на человека. Это всем пришлось в высшей степени по вкусу».

«17 октября. В 5 часов утра, за час до рассвета, я выступил с бо́льшей частью людей и доставил в лагерь все, что хранилось в складе экспедиции 1882 года, включая лодку. День был очень холодный и неприятный, с сильным северным ветром и снегом, при температуре —21,4° С. Несколько человек обморозили себе пальцы на руках и ногах. Подобный холод показался бы нам тягостным и в лучшие дни; теперь же это для нас просто смерть. Те, которые были освобождены от переноски запасов, занялись оборудова-

нием лагеря, и он, по крайней мере, теперь лучше защищает нас от ветра. Маленькое озеро по соседству доставляет воду. Опять видели ворона, который вот уже несколько дней следует за нами из одного лагеря в другой. Я выбрал место для постоянной зимней стоянки. Мы устроим ее приблизительно в полумиле от нашего теперешнего лагеря, на маленькой полоске земли, между пресноводным озером, питающимся от глетчера на острове Бэдфорд Пима, и морем. Там встречается много разбитых скал, пригодных для строительных целей, а поблизости есть большой сугроб, где можно лепить снежные глыбы. С большими трудностями мы расчистили грунт для будущего дома и начали постройку, положив угловые камни. Наше жилище будет иметь 7 метров в длину и 6 в ширину. Бидербик страдает от тяжелого приступа ревматизма, Лонг жалуется на боли в груди, а Кросс на свои обмороженные ноги; таков наш список инвалидов».

«18 октября. Отвратительный день с сильным холодным ветром и летящим снегом. Вся партия работает над постройкой зимовья, за исключением Лонга и эскимосов, которые отправились на охоту. Сегодня утром термометр показывал —17,2° С. В результате несколько человек обморозили пальцы на работе. Мои руки находятся в сравнительно хорошем состоянии, но два дня назад я сильно обморозил пятки. Кристиансену удалось убить сегодня песца. Я чувствую себя плохо, потому что по неосторожности Уислера получил сильный удар по лицу. Помогая рубить скалу, он задел меня топором».

«19 октября. Притащили лодку из старого лагеря и сегодня утром поставили ее на стены дома; начали насыпать снежный вал около уже воздвигнутой каменной стены. Пространство между этими двумя стенами заполняется снегом, песком и гравием. Вследствие плохого питания холод кажется почти нестерпимым. Охотники, за исключением лейтенанта Кислингбэри, ходили сегодня за добычей, но ничего не принесли. Мы можем работать не более пяти часов подряд, так равно наступает темнота. Работа состоит в переноске снежных глыб от сугробов вблизи глетчера, или мешков с песком с холма, расположенного на расстоянии одной

восьмой мили. Пол нашего жилища состоит из больших острых камней, так что надо натаскать много песку и гравия, чтобы прикрыть их хоть отчасти.

«Мы перебрались в нашу новую хижину, счастливые возможностью променять палатку на такое место, где ветер, по крайней мере, не будет пронизывать нас до костей. Давно пора устроиться на зимовку; не видно даже отблеска солнца, и температура упорно держится на уровне —28,9° С».

Каменные стены дома имели около ⅔ метра в толщину и 1 метра в высоту; наружная снеговая насыпь первоначально возвышалась до 1¼ метра, но впоследствии бураны похоронили дом под снегом. Вельбот упирался кормой и носом в поперечные стены и только под ним можно было стать на колени и выпрямиться. Когда мы сидели в наших спальных мешках, головы наиболее высоких людей касались кровли. В бортах лодки просверлены были отверстия, в которые мы вставили весла, упиравшиеся концами в боковые стены. Эти весла, скрепленные веревками, поддерживали парус, сверху обложенный снежными глыбами. Концы веревок удерживались тяжелыми камнями. Но вообще камней было мало, и потому нам не удалось построить более высокие стены. После того как двадцать пять человек со своими спальными мешками забились внутрь хижины, единственное свободное пространство оказалось в самом центре, где производилась стряпня, вскрывались бочки и где люди занимались гимнастикой, когда стояла очень худая погода. Скамьи вельбота превратились в полки, на которых повара ставили блюда, провизию и т. д. Дверь была проделана в одной из поперечных стен и через сени вела к выходу, над которым висел кусок паруса. Провиантный склад и сени, окруженные снежными стенами, тоже были прикрыты парусом. Барометр и эскимосская лампа были прикреплены к шестам, поддерживающим средину вельбота. Имелась всего одна печь для отопления.

«20 октября. Сильный шторм и снег при температуре —25° С вынуждает нас прекратить работу по доставке песку для дальнейшего отепления хижины. По сравнению с прежними стоянками, дом наш до-

вольно теплый, но мы так скучены, что теснота почти невыносима. Впрочем люди, хотя измученные холодом, тяжелой работой и недоеданием, настроены удивительно бодро. Я поднял сегодня вопрос о том, каков будет наш зимний паек, но оставил его нерешенным, доколе не выяснится, каково содержимое английского склада, который, по словам лейтенанта Гарлингтона, уже кем-то поврежден. Если слова Гарлингтона подтвердятся, — эта хижина станет нашей могилой. Но до поры до времени мы не перестаем надеяться на лучшее будущее.

Важно было поскорее оборудовать дом, но еще важнее казалось собрать в одно место запасы, разбросанные по разным складам. Только пять солнечных дней оставалось в нашем распоряжении, а дорога к мысу Сэбайна все еще была недоступна. 21 октября я послал лейтенанта Локвуда с тринадцатью людьми к проливу Райса, где лед был уже тверд и крепок. В дневнике моем сказано: «Партия лейтенанта Локвуда вернулась в 4 часа пополудни, совсем изнуренная. Она была вынуждена бросить сани с грузом в 2 милях от лагеря. При такой тяжелой работе люди получают паек, состоящий из ½ килограмма мяса, 240 граммов хлеба и 45 граммов картофеля».

Положение, в котором находилась наша экспедиция, очень ярко изображено в дневнике лейтенанта Локвуда: «Мы теперь живем в хижине, но она еще не закончена, и потому холод весьма неприятно дает себя чувствовать. Мы постоянно говорим только о еде, о тех блюдах, которыми мы наслаждались когда-то или которыми надеемся насладиться в будущем, вернувшись в цивилизованный мир. Все мы полагаем, что лейтенант Гарлингтон со своей партией находится на острове Литлтона, но все же имеются сомнения на этот счет. Нам удалось разузнать кое-какие обрывки новостей при помощи клочков газеты, в которую были завернуты лимоны. Сегодня каждый получил по лимону. Все мы постоянно голодны. Сегодня в первый раз зажгли лампу с тюленьей ворванью. Лейтенант Грили, Израэль, Бидербик, Уислер, Бендер и Гардинер

значатся в списке больных; они страдают от ран на ногах, судорог и недостаточного питания. Сегодня после 3 часов пополудни настроение было очень мрачное».

Продолжаю по моему собственному дневнику:

«22 октября. Я послал Райса и трех других к мысу Сэбайна, приказав им принести столько теплой одежды, сколько можно захватить с собою в руках. До сих пор немыслимо двинуться туда с санями, так как молодой лед еще не сформировался вдоль побережья в тех пунктах, где имеется особенно сильное течение. Чрезвычайно пересеченный характер берега исключает возможность добраться до мыса по твердой земле. Гардинер, Бидербик и я одни остались в лагере. Мы использовали это время, поскольку возможно, на переноску песка и на сооружение наружного снегового вала. Лейтенант Локвуд с партией из тринадцати человек доставил в лагерь сани, брошенные накануне. Он находился в отсутствии приблизительно четыре часа.

«День рождения Эллиса был отпразднован пуншем, состоявшим из ¼ литра рома, — обычная выдача за последние дни — сдобренного парой лимонов и банкой морошки. Это баловство, хотя и столь ничтожное, чрезвычайно благотворно действует на настроение людей. Партия Райса, возвратившись, принесла в числе прочих вещей газетную статью, напечатанную Генри Клеем 13 мая 1883 года. Упоминание о Де Лонге указывает на гибель «Жанетты» и всей экспедиции»

Лейтенант Локвуд пишет об этом: «Мы рассуждаем о гибели «Жанетты» и о той тревоге, которую должно возбуждать на родине наше положение. Вероятно, наши друзья считают нас уже погибшими. Райс прочел статью вслух сегодня вечером, и она вызвала много замечаний. Мы все полагаем, что статья Клея является пророчеством, за исключением, впрочем, того, что мы не умираем с лицами, обращенными к звездам».

«23 октября. Облачно, дует холодный северо-западный ветер, и температура стоит на уровне —21,1° С. Сержант Райс рапортует, что лед, наконец, сформировался вдоль побережья, так что можно добраться

до мыса Сэбайна вместе с санями. Я разбудил поваров в 4 часа утра и послал лейтенанта Локвуда с одиннадцатью людьми, велев доставить все, что только возможно, из английского склада. Чтобы сохранить наши записи, я передал их Локвуду, велев спрятать их в каменном кургане где-нибудь на южной стороне Пейер-Харбор. Я знаю, что этот пункт обязательно будет посещен кем-либо, в то время, как наша теперешняя стоянка легко может быть не замечена спасательной экспедицией, и тогда все записи будут потеряны. Я решил, что наши труды не должны погибнуть вместе с нами. Я велел вскрыть склад в Пейер-Харбор, раньше чем склад теплой одежды и чая у мыса Сэбайна. Дни теперь так быстро укорачиваются, что партии трудно будет пройти отсюда к Пейер-Харбор и вернуться в тот же день. Вот почему этот склад должен быть опорожнен прежде всего. И действительно, партии не удалось вследствие поломки саней продвинуть груз дальше мыса Сэбайна, откуда они вернулись с пустыми руками после десятичасового отсутствия. Лейтенант Локвуд и д-р Пэви поранили себе ноги об острый лед. Лейтенант Локвуд донес, что он соорудил издалека видный курган, над вершиной которого возвышается металлический стержень маятника, так что нельзя посетить Пейер-Харбор, не заметив его. Этот склад находится на острове Сталькнехта. Записи положены в ящик из-под секстана».

«24 октября. Отправил партию к мысу Сэбайна, и она доставила сюда груз в половине шестого, после десятичасовой работы. Лейтенант Локвуд сказал мне, что у него не хватило духа запретить людям съесть некоторое количество заплесневелого хлеба у мыса Сэбайна. У меня также не хватило духа возразить ему что-либо в ответ, кроме того, что подобные вещи не должны повторяться в будущем. В дневнике его записано: «Позволил людям есть из одного мешка заплесневелый хлеб; мы ели с жадностью».

«25 октября. Сани, починенные Элисоном, опять поломались и требуют основательного ремонта, прежде чем ими можно будет пользоваться. Много поработали над окончательной отделкой дома, обклады-

вая кровлю снежными глыбами. Лонг вернулся сегодня вечером вместе с обоими эскимосами. Он донес, что Кристиансен застрелил тюленя, весящего около 35 килограммов. Лонг говорит, что они сильно страдали за последние дни из-за худой пищи, отсутствия огня и сколько-нибудь подходящей постели; однако, он непоколебим в своем решении продолжать охоту, пока останется хотя бы луч света.

«Солнце окончательно покидает нас завтра, впрочем мы не видели его уже дней двенадцать».

Так как нельзя пользоваться санями, то я велел Брэйнарду вскрыть собачьи сухари и узнать, в каком состоянии они находятся. В его дневнике сказано: «Когда этот хлеб, совершенно сгнивший и покрытый зеленою плесенью, был выброшен на землю, изголодавшиеся люди бросились на него, словно дикие звери. До чего же мы дойдем, когда у нас останется еще меньше провизии?»

Живо вспоминаю, какие усилия пришлось мне употребить, убеждая людей не прикасаться к этой прогнившей массе. Следуя моему приказанию, они выбросили прочь это слизистое заплесневелое вещество, но впоследствии я узнал, что некоторые все-таки съели его до последней крошки.

«26 октября. Сегодня последний солнечный день, за которым последуют сто десять долгих темных дней. Как-то мы проведем надвигающуюся полярную зиму? Вот вопрос, на который я не могу ответить. Вчера вечером Райс читал нам вслух обрывки газеты, которые я заботливо снял с каждого лимона и высушил в моем спальном мешке. Таким образом мы узнали, что президент Гарфильд умер и что весь кабинет сменился, за исключением Линкольна; полагаем, что пребывание Линкольна на посту подает нам некоторую надежду. Жалкая эскимосская лампа, дающая очень мало света, стояла совсем близко от чтеца. Кое-кто возражает против расхода жира для этой цели, но я твердо стою на том, что наш ум не должен оставаться совсем без пищи, иначе мы неизбежно дойдем в течение наступающих месяцев до помешательства.

«Сегодня вечером я сообщил людям программу моих будущих действий и просил их высказаться.

Я заявил, что нынешний наш паек попрежнему будет выдаваться до 1 ноября, после чего он будет понижен до 180 граммов хлеба, 120 граммов мяса, 120 граммов овощей и т. д., а всего 420 граммов пищи. При этом пайке партия может продовольствоваться до 1 марта, когда у нас еще останется десятидневный запас, из расчета по 300 граммов хлеба, 300 граммов пеммикана и небольшого количества чая на день, так что мы сможем переправиться с санями через пролив Смита. Горячие оживленные споры возникли по поводу этого сокращения пайка».

«27 октября. Вскрыли второй боченок с собачьими сухарями, первоначально заключавший 50 килограммов, и нашли его в очень худом состоянии. Всего около 25 килограммов оказалось более или менее пригодными для еды, тогда как все остальное представляло собою массу омерзительной зеленой плесени, которую доктор объявил вредной для здоровья. Поэтому я приказал выбросить ее вон. Однако впоследствии я узнал, что и она была вся съедена без остатка некоторыми участниками экспедиции, у которых неистовое чувство голода было слишком сильно».

«28 октября. Вчера ночью температура упала до —27,5° С. Партия с санями была послана к мысу Сэбайна, чтобы доставить сюда вельбот, который пойдет на топливо. Люди отсутствовали около восьми часов. Сани сломались в 3 милях от лагеря, и партия вернулась с пустыми руками. День был очень скверный; холодный, сильный северный ветер, крупный снег и темнота сделали путешествие весьма трудным и утомительным. Охотники ежедневно отправляются за добычей, но ничего не находят, а сегодня сильная буря заставила их остаться дома».

Лейтенант Локвуд говорит: «Мы нуждаемся решительно во всем. Даже тюленьей ворвани хватает только на одну жалкую лампадку. Для отопления мы вынуждены использовать вельбот и боченки, так как спирт почти весь израсходован. Холод, копоть, голод и тьма преследуют нас ежедневно».

«29 октября. Пол нашего жилища посыпан гравием и песком, так что острые камни прикрыты, и спальное оборудование вполне закончено. Мы нашли

два матраца, которые будут несколько способствовать нашему комфорту. По единодушному желанию всей партии один из матрацов был предоставлен в мое распоряжение, а второй я велел разыграть по жребию. Он достался лейтенанту Локвуду и доктору Пэви. Я временно уступил мой матрац сержанту Гардинеру, который до сих пор пользовался моим спальным мешком из собачьей шкуры. Так будет продолжаться, пока его состояние не улучшится. Одеяла, бизоньи куртки и т. д. распределены приблизительно поровну между всеми, причем больные получили несколько больше, чем остальные. Генри рапортует, что вчера он отморозил ногу, но доктор сказал, что поражение пустячное».

«30 октября. Послал двенадцать человек за вельботом и выдал им по 60 граммов добавочного пеммикана. Сегодня в последний раз состоялась ежедневная выдача рома; отныне он будет выдаваться только по воскресеньям, а также при наличии тяжелой работы. Я отправил Лонга и эскимосов на охоту к проливу Райса, где они проведут несколько дней; ежедневный паек для них я установил в размере 240 граммов мяса и такого же количества хлеба, одной рюмки рома, 30 граммов картофеля и 120 граммов спирта для стряпни. Это слишком мало для людей, которым предстоят такие труды, но выдать больше я не могу. Бендеру повезло: ударом кулака он убил голубого песца, сунувшего голову в банку из-под мясных консервов. Шнейдеру и Коннелю нездоровится, Генри и я жалуемся на обмороженные ноги, и Гардинер болен ногтоедой. Израэль ужасно страдает от непривычных лишений, но воздерживается от преувеличенных жалоб».

«31 октября. Отправил партию с санями за грузом, брошенным два дня назад в 3 милях от хижины. Они пробыли в отсутствии пять часов. Д-р Пэви энергично возражал против уменьшения пайков, которое должно начаться с завтрашнего дня. Он говорит, что мы не можем жить при этих условиях. Для меня очень тяжелы эти постоянные разногласия с врачом в то время, когда вся ответственность лежит только на мне. Большинство партии либо согласно со мною, либо добровольно готово подчиниться моему решению, каково бы оно ни было».

Лейтенант Локвуд пишет: «Завтра начинается уменьшение пайков. Увидим, можно ли жить при помощи этих крох пищи. Мы теперь постоянно голодны и говорим только о разных кушаньях. Боже, что за жизнь! Несколько крошек черствого хлеба кажутся восхитительными на вкус. Один выдумывает такое блюдо, другой — иное. Я провел много времени, мечтая о различных меню... Пальцы окостенели, не хватает света; я не могу больше писать. Если не считать командировки Райса к мысу Изабеллы, то у нас не будет больше санных походов до самой весны; но увидим ли мы ее?»

Теперь мы собрали в одно место все наши запасы, находившиеся поблизости. Я однако решил предпринять путешествие к мысу Изабеллы на 40 миль к югу, с целью добыть 72 килограмма говядины, спрятанные Нэросом в 1875 году. Это должно было дать нам около 30 дополнительных граммов мяса на человека в день, от чего, быть может, зависела наша жизнь и смерть в течение наступающей зимы.

Рассказ о походе к мысу Изабеллы заимствован, главным образом, из сообщений Фредерика и Брэйнарда.

Партия, состоявшая из Райса, Фредерика, Элисона и Линна, отправилась в путь 2 ноября, имея при себе легкие сани, спальный мешок, маленькую палатку, винтовку, кухонную лампу и котелок. Так как арктическая ночь началась за неделю перед тем, тьма вынудила их расстелить мешок для первого ночлега на льду пролива Райса. На второй день они достигли Эскимо-пойнт, где и заночевали в одной из построенных нами недавно ледяных хижин. На третий день неровный лед сильно задержал их продвижение и так измучил Линна и Элисона, что пришлось расположиться на стоянку, не добравшись до мыса Изабеллы. В этот день Элисон и Линн так страдали от жажды, что, несмотря на предупреждения, решились есть снег. Для Элисона это оказалось роковым.

7 ноября, захватив с собою только сани, они поднялись на вершину мыса Изабеллы. «Небо было ясно,—

говорит Фредерик, — луна светила ярко, и мы могли видеть открытую воду, насколько хватал глаз. Волны с белыми гребнями докатывались до самого мыса. Даже в эту пору года судно могло бы плавать здесь без малейших трудностей».

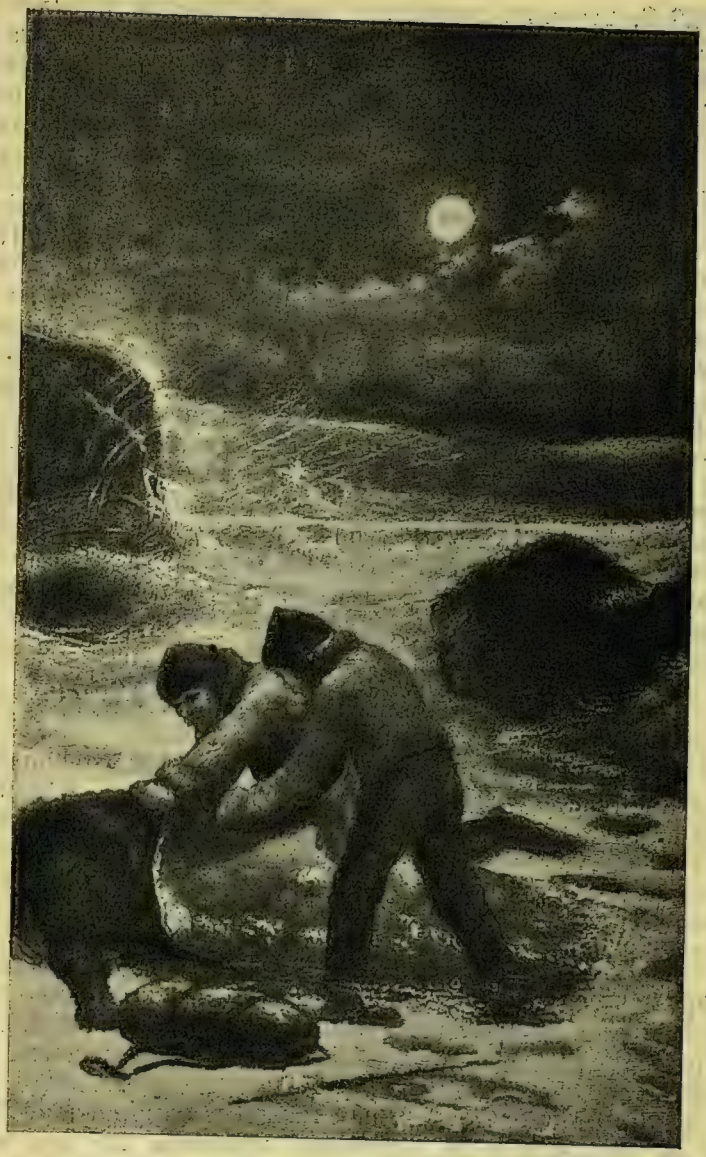
Достав мясо из склада, путники немедленно двинулись в обратный путь, но прибрежный лед к северу от мыса Изабеллы был так неровен, что лишь четырнадцать часов спустя измученная партия добралась до своего спального мешка. Райс рассчитывал сделать этот переход очень быстро, и потому они работали целый день, не выпив даже чашки чая, без всякой пищи. Элисон отморозил себе руки и ноги. «Бедный малый всю ночь кричал от боли. То была самая скверная ночь, какую мне случалось когда-либо проводить в Арктике», — рассказывает Фредерик.

Поутру 8 ноября горячая пища несколько подкрепила их, но Элисон вновь отморозил свои с трудом отогретые члены. «Казалось небезопасным, — продолжает Фредерик, — позволить ему итти одному позади саней. Я взял бедного малого под руки и вынужден был почти нести его, потому что ноги у него сделались словно деревянные, и он не мог передвигать их».

Утром 9 числа Элисон настолько обессилел, что его товарищи не только должны были бросить мясо, ради которого они столько выстрадали, но также винтовку, поставленную стоймя, чтобы можно было найти это место. После 10 часов трудной борьбы они добрались с беспомощным, замерзшим человеком до нашего покинутого зимовья у Эскимо-пойнта.

Чтобы отогреть члены Элисона и высушить одежду, путники были вынуждены разрубить на части английскую лодку, дотоле оставшуюся в полной неприкосновенности. «Когда лицо, ноги и руки бедного малого, — говорит Фредерик, — начали оттаивать у огня, он страдал так ужасно, что это могло бы довести до слез самого мужественного человека». Райс и Фредерик в этот день работали без перерыва девятнадцать часов для спасения своих товарищей.

10 ноября они двинулись дальше, причем Линн шел впереди, поддерживая Элисона, тогда как двое других тянули сани. Низкая температура, доходившая до



Брэйнард и Кристиансен спасают Элисона, Линна и Фредерика.

—32° С, вскоре заморозила члены Элисона и склеила его веки. Фредерик говорит: «Мы старались удержать Элисона на ногах, но напрасно. Он все время валился на сторону, и казалось, что с каждой минутой мороз забирается все глубже в тело бедняка. Нельзя даже представить себе, сколько он должен был выстрадать». Им, наконец, удалось достичь холма или, лучше сказать, водораздела между бухтою Бэрда и заливом Росса, но они не могли втащить Элисона на холм. Поэтому они были принуждены расположиться на стоянку. Дул северный ветер при температуре —30° С, так что Райс и Фредерик отморозили пальцы, безуспешно пытаясь развести огонь. Тогда они решили, что Райс должен отправиться вперед за помощью, и он немедленно пустился в дорогу, поев лишь немного замороженного мяса. Каким образом прошел он эти пятнадцать миль, он и сам не знал. Но все-таки он успел переправиться в полной тьме через пролив Райса по молодому льду, который трещал и ломался у него под ногами. Когда он достиг пролива Бьюкенена, к счастью, показалась луна, и немного спустя этот измученный полуживой человек разбудил меня среди ночи, и на мой вопрос: «Кто идет?» — слова «Элисон умирает в заливе Росса» сорвались с полузамерзших губ.

Он прошел 25 миль за шестнадцать часов, чтобы принести нам эту ужасную весть.

Угрюмые и подавленные, выслушали мы это сообщение и стали совещаться о том, что делать. В 4 часа 30 минут утра я послал вперед Брэйнарда и Кристиансена с водкой и пищей, а два часа спустя лейтенант Локвуд, д-р Пэви и четверо самых сильных людей из нашей партии (Джюэль, Эллис, Шнейдер и Иенс) последовали за ними, захватив с собою большие сани.

«Мы старались отогреть Элисона, — рассказывает Фредерик, — но так как сами лежали, совершенно беспомощные и дрожащие от холода, а бедный Элисон громко стонал от голода (его замерзшие губы не позволяли ему есть мороженое мясо) и от боли, то легко себе представить, как мы себя чувствовали. Линн был сильный и расторопный мужчина, но при виде страданий Элисона он совсем ослабел и растерялся. Право, я начал уже опасаться, что он начинает сходить

с ума. После того как мы некоторое время оставались в мешке, последний смерзся так плотно, что мы уже более не могли повернуться, и восемнадцать часов подряд вынуждены были лежать, не меняя положения, пока над нами не раздался ободряющий голос Брэйнарда.

Ничто не могло быть нам отраднее присутствия этого благородного человека, который принес водку для Элисона и пищу нам всем».

Несколько часов спустя появился лейтенант Локвуд, и Фредерик продолжает: «Необыкновенно приятно было освободиться от нашей тюрьмы. Мы не могли выбраться из мешка тем же путем, каким залезли в него, и поэтому верхнюю часть мешка пришлось разрезать. Мы были не в силах стоять на ногах, наша одежда стала твердой, как дерево».

Фредерик и Линн пошли обратно пешком и благополучно достигли нашего убежища, хотя Фредерик в одном месте провалился сквозь лед.

Лейтенант Локвуд прибыл в 2 часа ночи и доставил Элисона живого, но в весьма критическом положении. Руки и ноги Элисона замерзли до того, что сделались совсем твердыми, лицо бедного малого не имело в себе ничего человеческого, когда его внесли в узкие двери нашей жалкой хижины в эту ноябрьскую ночь. Всю первую неделю он жалобно молил о смерти, но затем опять сделался спокойным и веселым, несмотря на крайнюю свою беспомощность и тяжелые страдания.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ЗИМОВКА.—ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ПЕРЕПРАВЕ ЧЕРЕЗ ПРОЛИВ СМИТА

В первые же ноябрьские дни мы ясно поняли, какие ужасы и лишения ожидают нас в бессолнечную зиму, длящуюся около четырех месяцев. Почти половина партии была нетрудоспособна вследствие обморожения и других повреждений, полученных во время тяжелой осенней работы. Наши спальные мешки примерзли к грунту, а их внутренность отогревалась лишь теплотой наших собственных тел. Кровля и стены быстро покрылись снегом и льдом, как впрочем и все другие предметы в нашей жалкой хижине. Мне кажется, что историю нашей жизни за эту ужасную зиму лучше всего рассказать языком наших дневников. Читателю же предлагается иметь в виду, что приведенные выдержки из дневников написаны людьми, привыкшими терпеливо сносить страдания и склонными из гордости скорее преуменьшать выпадавшие на их долю великие трудности.

«1 ноября. — В настоящее время налицо имеются следующие запасы: лимонов — 75, пеммикана 114 килограммов, бэкона 116 килограммов, говядины 205 килограммов, тюленьего мяса 55 килограммов, картофеля 38 килограммов, масла 47 килограммов, сала 25 килограммов, риса 9 килограммов, изюму 20 кило-

граммов, чая 36 килограммов, кофейного экстракта 41 килограмм, шоколадного экстракта 38 килограммов, маринованного лука 10 галлонов, консервированного молока 10 килограммов, сахара 7 килограммов, соли 1 килограмм, лукового порошка 1 килограмм, перца 60 граммов, хлеба 697 килограммов, собачьих сухарей 76 килограммов, мясного экстракта 34 банки, консервированного супа 48 банок, томатов 24 банки, кукурузы 24 банки, гороха 27 банок, моркови 13 банок, морошки 46 банок, тюленьего жира 100 килограммов.

«Количество хлеба определено приблизительно. Собачьи сухари, английский хлеб, английский шоколад и некоторые другие продукты в очень худом состоянии, но в нужде их все-таки можно есть. С сегодняшнего дня начали выдавать паек, по заявлению доктора, недостаточный для поддержания жизни, но мы все же решили испытать его, видя в этом единственный шанс спасения.

«Лейтенант Кислингбэри сильно страдает и сегодня два раза терял сознание от повреждения, полученного при протаскивании саней. Доктор полагает, что у него грыжа. Шнейдер убил песца, весом в 3 килограмма. Мы съели его всего целиком за исключением шкуры. Большим разочарованием было для нас узнать, что английский картофель, хранившийся в Пейер-Харбор, покрыт плесенью и почти несъедобен. Бендер сделал печку из железного листа. Она имеет форму конуса и превосходно отвечает своему назначению. Бочки, в которых хранилась пища, небольшое количество березовых дров и сломанный вельбот составляют наше топливо с добавкой английского стеарина и нашего спирта. Чтобы добиться полного сгорания и получить наивысшее количество тепла, дерево колется на мелкие куски».

«2 ноября. Доктор уводомил меня, что грыжа, от которой страдает лейтенант Кислингбэри, очень серьезна и может оказаться роковой. Ральстон убил песца, весом в 2¼ килограмма, а Брэйнард застрелил голубого песца весом в 1½ килограмма. Печь отлично работает, и экономии ради я решил, что отныне мы будем на ней стряпать. Брэйнард заметил отсутствие четверки английского табаку из запаса, хранившегося

в Пейер-Харбор. Мы не можем решить, что это значит: быть может ее там вовсе не было, а быть может ее украл кто-либо из наших. Я предпочитаю верить в первое».

«3 ноября. Пришел Лонг за новым запасом провизии. Он порадовал меня известием, что ему удалось убить тюленя, весящего, по его мнению, 75 килограммов. Лейтенанту Кислингбэри, к счастью, немного лучше. Сержант Израэль сегодня ночью производил наблюдения над звездою Вега. Лонг видел свежие медвежьи следы вблизи острова Коккед-хэта. Люди полны надежд и веселы, хорошо переносят холод и снижение пайков, а также полное отсутствие света в хижине, если не считать жалкого огонька на фитиле, погруженном в тюлений жир.

«Лонг ушел сегодня утром, захватив с собой запас провизии, которого хватит до четверга. Брэйнард рапортует, что прошлой ночью кто-то входил в продовольственный склад. Он подозревает одного из членов партии, о котором известно, что он ел сухари у себя в мешке. Сегодня на обед мы получили песца,— первого, которого мне довелось есть. Мы решили, что он необыкновенно вкусен. Нам сильно докучает дым, который валит из печки. Я выдал сегодня ½ килограмма тюленьего жира для еды и другие ½ килограмма, которые пойдут на освещение. Вместе с порцией рома отпустил по четвертушке лимона, и все единодушно заявили, что это самый чудесный плод, какой им когда-либо удавалось попробовать».

«5 ноября. Закончили оборудование продовольственного склада. Труба вставлена в дно лодки, которая составляет часть кровли над нашим жилищем. Труба, сделанная из нескольких банок, в которых хранились консервированные томаты, в значительной мере избавляет нас от несносного дыма».

«6 ноября. Все запасы перенесены в новый продовольственный склад, и я чувствую немалое облегчение, но все же не считаю их в безопасности, пока не готовы косяк и дверь, запирающаяся на замок».

«7 ноября. С утра дует резкий западный ветер, сильно понизивший температуру хижины. Он должен казаться почти нестерпимым для партии, выслан-

ной к мысу Изабеллы. Я не могу спать, так как много думаю о них».

«8 ноября. Температура все еще понижается и сегодня утром достигла —35,3° С. Я вынужден был послать лейтенанта Локвуда, д-ра Пэви, Брэйнарда и еще пять человек к проливу Райса, чтобы доставить сюда тюленя, застреленного Лонгом. По возвращении я выдал им порцию рома. Рядовой Шнейдер, которому, ввиду страшной усталости Брэйнарда, было поручено разливать ром, осмелился отмерить порцию себе, не спросив разрешения, и, повидимому, опьянел. Он вышел из хижины во время приготовления ужина, хотя в порядке очереди был поваром, и так как в скором времени не вернулся, то мы отправились на поиски и застали его выходящим из продовольственного склада. Все полагают, что Шнейдер виноват в кражах, имевших место за последнее время. Я бы сам не сомневался в этом, если бы он вошел в склад в состоянии полной моральной ответственности, но он так же плохо переносит алкоголь, как и дурное питание. Я издал приказ, воспрещающий кому бы то ни было входить в склад, за исключением сержанта, ведающего продовольствием, и сделал Шнейдеру строгий выговор».

«9 ноября. Лейтенант Локвуд обнаружил вскрытую, но почти полную банку молока, стоявшую в укромном месте. Она, очевидно, была спрятана кем-то, кто не успел ее съесть, после того как открыл.

«На банке имелись следы, указывавшие, что она вскрыта ножом, сломанным совсем особенным образом. Точно такой нож имеется у Генри, но он заявил, что давал свой нож Шнейдеру».

«13 ноября.[1] Минимальная температура за прошлую ночь 36,7° С.

«Положение Элисона гораздо лучше, нежели можно было надеяться. Доктор Пэви полагает, что, быть может, не понадобится ампутации. Бидербик усердно ухаживает за Элисоном. Он тратит шестнадцать часов ежедневно на оказание ему необходимых услуг и пере-

---

Так как события, имевшие место между 9 и 13 ноября, описаны в предшествующей главе, то здесь нами сделан пропуск. *(Прим. автора)*

мену повязки. Д-р Пэви, который занял теперь место рядом с Элисоном, заботится о больном в течение остального времени. Я передал Элисону мой матрац, которым до сих пор пользовался Гардинер».

«14 ноября. Весь день Элисону было очень худо. Он страдает от мучительнейших болей в руках и ногах. Остальные участники этой партии медленно оправляются от выпавшей на их долю непомерной усталости».

«16 ноября. Вечра ночью дул сильный ветер; сегодня самый высокий прилив из всех, какие мы когда-либо здесь наблюдали».

«17 ноября. Сегодня парусиновая кровля натянута над входными сенями. Это, в сущности, последняя работа, которой мы вынуждены были заниматься под открытым небом. Мои ноги, потрескавшиеся после обморожения, не позволяют мне выходить из хижины без крайней необходимости.

«Я стараюсь придумать способы как-нибудь развеселить и развлечь людей в течение предстоящего нам скучного времени. Вся работа, ежедневно выпадающая на долю целой партии, может быть закончена двумя или тремя из нас в продолжение часа. Остальное время, по доброй воле или по необходимости, мы проводим в спальных мешках. Так как уже по-настоящему началась арктическая ночь, которая длится без малого четыре месяца, необходимо во что бы то ни стало предохранить людей от упадка духа.

«После долгих размышлений и совещаний я решил читать ежедневно лекцию, которая будет продолжаться от одного до двух часов. Стану рассказывать о физической географии и естественных богатствах Соединенных Штатов вообще, а потом каждого штата или территории в отдельности. Я приступил к этому делу сегодня и прочел лекцию о физической географии Соединенных Штатов, особенно подробно остановившись на горных цепях и речных системах. Лейтенанту Кислингбэри гораздо лучше. Все же он испытывает сильные боли и один раз потерял сознание, когда доктор осматривал его».

«18 ноября. Сегодня в течение часа я рассказывал о климатических особенностях и о различных

продуктах, производимых или добываемых в Соединенных Штатах. Ром был выдан всем, за исключением тех, кто получил свою порцию авансом после возвращения из Лонг-пойнта. Это вызвало некоторое неудовольствие, и я решил про себя, что отныне не буду соглашаться ни на какие авансы, кроме случаев последней крайности. Сам я не пил рома, потому что дня два тому назад уступил его людям, ухаживающим за Элисоном. Брэйнард сегодня поставил на соседних скалах сигнальный шест, который не может не быть замечен любой партией, следующей вдоль побережья. Я отнюдь не жду подобной партии до конца зимы, но мне не хочется огорчать тех, кто еще питает подобную надежду».

«19 ноября. Лонг застрелил голубого песца, весящего около 2¼ килограммов, что нас чрезвычайно ободрило. Сегодня я в течение часа или двух рассказывал о злаках и фруктах, произрастающих в Соединенных Штатах. Вчера вечером читали вслух — Джюэль «Пиквика», Райс — роман «Двое на башне», лейтенант Локвуд и Генри — «Историю нашего времени». Я был вынужден уменьшить выдачу мяса еще на 30 граммов, так что отныне мы получаем ежедневно только по 120 граммов мяса и 180 граммов хлеба. Такого рода уменьшение явилось необходимым, потому что надо увеличить паек Элисона. Мера эта была принята мною самостоятельно, и весьма приятно отметить, что ни один человек из всей партии не выразил неудовольствия».

«21 ноября. Элисону значительно лучше, доктор полагает, что он сможет поправиться без операции. По совету доктора, я решил хранить отныне все сало (25 килограммов) исключительно для медицинских надобностей. Уменьшение выдачи сала и мяса будет отчасти возмещено небольшим увеличением порции тюленьего жира. Я посвятил один час лекции о минеральных богатствах Соединенных Штатов. Стоит отметить, с каким слабым интересом отнеслась партия к добыванию золота и серебра. Многие высказались по этому предмету, и почти все готовы пожертвовать всем своим достоянием, если бы это могло гарантировать успешное возвращение экспедиции в Соединенные Штаты».

«22 ноября. Лонг застрелил голубого песца, весящего около 1½ килограмма. Я прочел последнюю лекцию о Соединенных Штатах вообще, останавливаясь главным образом на географических подразделениях, а с завтрашнего дня начну рассказывать о каждом штате в отдельности».

«23 ноября. Часа два говорил о штате Мэн, описывая его климат, его растительные и минеральные продукты, речную систему, горные цепи, главные города, излагая его историю и рассказывая о знаменитых людях, родившихся в этом штате. Затем я обратился к Джюэлю, который жил когда-то в штате Мэн, и просил его дополнить мое сообщение».

«24 ноября. Беседовал часа два о Нью-Гэмпшайре; затем Джюэль рассказывал о жизни на горе Вашингтона. Вместо обычного чтения библии, Диккенса и армейского устава сегодняшний вечер был посвящен воспоминаниям о нашей прежней жизни и о домашней обстановке каждого из людей».

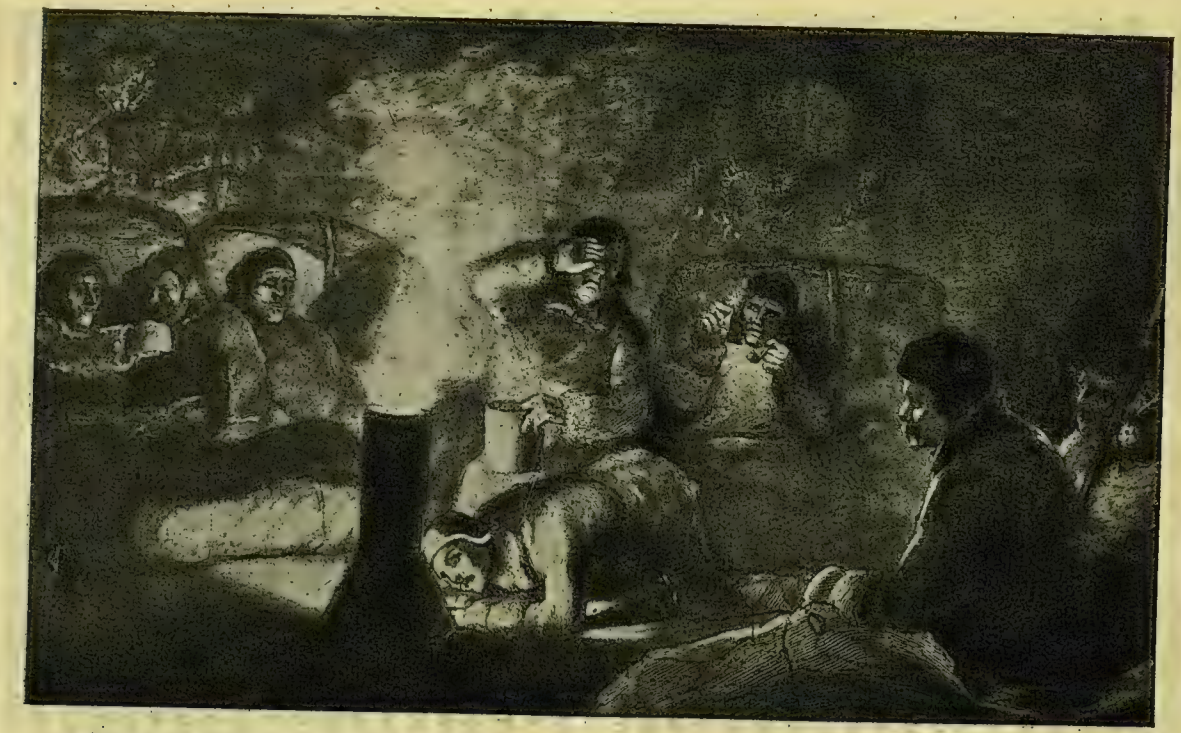
«25 ноября. Как всегда, отпраздновали воскресенье особым блюдом, которое состоит из смеси сухарей, изюма, молока и тюленьего жира. Кристиансен застрелил голубого песца».

«26 ноября. Температура опустилась почти до точки замерзания ртути. Иенс говорит, что на севере видны густые водяные облака, но в стороне Гренландии небо совершенно чисто. Отсюда я заключаю, что пролив, должен быть, замерз».

«27 ноября. Температура упала до —41,9° С. Сегодня я рассказывал о штате Вермонт».

«28 ноября. День Благодарения — праздник, которого мы ждали с нетерпением уже несколько недель.

«В предвидении его 3 килограмма риса, 2½ килограмма изюма, по 1 килограмму кофейного и шоколадного экстракта и 1 килограмм молока были отложены в сторону при составлении описи наших запасов. Я убежден, что мысль эта была очень мудрая. Сегодня мы были почти счастливы и ели почти досыта. Четверть литра рома на человека и несколько лимонов в результате искусных манипуляций создали самый вкусный пунш, какой нам когда-



Зимовье экспедиции у мыса Сэбайна.

либо случалось отведать. Песни, рассказы и шутки продолжались до полуночи».

«30 ноября. Бурный день при температуре —16,1° С. Месяц кончается, сравнительно говоря, хорошо. Партия в общем пребывает в добром здоровье, хотя многие сильно страдают от запоров».

«1 декабря. Сильный шторм понизил температуру внутри хижины. Был устроен вечер воспоминаний, а когда их запас истощился, стали рассуждать о будущем, на которое все смотрят с большими надеждами».

«2 декабря. Необычайно сильная буря продолжалась до полудня. Партия из трех человек должна была работать в течение нескольких часов, чтобы расчистить вход, совершенно занесенный снегом. Буря унесла кровлю сеней и часть нашего дровяного запаса. Поварам было очень трудно приготовить завтрак. На полу скопился слой снега толщиною до восьми дюймов, который прежде всего надо было вымести вон. Тепло кухонной лампы растопило оставшийся снег, и потому повара промокли до костей».

3 декабря. Часа два читал лекцию о штате Нью-Иорка».

«5 декабря. Восточный ветер, изменившийся к утру на западный, вновь засыпал снегом наши сени и продовольственный склад. Вечернее чтение вслух состояло из двух глав библии, из армейского устава и одной главы «Пиквика».

«6 декабря. Сегодня я два часа посвятил Пенсильвании. Донесения, полученные от людей, которые поднимались на прибрежные холмы, указывают, что пролив в настоящее время открыт».

«7 декабря. С большими трудностями сделали новую прорубь в озере, так как у нас нет подходящих инструментов для этой работы, а лед имеет уже толщину в один метр».

«8 декабря. Гардинер сменил меня в качестве лектора и целый час рассказывал о Филадельфии. При выметании снега из саней, к несчастью, опрокинулась банка со спиртом, и небольшое количество его (быть может ½ литра) было пролито».

«9 декабря. Сегодня застрелены два песца, один Лонгом, а другой Брэйнардом. Райс очень инте-

ресно рассказывал о том, как он целый год прожил на тропических островах в Мексиканском заливе. Контраст с нашим теперешним положением придал большую выразительность его картинным описаниям».

«10 декабря. Д-р Пэви сообщил мне, что ноги Элисона будут спасены. Впоследствии он лишится части руки, но в нашем теперешнем лагере ему не придется делать ампутации. Пациент настроен очень весело, много говорит и с удовольствием курит».

«11 декабря. Брэйнард снова переутомился от непосильной работы и сегодня вечером был очень слаб. Я был вынужден указать ему, что он постоянно исполняет излишнюю работу за других. Но когда он сослался на апатию большинства людей и на необходимость исполнения той или другой работы, мне пришлось замолчать. Каждый делает что может, и я горько сожалею, что могу лишь убивать время и неспособен к тяжелому физическому труду».

«13 декабря. В обеденной смене лейтенанта Кислингбэри сегодня вышло недоразумение. Фредерика обвиняют в несправедливости при распределении порций. Д-р Пэви, Генри и Уислер заявили, что они сговорились изловить Фредерика с поличным. По моему требованию, лейтенант Кислингбэри допросил по очереди всех людей своей смены и затем решил, что жалоба неосновательна. Я присоединился к его мнению, но во избежание подобных подозрений в будущем приказал, чтобы отныне хлеб приносился сержантом Брэйнардом и делился на части в присутствии всей партии. При распределении супа и чая также будет установлен более строгий контроль. Копоть и дым, выделяющиеся во время стряпни, до такой степени густы, что почти невозможно разглядеть даже лица соседа, к которому прикасаешься рукой. Посреди этих облаков дыма и копоти, при свете жалкого огонька, дающего не больше света, чем простая сальная свечка, повара вынуждены делить на части мясо, чай и прочую пищу. Не думаю, чтобы кто-либо проявлял умышленное пристрастие при раздаче порций или удерживал излишнее количество для себя, но голод делает большинство людей болезненно подозрительными».

«14 декабря. Кристиансен застрелил песца. Таким образом у нас в запасе уже имеется по одному песцу на каждую неделю вплоть до конца марта. В обеденной смене лейтенанта Кислингбэри сегодня вечером опять начались недоразумения. На этот раз по случаю холодного супа. А суп подается холодным вследствие нового способа распределения пищи. Стоит отметить, что те самые люди, которые жаловались и требовали другого способа подачи, теперь всех более недовольны новыми порядками».

«15 декабря. Гардинер дополнил мою сегодняшнюю лекцию о Новой Каролине весьма интересным рассказом о жизни на плантациях в этом штате. Работа по уборке помещения совершается теперь в порядке очереди. Каждый день надо вылить помои, расчистить замерзшую прорубь и принести воды для поваров. От этой работы, требующей от двадцати до тридцати минут и выпадающей на долю каждого один раз в две недели, освобождены: я, д-р Пэви, Брэйнард, у которого на руках раздача пайков, повара, Бидербик, который несет обязанности фельдшера, Генри, у которого отморожен палец на ноге, и Израэль, который хотя и здоров, но слишком слаб физически; больная рука Гардинера также увольняет его от работы, а Кросс, по приказанию доктора, колет дрова для всей партии, что делается внутри дома; таким образом он избавлен от необходимости подвергаться холоду, к которому очень чувствителен».

«18 декабря. Читал сегодня лекцию о Флориде; было очень интересно, если не по другим причинам, то по контрасту с нашим теперешним положением».

«19 декабря. Сильная буря. Было очень трудно расчистить сегодня прорубь, и, за отсутствием охотников, я сам помогал очередному водоносу. Я, впрочем, так слаб, что моя работа имеет только то значение, что может несколько ободрить и подстрекнуть к работе других».

Лейтенант Локвуд пишет: «Мы все очень слабы и испытываем апатию, которую невозможно стряхнуть с себя. Очень трудно бывает решать каждый вечер, какое количество хлеба надо оставить для завтрака,

ибо вечерний голод борется с утренним. Я всегда ем свой хлеб с большим сожалением. Если я его съедаю до чая, то сожалею, зачем не сохранил хлеба к чаю; а если я сберегу хлеб до чая, то пью самый чай слишком торопливо и не получаю от него всего того удовольствия, на которое рассчитывал. Ну и жизнь, при которой несколько крошек хлеба целиком занимают все помыслы человека! Со всеми остальными происходит то же самое».

«20 декабря. Сегодня ночью я несколько раз слышал, как песец бегал по кровле нашего жилища, и выслал Лонга, но ему так и не удалось увидеть это животное. К счастью, Кристиансен застрелил песца, весом больше 2 килограммов. Кристиансен с большой радостью принял 15 граммов табаку, который я выдаю эскимосам каждый раз, когда им удается убить песца или тюленя. Кроме того он получил сердце и печенку, которые всегда достаются каждому охотнику, как законная часть добычи».

«21 декабря. Сегодня сержанту Брэйнарду исполнилось двадцать семь лет. Я дал ему по этому случаю ¼ литра рому, сожалея, что не могу сделать ничего больше. Он всю эту зиму исполнял необычайно тяжелую работу. Его выносливость, его всегда ровное настроение и беспристрастие, с которым он распределяет пищу, оказали мне неоценимые услуги.

«Брэйнард подстрелил голубого песца, который убежал, оставив кровавый след на снегу, но он последовал за ним с фонарем и нашел мертвое животное на расстоянии 250 метров.

«Действие чисто морального фактора сказалось сегодня необычайно ясно. То обстоятельство, что солнце теперь находится всего дальше от нас и начнет вскоре обратный путь, чрезвычайно повысило настроение духа партии».

Лейтенант Локвуд пишет: «Сегодня мы наконец достигли вершины холма, возвышающегося над этой «Долиной стужи и голода». Благодарение богу, теперь славное солнце начнет свой обратный путь. С большим усилием мне удалось сберечь 30 граммов хлеба и 60 граммов масла для рождества. Я постараюсь во что бы то ни стало не съесть этого запаса раньше времени

и поручил его Бидербику, как дополнительному сторожу».

«22 декабря. Брэйнард пишет: «Заплесневелый черствый хлеб и 2 банки консервированного супа подаются на обед для двенадцати человек. В Конгере 10 таких банок служили для начала обеда. Но даже та ужасная нужда, в которой мы теперь находимся, не может испортить общего хорошего настроения нашей партии».

«23 декабря. Снова вышли неприятности с прорубью, которую не мог расчистить Коннель. Все, за исключением поваров, доктора, фельдшера и больных, вышли на эту работу. Наконец Брэйнарду удалось достать воду. Эллис работал долго и усердно у проруби, но, вернувшись, упал в обморок. Сегодня Сэлору исполнилось тридцать три года; он получил ¼ литра рома».

Неудобства, испытываемые нашими поварами Фредериком и Лонгом, лишь отчасти описаны Брэйнардом, который говорит: «Бедные повара легли сегодня рано спать; оба они больны вследствие постоянного вдыхания дыма, идущего от сырых дров. Когда они готовят кушанья, вся хижина наполняется густым дымом, грозящим почти задушить нас. Однако все, за исключением поваров, могут отчасти защититься, забившись в спальные мешки, тогда как они вынуждены все время стоять у огня и раздувать его, и это причиняет страдания, которые едва ли могут быть оценены остальными. Все мы более или менее поглупели, и я только удивляюсь, как мы до сих пор не сошли с ума. Все, не исключая меня самого, стали угрюмыми, а временами и очень сварливыми. Не знаю, удастся ли нам пережить ужасы этой ледяной тюрьмы».

«24 декабря. У д-ра Пэви был припадок нервного озноба, и одно время положение его было очень тревожно. Я велел дать ему немного рома, а Бидербик сделал все от него зависящее, чтобы несколько облегчить его страдания».

«25 декабря. Рождество. Температура —37° С. Лейтенанту Кислингбэри исполнилось тридцать шесть лет. Наш завтрак состоял из жидкого горохового супа с тюленьим жиром и небольшим количеством консер-

вированного картофеля. Позднее были выданы на каждую обеденную смену по две банки морошки, а в половине второго Лонг и Фредерик начали приготовление обеда, состоявшего из тюленьего мяса, консервированного картофеля и хлеба, сдобренного маринованным луком; после этого было подано нечто вроде рисового пудинга с изюмом, тюленьим жиром и сгущенным молоком. Потом мы получили шоколад и пунш из ½ литра рома и четвертушки лимона на каждого.

«Все были ласково и дружелюбно настроены и выражали желание позабыть былые ссоры. Вечером прочли вслух сообщение лейтенанта Гарлингтона и статью Клея. Затем каждому было предложено пропеть песню или рассказать историю; приятная беседа продолжалась до полуночи. Мы слушали датские, эскимосские, немецкие, французские и английские песни. Истинным событием этого вечера явилось чтение вслух меню тех обедов, которыми современем партия будет праздновать дни рождения своих членов. Раздавались приветственные клики в честь меня, нашего увечного товарища Элисона, поваров и Райса, который отправляется на остров Литлтона в первых числах февраля. Брэйнард с энтузиазмом предсказывал, что лейтенант Гарлингтон посетит нас во время январского полнолуния. Я не могу согласиться этим мнением, которое разделяют Пэви, Кислингбэри и другие, но мне не хочется их обескураживать».

Брэйнард пишет: «Наша партия находится в изумительно веселом и бодром настроении. Если так будет продолжаться и впредь, нам не грозит опасность сойти с ума. Какая разница между нами и той партией шпицбергенских охотников, которые погибли вследствие упадка духа, хотя имели пищу в изобилии».

«26 декабря. Брэйнард застрелил сегодня голубого песца в 1½ килограмма. У Фредерика воспалился глаз от кухонного дыма, так что на время его заменяет Бендер».

«27 декабря. Я беседовал сегодня утром о Кентукки, и Джюэль дополнил мои замечания очень интересным рассказом о том, каким образом в этом штате дрессируют лошадей. Температура достигла +40°».

«28 декабря. Чтобы пополнить наш скудный запас топлива, мы начали жечь веревки, которые дают густой дым, раздражительно действующий на наши глаза и гортани».

«31 декабря. Вчера ночью была сильная буря, продолжавшаяся до утра. Прорубь вновь замерзла, и нам было чрезвычайно трудно расчистить ее. В течение часа я беседовал о Мичигане. Нога Кросса беспокоит его до такой степени, что Бендеру и Шнейдеру отныне поручено колоть дрова. Чтобы получить воду для промывки ран, сегодня начали растапливать лед на лампе из тюленьего жира. Я не спал до полуночи, поджидая того момента, когда старый год сменится новым, и ровно в полночь поздравил партию».

«1 января 1884 года. Новый год начался при благоприятных предзнаменованиях, так как Коннель полагает, что ему удалось увидеть Гренландский берег, и, значит, пролив замерз. Сержант Кросс и лейтенант Локвуд выказывают признаки слабости, первые, которые я мог заметить. Я долго беседовал с Локвудом и, кажется, успел несколько обнадежить его. Единственная добавочная выдача по случаю нового года состояла из морошки, четвертушки лимона и ½ литра рома на человека. Лейтенант Локвуд пролил свой чай, но эта потеря была возмещена добровольными приношениями со стороны нескольких участников нашей обеденной смены. Брэйнард стрелял в песца, но промахнулся. Думаю, что это первый случай с ним за текущую зиму. Температура —35,6°».

«2 января. Д-р Пэви начал вдруг обращаться ко мне по-французски, заявляя, что ему легче говорить на этом языке, нежели на английском. Лейтенант Локвуд поменялся с Джюэлем и занял его место в моем мешке. Прошлой ночью я много говорил с ним, стараясь его ободрить, и теперь настроение его немного лучше».

«4 января. Брэйнард рапортует, что в парусе, заменяющем кровлю над продовольственным складом, прорезана небольшая дыра, и оттуда украден маленький кусочек сала. Эта наглая попытка воровать пищу заставляет меня сильно беспокоиться о будущем. Вместо обычной лекции по географии я читал сегодня

вслух Статистический сборник, захваченный лейтенантом Кислингбэри из Конгера».

«5 января. Бендер в течение часа рассказывал нам сегодня вечером о своих странствованиях в качестве подмастерья по Германии, а также об игорном доме в Баден-Бадене. Температура —37,2° С. Я был вынужден воспретить людям держать пари на пищу или питье, а также обменивать провизию на ром и табак. К счастью, лишь немногие обнаруживают подобную склонность».

«7 января. Бидербик рассказывал сегодня вечером о домашней жизни в Германии, а я прочел после полудня лекцию о штате Миннесота.

«Брэйнард обнаружил, что кто-то прорубил топором дыру в одном из хлебных боченков и достал оттуда несколько килограммов. Он подозревает в воровстве определенное лицо, но не имеет прямых доказательств. Внесено предложение жертвовать ежедневно по 30 граммов хлеба в пользу вора, чтобы удержать его от искушения, при условии, что он признается во всем и выразит раскаяние. Но виновный предпочел молчать. В обеденной смене лейтенанта Кислингбэри кто-то взял из горшка кусок сала, положенный туда поваром. Жаловались также, что по ночам, когда гасят эскимосскую лампу, кто-то выскабливает оттуда и съедает тюлений жир. Все старания открыть виновного остались без результатов. Сегодня вечером я читал вслух выдержки из моего дневника, относящиеся к 1883 году, чтобы люди могли знать, что они делали год тому назад».

«8 января. Сегодня утром я долго рассказывал о штате Иова, а также напомнил, что сегодня годовщина сражения под Новым Орлеаном. Брэйнард совсем ослабел от непосильной работы. Я предложил увеличить его паек на 30 граммов хлеба в день, но он отказался, обещав впрочем уведомить меня, когда не сможет более нести такой тяжелый труд без увеличения количества пищи».

«11 января. Хорошая погода. Удалось заставить Кросса выйти немного погулять. За последнее время он не исполняет никакой работы, и доктор говорит, что он проводит слишком много времени в своем

спальном мешке. Сегодня я рассказывал о штате Канзас».

«12 января. Элисону исполнилось тридцать четыре года; он весел и держится изумительно хорошо, хотя обе ноги бо́льшая часть обеих рук для него потеряны. Я дал ему ¼ литра рома. Доктор рапортует, что у Кросса, Шнейдера, Линна и Эллиса замечаются признаки цынги. По совету доктора, я воспретил с сегодняшнего дня курение чайных листьев и всяких других веществ, кроме табаку. Лейтенанту Локвуду худо; он очень слаб и кроме того страдает поносом.

«Вода в озере постепенно становится очень соленой; очевидно, море свободно сообщается с озером, и вся пресная вода обратилась в лед. Топлива у нас мало, а теперь надо растапливать пресный лед для чая. Это известие было тяжелым ударом для всех, но я постарался ослабить неприятное впечатление, приказав Брэйнарду увеличить хлебный паек на 15 граммов в день. Точное количество наших запасов Брэйнард еженедельно сообщает по секрету мне одному, чтобы избежать всякого давления извне по вопросу об изменении пайков».

«13 января. Лейтенант Локвуд сильно напугал меня в прошлую ночь; по временам кажется, что он совсем помешался. Повидимому, он сберегал небольшое количество пищи от каждой дневной выдачи и, по его собственному признанию, съел сегодня из образовавшегося таким образом запаса 360 граммов твердой пищи; эта неосторожность совсем подкосила его. Он все видит вдвойне и очень слаб. Сегодня он несколько раз просил рома, но я ничего не мог дать ему. Воскресную порцию он получил вчера по совету доктора. Теперь доктор воспретил ему курить даже табак».

«14 января. Лейтенант Локвуд опять поменялся местами с Джюэлем и провел ночь в моем спальном мешке. Утром он был так слаб, что мне пришлось помогать ему переворачиваться с боку на бок и сидеть во время завтрака. Он очень страдает от невозможности курить. Доктор сказал мне, что у Кросса явственно выраженные признаки цынги. Он несколько раз просил дать ему рома. По совету доктора, я опять велел ему колоть дрова, так как физические упражнения

ему безусловно необходимы. Доктор говорит, что, по его мнению, несколько человек из нашей партии в своем теперешнем состоянии не смогут переправиться через пролив Смита; это, быть может, правильно, но я до сих пор не хочу верить этому.

«С большим трудом удалось заставить Ральстона, Линна и Джюэля встать и немного заняться гимнастикой. Необходимость все время будить чужую энергию чрезвычайно ослабляет меня самого. С сегодняшнего дня начинается увеличение хлебного пайка на 15 граммов в день, но это для нас великое дело. Вода из озера, которой мы продолжаем пользоваться для стряпни, очень солона и вызывает сильную жажду. Я рассказывал о Небраске, и мои замечания были дополнены лейтенантом Локвудом. Мы жжем теперь в печке сапожные подошвы».

«15 января. Лейтенант Локвуд все еще занимает место в моем спальном мешке, и сегодня я долго беседовал с ним. Ему немного лучше, и он больше не видит всего вдвойне, как за последние дни. Он признался, что страх, как бы открытая вода не отрезала нам пути весной на остров Литлтона, мучил его в течение всей зимы. В результате необходимости растапливать лед для получения воды я был вынужден уменьшить количество чая, и отныне выдается только половинная порция. Это очень тяжело для большинства людей. — Я рассказывал сегодня об Индейской территории. Эти беседы далеко не столь популярны, как прежде, а для меня они чрезвычайно утомительны, и я чувствую себя совершенно обессиленным, когда кончаю».

«16 января. Лейтенант Локвуд стал немного сильнее, но все же не может садиться без посторонней помощи. Сегодня он в первый раз пожаловался мне на терзающий его неистовый голод. Тогда я предложил ему мою вечернюю порцию мяса, — всего 60 граммов, но он отказался. Дни стоят ветреные и неприятные. Кросс ослабел и не мог сегодня ходить. Доктор думает, что лейтенант Локвуд поправляется, и позволил ему выкурить трубку табаку».

«17 января. Лейтенант Локвуд попрежнему у меня в мешке. Прошлой ночью он спал хорошо, но все

еще крайне слаб. Я вынужден помогать ему каждый раз, когда ему надо повернуться. Сегодня утром доктор сказал, что Локвуд в опасном положении, и потому я предложил ему написать своему семейству. Кросс, повидимому, чувствовал себя не хуже, чем вчера, и колол дрова. Позднее однако ему стало плохо. Вечером доктор сказал, что Кросс находится в очень критическом положении. Интересно отметить, что Элисон до сих пор не знает, что потерял обе ноги, и часто жалуется на боли в подошвах и в пальцах. В семь часов вечера видно было северное сияние. Температура —37,8° С».

«18 января. Кросс умер сегодня в 2 часа пополудни. Джюэль, спавший рядом с ним, разбудил меня около 2 часов ночи, и когда мы зажгли лампу, то увидели, что Кросс лежит без сознания и наполовину выполз из мешка. Доктор осмотрел его, и, по его совету, я приказал влить в рот больному немного водки и супу, что удалось с большим трудом. Но он так и не очнулся. Доктор, осмотрев тело, сказал мне по-французски, что замечаются явственные признаки цынги. Он сообщил также, что сердечная водянка, которую он официально в присутствии всей партии объявил причиною смерти больного, вызвана недостаточным питанием; иначе говоря, смерть последовала от голода. Когда Кросс умер, я обратился к партии с несколькими словами, но, чтобы не пугать понапрасну людей, не упомянул ни о цынге ни о голоде. Впрочем Бидербик, Брэйнард, Израэль, лейтенанты Локвуд и Кислингбэри знают в чем дело. Я заклинал партию вооружиться мужеством и не падать духом при зрелище этой смерти, указав заодно, что здоровье Кросса было подточено его прежними привычками и что даже во время нашего пребывания в Конгере он был избавлен от полевой службы в виду неудовлетворительного физического состояния. Сегодня вечером партия, казалось, была настроена необычайно хорошо, и каждый старался ободрить других. День был погожий, ясный, но очень холодный, температура —40° С».

«19 января. Брэйнард и Бидербик зашили тело Кросса в парус. Вскоре после полудня я прочитал в хижине похоронную службу, затем мы направились

к могиле. Лейтенант Кислингбэри и шесть людей тянули сани, покрытые американским флагом, на вершину холма у юговосточной оконечности маленького озера, которое я назвал озером Кросса. Я сопровождал процессию, но прочие остались дома, так как очень холодно, а у нас нехватает теплых сапог. Бидербик бросил горсть земли на нашего первого мертвеца. Могила имела в глубину около ½ метра, сделать ее глубже нам не позволили слабость и отсутствие подходящих орудий. Над могилою салютовали ружейными выстрелами, но впоследствии рассудили, что не годится тратить заряды для подобной цели. Все знаки внешнего почтения были выказаны телу, пока оно оставалось в хижине. Лейтенант Локвуд сказал несколько слов об усопшем, которому исполнилось бы завтра сорок лет. Мы обнаружили, что он сберег значительное количество хлеба и масла с целью отпраздновать день своего рождения.

«Основываясь на рапорте сержанта Брэйнарда, я мог сегодня увеличить хлебный паек на 15 граммов, так что отныне мы будем получать 210 граммов ежедневно. Эта прибавка до некоторой степени рассеяла тяжелое впечатление, вызванное нашими первыми похоронами.

«Лейтенант Локвуд все еще остается у меня в мешке, и его присутствие служит для меня большим утешением, хотя мне приходится тратить много усилий, помогая ему подниматься для приема пищи или менять положение в мешке. Гардинеру сегодня исполнилось двадцать семь лет, но кроме сердечного поздравления я мог предложить ему только ¼ литра рома. Из всей партии один Эллис, повидимому, сильно подавлен смертью Кросса».

«20 января. Погода остается попрежнему тихой, ясной и очень холодной. Лейтенант Локвуд сегодня решил вернуться в свой мешок. Он слишком ослаб, по моему мнению, чтобы его можно было оставлять одного. Партия провела весь день в очень бодром настроении».

«21 января. Жалею, что не уговорил лейтенанта Локвуда остаться со мной. Бидербик заявляет, что Локвуд несколько раз бредил в течение ночи. Сегодня

после полудня он подполз к моему мешку и сказал, что хочет сообщить мне нечто по секрету. Затем признался, что чувствует себя чрезвычайно слабым и понимает, что ему невозможно будет переправиться с нами на остров Литлтона 1 марта. Я ответил, что, может быть, он ошибается, но в противном случае придется везти его в санях так же, как и Элисона. Он сказал, что этот добавочный груз конечно окажется гибельным для партии, и просил, как милости, чтобы 1 марта я выдал ему одну двадцать четвертую часть всего оставшегося запаса провизии и отправился в путь без него. Он доказывал, что если какая-либо экспедиция зимует на острове Литлтона, то его могут спасти, прежде чем кончится провизия; но если там никого нет, он должен погибнуть во всяком случае. — Жалею, сказал я ему, что он такого низкого мнения обо мне, если решается сделать мне подобное предложение; как начальник экспедиции, я обязан заботиться обо всех моих подчиненных; если какое-либо изъятие может быть допущено из этого правила, то исключительно в пользу больных и слабых; поэтому я прошу никогда больше не упоминать мне об этом предмете, так как не смею и подумать о том, чтобы оставить здесь одного из участников партии. Я добавил, что ценю готовность к самоотвержению, выказанную им, но не могу уступить его желанию, ибо это значило бы изменить политику, которой я всегда придерживался. Как ему хорошо известно, я неизменно противился всякому плану, осуществление которого могло спасти одну часть партии в ущерб другой.

«Джюэль был вчера вечером чрезвычайно удручен смертью Кросса, но сегодня мне удалось внушить ему больше мужества. Райс чрезвычайно способствовал хорошему настроению партии интересным рассказом о жизни и приключениях на Вест-Индских островах. Брэйнард сегодня обнаружил, что кем-то украдено 12 банок молока. Эта новость чрезвычайно взволновала всю партию. Чтобы рассеять уныние, вызванное смертью Кросса и потерею молока, я решил чуть-чуть увеличить выдачу тюленьего жира и хлеба, так что отныне в неделю каждый будет получать 330 граммов жиру и 1700 граммов хлеба. Мое заявление об этом

вызвало такую радость, которая могла бы показаться неправдоподобной всему прочему миру».

«23 января. Весь день продолжался сильный ветер, понизивший температуру внутри хижины до —6,7° С. Некоторое время я подробно рассказывал о Сан-Франциско, а также прочел вслух ряд отрывков из «Американского Альманаха». Статистические сведения, касающиеся производства пищевых продуктов, чрезвычайно заинтересовали всех».

«24 января. Сержант Брэйнард пишет: «Здоровье партии, повидимому, слегка улучшается благодаря недавнему увеличению пайка. Барометр общего настроения явственно поднялся на несколько дюймов за последние два дня».

«25 января. Бидербику исполнилось сегодня двадцать пять лет, и он получил ¼ литра рома, чтобы отпраздновать это событие. Он отлично переносит трудности и лишения и, хотя в качестве фельдшера постоянно занят уходом за больными и слабыми, все же выглядит лучше всех во всей партии».

«26 января. Я был вынужден запретить людям есть спитой чай, потому что доктор считает это вредным при нашем теперешнем положении. Джюэль очень апатичен и подавлен; я потратил понапрасну много терпения и изобретательности, стараясь вновь пробудить в нем былое мужество и энергию. Я начал откармливать Райса и Иенса для предстоящего похода на остров Литлтона. Фредерик и Шнейдер работают, как могут, приводя в порядок походное снаряжение».

«27 января. Ясный, погожий день, уже значительно более светлый. Мы жжем в печке старые кожаные сапоги вперемежку с другим топливом. Эллис и Джюэль очень апатичны. Д-р Пэви и я беседовали сегодня о путешествии в Европу, чтобы немного развлечь партию».

«28 января. Основываясь на рапорте Брэйнарда и имея в виду все возрастающую слабость некоторых людей, я приказал увеличить хлебный паек до 1800 граммов в неделю. Локвуд, повидимому, экономит пищу, вопреки совету доктора; поэтому я велел ему съедать ежедневную порцию всю полностью. Мы начали читать вслух книгу Кэна, чей рассказ о голод-

ной диэте, которой он вынужден был придерживаться, вызывает в нас неописуемое желание получать хотя бы половину того количества пищи, какое имели его люди. Ртуть замерзла».

«29 января. Д-р Пэви прочел лекцию по физиологии. Лейтенант Локвуд, повидимому, в прежнем состоянии. Приходится помогать ему выбираться из мешка, чтобы он мог посреди хижины немного заняться моционом. Он, Райс и Иенс ежедневно принимают железо, а остальные участники партии, кроме меня, — через день. Мы употребляем теперь испорченный английский чай».

«30 января. Почти вся партия работает, снаряжая Райса в поход на остров Литлтона. Большинство верит, что лейтенант Гарлингтон зимует там с большими запасами провизии, полученными с корабля «Иантик», но я решительно заявил, что рассчитываю лишь на маленький склад, ибо не думаю, чтобы лейтенант Гарлингтон высадился на берег. Об этом было много споров. Кристиансена донимают судороги.

«31 января. Тихий день с низким давлением и высокой температурой. Партия находится в превосходном настроении духа. Я работал полтора часа подряд над письмами к Гарлингтону, к начальнику Сигнального ведомства и к моей жене. Эллис и Лонг написали каждый по завещанию, которые я отошлю с Райсом на остров Литлтона.

«Конец января для нас чрезвычайно важная пора года. Мы уже пережили три месяца тьмы при средней температуре —30,6° С и считаем, что наши испытания почти окончены, хотя солнце будет отсутствовать еще целых шестнадцать дней. Двадцать четыре человека остались в живых, и из них двадцать два сравнительно здоровы и сильны. Одичавшие, изголодавшиеся, исстрадавшиеся, мы все же полны надежд. Мы рассчитываем, что пролив Смита замерз и что, если Гарлингтона не окажется на острове Литлтона, все же Райс приведет к нам на помощь добродушных туземцев племени Эта, которые никогда не покидали Кэна и Хайса в дни нужды и опасности. Очутившись среди этих арктических горцев, мы наверное будем спасены».

Эскимосы с острова Сойдерса.

«1 февраля. Бендер отказался сегодня прекратить резкий и злобный спор с Уислером. Поэтому я выслал его за дверь, велев оставаться там, пока ему не будет угодно слушаться моих приказаний. Он провел вне хижины около часа, прежде чем выразил согласие подчиниться. Лейтенант Локвуд очень слаб и совсем впал в детство.

«Я передал письма, сообщения и формальные инструкции Райсу, который утром отправляется через пролив Смита к острову Литлтона. Если он не встретит спасательной экспедиции в бухте Спасательной Лодки, то должен разыскать эскимосов племени Эта и убедить их с санями и собаками переправиться через пролив. Я дал Райсу запас иголок и т. д. для подарков туземцам. Люди с надеждой смотрят на будущее, и я не смею обескураживать их, но с другой стороны никого не обманываю ложными надеждами».

«2 февраля. День очень важный для нас. Я разбудил поваров в 5 часов утра, на один час раньше нежели обычно. Райс говорит, что его походное снаряжение находится в полном порядке. Я дал ему и Иенсу по 120 граммов добавочного ростбифа на завтрак, Лонг убил голубого песца незадолго до их ухода, и все считают это добрым предзнаменованием. Они выступили в 8 часов 45 минут в сопровождении Брэйнарда и Кристиансена, которые несли их поклажу полпути до склада, устроенного командой «Нептуна». День был ясный, и были видны признаки солнца, которое возвращается к нам приблизительно через две недели. Сегодня вечером было очень холодно, ртуть замерзла, но светит луна, и это будет очень полезно Райсу при переправе через пролив».

«3 февраля. С сегодняшнего дня будет выдаваться по 1 920 граммов хлеба на неделю. Эскимос Кристиансен утром был в очень подавленном настроении, частью благодаря отсутствию Иенса, но еще более, я думаю, потому, что он вчера стащил в темноте мясо, принадлежавшее его обеденной смене. Люди в общем превосходно настроены. Все мы часто говорим о Райсе, и я с такой тревогой думаю о нем, что почти не могу спать.

«По совету доктора я приказал людям в течение

дня лежать, не забиваясь с головой в спальные мешки. Лейтенант Локвуд вчера казался немного сильнее, чем обычно, но сегодня производит впечатление совсем слабоумного. Он может понять то, что говорят ему, лишь после многократных повторений. Я выдаю ему добавочно по 30 граммов хлеба и мяса в день. — Ночью дул резкий ветер, и это заставило меня сильно беспокоиться о судьбе Райса и Иенса, однако, сегодня утром опять ясно и тихо. Все в превосходном настроении, но Брэйнард, которому дорого далась помощь, оказанная им Райсу, чувствует себя нездоровым».

«5 февраля. Доктор сообщил мне, что у Брэйнарда обнаружились симптомы болезни почек; кроме того он страдает одышкой. Доктор говорит, что ему надо избегать холода и большого физического напряжения. Лейтенанту Локвуду сегодня утром было гораздо лучше, и он мог встать, однако, сделав несколько шагов, упал в сенях, и то же самое повторилось, когда он возвращался в хижину. Но в общем состояние здоровья партии поправляется благодаря небольшому увеличению пайка».

«6 февраля. Ветреный день при температуре —29° С. Д-р Пэви дал мне пару рукавиц из собачьей шкуры, чтобы я мог ими воспользоваться при переправе через пролив.

«Лейтенант Локвуд стал гораздо сильнее. Я продолжаю выдавать ему добавочно по 30 граммов мяса.

«Позднее. Нас всех очень удивило возвращение Райса и Иенса, которые прибыли сегодня в 2 часа пополудни здоровые, но сильно утомленные. Райс рапортует, что нашел открытую воду, тянувшуюся на протяжении 10 миль от Уэд-пойнта. К счастью, партия, повидимому, не слишком удручена этим печальным сообщением. Райс говорит, что ему ни разу не удалось увидеть Гренландского берега. Густые водяные облака клубились на окраине твердого льда. На второй день путешествия Иенс обнаружил признаки усталости и истощения. Они очень мало спали и часто падали, продвигаясь по неровному льду в густой тьме».

«7 февраля. Я слегка увеличил паек, чтобы уравновесить впечатление, произведенное неудачей

Райса, и заявил, что отныне в течение ближайшей недели мы получим добавочные 540 граммов сала и тюленьего жира. Все это жалкие уловки, и на будущей неделе я буду вынужден вновь понизить паек, но, пока что, желаемый эффект достигнут».

«8 февраля. Ртуть снова замерзла, к великому, нашему удовольствию, ибо одной недели такой погоды достаточно, чтобы связать движущийся лед в проливе. Гардинер видел Гренландский берег, так как небо ясно и день очень светлый. Брэйнард, Райс и Иенс поправляются, и большинство партии настроено очень бодро. Обсуждали вопрос о подготовке к переправе через пролив Смита. Лейтенанту Кислингбэри поручено установить, чего нам не хватает по части рукавиц и обуви. Брэйнард и Райс составят опись клади, которую необходимо взять с собой, а Фредерик, Шнейдер и Эллис будут чинить одежду, спальные мешки и т. д. Я читал вслух «Историю нашего времени» Мак-Карти, а Гардинер — «Полярное море» Хайса.

«Согласно секретному рапорту Брэйнарда мы сможем прожить здесь до 10 апреля, если согласимся довольствоваться 120 граммами мяса и 240 граммами хлеба в день».

«9 февраля. Джюэль очень мрачен и провел двадцать четыре часа в мешке, не говоря ни слова и поднимаясь только для еды. С величайшими трудностями мне удалось заставить его стряхнуть с себя апатию; он был в очень дурном настроении духа, но это все же лучше, нежели молчание».

«10 февраля. Ясный, светлый день при температуре замерзания ртути. Бендеру лучше. Сегодня вечером он рассказывал нам о Германии. Лейтенант Локвуд поменялся местами с Джюэлем и провел вторую половину дня вместе со мною. Он признается, что с большим унынием смотрит на будущее и жалеет о своем бессилии помочь нам».

«11 февраля. Опять замерзла ртуть. Нам очень трудно приходится с водою, — уже почти два месяца нам нечего пить. Сегодня утром лейтенант Локвуд, д-р Пэви, Коннель и Генри настойчиво требовали воды. Что касается меня лично, то я хорошо переношу жажду. Бидербик доносит, что сегодня утром ясно

слышал шум льда в проливе. В общем настроение партии попрежнему превосходно, но Уислер очень удручен: сегодня он сказал, что нам, очевидно, не удастся достигнуть острова Литлтона. В целой партии он первый позволил себе подобное утверждение. С сегодняшнего дня я начал отпускать 1770 граммов хлеба плюс 180 граммов собачьих сухарей. Шнейдер признался, что он взял и съел два или три куска хлеба в разное время, начиная с осени, но попрежнему отрицает свою прикосновенность к пропаже молока. Брэйнард освидетельствовал остающийся запас провизии и нашел гораздо меньше рома, чем ожидал. Я был этим очень огорчен. Отныне ром будет выдаваться только для лечебных целей».

«12 февраля. Ртуть замерзла, но, несмотря на это, открытая вода остается в проливе, вероятно, под действием весенних приливов. Шум движущегося льда — печальный, роковой звук для нас, слышался почти весь день, и густые водяные облака видны на севере и на востоке.

«Лейтенант Кислингбэри и д-р Пэви затеяли злобный спор, едва не дошедший до оскорбления действием. Так как спор этот возник не по служебному вопросу, то я вмешался только тогда, когда этого потребовали интересы нашего общего спокойствия. Лейтенант Локвуд окреп и был сегодня в немного лучшем настроении. Джюэль в глаза сказал д-ру Пэви, что он всегда выбирает себе самые большие куски при раздаче пищи; так как этот факт был подтвержден другими свидетелями, то я распорядился, чтобы впредь повара громко называли имя того лица, которому предназначается та или иная порция».

«13 февраля. Очень холодно и светло, но ветрено. Остров Бэч отчетливо рисуется на севере и, повидимому, отражает лучи солнца, которое, впрочем, заставит себя ожидать еще несколько дней. Д-р Пэви и Бендер обменялись резкими словами, после чего доктор объявил мне, что не намерен более оказывать Бендеру медицинской помощи, пока тот публично не попросит прощения. Я приказал Бендеру извиниться, хотя доктор был виноват в происшедшем недоразумении. Немного спустя доктор поссорился с Уислером и хо-

тел, чтобы я объявил последнему публичный выговор, но я отказался, так как все споры начинает доктор. Эти постоянные столкновения ужасно утомляют меня, хотя я сам очень спокоен и стараюсь, как только могу, мирить ссорящихся».

«14 февраля. С сегодняшнего дня мы будем получать по 390 граммов тюленьего жиру и около 60 граммов сала еженедельно. Д-р Пэви обменялся резкими словами со Шнейдером, а позднее с Фредериком и жаловался мне на лейтенанта Локвуда, который не хочет исполнять его предписаний. Локвуд пишет: «Лейтенант Грили подошел к моей постели, чтобы осведомиться о моем здоровье и т. д. Он еще сохранил душевные и физические силы. Все мы очень грязны; одежда наша покрыта копотью и жиром. Мои руки и лицо совершенно черного цвета. Я надеюсь вопреки всякой очевидности, что пролив Смита замерзнет и что я смогу перебраться через него без посторонней помощи».

Брэйнард доносит, что кусок масла украден кем-то из его обеденной смены, и добавляет, что «Генри держит свою форму для отливки свечей на той же самой полке».

«15 февраля. Очень светло, но холодно. Почти все надеются увидеть сегодня солнце, так как на юге небо совсем ясно. Водяные облака все еще стоят над проливом. С большим трудом я сумел починить сегодня утром мои носки. Гардинер нашел мешочек английского табаку, что дало повод к спору. Гардинер поспешил вернуть мешочек д-ру Пэви, который требовал его, как свою собственность. Шнейдер сменил Ральстона на работе по отливке свечей, и теперь мы можем на некоторое время вместо эскимосской лампы жечь стеариновые свечи, сохраняя тюлений жир для еды. Стеарин очень тверд и горек, и доктор говорит, что вредно было бы употреблять его в пищу».

Лейтенант Локвуд пишет: «Я мало разговариваю, потому что мне трудно возвышать голос. Меня удручает скука, апатия и равнодушие ко всему, вызванные голодом, холодом и грязью и всеми другими бедами нашего теперешнего существования; я очень слаб как физически, так и морально; но мое настроение сегодня

немного лучше нежели обычно, а общий дух партии воистину хорош».

«16 февраля. Д-р Пэви осмотрел рты у всех людей и донес, что они находятся в хорошем состоянии, если не считать Генри, у которого видны кое-какие подозрительные признаки. Брэйнард сообщил, что у нас осталось 265 патронов для дробовика. Партия в общем настроена превосходно, несмотря на то, что открытая вода отделяет нас от Гренландии».

«17 февраля. Мы израсходовали последнее тюленье мясо, а также луковый порошок, горох, бобы, морковь, солонину, а в пятницу покончили с последней английской говядиной. На будущее время лучшей нашей пищей остается вареный бэкон и пеммикан. Сегодня солнце впервые поднялось над горизонтом после ста пятидесяти темных дней. Некоторые, в том числе и я, не видели его с 13 октября, когда мы переправлялись через залив Росса. Запаса топлива хватит, вероятно, до 5 марта. Повара совершают истинные чудеса ловкости, чтобы экономить пищу и топливо. Сегодня первое воскресенье, когда не было раздачи рома. Но все же я выдал людям по четвертушке лимона».

«18 февраля. Замечательно ясный и спокойный день. Райс посетил вершину острова Бэдфорд-Пима и мог оттуда видеть пролив на далекое расстояние. Он говорит, что вершина плоская, местами песчаная; кое-где встречаются большие снежные сугробы, у которых берут свое начало глетчеры, спускающиеся вблизи от нас. Он видел много открытой воды с многочисленными пловучими льдинами, которые на востоке как будто соприкасаются и создают путь через пролив. Подковообразный изгиб вблизи мыса Луи-Наполеона указывает на присутствие твердого льда в этом направлении. Повидимому, нужна лишь холодная погода, чтобы скрепить лед от мыса Сэбайна до Кэрипойнта, и тогда мы сможем переправиться. Настроение партии значительно улучшилось после этого сообщения».

«19 февраля. Сильный южный ветер, поднявшийся прошлой ночью, длился приблизительно до полудня. Он повысил температуру до — 17,8°. С оттаявшей кровли нашего жилища закапало, что причинило

нам большие неудобства. Я отчасти утешаюсь тем, что лед растаял у меня над головой, и потому я могу сидеть выпрямившись. Бендер и Шнейдер поссорились в спальном мешке прошлою ночью, и дело дошло до драки; первый случай за все время нашей экспедиции. Как я догадываюсь, Бендер был зачинщиком. Я, однако, сделал выговор им обоим и сказал, что подобные вещи возмутительны и не должны более повторяться; мы люди, а не скоты. Оба чувствовали, что общественное мнение партии осуждает их».

В дневнике у Брэйнарда записано: «Пролив Смита представляет собой открытое море; на поверхности его совсем не видно какого бы то ни было рода льдин, и волны с белыми гребешками разбиваются о края прибрежного льда с печальным грохотом, который звучит в наших ушах как похоронный звон».

«20 февраля. Южный ветер продолжался большую часть дня. Повара отправились на охоту, но ничего не видели, кроме ворона — первая птица в этом сезоне. Быть может, это тот самый, который покинул нас в ноябре. Райс пробовал вскарабкаться на холм, чтобы поглядеть на пролив, но по причине сильного ветра был вынужден вернуться».

«22 февраля. Сегодня вечером лейтенант Кислингбэри заявил мне, что советует отпустить его с наиболее сильными людьми на остров Литлтона для охоты и для отыскания помощи. Он ссылается на то, что мы не сможем переправиться всей партией. Я вижу в этом предложении не что иное, как намерение бросить слабых на произвол судьбы. Так как сегодня день рождения Вашингтона, я отпраздновал его по-королевски морошкой и лучшим пеммиканом. Понадобилось только 1200 граммов добавочного сала и столько же хлеба, чтобы все почувствовали себя счастливыми».

«23 февраля. Сегодня утром я довел до сведения партии предложение лейтенанта Кислингбэри. Я указал, что подготовка к переправе быстро продвигается вперед и что партия не может разделиться с моего согласия; что вопрос о том, в силах ли мы переправиться в полном составе или нет, нельзя решить иначе, как посредством опыта, и что пока я сохраняю в своих руках власть, ни один человек не будет нами

покинут. Повидимому, никто не присоединился к плану лейтенанта Кислингбэри. Д-р Пэви энергично возражал по-французски, обращаясь ко мне, хотя и не пожелал изложить свое мнение».

«24 февраля. Ночью снова задул ветер, который продолжается с большой силой. Неужели эти штормы никогда не прекратятся и не позволят укрепиться нашему ледяному мосту? Лейтенант Локвуд, повидимому, стал гораздо слабее за последние четыре дня. Мне очень больно смотреть на него. Он был когда-то так силен и так мужествен, а в своей слабости так терпелив и мягок».

«25 февраля. Снова ветер со снежным бураном; барометр быстро падает и угрожает нам третьим штормом. Эти сильные ветры действуют на меня угнетающе, ибо я понимаю всю тщету наших надежд на замерзание пролива. Вид в сторону Гренландского берега был сегодня еще довольно благоприятен, но к северу, на сколько хватает глаз, простирается вода. Состояние лейтенанта Локвуда меня тревожит. Доктор говорит, что его, несомненно, придется везти в санях при переправе. А у нас 1000 килограммов груза, не считая его».

«26 февраля. Снова сильный ветер, прекратившийся сегодня утром. Барометр поднялся на один дюйм за двенадцать часов. Обширное водное пространство, в сущности настоящее море, простирается к северу от нас. Лейтенанту Локвуду, как будто, немного лучше, но он не может говорить ни о чем, кроме еды. Сегодня опять видели ворона».

«27 февраля. Генри исполнилось двадцать восемь лет. Я дал ему ¼ литра рома. Наши последние запасы лука, собачьих сухарей и кофе приходят к концу».

«29 февраля. Новая резкая сцена между доктором и лейтенантом Кислингбэри; лучше это, нежели умственная апатия, поскольку голодные люди не могут придерживаться золотой середины. Маленькие сани внесены в дом и приводятся в порядок. Мы еще утешали себя надеждой, что нам представится возможность использовать эти сани, а также рукавицы и обувь, приготовленные для переправы».

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

НОВЫЕ МЕСТА И РАЗЛИЧНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ.—НАЧАЛО КОНЦА.—НАШИ ПОСЛЕДНИЕ ПАЙКИ.—СМЕРТЬ ОДНИХ, СПАСЕНИЕ ДЛЯ ДРУГИХ

«1 марта. Наступил день, намеченный мною для переправы через пролив. Мы дожили до него, довольствуясь пайками, которые считаются недостаточными для поддержания жизни. В общем дух партии превосходен. Весна начинается, и двадцать два человека еще здоровы, хотя очень ослабели от недостаточного питания. Только Элисон и Локвуд по-настоящему больны».

«2 марта. Бурный, неприятный день; мы до сих пор не видели солнца. Партия в очень хорошем настроении. В последний раз всем роздали лимоны, сохранив две или три штуки для лечебных целей. Последняя банка молока вскрыта для Элисона».

«3 марта. К великой нашей досаде день был бурный и ветреный. Я уведомил партию, что мы сможем продержаться здесь до первых чисел апреля без существенного уменьшения пайков. До 16 марта у нас останется довольно пищи, чтобы переправиться через пролив. Мое заявление, повидимому, произвело хорошее впечатление. Мы еще не видели солнца. Последнее масло съедено сегодня, и почти все растительные продукты израсходованы. У нас еще осталось морошки на две выдачи и лимонного сока на три или четыре раза.

Брэйнард спросил меня, не могу ли я произвести в сержанты Фредерика на место Кросса, чьи обязанности он так хорошо исполнял. Я согласился на это производство, надеясь, что это подействует на людей ободряющим образом и даст им почувствовать, что есть еще на свете вещи, к которым стоит стремиться».

«4 марта. Ветер и снежный буран продолжались весь день при температуре — 30,6° С. Повидимому, стихии против нас. Мы, однако, имеем в распоряжении еще две недели, после чего я, наконец, должен буду решить, остаемся ли мы на этом берегу».

«5 марта. Сегодня совершилась последняя раздача тюленьего жира, томатов, картофеля и консервированного супа... Что будем мы делать через несколько дней? Шторм со снежным бураном все еще продолжается. Сильный ветер понизил температуру хижины до —7,2° С. Из-за холода мне не удается спать более одного или двух часов в сутки».

«6 марта. Сегодня, наконец, шторм прекратился, но, повидимому, он продолжается в проливе, так как там заметны многочисленные водяные облака. Отныне мы будем получать только по 1600 граммов хлеба в неделю, без добавки собачьих сухарей или растительных продуктов. Это вызвало большое уныние».

Лейтенант Локвуд пишет: «Я думаю, что партия теряет веру в будущее. Еда — вот главная тема разговоров. Бэкон горек, и мы едим покрывающее его сало; то и другое испорчено и очень твердо, но мы едим их со смаком».

«7 марта. Вновь тихо и ясно. Лонг отправился на охоту к мысу Сэбайна. Он дошел до острова Бреворта, но видел только следы двух песцов и двух медведей. Лейтенант Локвуд очень беспокоен сегодня. Райсу утром нездоровилось, но в полдень он поднялся на остров Бэдфорд-Пима и видел солнце, в первый раз после четырех с половиной месяцев. У Бендера опять был припадок неистовства. Боюсь, что не смогу долго выдержать это положение вещей».

«8 марта. Новый сильный шторм, который продолжается до сих пор; никто не мог выйти из хижины в течение дня. Однако вели общий разговор и настроение бодрое».

В дневнике Брэйнарда записано: «В первый раз за эту зиму устроили стрижку волос. Желающие постричься подползли к концам спальных мешков, и цирульник прошел между ними, стараясь возможно быстрее срезать спутанные массы волос».

«9 марта. Снова сильный ветер, который к вечеру напомнил бурю, разразившуюся в минувшем декабре. Совершенно несомненно, что подобные штормы должны взломать лед в проливе, и потому я полагаю, что наши шансы переправиться почти исчезли. Если только не замерзнет ртуть, я в четверг пошлю Лонга и Кристиансена к бухте Александры, и уже велел приготовить для них походное снаряжение».

«10 марта. К счастью, сегодня тихо и ясно, и солнце в первый раз осветило нашу жалкую хижину. Я дал Лонгу и Кристиансену добавочно по 30 граммов хлеба и по 60 граммов бэкона к завтраку. Они вышли в 9 часов утра. Наши надежды и благие пожелания сопровождают их».

«12 марта. Отличный ясный день позволил Брэйнарду отправиться на охоту к мысу Сэбайна, но он видел там только следы песца. Над проливом дует ветер и заметно большое количество водяных облаков».

«13 марта. Прекрасный день. Райс видел следы куропатки. Наш дом вторично осветился солнцем, и я был так счастлив увидеть его — в первый раз после ста пятидесяти двух дней. В 7 часов 15 минут пополудни Лонг и Кристиансен неожиданно вернулись, очень изнуренные. Они не видели ни дичи ни следов ее, если не считать одного песца. Они обыскали долины, примыкающие к бухте Александры, а Лонг посетил западный склон горы Кэри и в полевой бинокль смотрел на запад, на Хайс-Зунд, причем ему удалось открыть три новых мыса на северном берегу. Самый западный из них я назвал мысом Френсиса Лонга. Партия прошла около 70 миль за время своего отсутствия. Мы ужасно разочарованы этими результатами, так как я твердо надеялся раздобыть дичи.

«Повидимому, судьба против нас: открытый пролив, ни дичи ни пищи, и, очевидно, никаких надежд на помощь с острова Литлтона. Нас заманили сюда на нашу погибель. Если бы мы были теперь так же сильны

и деятельны как прошлой осенью, мы могли бы в лодке переправиться через пролив Смита в том месте, где имеется много открытой воды; но теперь мы партия из двадцати четырех изголодавшихся людей, из которых двое не могут ходить и с полдюжины других не в силах тащить и фунта. Мы сделали все, что могли, для собственного спасения и будем продолжать борьбу, но я готов почти сойти с ума, когда думаю о будущем. Конец никого не пугает, но страшен путь, который надо пройти, чтобы достигнуть конца. Умереть легко, очень легко; трудно бороться, терпеть, жить».

«15 марта. Сегодня получили последний настоящий утренний завтрак; но еще осталось небольшое количество мясного экстракта и четыре ложки картофеля. Завтрак этот состоял из 60 граммов хлеба, 30 граммов бэкона, 10 граммов картофеля и 15 граммов мясного экстракта на человека. Ясный день при температуре —34,9° С. Брэйнард убил трех куропаток, весом в общей сложности около 2 килограммов. Они были ощипаны и разделены; клювы, лапы и внутренности — все съедено».

«16 марта. Замечательно тихий и ясный день при температуре — 37,1° С. Лейтенант Локвуд сегодня слабее, чем вчера, но душевное состояние его, кажется, улучшилось. Лонг и Кристиансен отправились охотиться в кайяке на открытую воду. Лонг убил четырех чистиков в зимнем оперении; они весили ровно 2 килограмма после того, как были ощипаны. Вся партия радуется успехам охоты и бодро глядит на будущее.

«Брэйнард вспомнил намечавшийся мною прошлой осенью план собирания ракушек и предложил вместо этого ловить креветок. Конечно, наши люди очень изобретательны, и мы еще будем храбро бороться за нашу жизнь».

«17 марта. Я был вынужден понизить паек до 210 граммов хлеба и 120 граммов мяса. Лейтенант Кислингбэри и Иенс отправились на охоту; Иенс убил куропатку, весом в 600 граммов».

«18 марта. Двадцать один год тому назад в этот день я был произведен в офицеры. — Сильный ветер и буран, так что Лонг не мог охотиться. Линн, который, повидимому, несколько свихнулся после

своих страшных переживаний во время похода к мысу Изабеллы, совсем сдает. Не считая Локвуда, Линна и Элисона, все остальные способны к службе».

«19 марта. Сильный ветер и буран опять помешали охоте. Можно почти с ума сойти от досады, теряя эти дни».

«20 марта. Температура —29° С. Лонг пошел на охоту, хотя день был не слишком хорош; видел двух чистиков. Две совы или два сокола летели к северу; был так же замечен ворон. Райс отправился на ловлю креветок, но ему не повезло, и он добыл только несколько граммов».

«21 марта. Шторм мешает охотиться. Сегодня доктор вскрыл карбункул на пальце у лейтенанта Кислингбэри. Иенс страдает водянкой, так что встает вопрос, поскольку оба больны, кому из них двоих ходить на охоту: ему или Иенсу. Я разрубил гордиев узел, решив посылать их через день по-очереди. Изготовлена сеть для ловли креветок. Удивительно, с каким спокойствием смотрим мы в лицо смерти, которая теперь кажется неизбежной. Только дичь может спасти нас. Мы беседовали об этом очень спокойно и мирно, как подобает мужчинам. За исключением Генри, никто не говорил об ожидающей нас судьбе иначе, как вполне пристойно и с уважением. Я рассказал людям историю английского военно-транспортного судна, на котором мужчины, выстроенные, как для парада, пошли ко дну без малейшего ропота, в то время как их жены и дочери садились в лодки. Но одно короткое усилие все же легче, нежели эта долгая агония, когда, вдобавок, приятнее кажется думать о смерти, нежели решаться жить».

«22 марта. Райс испробовал сегодня новую сеть и принес около ½ литра мелких креветок. Он полагает, что сможет ловить вдвое больше ежедневно, и это будет для нас значительной поддержкой. Лонг и Иенс охотятся. Лонг донес, что лед тянется сегодня на 3 мили дальше нежели 17 марта. Это весьма благоприятный признак в смысле замерзания пролива, но я уже оставил всякую мысль о переправе, так как наши силы и имеющиеся запасы не позволяют нам предпринять теперь столь тяжелую работу. Я решил, что

с 1 апреля уменьшу пайки с таким расчетом, чтобы можно было прожить до 1 мая».

«23 марта. Брэйнард посетил фронт глетчера, который за зиму несколько продвинулся вперед, но нигде не нашел луж открытой воды. Он посетил также много сидящих на мели ледяных гор, но нигде не видел признаков, указывающих на присутствие тюленей или моржей. Райс, неутомимый как всегда, в 3 часа утра отправился за креветками. К несчастью, он упустил свою сеть и потому принес очень мало».

«24 марта. Вся партия чуть не погибла от угара, выделенного спиртовой лампой, на которой мы теперь стряпаем, ибо все дрова, если не считать лодки, израсходованы. Сержант Израэль пожаловался на тошноту и головокружение. Я сказал об этом д-ру Пэви, и доктор посоветовал Израэлю лечь на спину, говоря, что ему через несколько минут станет легче. Немного спустя Бидербику стало дурно в противоположном конце хижины, и доктор поспешил к нему на помощь.

«Тем временем Израэль потерял сознание, и пока я старался привести его в чувство, еще одному человеку стало нехорошо. Сержант Гардинер крикнул: «Это от спирта! Откройте дверь, откройте дверь!». Дверь открыли, и все, кто только мог, поползли из хижины, причем некоторые теряли сознание по дороге. Выбравшись из сеней, я увидел Брэйнарда, простертого на снегу, совершенно бледного и, повидимому, мертвого. Уислер свалился, я хотел помочь ему, но прежде, чем успел добраться до него, совсем обессилел и упал на землю. Гардинер бросился ко мне на помощь, с трудом поставил меня на ноги и старался натянуть рукавицы на мои руки, которые уже начали замерзать. Уислер тоже пытался помочь мне, но тут Гардинер упал на землю, и мы занялись им. В это время Брэйнард пришел в себя и смог встать. Когда силы и сознание вернулись к нам, мы поняли, что замерзаем, так как температура стояла около —32° С. Впоследствии было замечено, что каждый старался помочь своему соседу за исключением Генри, который держался в стороне и, очевидно, думал, только о себе. Те, которые остались внутри хижины, отделались легче, по-

тому что избежали обмораживания, доставшегося на долю тех, кто осмелился выйти на открытый воздух. Д-р Пэви и двое других совсем не почувствовали угара, но Бидербик и Израэль были близки к смерти. Несколько человек были тяжело обморожены; сержант Брэйнард пострадал больше всех, если не считать меня. Руки мои были обморожены так сильно, что почти целую неделю я не мог есть без посторонней помощи и приблизительно две недели всякая попытка пустить в ход пальцы причиняла сильные страдания. Стакан рома и 75 граммов добавочного хлеба были выданы на человека, чтобы восстановить наши силы после такого испытания. Брэйнард, несмотря на обмороженные пальцы, тотчас же пошел на охоту и убил песца, весом более 2½ килограммов. После того, как восстановился порядок и был приготовлен завтрак, обнаружилось, что кто-то украл кусок сала. Громкие проклятия посыпались на голову подлого человека, решившегося воровать пищу у своих товарищей, ведущих борьбу со смертью. Несколько часов спустя я узнал из разговоров, что подозрение пало на Генри и что «малыш» (так мы прозвали эскимоса Иенса) видел, как он взял сало и спрятал у себя под рубашкой. Теперь все, кто подозревал Генри, внимательно следили за ним. Как-раз перед обедом он пожаловался на тошноту. Мясо было распределено, и я слышал, как Генри, взяв свою порцию, сказал: «я отложу это на потом». Минуты две спустя его стошнило. Освидетельствовав банку со рвотой, Фредерик обнаружил большое количество непереваренного и почти не разжеванного сала.

«Общее расследование всего поведения Генри имело место 25 марта и ясно установило его виновность не только в краже сала, но также в получении двойной порции рома. Далее обнаружилось, что он был вором еще в Конгере и казался более чем подозрительным в деле исчезновения нашей провизии прошлой осенью. Начиная с его собственных друзей и товарищей по спальному мешку, все по очереди осудили его. Многие говорили, что его надо убить, но я просто заметил, что дело это входит в компетенцию военного командира и что я сумею принять крайние меры, если это

понадобится. После того, как я несколько месяцев тому назад пощадил офицера, в виду необходимости его услуг, мне не хотелось действовать иначе по отношению к рядовому солдату. Я освободил Генри от всякой службы и воспретил ему покидать спальный мешок иначе, как под наблюдением одного из товарищей».

В дневнике Брэйнарда от 25 марта записано: «Кристиансен вернулся страшно изнуренный и почти без сознания; Лонг поддерживал его и на половину тащил от мыса Сэбайна. Если бы не помощь Лонга, эскимос непременно погиб бы от холода. Теперь мы примешиваем креветок к нашей похлебке и находим их вполне съедобными. Эти крохотные животные дают нам новое средство спасения. Снег убран с лодки, и отверстия в ней расчищены. В первый раз с тех пор, как мы занимаем эту хижину, пища была приготовлена при отсутствии искусственного света».

В первый раз за пять месяцев луч внешнего света проник в нашу жалкую хижину, напомнил нам родной дом и тепло, внушил всем новые надежды и силы. Я живо вспоминаю впечатление, которое испытал, когда первые лучи солнца осветили передо мной картину неописуемой грязи и нищеты во всех ее жалких подробностях. На один миг печаль и тоска, холод и голод, физическая слабость и душевное томление, горечь обманутых надежд и бессильный гнев перед лицом нашей крайней беспомощности сразу обуяли меня, и хотя я человек сдержанный, все же, обернувшись, сказал астроному, лежавшему в одном мешке со мной: «Как это мы могли пройти через этот земной ад и не сойти с ума?»

26 марта Бидербик был уволен от обязанностей повара по причине малокровия, вызванного непосильной работой и недостатком пищи. Сильный шторм, свирепствовавший в этот день, совсем измучил Брэйнарда и Райса, которые ходили на охоту и на ловлю креветок. Райс, однако, принес некоторое количество креветок, а также несколько других ракообразных, которых я велел сохранить для нашей научной коллекции и отмерил для этой цели ½ литра спирту, чтобы пойманные животные не загнили. Я всегда старался поддерживать в людях мысль о чем-либо кроме нашей нужды,

и потому всю эту ужасную зиму регулярно производились и записывались наблюдения над барометром, термометром, направлением ветра и вообще над погодой, а теперь, уже перед самым концом, начала медленно увеличиваться наша коллекция.

Сильная ночная буря прекратилась 27 марта, в тот день, когда мне исполнилось сорок лет. Вся партия очень ласково обращалась ко мне с пожеланиями счастливого будущего. Я не подумал среди той нужды, которая нас окружала, отмерить себе по обычаю стакан рома. День этот был отпразднован иначе. Райсу удалось наловить 6 килограммов креветок, но самым важным событием был успех Лонга на охоте. Он и Иенс отправились по ту сторону сидевших на мели ледяных гор, и Лонг убил 38 чистиков, из которых Иенс подобрал 33 в свой кайяк. Лонг уже несколько месяцев назад обещал раздобыть для нас какую-нибудь пищу в подарок мне ко дню рождения, и был чрезвычайно рад, что это ему удалось. Я не могу описать, как благодарны мы были за этот успех и какой энтузиазм вызвал он среди изголодавшихся людей. После того, как были принесены убитые птицы, Генри просил меня вновь допустить его к несению службы, сказав, что я убью его, обращаясь с ним так жестоко.

28 марта Райсу повезло, и он наловил 13 килограммов креветок, тогда как Лонг принес 14 чистиков, а Кристиансен застрелил куропатку, так что теперь партия с надеждою смотрит на будущее. Брэйнард отправился на охоту к мысу Сэбайна, и в его дневнике записано: «Я нашел в окрестностях Пейер-Харбора многочисленные следы старинного эскимосского становища и остатки деревянных саней с костяными полозьями». Вечерние чтения вслух, которые доставляли когда-то так много удовольствия, теперь прервались, потому что многие предпочитают спать, нежели слушать. Любой корабль может теперь плавать по проливу Смита без всяких трудностей. Вода омывает мыс Изабеллы и, вероятно, простирается до Гренландского берега.

Апрель начался благоприятно, потому, что Лонг убил 11 чистиков и 2 куропатки и видел тюленя и

моржа. 3 апреля у нас еще оставалось в запасе по 3 килограмма мяса, по 7½ килограммов хлеба и приблизительно по 1 килограмму стеарина на человека. Кроме того Райс приносил ежедневно от 10 до 15 килограммов креветок. Печальный день пришелся на 5 апреля. Накануне ночью Кристиансен, один из эскимосов, некоторое время бредил; рано утром ему стало хуже, и в 9 часов он умер. Перед тем в течение целой недели ему давали изрядное количество добавочной пищи в надежде спасти его. Тело его было внимательно осмотрено д-ром Пэви и Бидербиком. Доктор донес, что замечаются слабо выраженные признаки цынги, но что смерть последовала от водянки сердца, вызванной недостаточным питанием. Мы избегаем слова «голод», но таково истинное значение того, что сказал Пэви. Смерть Кристиансена не могла не произвести самого угнетающего действия на всех слабых и упавших духом.

Я вновь начал писать дневник, прервавшийся на некоторое время из-за обморожения пальцев. В нем значится: «Настроение партии несомненно ухудшилось после смерти Кристиансена. Линн очень плох. Кроме него только лейтенанту Локвуду и Джюэлю урожает непосредственная опасность. Мы заняты приготовлениями к походу Райса, который я считаю необходимым».

В воскресенье 6 апреля Линн впал в бессознательное состояние около часа пополудни и умер в 7 часов. Он несколько раз просил воды, прежде чем умереть, но мы не могли дать ее. Эта смерть глубоко потрясла нас. Линн был сильный мужчина с ровным характером, простой в своих манерах и вкусах, ласковый товарищ, исправный солдат, которого все любили и уважали. За три года я только один раз имел повод выразить ему свое неодобрение. Всем нам давно было ясно, что ужасные испытания во время похода к мысу Изабеллы надорвали его физически и ослабили умственно.

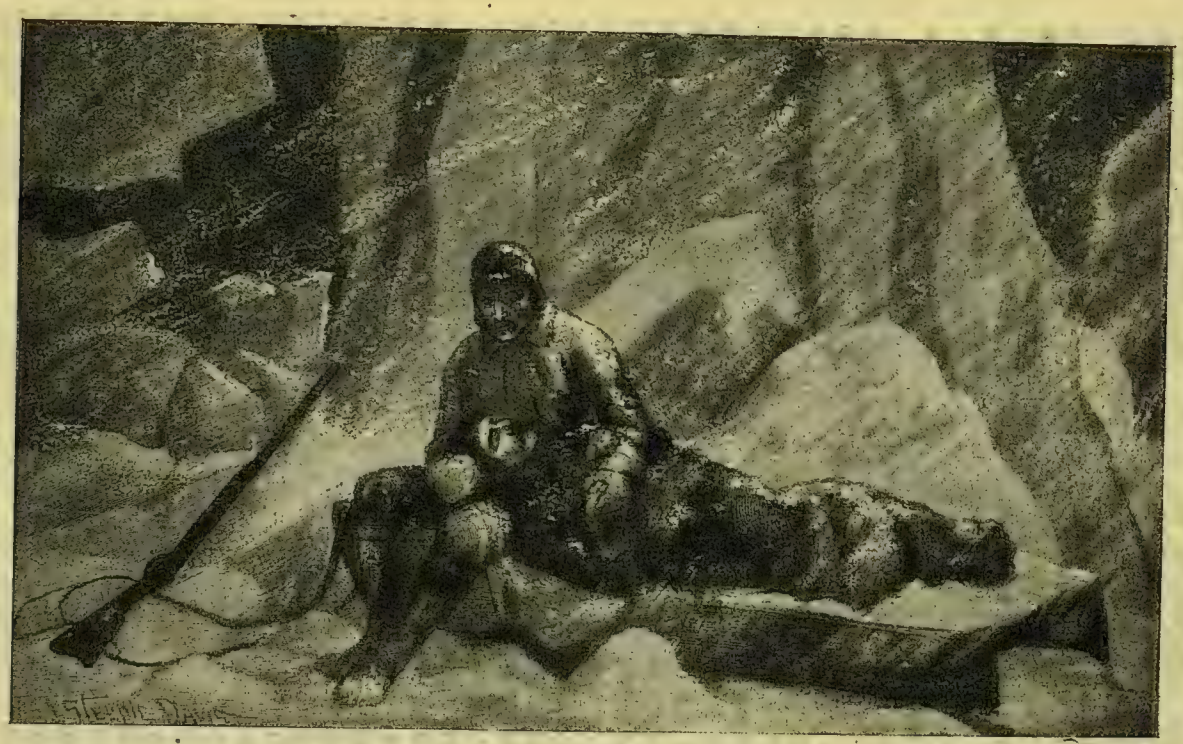
Около полуночи 6 апреля сержант Райс и рядовой Фредерик отправились на юг к заливу Бэрда, с целью отыскать 40 килограммов английского мяса, оставленные в ноябре 1883 года. Это оказалось необходимым, как помнит читатель, для спасения Элисона. Путешествие это было предложено мне этими двумя людьми

еще в середине марта, но я упорно противился, предвидя роковые последствия. Они, однако, просили, как милости, чтобы я разрешил им сделать эту попытку, довольствуясь тем же пайком, какой выдавался остальным участникам партии, т. е. 120 граммами мяса и 120 граммами хлеба в день. В этом случае, говорили они, партия не потерпит никакого ущерба даже при неудаче. Запас провизии может увеличиться, но никоим образом не уменьшится. На первых порах я ответил отказом, но так как дни шли, силы партии истощались и смерть казалась совсем близкой, то я почувствовал необходимость уступить. Успех, достигнутый нашими охотниками 27 марта, пробудил надежду, что в путешествии этом не будет необходимости, и потому оно было отложено. Но в первых числах апреля дичь снова исчезла. Смерть Кристиансена заставила меня решиться.

Подробности этого путешествия просто и трогательно рассказаны Фредериком после возвращения и в существенных чертах сводятся к следующему:

Термометр показывал — 22,2° С, когда они тронулись в путь. Достигнув вершины острова, куда были заранее доставлены нагруженные сани, они повстречались с сильным ветром. Спуск в залив Росса совершался по глубокому снегу, и ослабевшие люди часто падали головой вперед в сугробы, из которых поднимались, задыхающиеся и изнуренные. Наконец им удалось достигнуть ледяной поверхности залива. Но вопреки их ожиданиям, ветер усилился, и летящий снег заполнил воздух. Они боролись, пока могли, но около 8 часов утра 7 апреля вынуждены были расположиться на стоянку.

Сильный ветер и ослепляющий снег не позволили зажечь лампу для разогревания чая, и потому, без единой капли питья, они разостлали спальный мешок на льду и, съев несколько граммов замороженного пеммикана, улеглись для отдыха. Из-за сильной бури, которая совершенно похоронила их под снегом, они провели в мешке двадцать два часа. В 6 часов утра 8 апреля они выбрались из мешка, но слишком прозябли, чтобы немедленно заняться стряпней, и потому шли вперед еще около часа. Наконец, горячая пища



Смерть Райса.

и чай подкрепили их, после того как они оставались около тридцати шести часов без питья. В 7 часов пополудни темнота и бурная погода заставили их остановиться.

Утро 9 апреля наступило, тихое и ясное, и за какой-нибудь час они достигли нашего старого лагеря у Эскимо-пойнта. Так как они находились всего в 6 милях от того места, где было оставлено мясо, то решили бросить спальный мешок и часть продовольствия, рассчитывая, что с облегченными санями смогут взять мясо и вернуться обратно за один переход.

Частые полыньи вокруг сидевших на мели ледяных гор то-и-дело заставляли их пускаться в обход. Порою вода прилива мочила им ноги, и обувь их замерзала в тот миг, когда они выбирались на твердый лед. В довершение всех неудач около 11 часов утра задул сильный севернозападный ветер с поземкой. Немного спустя они на более или менее значительном расстоянии уже ничего не могли видеть. В 3 часа пополудни Райс и Фредерик достигли того места, где было оставлено мясо, но, несмотря на самые тщательные поиски, не могли обнаружить ни малейших следов его. Они начали склоняться к выводу, что лед был взломан и передвинулся после их осеннего похода. Тогда Фредерик предложил вернуться к спальному мешку и возобновить поиски на другой день. Райс советовал подождать, надеясь, что погода скоро прояснится, и тогда они найдут мясо. Около 4 часов пополудни Фредерик заметил у Райса признаки возрастающей слабости и напомнил ему, что они условились предупреждать друг друга о приближающемся истощении сил, с целью таким образом избежать катастрофы. Райс сказал, что если они пойдут немного медленнее, то он скоро оправится, но несколько времени спустя выказал такие признаки изнурения, что Фредерик потребовал привала и дал ему немного капель аммония вместе с ромом, а сам приготовил чай. После горячей пищи и питья Фредерик напрасно уговаривал Райса двинуться в дальнейший путь, чтобы не замерзнуть. Положение сделалось угрожающим. Райс был слишком слаб, чтобы подняться; он все время вспоминал свой родной дом, родственников и друзей, а также те вкусные блюда,

которыми он мечтал насладиться по возвращении. В то же время он как-будто вполне сознавал свое критическое положение и дал подробные указания относительно своих рукописей и личных вещей.

Фредерик делал для него все возможное. Хотя ветер продолжался с бураном и снегом при температуре — 16,7° С, он снял с себя свой джемпер, которым окутал ноги бедного Райса. В одной фуфайке, сидя на санях, он держал умирающего товарища в своих объятиях до 7½ часов, когда Райс испустил дух. Не считая последнего получаса, время это прошло в веселых шутках, до которых Райс и Фредерик были всегда большие охотники. Это не выдумка; мы так долго глядели в лицо смерти, что она перестала казаться ужасной. Привычка отвлекать свой ум от мысли о настоящем стала у нас второй натурой. Состояние Фредерика легче вообразить, нежели описать. Голодный уже несколько месяцев, ослабленный тяжелым, изнуряющим трудом, озябший почти до оцепенения, он остался один на обширном ледяном поле вместе со своим мертвым товарищем. Его спальный мешок находился на расстоянии мили, и он мог дойти до него, лишь перебравшись через острый лед, разбитый во время снежного бурана. Подобный переход показался бы трудным сильному и твердому духом человеку, но для этого слабого голодного бедняка он был пыткой и мог грозить гибелью. Порой Фредерик думал, что надо просто лечь и умереть. Это было бы всего легче. Но тут он вспоминал своих голодающих товарищей, которые с нетерпением и надеждой поджидали его возвращения. Если он не придет, некоторые из них, — он хорошо знал это, — пожелают рискнуть своей жизнью, чтобы оказать ему помощь. Эта мысль заставила его отказаться от смерти и вернуться к нам, живущим.

Он добрался до Эскимо-пойнта и своего спального мешка, но был слишком слаб, чтобы развернуть его. Он должен был полежать некоторое время и подкрепиться смесью аммония с ромом. Восстановив затем свои силы сном и небольшим количеством пищи, он не пожелал вернуться домой, пока не похоронил Райса и не прикрыл его тела снегом и льдом, для чего пришлось пройти еще 10 или 12 миль по льдине.

Возвращение Фредерика было чудом предусмотрительности, энергии и выносливости. Протащив свои сани, насколько позволяли его слабые силы, он съедал немного пищи и, забравшись в мешок, выпивал ложку рома с аммонием, что позволяло ему заснуть. Тотчас после пробуждения, окоченелый и застывший, он немедленно вылезал из мешка, шел вперед, пока совершенно не отогревался, и только после этого готовил себе чай и еду. Этим способом ему удалось доставить обратно все, что он и Райс взяли с собой, и, — удивительное дело, — он возвратил даже паек Райса, проделав всю работу с той порцией пищи, которая была отпущена ему лично.

Обстоятельства сильно переменились за время отсутствия Фредерика. Состояние лейтенанта Локвуда после смерти Кристиансена сильно тревожило меня, и с 6 апреля я начал выдавать ему четыре добавочных порции чистикового мяса, т. е. все и даже, по правде сказать, немного больше того, что мы могли сберечь. Казалось, ему стало лучше 7 апреля, но смерть Линна сильно на него подействовала. В этот день он написал в своем дневнике последние слова: «Сегодня Джюэль очень слаб». 8 апреля он потерял сознание и много бредил вечером. Он впал в полное забытье в 4 часа утра 9 апреля и умер двенадцать часов спустя, спокойно и мирно, без страданий, как умирали все люди нашей партии.

Лейтенант Локвуд был доблестный офицер, храбрый, верный, надежный. Мужество и мягкость были самыми выдающимися чертами его характера; скромный и сдержанный по натуре, он не скоро сходился с людьми, но его личные качества неизменно внушали уважение. Именно этим качествам, а вовсе не удаче нужно приписать великие успехи, достигнутые им. Имя его останется незабвенным в истории Арктики, доколе мужество, настойчивость и успех будут казаться достойными хвалы.

Джюэль совсем сдал после смерти Локвуда и, несмотря на добавочное питание, умер 12 апреля, потеряв сознание у меня на руках. Я сам кормил его в течение последних дней, предшествовавших смерти, и усердно старался вдохнуть в него мужество и силу. Он был

прекрасный человек, очень полезный и добросовестный наблюдатель. Он отлично нес также походную службу несмотря на свое слабое телосложение.

В пасхальное воскресенье мы услышали, что на нашей кровле громко чирикает подорожник — первый вестник весны. Все стихли, как по волшебству, и никто не вымолвил ни слова, пока не упорхнула птичка. Ее появление в это праздничное утро было сочтено за благоприятное предзнаменование и очень радовало нас в течение целого дня. В тот же день Фредерик также слышал чириканье подорожника у пролива Райса.

После ухода Райса Сэлор пытался исполнять его работу по ловле креветок, но не выдержал, и его сменил Брэйнард, который имел большой успех и приносил нам ежедневно от 10 до 12 килограммов. 11 числа Брэйнард, задыхаясь, вбежал в сени с криком: «Медведь, медведь!».

Он увидел медведя, идущего по береговому льду, и, не имея при себе оружия, вернулся в хижину так быстро, как только позволяли его слабые силы. Лейтенант Кислингбэри, Лонг и Иенс немедленно устремились в погоню, но Кислингбэри вернулся, совсем изнуренный, пройдя около 200 метров. Лонг и Иенс действовали очень осторожно, но медведь, заметив их, повернулся и стал уходить к открытой воде, простиравшейся милях в двух оттуда. Охотники разделились; один пошел немного севернее, другой немного южнее дороги, избранной медведем. Неровный лед благоприятствовал им, и так как зверь иногда останавливался, они успели приблизиться к нему на ружейный выстрел, прежде чем он достиг воды. Оба стреляли с промежутком в несколько секунд на расстоянии 250 метров. Иенс, полагавшийся на свою меткость, выстрелил первый, не сняв рукавиц, и попал медведю в переднюю лапу. Лонг, правильно учтя критический момент, ибо медведь находился в десятке метров от открытого моря, сбросил предварительно рукавицы и шапку, чтобы целиться наверняка. Десять секунд спустя, он всадил пулю в голову животного, но, чтобы прикончить его наверное, оба охотника выстрелили еще по разу, когда медведь уже упал. Зверь был молодой и весил без шкуры

200 килограммов. Эта дичь, повидимому, должна была обеспечить наше будущее. Иенс получил, в виде премии, ром и табак, тогда как Лонг в награду за свое хладнокровие и ловкость был условно произведен в сержанты.

На следующий день Лонг застрелил маленького тюленя, которого Иенс подобрал в свой каяк.

С 13 апреля я увеличил паек всей партии до ½ килограмма мяса в день, что, при наличии креветок, в общем дало нам возможность поправиться; 240 граммов добавочного мяса выдавались также Элисону и охотникам — Лонгу, Иенсу и Брэйнарду.

14 апреля в дневнике моем записано: «Лейтенант Кислингбэри обнаруживает явные признаки умственного расстройства, а мне доктор сообщил, что мое сердце находится в очень опасном состоянии. 120 граммов добавочного пеммикана и 60 граммов хлеба выдаются мне ежедневно».

Многие чины партии не раз просили меня брать себе добавочную порцию, подобно тому, как сами они ее получали в различных случаях, когда это представлялось необходимым, но я не хотел этого. Смерть лейтенанта Локвуда и умственное расстройство лейтенанта Кислингбэри меняли положение дел, поскольку моя смерть казалась неизбежной. Если я умру, сержант Брэйнард будет моим законным преемником, так как д-р Пэви, отказавшийся возобновить контракт в июле прошлого года, стал штатским человеком после того, как вышел из-под ареста; но он был не такой человек, чтобы спокойно примириться с подобным исходом. Поэтому я написал письмо, передававшее команду сержанту Брэйнарду в случае моей смерти.

В дневнике моем от 15 апреля написано:

«Бидербик сегодня подтвердил под присягой свои показания, обвиняющие д-ра Пэви в том, что прошлой осенью он взял хлеб Элисона, а также присвоил себе четыре банки мясного экстракта.

«Лейтенант Кислингбэри занимает матрац рядом с Бидербиком, так как место это теперь освободилось после смерти лейтенанта Локвуда. Ум его сильно пострадал, и он рассуждает иногда совсем как ребенок. Он часто выражает намерение выйти из хижины и ис-

полнить ту или иную работу, но находится при этом в таком физическом состоянии, что едва в силах ходить. Поэтому я запретил ему браться за какую-либо работу без моего приказания. Эллису немного лучше, но он очень ослабел умственно. Гардинер снова захворал, и я вынужден дать ему сегодня порцию рома. Доктор говорит, что он умрет первым из нас».

«16 апреля. Сегодня Брэйнард два раза ходил за креветками и принес 20 килограммов. Он был совершенно изнурен после вторичного возвращения. Самоотвержение, с которым он заботится о благе всей партии, просто удивительно. Я был вынужден сменить Ральстона на должности повара, так как многие жаловались, что он несправедливо распределяет пищу. В первый раз такого рода жалобы раздаются в нашей обеденной смене. Сегодня я получил 180 граммов добавочной пищи. Израэль получает теперь 240 граммов добавочного мяса».

«18 апреля. Лонг не мог охотиться из-за все еще продолжающейся дурной погоды. Доктор представил мне подробный рапорт о состоянии здоровья всей партии. Он говорит, что следующие лица находятся в очень худом положении: лейтенант Кислингбэри, Израэль, Сэлор, Бидербик, Гардинер и Коннель, и что Уислер совсем слаб. Он думает, что я медленно поправляюсь. На основании этого рапорта добавочная порция мне более не выдается».

«19 апреля. Лонг застал сегодня д-ра Пэви пьющим ром, предназначенный Шнейдеру. Доктор горько жаловался мне на неблагодарность Элисона. Я не могу осуждать Элисона за то, что он, при случае, обнаруживает свои истинные чувства, ибо он давно понял, какую роль доктор играл по отношению к нему. Бидербику и Эллису сегодня гораздо хуже, потому что они не могут есть креветок. Это очень огорчает меня, ибо кто не ест креветок, нашей главной пищи, тот должен вскоре умереть. В нашем распоряжении теперь много креветок, и я предложил сегодня вечером партии есть сколько угодно, но лишь в холодном состоянии. Никому не удалось съесть более нескольких граммов».

«20 апреля. Израэль сегодня в последний раз

получил 240 граммов добавочного мяса, и теперь никто не будет получать прибавки, кроме Элисона и охотников. Доктор говорит, что никому не разрешает давать прибавки, если ее не будут получать одновременно Кислингбэри, Эллис, Бидербик, Гардинер и Израэль. Так как невозможно выдавать добавочную пищу стольким людям сразу, то я не даю никому. Всю эту неделю не удавалось добыть дичи, а потому я приказал с завтрашнего дня снизить паек с 500 до 300 граммов».

«22 апреля. Д-р Пэви и лейтенант Кислингбэри советовали мне снова повысить ежедневную порцию мяса до 500 граммов. Это означало бы, что наш теперешний запас мяса должен кончиться 7 мая. Я сказал им, что не могу принять этого совета, но наконец согласился на некоторое изменение и приказал выдавать по 360 граммов, начиная с 24 апреля. Сердце мое меня беспокоит, и конец мой мне кажется близок. Я дал сегодня подробные наставления Брэйнарду относительно моих вещей и вообще всей той линии поведения, которой надо придерживаться в случае моей смерти. Он должен принять команду, если я погибну, ибо лейтенант Кислингбэри как в умственном, так и в физическом отношении неспособен на это. Сегодня вечером Шнейдер нравственно сломился, если только я смею употребить такое выражение, и не пожелал исполнить мой приказ о приготовлении ужина. Доктор аттестовал его здоровым, но Шнейдер сказал, что не может работать; вследствие его отказа я вылез из мешка и занял его место, как повара второй обеденной смены, несмотря на уговоры и возражения со стороны нижних чинов. Израэль был очень жалок сегодня, очень страдал от слабости и болей. Партия в общем очень худо настроена».

«23 апреля. Шнейдер опять стряпает. Я вчера сказал ему, что если он не приготовит завтрака, то сам ничего не получит; если он не хочет работать, то не будет и есть. Мне очень жалко его, но он должен стряпать. Я обращался к нему как к человеку, как к солдату, как к немцу, но тщетно. Мы израсходовали сегодня вечером последний стеарин, и с завтрашнего утра начинаем жечь лодку. У нас еще осталось 7 гал-

лонов[1] спирта, но я думаю, что лучше включить его в состав наших последних пайков. Пищи у нас осталось еще около 175 килограммов. Бидербику немного лучше, равно как и Кислингбэри, Уислеру, Бендеру, Коннелю и Сэлору. Брэйнард и Элисон чувствуют себя совсем хорошо, а д-р Пэви сумеет сам о себе позаботиться. Ральстон, по моему приказу, начал с сегодняшнего утра кормить Элисона, ибо д-р Пэви просил избавить его от этой обязанности. Элисон донес мне, что когда д-р Пэви вчера вечером его кормил, он украл часть бэкона, умышленно уронив несколько кусков в свой спальный мешок. Ральстон пролил сегодня утром свою похлебку, а Шнейдер разбрызгал вчера свой чай, но соседи возместили эту потерю. Отрадно отметить, что каждый раз, когда кто-нибудь теряет случайно пищу или питье, товарищи всегда делятся с ним своими крохами. Эллису лучше. Мое сердце сильно тревожит меня. Сегодня доктор дал мне честное слово, что предупредит меня за несколько дней в случае серьезной опасности, так что я смогу привести в порядок все дела, касающиеся будущего нашей партии. Сегодня утром я старался внушить людям, как важно им сохранить единство, в случае, если что-либо произойдет со мной, и заклинал их никоим образом не терять мужества. Я сказал Израэлю и Элисону, как надо поступить с моими бумагами, если со мной случится что-либо неожиданное.

«По совету д-ра Пэви и до некоторой степени считаясь с его заявлением о том, что кое-кто из людей недоволен выдачей 240 граммов мяса Брэйнарду за ловлю креветок, я решил отныне производить эту работу без всякой прибавки с помощью самых сильных людей в партии. Согласно этому плану д-р Пэви пойдет завтра утром раскидывать сеть. Лонг и Иенс охотились, но без успеха, и совсем не видели дичи».

«24 апреля. Я разбудил д-ра Пэви в 4 часа утра, и он отправился, чтобы закинуть сеть. Сержант Брэйнард пошел в 8 часов вытащить ее и добыл лишь около 120 граммов; доктор растянул сеть так ловко, что креветки не могли войти в мешки. Впоследствии он

[1] Галлон = 4,56 литра. *(Прим. ред.)*

признался, что думал о совсем посторонних предметах в это время. Сегодня утром у меня был ужасный припадок, я потерял много крови и испытывал сильную боль, после чего наступило состояние крайней физической слабости. Был вынужден съесть 120 граммов добавочного пеммикана. Бендер сменил Шнейдера на должности повара, так что последний может теперь помогать Брэйнарду. Шнейдер отправился сегодня после полудня на ловлю и вытащил около 5 килограммов креветок, но потерял один килограмм потому, что упал со своей добычей, Брэйнард позднее принес 6 килограммов. Д-р Пэви прописал сегодня Лонгу и Иенсу спирт, в то время как я находился вне хижины, — опасное и непозволительное злоупотребление властью с его стороны. Я аннулировал этот рецепт».

«25 апреля. Принял полграна хлоридной ртути и все еще ужасно страдаю. Доктор рапортует, что партия находится приблизительно в том же положении, что и вчера. Выдача 240 добавочных граммов мяса за ловлю креветок возобновляется с завтрашнего дня.

«Доктор признал, что его план совершенно провалился. Шнейдер отправился на ловлю в 2 часа пополудни и добыл 5 килограммов, но вернулся совершенно разбитый физически. Он оставил сети в таком положении, что Брэйнард вытащил всего 2 килограмма, когда пришел позднее. Прошлой ночью поднялся шторм, который продолжался утром и помешал охотиться».

«26 апреля. Плохой день для охоты; Лонг видел только одного тюленя. Партия в общем сильно упала духом. Брэйнард был слишком изнурен своей прежней работой, а потому не мог отправиться за креветками сегодня после полудня, и вместо него пошел Фредерик, который добыл около 3½ килограммов. Я принимаю по грану ртути в день. Испытываю сильные боли и потому нахожусь в угнетенном состоянии духа и физически очень слаб. Мой кишечник, повидимому, совершенно потерял всю свою силу.

«Иенс стрелял в морского зайца (*Phoca barbata*) на очень коротком расстоянии и промахнулся. Сегодня утром я приказал выдать охотникам 120 граммов доба-

вочного пеммикана. Рядовой Генри воспользовался моей болезнью и тем обстоятельством, что все другие лежали в мешках, и напился спирту до состояния полнейшей беспомощности. Это было обнаружено лейтенантом Кислингбэри, который лежал с ним рядом. Все выказывают крайнее отвращение к подобной низости. Вчера Лонг видел около дюжины белух, которые плыли к северу; к несчастью, они не приблизились на расстояние ружейного выстрела. Сегодня мне удалось немного развеселить Иенса. Он был очень угрюм и удручен своим недавним промахом по тюленю. Все участники партии старались подбодрить его, но он, повидимому, все же сильно огорчен; впрочем он ушел вместе с Лонгом в очень хорошем настроении. Коннель и Бидербик значительно поправились. Израэль и Гардинер получили по 120 граммов добавочного мяса».

«29 апреля. Роковой день для нас. Завтракали в 5 часов вместо 6 для удобства охотников. Иенс и Лонг вышли в 6 часов 45 минут утра в превосходном настроении. Иенс, повидимому, был очень весел и в первый раз после долгого времени подошел и пожал мне руку перед уходом, дружелюбно смеясь. В 2 часа 30 минут Лонг вернулся и сообщил, что Иенс утонул в 11 часов 30 минут утра, погубив при этом кайяк и нашу единственную исправную винтовку. Все очень опечалены смертью «малыша», потому что к нему были сильно привязаны за его добродушие, неизменную правдивость и честность. Лонг рассказал, что они подкарауливали тюленя, лежавшего на льдине, отделенной от неподвижного льда. Долгое время они надеялись, что льдина подплывет к ним, но затем Иенс решил сделать попытку подобраться к тюленю и спустил свой кайяк в полынью. Он благополучно переправился через первую трещину, перетащил кайяк по льду и поплыл дальше. Вероятно, кайяк был разрезан новым льдом, ибо Лонг заметил, что среди второй полыньи Иенс вдруг начал усиленно грести, а задняя часть кайяка поднялась кверху. Иенс хотел взобраться с кайяка на лед, но, к несчастью, последний был слишком хрупок и не выдержал его тяжести. Кайяк оставался на виду в течение часа или двух, и Лонг с величайшей опасностью для себя успел подойти к телу товарища на

расстояние ½ метра, но был вынужден вернуться обратно, после того как дважды провалился, а льдина, достигшая в своем дрейфе неподвижного льда, была вновь отнесена приливом. Лонг сказал, что Иенс был мертв, когда он приблизился к нему, и кайяк полон воды».

«30 апреля. Вчера казалось, что партия не слишком упала духом по случаю смерти Иенса, но сегодня все чрезвычайно удручены. Особенно угрюм лейтенант Кислингбэри».

Май начался очень уныло снежной бурей. Брэйнард неутомимо продолжал ловлю креветок и добыл для нас с 8 по 30 апреля не менее 225 килограммов. Однако 3 мая был израсходован последний хлеб, а мяса осталось только на девять дней, даже при том скудном пайке, который тогда выдавался. Охотники ежедневно отправлялись на промысел, но видели мало дичи. 3 мая Лонг посетил пролив Райса и убил тюленя, который затонул в 3 метрах от него.

В первых числах мая я был очень болен и ежечасно ожидал смерти. Когда мне было особенно плохо, Бендер и Генри накрыли с поличным Уислера, воровавшего бэкон из склада. В это время три человека находились за пределами хижины, и Уислер заявил, что дверь была взломана другими, а он, проходя мимо, увидел пищу и был до того голоден, что не мог противостоять искушению. Бендер и Генри утверждали, что Уислер взломал дверь, а они накрыли его. Я был слишком болен, чтобы вникать в это дело. Вся партия высказалась самым резким образом, и Уислер, признав себя виновным, заявил, что готов понести любое наказание. Генри, получив слово, обвинял его вместе с другими».

«6 мая. Сильная буря началась сегодня в 3 часа утра и, постепенно затихая, к полудню прекратилась. Д-р Пэви затеял ссору, высказав ложные утверждения относительно того рапорта, с которым он ежедневно обращался ко мне по-французски, и отсюда последовал язвительный спор. Я четыре раза приказывал ему замолчать и наконец сказал, что, если бы он не был доктором, я бы убил его. Тут рядовой Бендер начал защи-

щать доктора и, несмотря на многократные приказы, не хотел успокоиться. Мятеж казался неизбежным, и я убил бы его, если бы у меня было под рукой ружье Лонга. Дело дошло до того, что эти два человека исполняют мои распоряжения лишь постольку, поскольку сами находят это нужным».

«7 мая. Сильный ветер всю ночь. Я работал почти целый день, приводя в порядок мои личные вещи, чтобы они могли сохраниться в случае моей смерти. Почти к каждому из предметов, принадлежащих мне, я пришпилил бумажку с изложением его истории. Другие участники партии занимались тем же делом, хотя все хорошо настроены».

«9 мая. Фредерик вернулся с охоты в час ночи. Он сказал, что видел стадо из двенадцати белух и много тюленей, но, к несчастию, все они находились в открытой воде».

«10 мая. Чрезвычайно холодное утро; температура спустилась до —17,8° С. Пролив совершенно свободен от льда вот уже несколько дней. Не подлежит сомнению, что спасательная партия не зимовала на острове Литлтона, ибо в противном случае кто-нибудь добрался бы оттуда к нам в лодке. Лонг отсутствовал весь день, но тюленей не видал».

«11 мая. В 2 часа ночи, когда Фредерик вернулся после восьмичасовой охоты, термометр показывал —20° С. Крайне низкая температура для этого времени года. Фредерику удалось убить тюленя в полынье, но тот, к несчастью, затонул, прежде чем его удалось вытащить на твердый лед. В полдень температура на солнце достигла —2,8° С. Партия теперь гораздо лучше настроена, нежели то было недавно. Это может показаться довольно странным, так как с завтрашнего дня у нас остается 2 или, быть может, 2½ дневных пайка».

«12 мая. Лонг отсутствовал весь день, но не видел дичи. Посоветовавшись с Брэйнардом, я решил, что лучше всего разделить сегодня же все наши пайки, которых хватит до полудня 15 мая, причем небольшое количество сала останется еще для вечерней похлебки на этот день. Я думаю, что целесообразнее будет действовать именно таким образом, ибо весьма возможно,

что один или два человека, худшие во всей партии, постараются присвоить себе оставшуюся пищу в надежде спасти себя за счет остальных».

«14 мая. Брэйнард, как всегда, принес креветок и травы, называемой солянкой. Сегодня обнаружилось, что кем-то украдены 150 граммов бэкона, предназначенные Элисону. Два дня назад украден завтрак Лонга. Крайние лишения деморализовали некоторых участников партии, но я все время повторяю им, что мы должны умереть как люди, а не как скоты. Элисон держится изумительно хорошо. Теперь он получает тот же паек, что и остальные. Он очень трогательно благодарил меня за внимание, тогда как бедный малый имеет только то, что ему полагается по праву. Д-р Пэви говорит, что он переживет всех нас».

«15 мая. Лонг так сильно страдает от слабости, что был вынужден очень рано вернуться с охоты. Партия вообще очень слаба, но продолжает оставаться в бодром настроении. С сегодняшнего дня солянка и креветки будут нашей единственной пищей, если только мы не решимся есть тюленьи шкуры».

«15 мая. Приказ Бидербику разделить все остающееся сало, которое до сих пор сохранялось для медицинских надобностей. Он разделил так аккуратно, как только возможно, и каждому досталось приблизительно по 90 граммов. Д-р Пэви, однако, возражал против этого мероприятия и остался недоволен разделом».

«18 мая. Прошлой ночью и сегодня утром было очень ветрено. Я слышал карканье ворона и разбудил Лонга, который успел убить его. Я дал Лонгу печень и решил, что мясо птицы будет использовано, как приманка для креветок. Сильная буря всех удерживала в хижине, кроме Брэйнарда, который отправился за креветками. Эллис очень слаб. Бендер обошелся с ним грубо, так что даже Генри его одернул. Я сделал Бендеру строгий выговор, хотя весьма возможно, что он несколько помешался и не вполне ответствен за свои поступки».

«19 мая. Фредерик, отправившийся за льдом для сегодняшнего завтрака, тотчас же вернулся и сообщил, что, выходя из саней, он увидел медведя

в нескольких метрах от дома. Лонг и Фредерик погнались за зверем, но вернулись в половине одиннадцатого, так как им не удалось приблизиться к нему на ружейный выстрел. Они были так слабы, что медведь легко обогнал их. Агония надежды и страха, которую мы переживали во время отсутствия охотников, не может быть выражена словами. Сегодня выдан последний спирт, не считая 60 граммов, оставленных для медицинских надобностей. Израэль и Уислер совсем сдали, и вся партия так пала духом, как никогда прежде. Рядовой Эллис умер в 10 часов 15 минут утра».

20 мая. Эллиса похоронили сегодня в полдень; это первая смерть от голода за истекшие шесть недель. День был слишком бурный для охоты, но Брэйнарду удалось, как всегда, раздобыть креветок. С целью предоставить Израэлю последний шанс спасения, я, по совету д-ра Пэви, дал ему сегодня 60 граммов вороньего мяса — последнее, что у нас осталось. Видел сегодня камнеломку в цвету. Мы теперь примешиваем стебли камнеломки к похлебке. Мой аппетит и здоровье попрежнему хороши. Очевидно, однако, что я умру, как все остальные, от недостатка пищи, что вызывает водянку сердца. Лейтенант Кислингбэри и Ральстон очень слабы.

«Д-р Пэви упорно и тяжело работает, добывая лед для воды и, странно сказать, составляет коллекцию камней, покрытых лишаями. Его выносливость и энергия воистину удивительны. Я рад, что могу написать о нем что-нибудь хорошее».

«22 мая. Прошло уже восемь дней с тех пор как совершилась последняя регулярная выдача пищи. Удивляюсь, как это партия может еще держаться. Я был вынужден из своих рук кормить Ральстона в течение последних двух дней. Около 2 часов пополудни ему удалось съесть часть своего обеда, но остатки нельзя было втиснуть ему в рот. Когда приготовили чай, я спросил, не хочет ли он пить, и он сказал, что да. Я поднял его, но он лишился сознания у меня на руках и пить уже не мог. Партия занималась сегодня тем, что разбивала палатку метрах в 300 к юго-востоку от нашей теперешней хижины, на плоской каменистой площадке, освещаемой солнечными лучами. Доктор гово-

рит, что все мы умрем через несколько дней, если нам не удастся выбраться из этой несчастной хижины. Тающий снег поливает нас сверху водой в таком изобилии, что мы промокли до костей и находимся в очень жалком положении».

«23 мая. Ральстон умер в час ночи. Израэль выбрался из мешка, когда смерть еще не наступила, но я остался на месте и меня вытащили оттуда лишь в 5 часов утра, совсем застывшего от соприкосновения с мертвецом. Я прочитал над ним погребальную службу и велел похоронить под прибрежным льдом, потому что партия не в силах втащить тело на холм. Самые слабые перебрались в палатку сегодня после полудня. Уислер мог подняться на холм без посторонней помощи; однако, он очень ослабел после полудня и потерял сознание к вечеру. Израэлю удалось пройти только половину дороги, после чего более сильные товарищи должны были тащить его. Я добрался до палатки с большими трудностями, и сам отнес туда меховую куртку, в которой я сплю, пользуясь ею, как внутренним мешком.

«Барометр разбился, когда мы перебирались на холм, и это большая неудача, ибо я надеялся, что наблюдения будут продолжаться, пока не умрет последний из нас. Мы производили регулярно эти наблюдения вплоть до текущего месяца, когда быстрое уменьшение сил партии заставило прервать некоторые из них. Брэйнард добыл только 5 килограммов креветок. Положение вещей печально, и конец, должно быть, близок».

«24 мая. В палатке гораздо удобнее. Температура внутри ее поднялась сегодня до + 3,9° С. Уислер утром потерял сознание и скончался около полудня. Он лежит снаружи, вблизи палатки, на том месте, где умер. Ральстона похоронили сегодня утром на вершине холма. Последняя выдача рома состоялась сегодня, и ¼ литра, или около того, сохранено для медицинских надобностей. Израэль чрезвычайно слаб; он понимает, что конец его близок, и примирился с этим. Фредерик и Лонг усердно работают, заканчивая устройство нового лагеря. На обед мы получили пригоршню камнеломок, две или три полные ложки креветок и чай.

Шнейдер вчера очень грубо говорил с Уислером, когда тот умирал; это второй случай в том же роде. Я сделал ему строгий выговор и спросил, неужели ему чужда всякая гуманность. Д-р Пэви, Брэйнард, Лонг, Генри, Сэлор и Фредерик, самые сильные люди в партии, все еще живут в старой хижине; едим мы, однако, все вместе в палатке; у нас недостаточно холста, чтобы прикрыть их всех здесь, так как мы не в силах вытащить полотнища малых палаток, примерзшие к полу старой хижины. Больные жалуются на несправедливость Шнейдера при раздаче пищи, и это, без всякого сомнения, правильно. Фредерик, которому поручено следить за ним, рапортует, что он отнюдь не поровну распределяет наши жалкие порции креветок, и потому я велел сменить его на должности повара. Это гнусно. В нашей партии семь человек теперь совершенно беспомощны. Брэйнард надрывается на ловле креветок. Прошлой ночью опять поднялся сильный шторм, который несколько ослабел сегодня утром, но никакая охота все еще невозможна».

«26 мая. Утром буря была так сильна, что Брэйнард не мог отправиться за креветками, но после полудня он все-таки добыл 4 килограмма. В результате этой неудачи мы получили вчера вечером и сегодня утром похлебку из ремней тюленьей кожи, которыми пользовались когда-то в качестве лямок для саней. Как мы еще живы — я не знаю. Быть может, живем только потому, что твердо решили жить. Все мы провели необычайно скверную ночь. Наиболее сильные люди в партии успели сегодня рано утром похоронить Уислера. Израэль чрезвычайно слаб и даже не может сидеть у себя в мешке. Я вынужден поднимать его и кормить, что требует огромного напряжения с моей стороны. Он много говорит о родном доме, о своей юности, и, повидимому, вполне примирился со смертью. Сегодня утром я дал ему ложку рома. Он просил меня об этом с особенной настойчивостью. Быть может, это было несправедливо по отношению к остальным, ибо ясно, что это уже не могло принести ему никакой пользы, так как слишком близок его конец. Однако, это послужило великим утешением и облегчением для него. Я хотел бы, чтобы со

мной поступили так же при аналогичных обстоятельствах. Никто не позволил себе ни малейшего замечания по поводу моего поступка: ведь Израэль всегда был общим любимцем. Лонг сегодня охотился; видел стайку уток и успел убить 3 чистиков, которые упали в воду слишком далеко, чтобы их можно было подобрать. Мы утешаемся все же тем, что дичь появилась, и, значит, имеются шансы на спасение».

«27 мая. Лонг убил чистика, которого однако не мог подобрать. Сегодня, около 3 часов утра, Израэль умер без страданий. Вчера вечером я дал ему последнюю пищу, которую он съел. Произошла очень неприятная сцена. Д-р Пэви взял весь оставшийся раствор железа из ящика с лекарствами. Я приказал ему положить его обратно, так как фельдшер Бидербик, сержант Элисон и другие уже жаловались, что он принимает слишком много порошков Довери, и так как он недавно не выдал железа партии, вопреки своему обещанию. Последовало резкое объяснение, и, как всегда, лейтенант Кислингбэри объявил д-ра Пэви вполне правым. Лейтенант Кислингбэри вмешивался в наш спор более настойчиво, чем это мне показалось приличным, и потому я велел ему прекратить всякую критику».

«28 мая. Лонг застрелил сегодня двух чистиков, но подобрал только одного. Я разделил его между ним и Брэйнардом, так как они оба кормят теперь нас всех.

«Сегодня вечером люди сильно пали духом: все они думают и говорят, что у нас нет никаких шансов остаться в живых».

«29 мая. Брэйнард вернулся с ловли креветок изнуренный и наполовину замерзший и был вынужден лечь спать на открытом месте во время бури, так как д-р Пэви и Сэлор, занимающие его мешок, отказались пустить его внутрь. Брэйнард отнесся к этому спокойно, хотя, будучи очень утомлен, сильно страдал от холода».

«30 мая. Утром шел снег. Удалось получить некоторое количество подогретой пищи, и это была единственная наша еда и питье за последние двадцать четыре часа. Брэйнард добыл сегодня очень мало креветок, зато он видел несколько штук гусей».

«31 мая. В полночь поднялся сильный южный шторм и длился двадцать четыре часа подряд, вынуждая нас оставаться в мешках. Ветер, должно быть, достигал порою скорости 50 миль в час и в среднем дул со скоростью 30 миль в течение шести или семи часов без перерыва. Эти долгие промежутки без пищи и воды чрезвычайно изнуряют нас».

Лето началось очень печально, при вое ветра и метели и при температуре, близкой к точке замерзания. Непрерывный пост, продолжавшийся полтора дня, надорвал наши слабые силы. Нас было еще четырнадцать человек, но казалось очевидным, что все должны скоро умереть, если только охотники не будут иметь удачи или если не подоспеет помощь. В дневнике моем сказано: «Лонг видел сегодня стайку уток. Наш утренний завтрак состоял из креветок и морской травы, после того как мы провели тридцать шесть часов без всякой пищи и питья. Все очень страдают не только от недостатка пищи, но и от холода, к которому мы стали очень чувствительны. Лейтенант Кислингбэри, который был чрезвычайно слаб, сегодня в 9 часов утра, за завтраком, впал в беспамятство и умер в 3 часа пополудни. Партия постарается завтра похоронить его. Лонг убил чистика, которого я приказал разделить между ним и Брэйнардом».

«2 июня. Коннель попросил меня приписать к его завещанию, что в случае смерти дневник его должен быть отослан к его бывшему начальнику в знак симпатии и уважения.

«Лонг застрелил чистика, которого я велел разделить между охотниками, а потрохами мы сдобрили похлебку из креветок. Сэлор очень слаб, так же, как и Гардинер. Сегодня вечером Сэлор некоторое время бредил, и я думаю, что ночью и он умрет. Гардинер высказал настойчивое желание, чтобы в случае смерти дневник его был отослан его жене».

«3 июня. Капрал Сэлор умер сегодня утром. Я прочитал над ним погребальную службу. Д-р Пэви совсем слаб и худо себя чувствует; сегодня после полудня у него, очевидно, ум зашел за разум. Он хотел

прописать мне каломель, хотя я теперь чувствую себя хорошо, а также намеревался развести водой и выдать людям весь оставшийся спирт. Он прописал самому себе аммоний и Лонгу висмут, которые я выдал. Так как Бендер жаловался на боль в паху, он прописал ему железо, а когда Коннель попросил аммония, ссылаясь на холод, доктор сказал: «да». Но я отказал Коннелю, так как у нас осталось очень мало аммония, и выдача его должна производиться только в случаях действительной необходимости. Мне очень жаль отказывать людям в лекарствах, но я не могу действовать иначе. Сильный южный ветер держался в течение целого дня, что помешало Лонгу охотиться; Брэйнард, однако, добыл 3 или 3½ килограмма креветок».

«4 июня. Сильный ветер, продолжавшийся всю ночь, уступил место ясному теплому дню. Д-р Пэви очень слаб, но умственные способности все еще в порядке. Я имел с ним долгую беседу относительно употребления в пищу лишайников, называемых «tripe de roche», которые растут здесь в значительном количестве. Он всегда советовал мне воздерживаться от употребления их и теперь продолжает высказывать то же мнение, ссылаясь на Ричардсона, Франклина и Хэйса и утверждая, что это не принесет нам ничего, кроме страданий. Однако, Брэйнард, Фредерик, Генри и Бендер советовали попробовать. Сегодня после полудня я съел приблизительно 30 граммов «tripe de roche». Листья очень сухи и почти не имеют вкуса, но они, очевидно, питательны.

«У нас не хватит сил похоронить Сэлора, и потому он просто отнесен подальше на прибрежный лед. Лонг застрелил трех чистиков, двух уток и одну большую кайру; однако, подобрал только одного чистика, так как все остальные птицы были унесены течением. Я приказал разделить чистика между охотниками, которые едва в силах ходить, но Бендер со слезами умолял выдать ему причитающуюся двенадцатую часть и получил ее, возбудив общее презрение партии. Этому однако, предшествовал оживленный спор, и мне показалось, что кое-кто готов позавидовать Бендеру. Поэтому я заявил партии, что необходимо любой ценой поддерживать силы охотников, если они не смогут ловить

креветок, все мы погибнем сразу, а Лонга нельзя посылать на охоту, если его не будут кормить. Генри снова ворует креветок. Шнейдер и Бендер тоже подозрительны. Необходимо принять строгие меры, иначе вся партия погибнет».

Наше положение становилось все ужаснее с каждым днем. Никто не знал, когда его постигнет смерть, и каждый давно глядел ей прямо в лицо. Сон был предверием смерти, и я никогда не укладывался спать без совершенно отчетливого ощущения, что, быть может, мне никогда больше не придется вернуться к жизни и сознанию. Эта неуверенность была истинным Дамокловым мечом, но гораздо худшим, нежели в басне. Ибо у нас изо дня в день нить обрывалась, меч падал на головы товарищей, и со дня на день крепла уверенность, что подобная судьба ожидает каждого из нас. Постоянное ожидание смерти, бывшее сперва острым и ужасным, постепенно перешло в неопределенное, глохнущее чувство, не имевшее ничего страшного. Зрелище легких и безболезненных смертей устраняло всякую боязнь агонии, которая многих страшит более, нежели неизвестность загробного будущего. У нас в эти ужасные дни смерть ласково устраняла всякую боль и страдание».

«5 июня. Ясный спокойный и очень теплый день. Я взобрался на утесы и набрал полную банку лишайников. Я попробовал положить их в мою похлебку и нашел, что вкус ее значительно улучшился. Мы отыскали также некоторое количество оленьего мха. Генри страдает легким поносом. Бендер составил завещание. Д-р Пэви очень слаб и совсем впал в ребячество. Он постоянно твердит, что чувствует себя гораздо сильнее и лучше, но для всех и каждого очевидно, что он очень плох. Впрочем, вся партия сильно сдала. Лонг видел несколько птиц, но не принес ни одной. Брэйнард отсутствовал в течение нескольких часов, однако успел добыть лишь 2½ килограмма креветок. Генри снова признался мне в воровстве, и я имел с ним долгий разговор, во время которого я сказал ему, что если у него нет совести, то он мог бы, по крайней мере, иметь больше здравого смысла; совершенно очевидно, что если кто-либо из партии уцелеет, то исклю-

чительно благодаря единству и справедливости, иначе все погибнут. Он обещал впредь вести себя хорошо, и, повидимому, на него произвело впечатление, когда я заметил, что он кончит дурно, если не исправится. Я, однако, усомнился в его искренности и потому написал следующий приказ:

„Вблизи мыса Сэбайна. 5 июня 1884 г.

„Сержантам Брэйнарду, Фредерику и Лонгу:

„Рядовой Генри, неоднократно уличенный в воровстве продовольствия у нашей партии, которая теперь медленно погибает от голода, много раз был оставлен без наказания и прощен. Теперь, однако, приказываю для безусловного исполнения, — в случае, если этот человек будет замечен в том, что ест какую-либо пищу, кроме выданной ему обычным порядком, или устраивает запасы за счет других, или присваивает продукты, вы должны немедленно расстрелять его и донести мне об этом. Всякий другой образ действий был бы преступным попустительством, так как этот человек уже теперь способен одолеть любых двух участников партии при нынешнем состоянии наших сил.

А. В. Грили,

лейтенант 5 Кавалерийского полка США и ассистент".

«6 июня. Прекрасный, теплый, ясный день. Фредерик заметил, что Генри ворует креветок из обеденного горшка, в то время как он повернулся к нему спиной. Позднее Генри два раза ходил на прежнюю зимнюю стоянку. Когда он вторично вернулся и проходил мимо меня, я остановил его и спросил, что он там делал и что оттуда принес. После минутного колебания он признался, что, вопреки моему формальному запрещению, взял ремни из тюленьей шкуры и что кроме того у него имеется где-то спрятанный узел с тюленьими шкурами. Он был очень нагл в своих признаниях и не выказал ни страха ни раскаяния. Я велел расстрелять его и издал следующий письменный приказ:

„Вблизи мыса Сэбайна, 6 июня 1884 г.

„Сержантам Брэйнарду, Лонгу и Фредерику:

„Несмотря на обещание, данное мне вчера рядовым С. В. Генри, он после этого, как сам признался, тайно присвоил ремни из тюленьей шкуры, а может быть и какую-либо иную пищу, хранившуюся в нашем старом лагере. Это упорство и дерзость доведут партию до гибели, если им немедленно не будет положен конец. Рядо-

вой Генри должен быть расстрелян сегодня, причем необходимо принять все меры, дабы он не причинил вреда кому-либо, ибо его физическая сила выше нежели соединенная сила двух любых людей. Расстрел произвести двумя боевыми патронами и одним холостым. Этот приказ имеет императивный характер и безусловно необходим для сохранения наших последних шансов остаться в живых.

А. В. Грили,

старший лейтенант 5 Кавалерийского полка США и ассистент, начальник экспедиции в Залив лэди Франклин".

«Около 2 часов пополудни раздались выстрелы. Немного спустя приказ был прочитан всей партии. Все без исключения признали, что Генри заслужил этого. При обыске его узлов было найдено большое количество шкуры, а также пара моих тюленьих сапог, которые я недавно одолжил Лонгу и которые были у него украдены позапрошлой ночью. В кармане у Генри обнаружен ценный серебряный хронограф, оставленный мною вместе с другими научными инструментами в Конгере и украденный при выступлении. Целых 6 килограммов тюленьей шкуры были найдены спрятанными в его вещах. Сегодня после полудня я узнал от Бидербика, что д-р Пэви взял вчера из ящика с лекарствами эрготиновый экстракт и с тех пор выпил всю бутылку, содержавшую около 90 граммов. Бидербик говорит, что когда д-р Пэви вернул ящик с лекарствами, он осмотрел его содержимое, но не заметил отсутствия эрготина, так как мы обычно не пользуемся этим средством. В настоящее время (5 часов пополудни) д-р Пэви близок к смерти, которая без сомнения наступит на день или на два раньше, благодаря его поступку.

«Позднее. Бендер умер в 5 часов 45 минут пополудни без страданий. Думаю, что смерть его была ускорена казнью Генри. Д-р Пэви умер в 6 часов пополудни. Его смерть была, очевидно, ускорена употреблением наркотических средств. Бидербик полагает, что он эрготин принял по ошибке вместо раствора железа. Повидимому, он уже давно принимал наркотические средства, и этому я приписываю его внезапный конец, так как до 2 числа текущего месяца он был одним из самых сильных людей в партии. Теперь нас

осталось всего девять человек. Лонг убил чистика, которого я велел разделить между охотниками и Фредериком. Лонг видел сегодня много уток. Брэйнард находился в отсутствии около семи часов подряд и добыл меньше чем 1½ килограмма креветок. Мы должны приняться за нашу одежду из тюленьей шкуры. Я съел сегодня большое количество лишаев и нашел их весьма питательными; они несомненно очень приятны на вкус.

«Д-р Пэви был человек прекрасно образованный, с утонченными манерами и с большим честолюбием. В пользу его надо сказать, что он обнаружил неутомимую энергию в тяжелой физической работе на пользу партии за последний месяц своей жизни. Медицинские познания его были велики и много способствовали здоровью партии в течение минувшей зимы. Его недостатки и прегрешения описаны мимоходом в моем дневнике. К этому надо прибавить, что его непостоянный, переменчивый нрав и привычки, вынесенные из жизни богемы, сделали его непригодным для службы в тех условиях, когда надо было подчиняться или ограничивать себя для блага других».

«7 июня. Я прочел погребальную службу над доктором Пэви и Бендером, и их тела были отнесены на несколько шагов от палатки. Неизвестно, хватит ли у нас силы похоронить их на холме или в прибрежном льду. Все креветки съедены сегодня за завтраком. Первый раз запасы наши остались совершенно без пополнений. Теперь каждый собирает олений мох, лишайники и камнеломку, и это все, что мы еще имеем для еды. Однако партия так слаба, что может собрать лишь очень немного. Только Брэйнард, Лонг, Фредерик, Бидербик и я в силах выйти из палатки. Гардинер крайне слаб и не проживет дольше нескольких дней. Шнейдер тоже очень слаб. Раны Элисона болят от плохого питания, но он еще бодр. Разбирая сегодня после полудня тюленьи шкуры, я обнаружил, что многие из них исчезли. Шнейдер говорит, что Генри и Бендер ели их и что он просил дать немножко также и ему, но они отказали. Существует предположение, что Шнейдер также принадлежал к этой шайке, и вся партия постоянно ругает его.

«Один Генри был смел в своих кражах, дерзко в них признавался и находился в лучшем физическом состоянии, нежели любой другой человек во всей партии. Шнейдер очень слаб и, повидимому, близок к смерти».

Привожу здесь цитату из только-что доставленного мне дневника Шнейдера.

«Кучи тюленьих шкур и ремней были найдены у доктора и у Бендера, что показывает, как оба они были нечестны. Хотя Генри сказал перед смертью, что я съел много тюленьей шкуры, все же я, умирая, опровергаю это утверждение; я только съел мои собственные сапоги и часть старых туфель. Я чувствую, что умираю быстро, но хотел бы, чтобы это шло еще быстрее».

«8 июня. Весь день было ясно и тихо, при температуре от +3,3° до +4,4° С. Прекрасный воскресный день. Я нашел лишь очень немного шкуры морского зайца, так как Генри, Бендер, д-р Пэви и Шнейдер ели ремни, лямки, сапожные подошвы и т. д., словом все, что только попадало им в руки. Я взобрался сегодня на утесы, лежащие тотчас же позади палатки, и за пять часов собрал немного лишайников. Бидербик набрал приблизительно такое же количество или немного меньше. Коннель принес около 3 килограммов сухой камнеломки для топлива. Брэйнард добыл только 1 килограмм креветок. Мы были вынуждены съесть последние тюленьи ремни с сегодняшней похлебкой, к которой примешали еще лишайники и олений мох. День был очень теплый и приятный. Бидербик болен и очень слаб сегодня вечером. Гардинер и Шнейдер также крайне слабы. Коннель приблизительно в прежнем положении. Остальные совершенно изнурены: Лонг охотой, Брэйнард ловлей креветок и Фредерик стряпней. Я нашел пучок пурпуровой камнеломки в полном цвету. Брэйнард принес несколько эскимосских древностей. Мы сказали ему, что это его главная страсть, которая сильнее смерти, так как он всегда собирал предметы этого рода».

«9 июня. Спокойный, прекрасный день, температура колеблется от +2,2° до +5,6° С. Партии удалось отнести д-ра Пэви и Бендера в ледяную рассе-

лину. Все очень слабы. У Коннеля кровоточащие десны, а у Шнейдера распухшие, негнущиеся колени указывают на цынгу, в то время как Гардинер и Бидербик просто ослабели. Я провел шесть часов на утесах в 50 метрах от палатки и собрал очень немного лишайников и Бидербик — почти столько же. Коннель собрал около 3 килограммов камнеломки. Брэйнард добыл около 1 килограмма креветок. Лонг очень слаб и болен, не мог охотиться прошлой ночью. Сегодня ему исполнилось тридцать два года. Я дал ему ложку водки из оставшегося полулитра. Шнейдер сегодня вечером начал бредить. Нет ничего на обед кроме лишайников, чая и перчаток из тюленьей кожи. Ввиду отсутствия свежей приманки мы ловим очень мало креветок и потому питаемся только лишайниками и мхом. Элисон выразил желание, чтобы его руки и ноги были в интересах науки переданы Военно-Медицинскому музею. Случай его действительно очень интересен: он самый здоровый из всех нас. Шнейдер не исполняет никакой работы под открытым небом, но записывает рассказ о ноябрьском походе Элисона под его диктовку. Бидербик занят описанием медицинских наблюдений; срок его службы истекает через пять дней, и он обещает честно прослужить до конца. Действительно, он служит очень честно».

«10 июня. Тихий облачный день при температуре от +1,7° до +4,4° С. Гардинер сильно страдает. Прошлой ночью Лонг убил гуся, которого потерял, и чистика. Чистик сегодня выдан охотникам, хотя на этот счет раздавались кое-какие неприятные замечания. Добыли очень немного креветок. Вечером была подана лишь похлебка из лишайников, собранных Бидербиком, Шнейдером и мною. Я провел под открытым небом около пяти часов, и меня стащили со скалы совершенно окоченевшего. Похлебка из лишайников была сегодня восхитительна, потому что она впервые как следует проварилась. Бидербик сказал мне, что у Гардинера началось воспаление кишек, и это вскоре должно повести к роковым последствиям».

«11 июня. Ясный, тихий день при температуре от +3,3° до +5,6° С, самый теплый день в настоящем сезоне. Гардинер находится в очень опасном положе-

нии. Шнейдер также крайне слаб и не был сегодня в силах отправиться за лишайниками. Бидербик слаб, но пошел за лишайниками, так же как Коннель и я. Лонг сегодня вечером принес две прекрасные кайры, из которых одна пойдет в общую трапезу, а другая достанется охотникам. Наш единственный шанс состоит в том, чтобы поддерживать силы охотников и поваров; поэтому я распорядился, чтобы они ели столько добавочных лишайников, сколько сами могут собрать».

«12 июня. Ясный, тихий день при температуре от + 1° до + 3° С. Лонг вернулся с охоты без дичи, и Брэйнард принес печальную новость, что льдина, служившая нам для ловли креветок, раскололась и отнесена недавней бурей, так что он потерял не только креветок, но кроме того сети и веревку. Поэтому мы получили на завтрак только чай и то количество жареной тюленьей шкуры, которое осталось у каждого после происходившей несколько дней назад раздачи. Все неудачи этого дня сильно обескуражили нас. Гардинер умер от воспаления кишек и недоедания. Он уже казался совершенно мертвым в 11 часов утра, и его вынесли из палатки, но так как он после того снова выказал признаки жизни, то немного позднее его положили на старое одеяло из бизоньей шкуры, на котором он и скончался около 5 часов пополудни. Придется похоронить его в прибрежном льду. Его смерть сильно подействовала на всех. Мы притерпелись к смерти, ибо привыкли к ее частым посещениям, но кончина Гардинера показалась нам особенно тягостной, так как за последние два месяца он, повидимому, жил, главным образом, благодаря напряженному усилию воли. Доктор предсказал еще в апреле, что Гардинер умрет первым, а он, между тем, на шесть дней пережил самого доктора; я полагаю, что это объясняется главным образом сильным желанием вернуться домой и снова увидеть жену и мать. Рано утром он наполовину выполз из спального мешка, держа в руках их силуэты, оттиснутые на янтаре. Его последними словами были: «Жена! Мама!»

«Я провел на воздухе пять часов, и мне удалось наскрести на утесах вблизи палатки около 4½ литров

лишайников. Бидербик и Коннель тоже собрали, сколько могли. Брэйнард поставил флаг бедствия на утесах, как сигнал для спасательной партии. Сегодня первый день, когда мы ожидаем появления корабля, ибо, сколько помню, в это время обычно китобои достигают северных вод. Брэйнард нашел новое место для ловли креветок, и мы надеемся на лучшие результаты. Необходимо приготовить новые сети, и Шнейдеру поручено заняться этим делом, так как он не способен работать вне палатки. Я решил приготовить сегодня на ужин три четверти того количества лишайников, которое было собрано сегодня, а остальное сохранить до завтра».

«13 июня. Сильный южный ветер при температуре 0° С, но при ясном небе. Я сегодня формально уволил Бидербика, срок службы которого истек. Не имея казенных бланков, я дал ему писаное от руки удостоверение об отставке. Был не в силах «учинить ему окончательный расчет». Холодный ветер, поднявшийся рано утром, не позволил нам собирать лишайники. Это отразилось на обеде, так как Брэйнард добыл лишь очень немного креветок. Я выдал партии мой джемпер из тюленьей кожи, который раньше предположено было употребить на приманку для креветок. Коннель, Бидербик и Шнейдер успели съесть всю свою порцию, я же был способен съесть лишь очень немного, но зато съел около 60 граммов вареного ремня, который сберег; отрезал также грязную, промасленную покрышку моего спального мешка и разделил ее между участниками партии, так что каждый сможет съесть свою долю, когда только пожелает».

«14 июня. Вновь принял на службу Бидербика, как госпитального служителя I класса, заслуживающего повышения. День спокойный, но облачный, при температуре от +3° до +6° С. Партия сильно страдала от продолжающегося со вчерашнего дня ветра, но Бидербик, Коннель и я все же могли собирать лишайники, которых добыли, быть может, 2½—3 литра. Гардинера похоронили в ледяной трещине; партия не имела достаточно силы, чтобы вырыть могилу или оттащить его на гребень через снег. Коннель видел морского зайца на движущемся льду в некотором рас-

стоянии от берега и в полыньях поближе несколько маленьких тюленей. Брэйнард нашел сегодня старое утиное гнездо, доказывающее, что утки выводятся здесь, и это нас несколько ободрило. Много беседовали о том, что сегодня исполнилось ровно три года с тех пор, как экспедиция отплыла из Балтиморы».

«15 июня. Небольшой снег при температуре ниже точки замерзания. Все сегодня утром очень слабы. Брэйнард и Лонг, после некоторых замечаний со стороны Коннеля, решили отдавать для общей трапезы все лишайники, которые им удастся собрать во время охоты или ловли креветок; то же самое недавно сделал повар Фредерик. Эти три человека теперь очень слабы, но все еще способны работать для себя и для других. Шнейдер совершенно беспомощен, скорее по причине упадка духа, нежели от физической слабости. Бидербик, Коннель и я можем собирать лишайники вблизи палатки, но неспособны к чему-либо другому, если не считать того, что Бидербик ухаживает за Элисоном и аккуратно через день перевязывает его раны. Брэйнард добыл немного креветок. Лонг охотится, но за последнее время ему не везло. Я велел ему съедать все, что он добудет на охоте; он видел много моржей прошлой ночью, а также уток и других птиц, но ни одна не подпустила на выстрел».

Снова привожу цитату из дневника Шнейдера: «Двое из нас — Элисон и я неспособны заниматься чем-либо. Мы питаемся только лишайниками и креветками в небольших количествах... Я могу только чинить сапоги и писать этот дневник. Сегодня разделены последние тюленьи шкуры».

«16 июня. Ночью в проливе начался сильный северозападный ветер, но сегодня утром прекратился. Температура +2,8° С. Было слишком холодно и туманно, чтобы собирать лишайники. Партия ест теперь промасленные шкуры, которые необычайно отвратительны. Все очень слабы и обескуражены. Не знаю, чем мы живем, если не считать надежды на появление корабля. Шнейдер вчера вечером просил опиума, чтобы покончить с жизнью, но никто не согласился помочь ему в этом. Он был немного бодрее сегодня утром, но после полудня его пришлось поднимать, как ребенка.

Рот Коннеля, повидимому, в гораздо худшем состоянии. Десны распухли и сочатся кровью».

«17 июня. Брэйнард почти не принес креветок. Совершенно очевидно, что мы не сможем добывать их, пока у нас не будет свежей приманки, так как тюленья шкура для этого не годится. Пробовали сегодня пить чай из камнеломки. Брэйнард видел старые следы зайца и обрывки шерсти мускусного быка. Коннель сегодня плохо себя чувствовал, и потому мы собрали меньше лишайников. Фредерик, видимо, сдает; Брэйнард вынужден вместо него таскать дрова. Солнце грело сегодня необыкновенно. Термометр показывал на солнце +17,2° С и в палатке +23,1° С. Я роздал партии промасленную тюленью шкуру».

«18 июня. Ночью температура упала до —1,1° С. Сегодня утром Шнейдер был очень слаб и не в своем уме, а позднее потерял сознание. Он много бредил и умер в 6 часов пополудни. Брэйнард совсем не принес креветок; боюсь, что нам придется бросить это дело, пока не удастся добыть птичьего мяса или другой приманки. Брэйнард теперь собирает лишайники подобно всем нам. Лонг убил двух птиц, но не мог подобрать их. Бидербик сильно страдает от ревматизма; но несмотря на мучительные боли он перевязал раны Элисона и затем вышел собирать лишайники с Коннелем и мною. Брэйнард нашел сегодня маленький кусочек плавника в тридцати футах выше линии прилива».

20 июня я отполз на несколько метров от палатки для сбора лишайников, но Коннель был не в силах последовать за мной. Бидербик остался в палатке, чтобы перевязать раны Элисона. Прежде чем Бидербик успел выйти, чтобы помочь мне, началась буря и загнала меня обратно.

В дневнике моем сказано: «20 июня, 7 часов пополудни. Ясно, тихо, минимальная температура от —1,7° до —2,9° С. Ровно шесть лет назад я женился и три года назад покинул свою жену, отправляясь в экспедицию. Какой контраст! Когда кончится эта жизнь, которая хуже смерти».

Утром, 21 июня, ветер все еще продолжается, и Фредерик лишь с большим трудом мог сварить нашу жалкую похлебку из лишайников и согреть вареную

тюленью шкуру, — последние остатки промасленной и грязной покрышки моего спального мешка. В течение дня шторм продолжался с неослабевающей силой при температуре —2,2° С, небывалый холод для летнего дня. Наша палатка постепенно поддавалась дюйм за дюймом под натиском ветра, и все попытки укрепить ее были напрасны; мы слишком ослабели. К вечеру передняя часть палатки очутилась на земле, прикрыв Брэйнарда, Лонга и меня в спальных мешках, так что мы едва могли двигаться.

В моем дневнике сказано: «21 июня, 11 часов утра. Южный ветер +1,1° С. С 8 часов 30 минут утра начал итти снег. У Коннеля ноги парализованы ниже колен. Бидербик ужасно страдает от ревматизма. Пролив Бьюкенена вскрылся сегодня в полдень на большом протяжении от берега».

Этими словами кончается мой дневник. Когда я начал настоящее сочинение, то рассчитывал пользоваться дневником в качестве предварительных заметок и писать все наново, но когда я дошел до записей последнего года, это стало все более и более затруднительным. Я еще недостаточно далек от этого времени. Кроме того, полагаю, читателю будет столь же интересно видеть, что записывалось изо дня в день.

К утру 22 июня мы окончательно обессилели и только благодаря энергии и преданности Фредерика или Брэйнарда, — я уже не помню, кого именно, — нам удалось получить около полудня немного воды. Эта вода и несколько квадратных дюймов моченой тюленьей шкуры были единственными питательными веществами, которых коснулись наши губы за последние сорок два часа, предшествовавшие нашему спасению. Коннель был очень слаб.

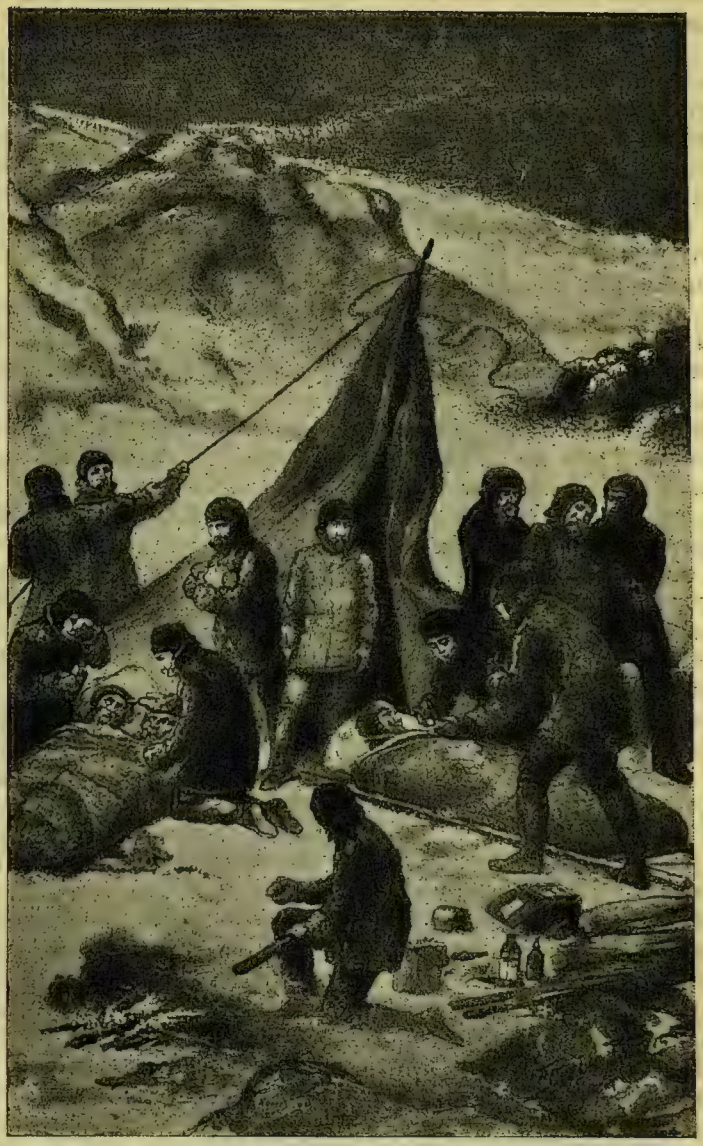
Около полуночи 22 июня я услышал свисток «Фетиды», данный по приказу капитана Шлея, который созывал обратно высаженные на берег партии. Я не мог не верить собственным ушам, и однако мне казалось почти невозможным, чтобы какой-либо корабль рискнул приблизиться к берегу во время такой бури.

Я слабым голосом спросил Брэйнарда и Лонга, хватит ли у них силы выйти из палатки, и они, как всегда, ответили, что постараются. Я велел одному из них

вернуться с новостями, если удастся увидеть корабль. Брэйнард пришел обратно через десять минут со склона холма, расположенного от нас в 50 метрах, и сообщил совершенно безнадежным тоном, что вдали ничего не видно. Он сказал, что Лонг пошел дальше, с целью поправить сигнал бедствия, который опрокинут ветром. Брэйнард залез обратно к себе в мешок, и у нас начался бесплодный спор о том, как объяснить слышанный нами звук. Бидербик высказал предположение, что корабль находится в Пейер-Харборе. Этому я не мог поверить, так как мне казалось, что свисток раздался с корабля, плывущего вдоль побережья. Мы снова предались отчаянию, когда вдруг услышали незнакомые голоса, зовущие меня по имени, — и в волнении чувств столь бурном, сколь это было возможно при нашей слабости, мы поняли, что долгая агония кончена и что последние участники экспедиции в Залив лэди Франклин спасены.

Коннель, почти потерявший сознание, находился уже на краю могилы, и все другие были в почти столь же критическом положении. В тот момент, когда Бидербик понял, что пришла подмога, он поступил с тем бескорыстием и предусмотрительностью, которые всегда отличали его. Два оставшихся глотка виски были разделены. Один немедленно достался Коннелю, а так как я не пожелал выпить второй, то он был распределен между товарищами. Как всегда в нашей истории, слабые и беспомощные встретили ласку и поддержку со стороны более сильных.

Нам казалось невозможным, чтобы суда посмели приблизиться к этому опасному, окаймленному скалами берегу в то время, когда угрожающе надвигался тяжелый лед, а ветер был так силен, что мы лишь с большой опасностью могли переправиться на корабль, через пространство в несколько сот метров. Столь решительный образ действий и готовность итти на подобный риск ясно показывают, как правильно оценивал капитан Шлей всю крайность нашего положения и какое искусство проявил он при разрешении своей задачи. Несколько бо̀льшая осторожность и



Спасение. 23 июня 1884 г.

меньшая смелость с его стороны были бы для нас роковыми.

Офицеры эскадры приняли нас очень сердечно с заботливой и внимательной приветливостью, не потому что это диктовал им служебный долг, но потому что это вытекало прямо из сердца мужественных людей, воодушевленных великой жалостью и состраданием. Называя здесь имена капитана Шлея, лейтенанта Эмори и старшего механика Мельвиля, я должен прибавить, что никто из наших спасителей не уступал названным лицам в предупредительной отзывчивости.

Бдительное искусство и неутомимое личное внимание врачей Грина и Эмса вновь разожгли слабую искру жизни, еще остававшуюся в нас. Менее заботливый надзор и меньшая твердость легко могли оказаться роковыми. Великодушные, впечатлительные матросы действовали не столь осторожно, и Лонг, как мне говорили, засорил себе желудок сухарями, которые успел выпросить. Мудрая осторожность лейтенанта Кольвелла, который первый начал кормить нас, в особенноми должна быть отмечена. Глухой к моим мольбам, приказаниям и ругательствам, он не спеша выдавал нам по несколько граммов пищи, поджидая прибытия врачей. Рассудительность, хладнокровие и осторожность, обнаруженные им за год перед тем во время катастрофы, не изменили ему и теперь в час успеха.

Сержант Элисон умер в Годхавне 8 июля после ампутации, которая была абсолютно необходима и в то же время безнадежна. Несмотря на то, что как руки, так и ноги давно были потеряны, неукротимая сила воли и крепкое телосложение позволили ему прожить семь с половиной месяцев. Совершенно беспомощный, получавший двойной паек, он был всецело предоставлен заботам и попечениям своих голодающих товарищей, и я никогда не слышал ни одного сердитого слова или даже тайного намека на то, что эта постоянная утечка наших запасов и сил, в сущности, бесполезна, что человек этот является для нас обузой. Право не знаю, чем надо больше восхищаться: мужеством и силою воли, которые удерживали Элисона в числе живых, или преданностью и милосердием его товарищей, которые так

Спасательная эскадра в Упернивике.

легко отдавали свои силы, пищу и нежное внимание, зная, что все их жертвы напрасны.

Рассказ этот, собственно говоря, кончается спасением находившихся на краю могилы семи последних оставшихся в живых участников экспедиции в Залив лэди Франклин. Самая история этого спасения очень скромно изложена главным деятелем, который недостаточно подчеркивает замечательную энергию и великую смелость, проявленную лейтенантом Эмори и им самим. Ни одно спасательное или экспедиционное судно до сих пор не решалось в столь раннее время года пускаться навстречу опасностям залива Мельвиля, и только пылкое рвение командира могло провести корабли спасательной эскадры сквозь все препятствия и опасности этих льдов, которые посещаются лишь отважнейшими и наиболее бесстрашными мореходами наших дней — шотландскими китобоями.

Что касается других вопросов, которые заинтересовали общественное мнение и даже заставили его разделиться, несмотря на отсутствие официальных сведений о совершившихся фактах, то само собой разумеется, что вся ответственность за каждое действие, связанное с такого рода экспедицией, должна падать на ее начальника и руководителя. Принимая целиком на себя эту ответственность, я не могу назвать ни одного закона, который был бы нарушен у мыса Сэбайна, и не чувствую себя обязанным, как офицер и как человек, распространяться далее на эту прискорбную тему.

Я был бы несправедлив к мертвым (а равно и к живым), если бы не постарался привлечь внимание к их тяжким трудам, героической выносливости и непоколебимой решимости, которые позволили водрузить американское знамя в недостижимых до той поры широтах как на суше, так и на море, осуществить международную программу научных наблюдений, увеличить в степени, быть может, невиданной в нашем веке, запас сведений о физических условиях и топографии полярных стран, и, наконец, — что важнее всего, — посредством одного из наиболее замечательных и успешных лодочных путешествий нашего времени доставить, ценою великих телесных страданий и уменьшения шан-

сов спасения, свои записи через густой полярный лед к тому пункту, где они впоследствии могли стать известными миру. Люди эти умерли для достижения своей цели, и потому имена их не должны быть забыты.

История нашей встречи, в которой приняли участие многие выдающиеся деятели, также известна. Несколько позднее сам президент произнес несколько милостивых слов благодарности от своего имени и от имени нации. Красноречивое послание морского министра, чье усердие и интерес к делу обеспечили быстрое и основательное снаряжение спасательной экспедиции, и ласковые приветствия со стороны других высокопоставленных особ навсегда сохранятся в памяти у оставшихся в живых участников. Все эти и многие другие заявления, обращенные ко мне, как начальнику, могут считаться достаточно высокой оценкой моего личного участия в необычайных трудах и страданиях экспедиции.

Во всех великих предприятиях подчиненные лица неизбежно остаются на втором плане, но все же я не могу поверить, чтобы наша великая нация, которая столь расточительно тратила деньги для спасения этих людей, оставила совсем без награды их героическую выносливость и мужественную доблесть. Лейтенант Локвуд и эскимос Кристиансен умерли, но сержант Брэйнард, который вместе с ними подарил нашей стране честь наивысших достижений в краях дальнего Севера, остается в чине сержанта после восьми лет безупречной и совершенно необычной службы. Мужество, смелость и самопожертвование, выказанные в Полярном море и у мыса Сэбайна, доставили бы ему офицерский чин во всякой другой армии. Два человека, надорвавшие здоровье, расстроили также свои имущественные дела, и один, самоотверженный, мужественный, воздержанный и преданный солдат, — в то время когда пишутся эти строки, — лежит беспомощный в городском госпитале и пользуется частной благотворительностью, так как пенсия его до сих пор не утверждена.

Даже обещанные с самого начала скудные прибавки за службу в Арктике до сих пор еще не выплачены полностью, и вдовы и сироты погибших все еще остаются необеспеченными.

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие . . . . . стр. III

Глава первая. Первые исследователи пролива Смита. Международные полярные станции. Организация и экипировка экспедиции 1

Глава вторая. Плавание до Упернивика. От залива Мельвиля до форта Конгера. Возвращение „Протея“ . 15

Глава третья. Форт Конгера. Осенние экскурсии. Свет и мрак. Научные наблюдения. Гигиена и распорядок дня . 37

Глава четвертая. Первые темные дни. Новый год. Зимняя хроника 55

Глава пятая. Подготовка к весенним санным походам. Гавань Благодарения и могила Галля. Устройство складов. К северу через замерзшее море 67

Глава шестая. Чендлер-фиорд и озеро Хазен 97

Глава седьмая. На дальний Север. Из Конгера к мысу Брайанта. От мыса Брайанта до мыса Вашингтона. Остров Локвуда и возвращение 111

Глава восьмая. Исследование Земли Гриннеля . . . 131

Глава девятая. Осень и вторая зима 149

Глава десятая. Снова к северу. Путешествие поперек Земли Гриннеля 162

Глава одиннадцатая. Подготовка к отступлению. От Конгера до мыса Бэрда. Пролив Кеннеди. От залива Роллингса до мыса Хаукса. Нас затерло 178

Глава двенадцатая. На штурм берега. Новости о „Протее“. Собирание запасов. Поход на остров Изабеллы 217

Глава тринадцатая. Зимовка. Приготовления к переправе через пролив Смита 260

Глава четырнадцатая. Новые места и различные приключения. Начало конца. Наши последние пайки. Смерть одних, спасение для других 292

Севера
Библиотека
Н. Добролюбова

VIII + 340 стр. (45 рис.) + 1 портрет + 1 карта.

Ответственный редактор *Л. П. Петерсон.*

Литературный редактор *М. М. Смирнов.* Технический редактор *М. А. Таранов.*

Переплет, супер-обложка и форзац работы художника *В. А. Кочегура.*

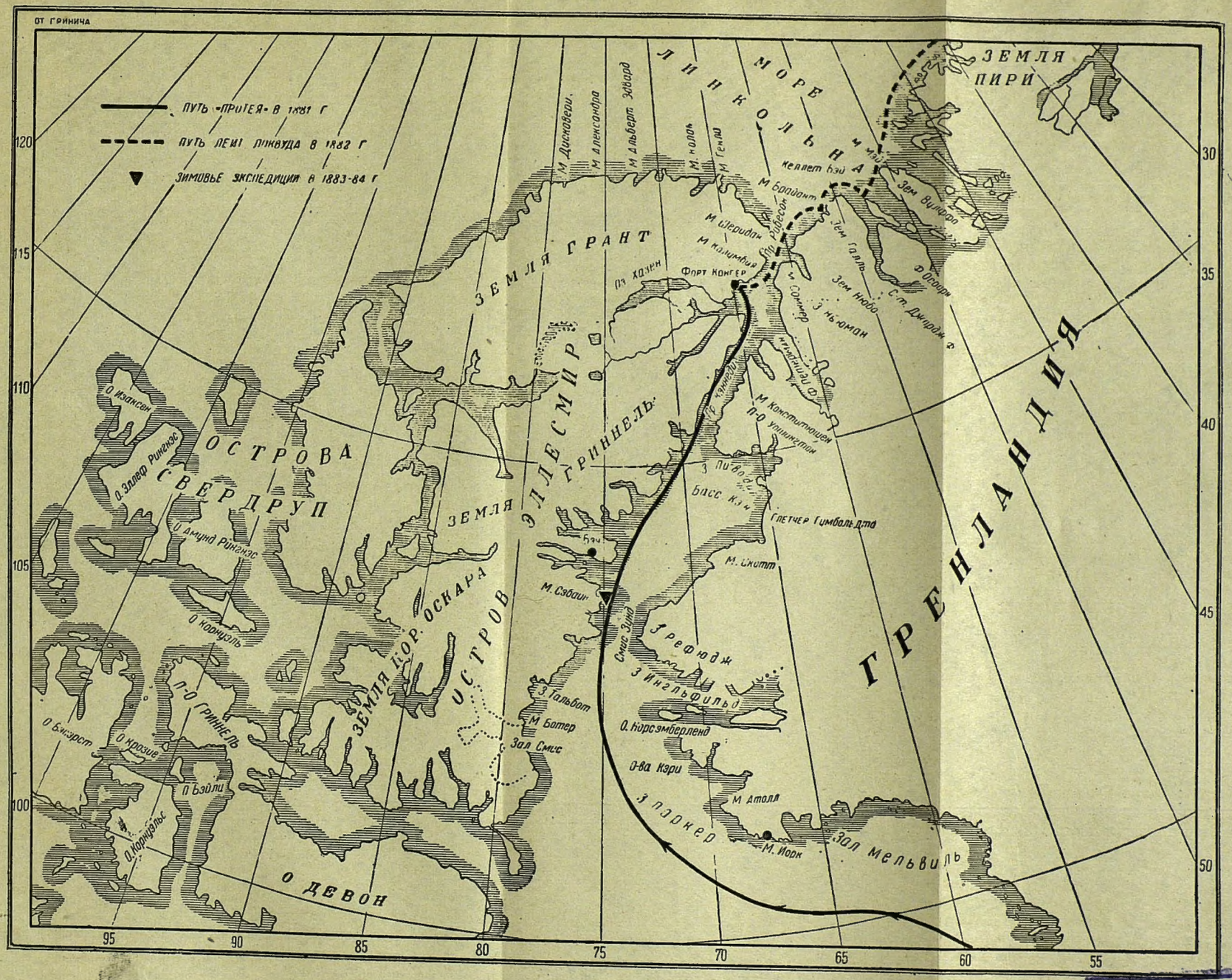
Сдано в набор 9 января 1935 г. Подписано к печати 25 марта 1935 г.

Формат бумаги 62 × 94 см. В 1 бум. листе 68 000 тип. зн.

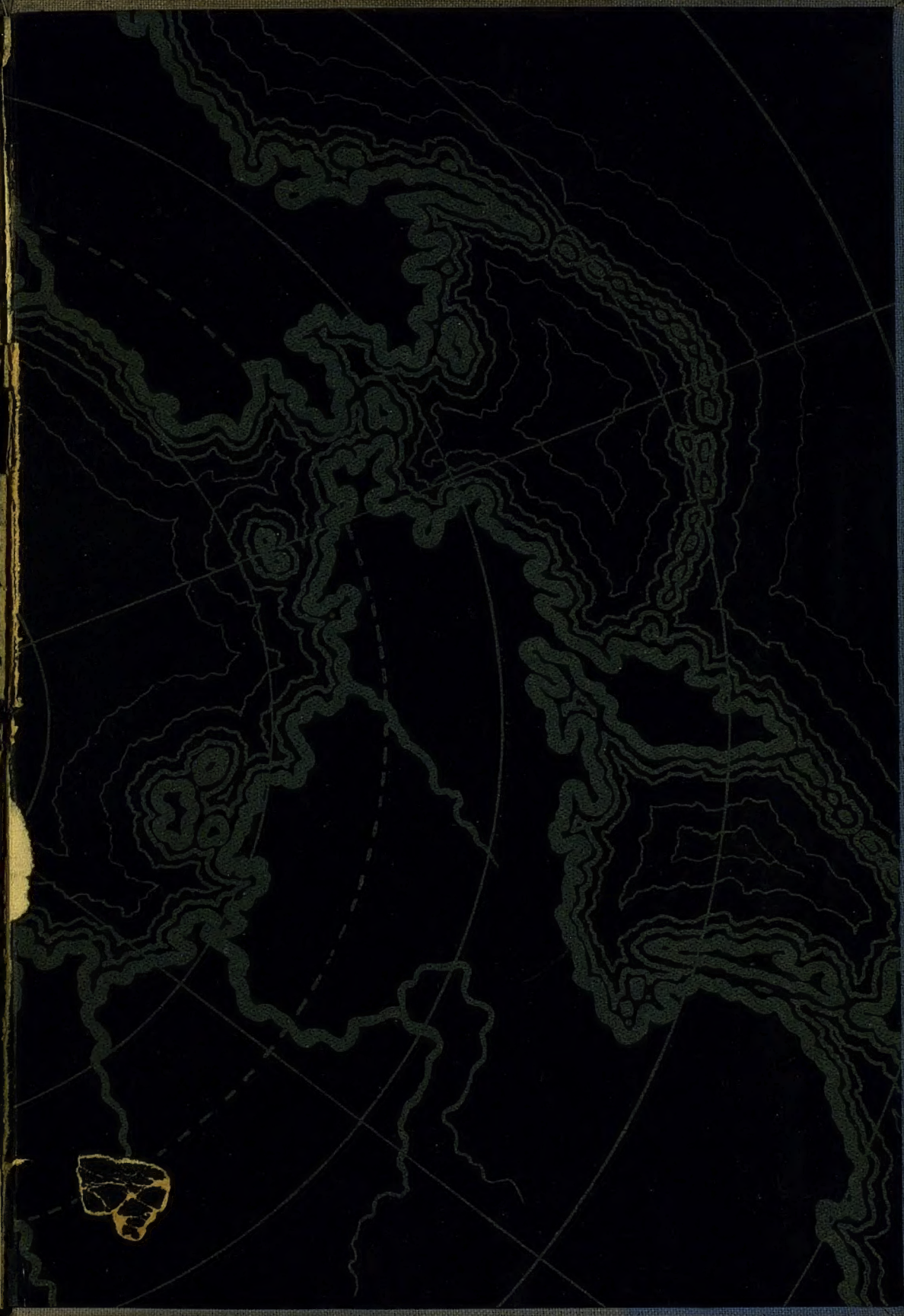
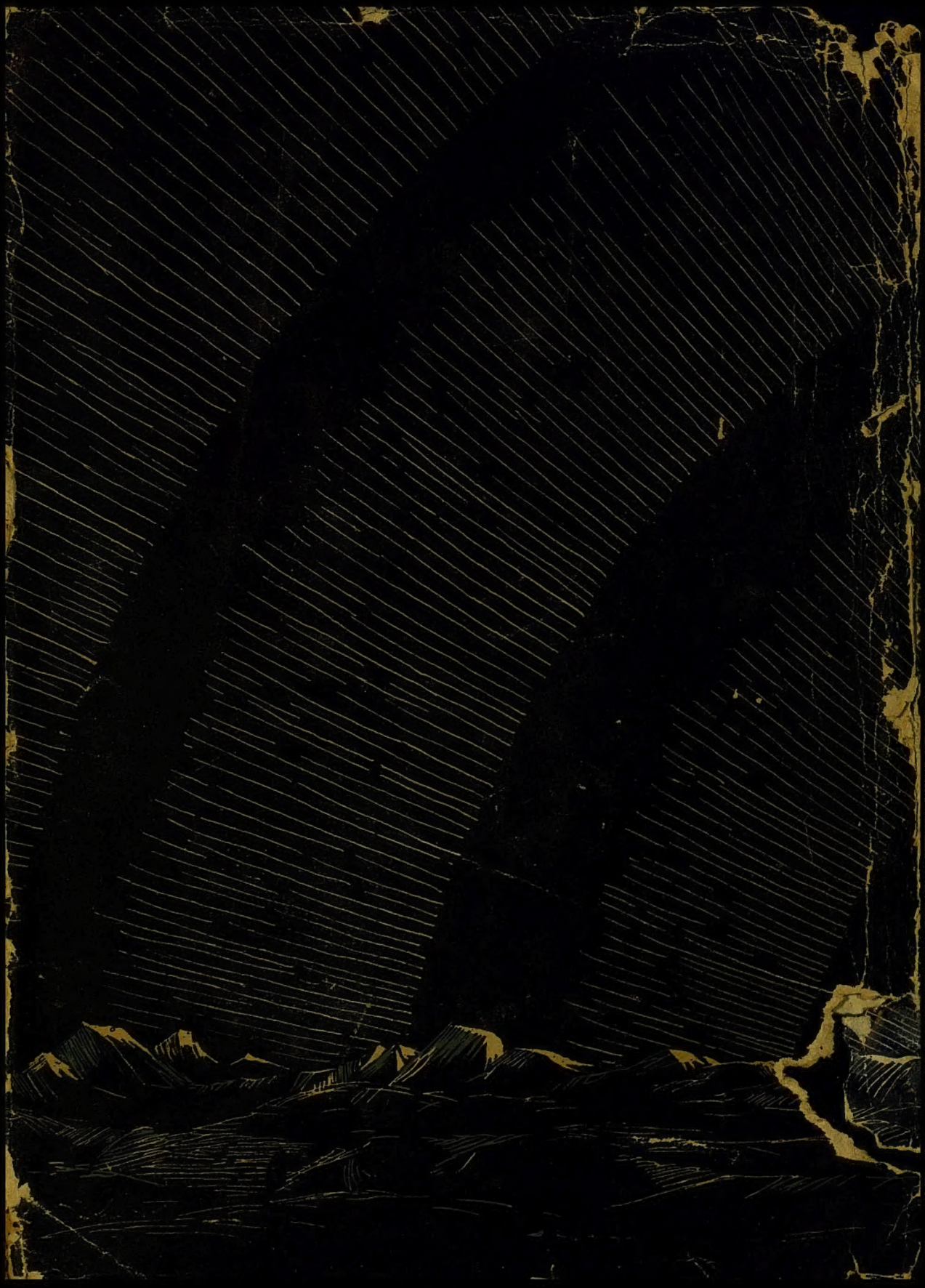
Объем: $22^{7}/_{8}$ печ. л.; $11^{1}/_{16}$ бум. л. 17 авт. л. Тираж 10000 экз.

Ленгорлит № 5355. Изд. № 23. Заказ № 78.

Тип. «Коминтерн» и школа ФЗУ им. КИМ'а. Ленинград, Красная ул., 1.



Северозападная Гренландия и Земля Гриннеля.

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

Кабинет Севера
Общ. Библиотеки
им. А. И. Добросаблова